

РЕШИТЕЛЬ

РОМАН
О
ВТОРОМ
УАИЩЕ

Д.Ж.М. ДАРХАУЭР

Он — проблемный молодой актер, новый предмет обожания в Голливуде, получивший известность как звезда последней супергеройской франшизы. Он сражается, чтобы победить своих демонов, несмотря на скандал за скандалом, зависимость от наркотиков, толпы папарацци, которые охотятся за ним. Она — мать-одиночка, помощник менеджера в продуктовом супермаркете, существующая в однообразии жизни со своей пятилетней дочуркой. Каждый день на работе ее окружают скандальные таблоиды, лицо известного плохиша преследует с обложек. Мужчина и женщина живут совершенно разными жизнями, но так было не всегда. Когда-то они были парнем и девушкой, которых связали комиксы, а затем ребята неожиданно влюбились. Когда Кеннеди Гарфилд знакомится с Джонатаном Каннингемом в средней школе, она понимает, что у него есть все задатки драматического героя. В то время как он ослеплен желанием стать известным, а она чувствами, парочка убегает вместе, чтобы следовать своим мечтам. Но иногда мечты превращаются в кошмары. Сейчас, годы спустя, их связывает только дочь, которая не догадывается, что ее отец играет ее любимого супергероя. Но Джонатан отчаянно хочет все исправить, и в верхней части списка — женщина, которая отказалась от всего ради него, и маленькая девочка, которую он еще не встречал.

Название: Призраки прошлого

Автор: Дж.М.Дархауэр

Переводчик: Matreshka

Редактор: Нютка

Вычитка и оформление: Matreshka

Обложка: Катюша

Пролог

Год назад

Кап. Кап. Кап.

Дождь время от времени лил с пасмурного неба, за быстрыми сумасшедшими ливнями следовали моменты тишины. В прогнозе погоды на «Шестом канале» обещали спокойный день, но женщина знала лучше. Начиналась сильная буря, которой нельзя было избежать.

Тук. Тук. Тук.

Ее сердце неистово билось, кровь быстро циркулировала по венам, смешиваясь с адреналином, отчего желудок бунтовал. Стоило побеспокоиться, что она может заболеть, если бы в ней что-то осталось, но нет, она была пуста. Похороны матери забрали у нее все. Они стали верхушкой страданий, которые она больше не могла выносить.

Бум. Бум. Бум.

Кеннеди Гарфилд стояла на крыльце двухэтажного белого дома, уставившись на двор,

когда раздался звук грома. Молния осветила темное послеполуденное небо, давая ей лучше разглядеть его. Непрошенный визитер стоял всего в трех метрах от нее, одетый в дизайнерский костюм, который стоил больше ее заработка за год, но, тем не менее, мужчина каким-то образом умудрялся выглядеть непрезентабельно. Черный галстук свободно висел на шее, рубашка промокла и прилипла к бледной коже.

— Зачем ты здесь? — спросила она, не в состоянии выдержать тишину и его присутствие. Ей стоило уйти, как только разыгралась буря.

— Ты знаешь, зачем я здесь, — сказал он тихо, дрожащим голосом. Даже на расстоянии она могла определить, что мужчина был пьян: его глаза покраснели и остекленели.

— Ты не должен быть здесь, — сказала женщина. — Не сейчас. Не в таком состоянии.

Долгое время он ничего не произносил, водя рукой по своим густым русым волосам, кончики которых завились от влажности. Он весь промок, хоть дождь и притих до равномерных, спокойных струек. Женщина задалась вопросом, как долго он стоял на улице, прежде чем она его заметила? Прежде чем почувствовала его присутствие?

Она предположила, что довольно долго, учитывая состояние, в котором он находился.

Бип. Бип. Бип.

Из желтого такси, припаркованного вдоль бордюра, раздался звук гудка, водитель среднего возраста начал терять терпение. Кеннеди почти рассмеялась, увидев это. Она предполагала, что поездки на такси сейчас были не для него. Лимузины и таун-кары с шоферами и охраной больше подходили для его уровня.

Так или иначе, она слышала это.

Мужчина оглянулся на такси, в его выражении промелькнула скрытая агрессия, прежде чем снова повернулся к ней лицом. Выражение лица смягчилось, когда он встретился с ней взглядом.

— Я сожалею, — произнес. — Слышал насчет твоей мамы и просто... хотел быть здесь.

Кхр. Кхр. Кхр.

Звук того, как ее сердце снова треснуло на части.

— Ты не должен был приезжать, — сказала она. Глаза жгли слезы, но девушка отказывалась пролить хоть одну. Пока он находился здесь. Пока смотрел на нее. Прошло столько лет, а он все еще будто находился у нее под кожей. — Ты знаешь это. Ты только все усложняешь.

— Знаю, но... — он сделал паузу, в голубых глазах была мольба. — Я надеялся, что смогу... хочу сказать, я задавался вопросом, ничего, если я...

— Нет, — сказала она, точно понимая, о чем он спрашивает, но ни за что этого не произойдет, не сейчас, и точно не в его состоянии. Ему даже не стоило спрашивать.

— Но...

— Я сказала, нет.

Он вздохнул, когда водитель нажал на гудок во второй раз. С осторожностью смотря на нее, мужчина сделал шаг назад, и затем еще один, после развернулся, чтобы уйти, не попрощавшись.

Они уже сказали достаточно «прощай», этого хватит на всю их жизнь.

Топ. Топ. Топ.

Кеннеди напряглась, когда позади нее в доме зазвучали шаги, торопясь в ее направлении. Входная дверь открылась, крошечное человеческое торнадо показалось рядом с ней, одетое в ворсистое черное платье и с темными волосами, заплетенными в косички.

Несмотря на всю темноту, окружавшую маленькую девочку, она излучала солнечное сияние, невинность и счастье, и Кеннеди сделала бы все, что в ее силах, ради сохранения этого. Ей не нужно было познать еще больше горя. Она была слишком юна, чтобы испытывать подобную боль.

Слишком юна, чтобы ее сердце было разбито Джонатаном Каннингемом.

— Кто это был, мамочка? — спросила маленькая девочка, наблюдая, как такси исчезает посреди бури. — Приходили к бабуле? Ее друзья?

— Тебе не стоит переживать, милая, — сказала Кеннеди, смотря на пару сверкающих голубых глаз, унаследованных ее крошкой от него. — Мужчина просто потерялся, но я отправила его своей дорогой.

1 глава

Кеннеди

Плакающий звук сканера проверки на кассе — монотонное унылое гудение, которое я едва слышу, поскольку он смешивается с «Держись» группы «Уилсон Филлипс», играющей по радио. Одна и та же песня изо дня в день. Тот же самый постоянный звук. Ничего не меняется.

Те же самые покупатели, снующие по магазину, пришедшие за тем, что и обычно.

Моя жизнь стала предсказуемой петлей, реальной версией «Дня сурка», как бы я не пыталась это изменить. Я — олицетворение альтернативного финала, где Фил смирился, что он застрял, слушая Сонни и Шер каждое утро, до конца времени.

Если бы пару лет назад вы сказали мне, что это мое будущее, я бы рассмеялась вам в лицо. Мое? Кеннеди Рейган Гарфилд? Мне было суждено что-то великое.

Я была названа в честь двух знаковых президентов. Моя мать — идеалистка либерал, и отец — строгий консерватор редко сходились во взглядах, за исключением, когда дело касалось меня. Они никогда не сходились в вопросах здравоохранения и налогов, но были уверены, что их маленький незапланированный ребенок станет кем-то значимым.

И вот она я — в какой-то степени значимая. Помощник менеджера в продуктовом магазине «Пигли Кью» в непримечательном городке северной части штата Нью-Йорк. Тринадцать долларов в час, сорок (иногда больше) рабочих часов в неделю с полным пакетом льгот, включая (неоплачиваемые) отпуска.

Не то чтобы я не благодарна. У меня все гораздо лучше, чем у многих людей. Аренду плачу каждый месяц. Мое электричество не отключат. У меня даже есть непомерно дорогое кабельное! Но глубоко внутри я понимаю, что не такого величия предвидели для меня родители.

— Помощник на третью кассу!

Раздается высокий писклявый голос из громкоговорителя, перекрикивая колонку. Я осматриваю зону касс, ожидая, что кто-то другой отзовется, но, увы. Всегда приходится мне. Качая головой, иду к третьей кассе, где молодая блондинка возится со старым кассовым аппаратом, пробивая покупки пожилой женщины.

Кассир, Бетани, смотрит на меня, драматически надувая губы, пока трясет банкой куриного супа с лапшой.

— Пробивается доллар и двадцать пять центов, но миссис Маклески говорит, что была

указана цена девяносто девять центов.

Суп стоит доллар и двадцать пять центов. Я знаю это. Вероятно, даже миссис Маклески это знает, просто хочет поприставать с пустяками. Хотя я улыбаюсь и отменяю покупку, пробивая женщине со скидкой.

Отхожу, позволяя Бетани продолжать делать свою работу, когда миссис Маклески спрашивает:

— Как поживает твой отец?

Мне не нужно поднимать голову, чтобы понять, что вопрос ко мне, пока поправляю конфеты у кассового аппарата.

— Он держится.

— Подумываю испечь ему пирог, — говорит женщина. — Какой его любимый? Яблочный? Вишневый? Хотя, возможно, тыквенный или с пеканом.

— Уверена, он оценит любой, — говорю я. — Но больше всего предпочитает с шоколадным кремом.

— Шоколадный, — бормочет она. — Стоило догадаться.

По радио начинает играть «Останься» в исполнении Лизы Лоб, и в этот момент я решаю, что мой день закончен. Направляюсь в переднюю часть магазина, где Маркус — менеджер, зависает в кабинете, разбираясь с обращениями клиентов. Он высокий и худой, с темной кожей и черными волосами, на которых проступает седина.

— Я собираюсь домой, — говорю ему.

— Уже? — Он смотрит на свои часы. — Немного рановато.

— Я компенсирую это, — говорю, отмечая время ухода с работы.

Маркус не спорит. Он знает, что я полезный сотрудник, поэтому оказывает мне снисхождение.

— На самом деле я знаю, как ты сможешь это компенсировать, — говорит он. — Нужно взять дополнительную смену, если ты согласна, на пятницу. Бетани попросила выходной, но некому ее прикрыть.

Я хочу сказать нет, потому что ненавижу стоять на кассе, но слишком хорошая для этого. Мы оба знаем это. Мне даже не надо говорить ни слова.

— Сделай мне одолжение, — говорит мужчина. — Остановись по пути и скажи Бетани, что я одобряю ее просьбу.

— Хорошо, — соглашаюсь, уходя, прежде чем он может попросить что-нибудь еще. Иду по проходу с зерновыми и беру коробку хлопьев «Лаки Чармс» с полки. Бетани стоит у своей кассы, листая журнал, который взяла со стеллажа рядом с собой.

Я смотрю на них, закатив глаза.

«Хроники Голливуда».

Олицетворение дрянных таблоидов.

Ставлю хлопья на магнитную ленту в супермаркете и вытаскиваю несколько долларов. Бетани закрывает журнал и пробивает мне покупку.

— Маркус одобрил твой выходной, — говорю ей.

Она верещит:

— Правда?

— Он попросил рассказать тебе.

— О, боже мой! — Девушка складывает мои хлопья в белый пакет. — Не думала, что кто-то сможет взять мою смену.

— Да, ну, я всегда могу согласиться на сверхурочную работу.

Бетани снова визжит, потянувшись через ленту, чтобы схватить меня в объятия.

— Ты лучшая, Кеннеди!

— Особенный день? — предполагаю я, отстранившись, протягивая ей деньги, прежде чем она назовет сумму, надеясь, что она примет их, вместо того, чтобы снова меня обнимать. Звучит «Ироничный» певицы Аланис Мориссетт, и если я вскоре не уберусь отсюда, то потеряю рассудок.

— Да... вроде того, — она краснеет, когда смотрит на меня. — На самом деле, вроде как, это глупо. В городе собираются снимать фильм. Мы с другом хотим поехать и, может, ну, знаешь... что-нибудь увидеть.

Я нежно улыбаюсь.

— В этом нет ничего глупого.

— Ты так думаешь?

— Конечно, — говорю. — Однажды я была на съемочной площадке.

Ее глаза расширяются.

— Правда? Ты?

То, как она говорит это, заставляет меня смеяться, хотя, вероятно, мне стоит обидеться на ее недоверчивый тон. Я не какая-нибудь чванливая старушка. Я не миссис Маклески. Я всего на пару лет старше Бетани.

— Да, правда.

— Какой фильм?

— Одна из подростковых комедий. Из тех, названия которых звучат почти одинаково.

— Кто там играл? Кто-то, кого я знаю?

Она хочет услышать все. Могу сказать, по блеску любопытства в ее глазах, но у меня нет желания распространяться об этом.

— Это было так давно, что не смогу сказать точно.

Бетани отсчитывает мне сдачу, а мой взгляд тем временем скользит по журналу, который она читала, пока хватаю свой пакет. В это момент мои внутренности становятся ледяными, кровь стынет в венах, холод пронзает до костей. На обложке знакомое лицо. Даже одетый в черную кепку и солнцезащитные очки со склоненной головой, он узнаваем.

Мои внутренности горят, скручиваются и брр... брр... брр

Он стоит рядом с женщиной с платиновыми волосами. В то время, как мужчина уклоняется от камеры, она смотрит прямо в нее, широко открытыми зелеными глазами. Ее фигура супермодели облачена в черную кожу, красная помада подчеркивает полные губы. На коже сильный загар, как будто женщина живет рядом с пляжем.

Брр, меня тошнит.

Даже я должна признать, что она красивая.

Под фотографией пары огромная надпись, выделенная жирным шрифтом.

ТАЙНАЯ СВАДЬБА ДЖОННИ И СЕРЕНЫ.

Мой взгляд прикован к этим словам.

Думаю, меня сейчас вырвет.

— Ты веришь в это? — спрашивает Бетани.

Мой взгляд встречается с ее.

— Во что?

— Что Джонни Каннинг и Серена Марксон тайно поженились.

Не знаю, что сказать. Не знаю, во что верить. Не знаю, почему это вообще имеет для меня значение. Не понимаю, почему моя грудь сжимается от простого намека, что где-то могла пройти их свадьба. Свадьба, где он был женихом, а я не присутствовала. Чувствую себя одержимой влюбленной фанаткой, убежденной, что предмет обожания должен принадлежать ей, но это не так.

— Думаю, что нет ничего невозможного, когда дело касается Джонни Каннинга.

— Да, ты права, — говорит Бетани, снова поднимая журнал, пока я направляюсь к выходу. — Очень надеюсь встретить их на выходных.

Я замираю на месте.

— Их?

— Да, фильм, который снимают, новый в серии «Бризо».

Что-то переворачивается внутри меня от слов Бетани и выбивает из меня дух. Оу. Сокрушающее, душераздирающее ощущение, которое зарождается глубоко в груди, там, где должно быть мое сердце. Сейчас его нет, оно заперто в стальном сейфе под замками и спрятано там, где никто его не найдет без моего разрешения. В месте его прежнего расположения только черная дыра, которая отчаянно втягивает остатки моей души, пытаюсь поглотить меня от остального мира.

Бризо.

— Они все еще их снимают? — спрашиваю, пытаюсь звучать безэмоционально, но даже сама слышу изменения в своем тоне. Жалкая.

— Конечно! — смеется Бетани. — Как ты можешь не знать? Я думала, все знают.

— Я не особо обращала внимание.

Лучше сказать, что целенаправленно избегала, но это другая длинная история.

— Хотя ты видела фильмы, верно? — Бетани прищуривается. — Пожалуйста, скажи мне, что ты хотя бы смотрела другие.

— Отрывками, — признаю.

Она драматично подбрасывает руки в воздухе, как будто мой ответ абсурдный.

— Это просто... безумие. О, боже мой, ты должна их посмотреть! Истории великолепны... такие забавные и просто... не могу подобрать слов! А Джонни Каннинг услада для глаз. Ты многое упустила. Я говорю совершенно серьезно, ты должна их посмотреть!

— Буду иметь в виду.

— Хорошо, — говорит она, улыбаясь, будто что-то выиграла. — Первый называется «Прозрачный», второй «Танец тени».

— И какой снимают сейчас?

— «Призрачный».

Я отвожу взгляд, когда она говорит это.

— Ну, удачи на этих выходных, — бормочу. — Надеюсь, у вас все получится.

Бетани говорит что-то еще, но я стараюсь не слушать, неся «Лаки Чармс», пока спешу на автостоянку. Лужи покрывают асфальт, так как большую часть утра лил дождь. Кажется, что в такие времена всегда дождь. Я перепрыгиваю через лужи, торопясь к машине.

От магазина до дома моего отца всего пару кварталов. В этом маленьком городке пару кварталов до любого пункта назначения. Я заворачиваю свою «Тойоту» на его подъездную

дорожку и паркуюсь, когда слышу звук тормозов по улице, и желтый школьный автобус останавливается перед домом. Идеальное время. Дверь открывается, энергичное создание выпрыгивает из автобуса и бежит ко мне.

— Мамочка!

Улыбаюсь, когда смотрю на нее. Волосы растрепаны, хоть я и заплела ей тугую косичку утром.

— Привет, малышка.

Чуть больше метра роста и примерно девятнадцать килограмм веса — обычный показатель для пятилетнего ребенка. Но это единственное, что в Мэдди есть обычное. Умная, сочувствующая, креативная. Она настаивает на том, что будет одеваться сама — это означает, ничего не подходит друг другу, но каким-то образом смотрится довольно хорошо.

Я все делаю ради нее, чтобы сохранить улыбку на ее лице, потому что эта улыбка помогает мне в жизни. Ради нее я вылезаю из кровати по утрам. Ее улыбка говорит мне, что я все делаю правильно.

В этом мире так много всего неправильного, здорово знать, что я делаю что-то хорошо.

Она обнимает меня за талию, пока автобус уезжает. Слышу звук открываемой двери и вижу, как мой отец выходит на крыльцо.

— Дедуля! — кричит Мэдди радостно, побежав к нему. — Я кое-что тебе нарисовала.

Она снимает рюкзак, бросает его на старый деревянный пол и роется в нем в поисках листа — рисунка. Сует ему, и отец принимает его с серьезным выражением на лице. Почесывая щетину на подбородке, папа прищуривает глаза, изучая рисунок.

— Хм-м...

Мэдди стоит перед ним на крыльце, широко раскрыв глаза. Я давлюсь от смеха. Как много раз видела это представление? Его дом украшен ее рисунками. Каждый раз одно и то же. Малышка с нетерпением ждет его оценки, нервничает, и в любом случае дедушка всегда говорит, что это лучшее, что он видел.

— Это, — говорит он, кивая, — самый лучший щенок, которого я видел.

Мэдди смеется.

— Это не щенок!

— Нет?

— Это тюлень, — говорит она, дергая верхнюю часть бумаги, чтобы посмотреть на него. — Видишь? Он серый, и у него есть мяч!

— Ох, это я и имел в виду! Детеньшей тюленя тоже называют щенками.

— Не-а.

— Да.

Мэдди смотрит на меня, чтобы я была судьей.

— Мамочка?

— Их называют щенками, — отвечаю.

Она поворачивается к нему, ухмыляясь.

— Это хороший щенок?

— Лучший, — уверяет он.

Она обнимает дедушку, перед тем как схватить рисунок и убежать в дом, чтобы его повесить.

Я сажусь к отцу на крыльцо.

— Неплохо выкрутился.

— Да, точно, — говорит он, изучая меня мгновение. — Ты сегодня рано с работы.

— Да, ну.. это один из тех дней, — говорю я, один из тех дней, когда прошлое врывается в настоящее. — Кроме того, завтра у меня двойная смена, поэтому я заслужила.

— Двойная? — Он выглядит озадаченным. — Разве на завтра у тебя нет планов?

— Да, — замолкаю, прежде чем поправить себя. — Ну, были.

У меня так мало времени для социальной жизни, что я даже не принимаю это во внимание.

— Но я могу использовать эти деньги, и у меня уже есть няня под рукой, — говорю, ударяя отца по спине. — Не могу сказать нет.

Покачав головой, он садится в старое кресло-качалку на крыльце. Снова начинает моросить, небо темнеет. Я облакачиваюсь на перила, смотря, как Мэдди возвращается на улицу, спрыгивая с крыльца.

Девчонка любит непогоду.

Не могу вспомнить последний раз, когда играла под дождем.

Вот о чем я думаю, когда наблюдаю, как она бежит по небольшому дворику, прыгая по лужам и топая в грязи.

Мне было также весело?

Моя жизнь когда-нибудь была такой беззаботной?

Не могу вспомнить.

Я бы хотела.

— Тебя что-то беспокоит, — говорит отец. — Все дело в нем?

Повернув голову, я сильнее облакачиваюсь на деревянное перила, скрестив руки на груди, пока рассматриваю его. Отец раскачивается туда-сюда, такое же кресло рядом с ним пустует. Мама сидела здесь с ним каждое утро, попивая кофе, перед уходом на работу.

Мы похоронили ее год назад.

Прошло двенадцать долгих месяцев, но рана все еще свежая, воспоминания того дня грызут меня изнутри. Так же тогда я последний раз видела его, когда стояла прямо здесь, на крыльце. Если заголовок, который я сегодня прочитала, правдивый, то у него был довольно интересный год.

— Почему ты думаешь, что это связано с ним? — спрашиваю, заставляя себя явно не реагировать, будто это не имеет значения, но я не актриса.

— У тебя снова этот взгляд, — говорит мой отец. — Пустой, потерянный взгляд. Видел его пару раз, и всегда он связан с ним.

— Это нелепо.

— Да?

— Конечно. У меня все хорошо.

— Я и не говорю, что у тебя все плохо. Я говорю, что ты выглядишь потерянной.

Он пристально меня изучает. Не уверена, есть ли смысл врать, если все написано на моем лице.

И правда в том, что я чувствую себя потерянной.

— Увидела историю в журнале, — говорю я. — Там утверждают, что он женился.

— И ты в это веришь?

Пожимаю плечами.

— Не знаю. Ведь это даже не имеет значения, верно? Это его жизнь. Он волен делать, что вздумается.

— Но?

— Но они снова снимают в городе.

— И ты переживаешь, что он покажется? Беспокоишься, что он снова попытается ее увидеть?

Мой отец показывает на Мэдди, которая все еще бежит по двору под дождем. Я нежно улыбаюсь, когда она крутится, не обращая внимания на тему разговора.

— Или ты переживаешь, что он не покажется? — продолжает. — Беспокоишься, что он сдался и двигается дальше?

«Может», — думаю я, но не произношу это. Не понимаю, что беспокоит меня больше. Я в ужасе, что он может ворваться в жизнь Мэдди и разбить ей сердце, как разбил мое. Но в то же время мысль, что он может отказаться от нее, пугает меня так же сильно, потому что когда-нибудь это тоже причинит ей боль.

Дождь начинает лить сильнее, пока я размышляю об этом. Мэдди нарезает круги вокруг луж, вся промокшая. Вода бежит по ее лицу, как текущие слезы, но она улыбается, такая счастливая, не зная моих страхов.

— Нам нужно ехать, — говорю. — Прежде чем разыграется буря.

— Тогда поезжайте, — отвечает отец. — Но не думай, что не заметил, что ты не ответила на мой вопрос.

— Да, ну, ты знаешь, как это, — бормочу, склонившись, чтобы поцеловать папу в щеку, прежде чем поднимаю рюкзак дочери с крыльца.

— Мэдди, милая, пора ехать домой!

Девочка бежит к машине, крича:

— Пока, дедуля!

— Пока, ребенок, — кричит он. — Увидимся завтра.

Помахав на прощание своему отцу, я следую за ней. Малышка уже пристегнута, когда я залезаю внутрь.

Наблюдаю за ней в зеркало заднего вида. Завитки темных волосы падают ей на лицо. Дочка пытается их сдуть, пока ее голубые глаза наблюдают за мной. Она смотрит на тебя так, будто видит изнутри, то, что ты не хочешь показывать. Иногда это нервирует. Для такой малышки у нее очень хорошо развита интуиция.

Вот почему я цепляю на лицо фальшивую улыбку, но могу сказать, что ее этим не проведешь.

Наш дом — небольшая двухкомнатная квартирка в паре кварталов. Несмотря на размер, нам этого хватает, и только это я могу себе позволить, поэтому никаких жалоб от меня. Как только я открываю дверь, Мэдди врывается в дом.

— Сразу в ванну! — кричу, запирая дверь. Включаю свет в коридоре, пока иду в ванную, проходя мимо комнаты Мэдди и видя, что она копается в комодe, ища подходящую пижаму.

Она сильно независимая.

Это досталось ей от отца.

— Я готова, я готова, я готова! — кричит она, забегая в ванную, где я включила воду. Протискиваясь между ванной и мной, Мэдди хватает розовую бутылочку с пеной и выдавливает немного под краном, хихикая, когда пузырьки начинают надуваться.

— Я сама, мамочка.

Делаю шаг назад.

— Сама?

— Да-да, — отвечает моя крошка, сосредотачиваясь на наполнении ванной. Она ставит бутылочку с пеной на пол у своих ног, прежде чем поворачивает краны, выключая воду. — Я сама.

Как я и сказала... независимая.

— Хорошо. Мойся.

Не закрываю дверь, но даю ей некоторую свободу действий, следя снаружи. Слышу, как она плескается, играя с водой, будто дождя было недостаточно. Я пользуюсь временем, собирая грязные вещи, пытаюсь отвлечься, но без толку.

Мои мысли возвращаются к нему.

Складываю две кучки грязной одежды, накопленной за две недели, на полу спальни. Каждый раз останавливаясь, перемещаю взгляд на шкаф, а именно на старую коробку на верхней полке. Не могу видеть ее отсюда, но знаю, она там.

Я не заглядывала в нее какое-то время. На то не было причин. У жизни всегда есть способ похоронить воспоминания.

В моем случае они погребены под горой барахла в шкафу.

Притяжение слишком сильное, хоть я и борюсь с ним. Оставив грязное белье, направляюсь прямо к шкафу, роясь в коробке.

Картон разрывается, пока я дергаю ее, и разваливается на части. Вещи падают на пол. Фото приземляется у моих ног.

Я осторожно поднимаю его.

Это он.

Одетый в школьную форму, или в то, что он выдавал за школьную форму. Никакого свитера или пиджака, никаких классических туфель, конечно же. Белая рубашка расстегнута, галстук накинут на шею. Под ней у него простая черная футболка, руки в карманах, голова склонена набок. Он выглядит почти как модель, фото будто из журнала.

В моей груди формируется узел. Я задыхаюсь. Чувствую, как злость и печаль смешиваются внутри меня, становясь сильнее с каждым годом. Мои глаза жгут слезы, а я не хочу плакать, но его вид возвращает меня назад.

— Все!

Мой взгляд перемещается на дверной проем, когда маленькая девочка с веселым голоском врывается в комнату. Крепко сжимаю фото, пряча за спиной. Мэдди одета в красную пижаму, ее волосы мокрые на кончиках, несколько мыльных пузырьков на ушах, грязь все еще покрывает щеки.

— Все? — спрашиваю, приподнимая бровь. — Ты вымыла волосы?

— Нет.

Конечно, нет. Она не может.

— А что насчет лица? — спрашиваю. — Начинаю думать, что ты просто играла с пузырьками.

— И что? Позже я снова буду грязной!

— И что? — ахаю я, изображая ужас. — Ты не можешь оставаться грязнулей. Завтра в сад!

На ее лице выражение, будто ее так же волнует детский сад, как меня в ее возрасте. Закатив глаза, она пожимает плечами, как будто говоря: «почему это имеет значение?»

Прежде чем могу сказать что-нибудь еще, ее взгляд перемещается к беспорядку на полу, глаза расширяется, и она ахает.

— Бризо!

Она мчится вперед, хватая старый комикс в защитной пленке. Замираю. Я бы не назвала его винтажным, и он не стоит больше пары баксов, но не могу заставить себя расстаться с ним.

Для меня он слишком много значит.

— Мамочка, это Бризо, — говорит Мэдди, на ее лице отражается радость. — Смотри!

— Вижу, — отвечаю, когда она протягивает его мне, показывая.

— Мы можем почитать? Пожалуйста?

— Эм, конечно, — говорю, протягиваю одну руку из-за спины, чтобы взять у нее комикс. — Но сначала назад в ванну.

Она стонет, состроив гримасу.

— Иди, — киваю в сторону двери. — Я приду через минуту, помыть твою голову.

Развернувшись, Мэдди возвращается в ванную. Я жду, пока она уйдет, чтобы убрать комикс и вытащить фото из-за спины. Пялюсь на него секунду, позволяя себе еще раз все прочувствовать, прежде чем сминаю в мячик и бросаю на пол к другим воспоминаниям.

Вытаскивая телефон, прокручиваю список контактов, набирая номер, пока иду по коридору, слушаю пару гудков, прежде чем меня переключают на голосовую почту.

— Это Эндрю. Не могу подойти к телефону, оставьте сообщение, и я перезвоню.

Бип.

— Привет, Дрю. Это... Кеннеди. Послушай, мне надо перенести завтрашнюю встречу. Есть дела по работе, ты сам знаешь, каково это.

2 глава

Джонатан

Лимузин замедляется, приближаясь к Восьмой авеню. В семь часов утра к югу от восхода солнца движение плотное, когда мир начинает работать. Пятница. Предполагаю, что объездные пути не помогают людям добраться до места назначения, но это Нью-Йорк, они должны привыкнуть. Здесь всегда что-то происходит. Ньюйоркцы самые приспособленные люди на планете, но также самые серьезные. У них нет времени на глупости.

И этим утром кажется, что мы все глубоко погрязли в этом.

Люди выстраиваются на улице, когда мы приближаемся к металлическим ограждениям. Приезжие, как предполагаю я, потому что коренных жителей города обычно не заботит, что съемки проходят на их территории. Мы создаем им неудобства, блокируя улицы, перекрывая окрестности, нарушая их ритм жизни. Я ничего не могу с этим поделать. Не я выбрал это место, просто приезжаю, когда мне говорят, но не единожды в мою сторону бросали обвинения. *Самодовольный ублюдок, кем он себя возомнил, закрывая часть Мидтауна в час пик?*

— Должно быть, информация просочилась, — раздается дерзкий голос с сиденья передо мной, его владелец невозмутимый, как обычно. Клиффорд Кэлдвелл — влиятельный, талантливый менеджер. Кажется, его ничего не беспокоит. Поверьте, я проверял его границы, поэтому знаю. Отсутствие пиара — это плохой пиар. Он печатает в своем любимом «БлэкБерри», все внимание приковано к экрану, но я знаю, что он говорит о толпе, заполняющей улицу.

— Думаешь? — бормочу, выглядывая в окно, пока мы едем в темпе улитки. Несмотря на то, что на окнах черная тонировка, и нас невозможно увидеть, я наклоняю голову, опуская козырек кепки ниже, потрепанные края скрывают мои глаза.

Наше производство проходит под фальшивым названием, чтобы удержать людей на расстоянии, так они не смогу разболтать увиденное на площадке, но, должно быть, кто-то уже пустил слух, поэтому их так много появилось здесь утром.

— Я поговорю об ужесточении безопасности вокруг вас, — говорит Клифф. — Посмотрим, сможем ли мы договориться с местным департаментом, чтобы подбить ваш график.

— Не переживай, — говорю. — Они всегда будут на шаг впереди.

Клифф смеется.

— Твой оптимизм поражает.

— Еще бы, — из кресла рядом со мной раздается тоненький голосок. — Что-то в этом фильме превращает его в угрюмого придурка.

Я бросаю взгляд на Серену, пока она поправляет свои свежеекрашенные волосы — темно-каштановые на это раз, вместо обычного блонда. Входит в роль персонажа. Я вижу ее взгляд, хоть на ней и солнцезащитные очки, он очень резкий. Она не счастлива рядом со мной этим утром. Или любимым другим.

Не любительница утра.

Напротив нее сидит ее давняя ассистентка Аманда, игнорируя всех нас, потому что занимается разбором электронной почты Серены, как и каждое утро, удаляя все, что может вызвать истерики.

— Это правда, Джонни? — спрашивает Клифф. — Потому что как твой менеджер хочу, чтобы ты был счастлив, и как менеджер Серены я должен убедиться, что ее коллеги не ведут себя как угрюмые придурки.

— Я в порядке, — отвечаю. — Просто была долгая неделя.

Металлический барьер убирается, когда рядом появляется лимузин, и мы въезжаем в зону квартала, минуя сотрудников безопасности. Снаружи происходят волнения, кричат несколько фанатов, когда лимузин скользит в небольшой переулок и скрывается из поля их зрения. Клифф помогает Серене выйти, беря за руку, в то время как я даю Аманде выйти и выскальзываю из машины следом за ней.

Не колеблясь, Серена направляется напрямик к фанатам, на ее лице сразу же возникает улыбка. Раздается еще несколько криков, а затем ругательств, когда фанаты выходят из себя.

Больше не спрячешься.

Я оставляю это Серене. Она любит эту часть нашей популярности, находиться в центре внимания — ее страсть. Крики фанатов, вспышки камер. Серене было предназначено стать звездой.

Я? Я всегда хотел стать актером.

Направляюсь прямо к ряду трейлеров, расположенных в задней части переулочка, которые ведут сразу к огромному складу. Согласно списку, который сует мне Клифф, прежде чем исчезает куда-то, в основном сегодня съемки внутри, и парочка на улице, где будет происходить фальшивый взрыв.

На съемочной площадке всегда хаос.

Меня приветствуют теплой улыбкой, как только я оказываюсь в первом трейлере. Прическа и макияж. Смуглокожая Жас с красными губами всегда приветлива ко мне. В это

время сложно найти дружелюбное лицо, все так сфокусированы на своих делах. Этот трейлер самый загруженный, один из самых больших, с полдюжиной гримеров, разбросанных по ярко освещенному пространству. Но я иду напрямиком к Жас.

— Привет, суперзвезда, — говорит она, похлопывая по креслу перед большим зеркалом, чтобы я сел. — Сдается, сегодня у меня трудная работенка.

— Как всегда, — отвечаю, опускаясь в кресло и снимая кепку, убирая ее в сторону, прежде чем провести рукой по густым волосам. Работа Жас — сделать так, чтобы я выглядел хорошо, и не всегда это легко, особенно, когда плохо сплю всю неделю, и под моими красными глазами мешки.

Она погружается в обычную рутину, бормоча о чем-то. Я едва слушаю, мой разум переходит к привычным опасным мыслям, мыслям о жизни, которую я просрал, как идиот. Такое всегда происходит, когда я возвращаюсь в Нью-Йорк, магнетическое притяжение, которое сложно игнорировать, но я делаю все, что в моих силах, чтобы противостоять.

Хотя в это раз еще тяжелее.

Я возвращаюсь к реальности, когда Жас говорит:

— Прочитала кое-что скандальное на днях.

— Одну из этих странных книг с цепями и кнутами?

Она смеется.

— Не в это раз. Но я видела копию «Хроник Голливуда».

Я стону, закрывая глаза, и откидываю голову назад, накрывая руками лицо на ее слова. Порчу все, что она сделала, чтобы я снова выглядел как человек, но лучше оторву свои яйца и буду жонглировать ими как натренированная мартышка, чем признаю существование этой дерьмовой желтой газетенки.

— Почему ты ненавидишь меня, Жас? — бормочу. — Пожалуйста, скажи, что ты не даёшь этим придуркам свои деньги.

— Что? Пфф, конечно, нет, — отвечает она со смехом, отрывая мои руки от лица, чтобы продолжить работу. — Я сказала, что видела, а не то, что купила. Я стояла в длинной очереди в магазине.

— Да ну, что бы это ни было, я не хочу знать...

— Там сказано, что ты с мисс Марксон поженились.

Снова стону.

— Я только что сказал, что не желаю знать.

— Я уже рассказала тебе, — говорит она. — Так, что ты думаешь?

— Не думаю, что тебе стоит тратить свои клетки мозга на дерьмовую жёлтую почву. Лучше сфокусируйся на своих извращенских книжках.

Она прищуривает взгляд, но опускает эту тему. Я знаю, что она спрашивает. Она выискивает, пытается заставить меня проговориться, что происходит в моей жизни с тех пор, как мы сняли последний фильм. Она хочет знать, есть ли правда в этой истории, но я не в настроении обсуждать.

Как только с гримом покончено, Жас переключается на волосы, прежде чем я прощаюсь с ней и направляюсь в гардеробную, чтобы надеть костюм. Там мой дублер, уже одетый в бело-голубой костюм.

Я напяливаю свой... или... хорошо, меня запихивают в него, как гребаную сосиску в ее шкурку; материал показывает каждую чертову выпуклость, поэтому они дергают и натягивают, застегивают и поправляют. Сетка, хром и слои пены, покрытые эластичным

материалом, похожим на спандекс.

Так же некомфортно, как вы себе и представляете.

— Поздравляю, дружище, — говорит мой дублер, похлопав меня по спине. — Слышал, ты женился! Счастливчик.

Я морщусь.

— Кто сказал тебе это?

— Жасмин.

Жас.

Я задушу эту женщину.

Требуется гребаных тридцать минут, чтобы привести в порядок мой костюм, и чтобы все мышцы выделялись, так как мне далеко до сильного супергероя. Я выхожу из трейлера по завершению, врезаюсь в Серену, в то время как за ней следует ее ассистентка.

— Так, так, так, — говорит Серена, осматривая меня. — Здорово снова видеть тебя в этом костюме.

Опускаю взгляд, чтобы посмотреть на себя, потягиваясь, чтобы попытаться растянуть материал.

— Я выгляжу нелепо.

Она смеется.

— Это не так. Ты должен носить его все время. Целый день, каждый день... каждую ночь.

— Продолжай мечтать, Сер.

— Ох, буду.

Она проходит мимо меня, прикусив нижнюю губы, пока рассматривает мой вид сзади. Мне чертовски неловко. Я почти краснею, как бы нелепо это ни звучало. Помощница Серены отправляет ее переодеться, чтобы мы не опоздали.

— Эй, — кричу. — Ты должна знать, что Жас всем рассказала...

— Что мы женаты? Знаю, — Серена закатывает глаза и хохочет. — Очевидно, мы снова на обложках хроник.

— Да, очевидно, — отвечаю, когда она заходит в трейлер, а сам направляюсь на съемочную площадку.

Сегодня долгий день. Дубль за дублем, дубль за дублем. Я вспотел из-за бега и устал стоять, в моей голове гудит от громких звуков взрывов пиротехники по окрестности. В середине дня происходит нарушение системы безопасности: женщина проскальзывает мимо металлического барьера, после того как съемки перемещаются на улицу, но ее успевают поймать.

Я пытаюсь не думать об этом, пытаюсь не думать ни о ком из них, пытаюсь не думать о *ней*, когда чувствую, что за мной наблюдают, но тяжело отмахнуться от *нее* в моей голове. Мы снимем эпизод, где Марианна, главная любовь всей жизни Бризо, похищена. Серена связана, к ней прицеплена бомба, и моя задача спасти ее от неминуемой смерти.

Я делаю это, и делаю хорошо, вкладывая душу в каждую сцену. Это почти конец истории, хоть мы и в самом начале фильма. Съемка забирает у меня все силы, потому что концовки тяжелы. Концовки чертовски тяжелы, особенно учитывая, что эта напоминает мне девушку, о которой я чертовски сильно пытаюсь не думать.

Облегченно выдыхаю, так как мы заканчиваем, напряжение уходит из моих плеч, когда я провожу рукой по волосам. Пытаюсь уйти, в то время как Серена бросается на меня.

Солнце село, подкралась темнота, но вспышки камер освещают площадку, когда она запрыгивает мне на руки.

— Это было офигенно! — говорит девушка. — Как будто... вау. Ты сыграл на полную мощь. Я поверила каждому твоему слову.

Она целует меня, прежде чем я могу ответить, и раздается еще больше вспышек камер. Это просто клевок в губы, но уверен, некоторые папарацци сделают хорошие деньги на этих фото сегодня. Уже представляю заголовок: «Джонни трахает Серену на глазах у всех!»

Она отстраняется, когда появляется Клифф.

— Отличная работа, вы двое, — его голос лишен радости, а взгляд как обычно прикован к «БлэкБерри». — Будем придерживаться нынешнего графика, поэтому ты должен вернуться на площадку завтра утром.

— Ты тоже, Серена, — говорит ее ассистент.

— Звучит здорово. — Серена ухмыляется, когда отходит, осматривая меня с ног до головы. — Переоденься, Джонни, будем праздновать!

— Не задерживайтесь допоздна, — кричит Клифф. — Машина приедет за вами в шесть часов!

Серена гримасничает, но не спорит, направляясь к толпе, чтобы снова всех поприветствовать.

— Ты выполнил все хорошо, угрюмый придурок, — шутит Клифф, хлопая меня по спине. — Снимай этот костюм. Уверен, в нем некомфортно.

Я это и делаю, переодеваясь в джинсы и простую белую футболку, а на голову натягиваю кепку. Съёмки окончены, сотрудников охраны осталось меньше, толпа приближается все ближе... достаточно близко, что некоторые из них окружают меня, когда я выхожу из трейлера. Дерьмо.

Вспышки камер и множество вопросов.

«Джонни, могу я сфотографироваться с тобой?», «Можно автограф, Джонни?», «Могу я тебя обнять?»

Я не против этого и делал бы это всю жизнь, если бы не другие. Стервятники.

«Как долго вы с Сереной встречаетесь?», «Это правда, что вы поженились?», «Как дела у твоего отца?», «Ты его простил?», «Видишься с ним?», «Когда последний раз ты ездил домой с визитом?»

Ненавижу личные вопросы и никогда на них не отвечаю. Ненавижу излишнее любопытство. Ненавижу слухи. И на это у меня достаточно оснований — слишком много скелетов в моем шкафу, слишком много всего утаиваю. Слишком много вещей не могу позволить им испортить в том чистом мире, в который мне путь заказан.

Серена возникает рядом со мной, готовая уходить. Она улыбается, играет на камеры, очаровывая всех, когда отвечает на то, что может, отвечает на то, что я не могу.

Мы ужинаем в одном из эксклюзивных клубов Верхнего Ист-Сайда. Серена начинала свою карьеру модели на Манхэттене, и кажется, всегда всех знает, а все знают ее. Некоторые из ее друзей зависают с нами, смеются, болтают — занимающие высокие посты и имеющие трастовые фонды — делят бутылку винтажного вина и нюхают пару дорожек.

Кокаин.

Как только появляется белый порошок, я нахожу повод уйти. Обычно эти люди были и моими друзьями. Но, кажется, Серена единственный человек, кого заботит мой поспешный уход. Она хватается меня за руку, пытаюсь остановить, ее зеленые глаза пугающе темные.

— Пожалуйста, останься! Давай праздновать! Мы давно так не тусовались!

— Я бы тусовался, ты знаешь, что так бы и было, если бы мог, — говорю, приподнимая ее подбородок, когда она смотрит мне в глаза. — Слишком не увлекайся, хорошо?

Ухожу, прежде чем она попытается снова меня остановить, опуская голову, избегая контакта глаза в глаза. Вместо того, чтобы направиться в ожидающий лимузин и вернуться в отель, прохожу несколько кварталов, проскальзывая в небольшой бар. Здесь тихо, не так многолюдно, несмотря на то, что вечер пятницы. Нахожу пустой стул у барной стойки, когда появляется бармен.

Занимает всего несколько секунд, чтобы пришло узнавание, его глаза расширяются, но он не объявляет о моем присутствии.

— Что я могу налить тебе? — спрашивает, не называя меня по имени.

— Что-то разливное.

Он наливает мне пиво. Я не спрашиваю, что это. Сажу в тишине, после того как он ставит бокал передо мной, обхватываю холодное стекло обеими руками. Я чувствую запах. Дешевое пиво. Не самое дешевое, но все же... дешевое. Рот наполняется слюной, и я почти могу ощутить гребаную жидкость на вкус, мой язык покалывает от предвкушения, пока я пялюсь на него.

— Что-то не так? — спрашивает бармен через пару минут, указывая на пиво, которое я не пью. — Хочешь чего-то другого?

— Нет, все хорошо. Просто... просто я не пил какое-то время.

— Как долго?

— Двенадцать месяцев.

Это был долгий год, самый долгий с тех пор, как я прикасался к чему-то потяжелее. Я застрял между восьмым и девятым шагом программы анонимных алкоголиков: признанием, что я несправедливо поступил по отношению к людям, и возмещением им ущерба. Но здесь есть уловка, о которой не говорят, пока ты не подошел к этим стадиям. Как будто мелкий шрифт: это не так легко, потому ты не должен принести еще большего вреда. Возможно, не все готовы принять твои извинения, ты не должен настаивать.

— Так, понимаю, что это не мое дело, — начинает бармен, — но двенадцать месяцев — это чертовски хороший срок. Уверен, что хочешь все испортить?

— Нет, — признаю. — Вообще ни в чем не уверен в последнее время.

Он не ждет, что я скажу что-нибудь еще. Пиво в моей руке заменяется на коку.

Содовая. Не наркотик.

— Давненько не пил и ее, — говорю ему, но, не колеблясь, делаю глоток. Как будто рай в пластиковом стаканчике. Хотя содовая — ад для тела из-за пустых калорий. Или, по крайней мере, именно это говорят диетологи, которых нанимает студия, чтобы я оставался в форме.

— Хочешь об этом поговорить? — бармен спрашивает.

— О чем?

— О том, что ты почти нарушил двенадцатимесячную полосу трезвости сегодня.

Качаю головой. Я бы поговорил, если бы мог. Это сдает меня изнутри. Но я не говорю о том, что беспокоит меня, потому что в отличие от большинства мелочей в желтой прессе

Голливуда — это большой скандал.

— Я ценю предложение, — отвечаю, делая еще один глоток содовой, затем встаю. Бросаю несколько долларов на стойку и разворачиваюсь уйти, прежде чем соблазн разоткровенничаться возьмет верх, и я расскажу парню историю, на которой он сможет заработать себе денег. Ему их хватит до пенсии.

Вызываю такси и выхожу из бара, когда меня соединяют с водителем. Проходит три минуты. Второй раз теплый ночной воздух приветствует меня, а также кое-кто еще — небольшая толпа. Несколько девушек, просто подростки. Подростков недооценивают. Они умны. Они, вероятно, даже не достигли соответствующего возраста, чтобы зависать в баре, но знают, как выследить меня. Папарацци нет, но фанаты недалеко. Они всегда близко.

Запросы налетают на меня. Автографы, фото, объятия. На это раз я останавливаюсь возле них. У меня есть три минуты. Самое меньшее, что я могу сделать — это уделить время паре поклонников, которые, вероятно, искали меня весь день. Черт, я был бы никем без них. Пишу свое имя на всем, что мне протягивают: фото, футболки, даже руки, делаю несколько фото, натягивая улыбку, которой бы гордился Клифф.

— Ты можешь подписать? Пожалуйста, — говорит блондинка, протягивая DVD с первым фильмом «Бризо». — И написать, что для Бетани?

— Бетани, — бормочу, выводя ее имя и слыша визг от нее, когда произношу его громко. — Как твои дела сегодня вечером?

— Офигенно, — отвечает девушка, по ее голосу слышно, что так и есть. — Мы с другом проделали весь путь сюда, чтобы увидеть тебя, когда узнали, что вы снимаете тут фильм.

— Да? Как вы узнали?

— Это написано во всех блогах со сплетнями, — отвечает она, — даже есть видео, где Серена рассказывает об этом.

Серена. Неважно, сколько раз ее предупреждали, она всегда распускает язык и говорит то, что не должна.

— Так, вы приехали сюда? Откуда?

— Беннетт-Ландинг, — отвечает она.

Мой желудок ухает вниз.

— Вы из Беннетт-Ландинг?

— Ага.

— Хорошее место, — лгу я... или, может, не лгу, но когда все становится запутанным, то так и ощущается. — Я был там пару раз.

— Я знаю! — говорит она. — Ох, ну, слышала истории.

— Ха, истории? Какого рода?

— Я слышала, что тебя арестовали, потому что ты бегал голым по парку Ландинг.

Девушка краснеет, выпаливая эти слова, в то время как я смеюсь, искренне смеюсь. Подобного не происходило уже какое-то время.

— Черт, не думал, что кто-то это знает.

— Знают. Говорят об этом все время. Также, что ты был пьян и бегал голышом.

— Не совсем, — говорю. — Я не бегал нагишом. Я был с девушкой.

Ее глаза загораются.

— Правда?

— Правда, — заверяю. — Она спряталась, когда показалась полиция. Обвинения были сняты на следующее утро, но приятно знать, что мой момент неприличного представления

стал местным позором.

Она смеется. Я смеюсь. Хороший момент. Почти забываюсь, позволяя себе вернуться в то время, в тот мирок. Чувство вины сжирает меня изнутри. Фотографируюсь с Бетани и раздаю еще пару автографов, когда за мной приезжает такси. Скоро шесть утра, и я уверен, что сегодня не смогу хорошо выспаться.

Драматический герой в процессе развития **Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд**

В нескольких минутах от границ города Олбани расположена элитная частная средняя школа.

Академия «Фултон Эйдж».

«Фултон Эйдж» имеет честь выучить больше государственных чиновников, чем любая другая школа в стране, честь, которую они несут с гордостью, и это отображается везде. Серьезно. Везде. В главном коридоре висит даже уродливый баннер. Подготовительный курс колледжа с упором на политическую науку — это идеальное место, куда мог послать своего непослушного сына известный конгрессмен. Факт, с которым знаком, учитывая то, как ты здесь оказался, утопая во власти сине-белой формы уже четвертый год подряд.

Уроки уже начались, первый день твоего последнего года обучения, но ты слоняешься по округе, не торопясь на Американскую политику. Конечно же, не следует путать со сравнительной политологией, которая будет у тебя позже, во второй половине дня, содержащей ох какие интересные предметы литературы (политической литературы между мировыми войнами) и математику (математические методы в политической науке). Единственное, что не соответствует твоему расписанию — это физическое воспитание, возможно, потому что они не решили, как включить это в политику.

С опозданием на пятнадцать минут ты открываешь дверь классной комнаты иходишь, перебивая учителя, уже начавшего лекцию. Останавливаешься на доли секунды, чтобы закрыть дверь. Ты — прогульщик, нарушаешь дресс-код: твой галстук висит свободно, белая рубашка не заправлена — немного хаоса посреди совершенства — портит имидж политической подготовительной школы.

— Мистер Каннингем, — говорит учитель, бросая на тебя прищуренный взгляд. — Как мило, что вы очастливили нас своим присутствием этим утром.

— С удовольствием сделал это, — говоришь ты. В голосе сквозит сарказм, когда направляешься в заднюю часть комнаты, к пустующему столу. — Показался бы раньше, но... не особо хотел находиться здесь.

Повисает неловкая тишина, кто-то откашливается, следует долгая пауза, когда никто не говорит, пока ты садишься на свое место. Ты не просто плюешь на все правила приличия, ты изменяешь их под себя. Все чувствуют себя некомфортно.

— Как я и сказал, — вещает учитель, — отцы создатели...

Мужчина говорит. Много говорит. Ты раскачиваешь стул, чтобы он стоял на задних ножках. Осматриваешь классную комнату, изучая своих одноклассников, лица, которые ты хорошо знаешь, но те, на которые не хочешь смотреть, как вдруг смотришь направо, на стол рядом с собой, и видишь ее.

Лицо, которое ты не видел прежде.

Это просто девчонка, ничего особенного. Ее заколотые каштановые волосы спадают по

спине. Ее кожа незагорелая, как у остальных девушек. В двенадцатом классе только три девушки из тридцати человек. Всего лишь десятая часть составляющей класса.

Может, поэтому ты пялишься на нее, поэтому не можешь оторвать от нее взгляда. Девушки все здесь сродни единорогам, даже самые обычные. Даже не нужно относиться к знатым семьям.

Или, может, есть другая причина.

Может, это нечто другое, что отличает ее.

Твой взгляд не так просто игнорировать, хоть девушка и пытается. Ее кожу покалывает, как будто ты к ней прикасаешься. Мурашки расползаются по спине. Она ерзает, играя с дешевой черной ручкой, постукивая ею по блокноту, в котором еще ничего не писала.

Нервничая, девушка отбрасывает ручку, сжимая руки в кулаки, когда опускает их под стол. Ты опускаешь взгляд, голубые глаза встречаются с ее на мгновение, прежде чем она отводит свой, делая вид, будто сосредоточена на уроке, но никого так не заботит то, что говорит учитель.

Урок длился целую вечность. Учитель начал задавать вопросы, и почти все в классе поднимают руки. Она держала свои спрятанными под столом, пока ты продолжал раскачивать свой стул, не переживая ни о чем.

Несмотря на то, что ты не тянешь руку, учитель вызывает тебя. Снова и снова. Каннингем. Ты отгарабаниваешь ответы скучающим тоном. Другие запинаются, но тебе даже не нужны паузы. Ты знаешь предмет. Немного похоже на цирковой номер, как лев, прыгающий через обруч.

Если они слишком сильно начнут давить на тебя, заставляя выступать, может, ты начнешь отрывать головы? Хм-м...

Когда урок заканчивается, все собирают вещи. Ты отодвигаешь стул так, чтобы он издал визжащий звук, пока встаешь. Ты не принес с собой ничего. Никаких книг. Листов. Даже нет ручки. Стоишь между столами, наклоняясь к новой ученице.

— Мне нравится твой лак для ногтей, — говоришь, твой голос игривый, пока она берет свой нетронутый блокнот.

Девушка поднимает голову, встречаясь с тобой взглядом. Ты изумлен, первый намек на что-либо, кроме скуки. Ее взгляд перемещается на свои ногти, к дешевому блестящему голубому лаку, покрывающему их.

Ты уходишь.

— Будь вовремя завтра, Каннингем, — кричит учитель.

Ты даже не смотришь на него, говоря:

— Не обещаю.

День тянется и продолжается. Ты спишь большую часть литературы и не испытываешь проблем в математике. На сравнительной политике скучно, когда ты снова выпаливаешь ответы на вопросы. Девушка сидит рядом с тобой на каждом уроке, достаточно близко, что твое внимание переключается на нее при каждом перерыве. Смотришь, как она борется. Наблюдаешь, как она бормочет неправильные ответы. Другие тоже наблюдают, перешептываясь друг с другом, как будто пытаются понять, как простолюдинка могла к ним попасть, но ты смотришь на нее как на самое нескучное создание, с которым столкнулся.

На физическом воспитании в конце дня ты более заинтересован. Этот глупый бег круг за кругом, и ты быстрый, настолько быстрый, что раздражаешь всех. Им не нравится, когда ты лучше их. Вдобавок к разрушению имиджа, прodelываешь дыру в их уверенности в себе.

Когда уроки закончены, все направляются к своим шкафчикам в раздевалке. Ты мокрый от пота, но не утруждаешь себя переодеванием, стоя на улице. Девушка выходит, но едва делает шаг, как ее зовет директор.

— Гарфилд.

Она задерживается, поворачиваясь посмотреть на мужчину, когда он выходит в коридор.

— Сэр?

— Знаю, что ты новенькая, — начинает он. — У тебя была возможность ознакомиться со школьными правилами?

— Да, сэр, — отвечает она.

— Значит, ты знаешь, что нарушаешь школьную политику, — говорит он. — Ногти должны быть без лака, исправь это к завтрашнему дню.

Он уходит.

Она смотрит на свои ногти.

Ты смеешься.

Ты, который нарушал политику школы весь день, и тебе об этом не сказали ни слова.

Есть небольшая парковка для учеников, которые водят самостоятельно, но ты обходишь здание и направляешься туда, где учеников забирают. Девушка тоже идет туда, в самом конце толпы, затем садится на землю и прислоняется к зданию, вытаскивая свой блокнот.

Открывая его, она начинает писать.

Подъезжают черный седан за седаном, толпа рассасывается. Через полчаса остается только пару человек.

Через сорок пять минут остаетесь вы вдвоем.

Ты ходишь туда-сюда, твой взгляд прикован к ней.

— Полагаю, я не единственный, кто застрял тут.

— Мой отец работает до четырех, — отвечает она, переставая писать, и поднимает голову. — Скоро должен быть здесь.

— Ага, а мой отец — придурок, — говоришь ты. — Он упивается моими страданиями.

— Почему ты не водишь?

— Могу спросить у тебя то же самое.

— У меня нет машины.

— У меня есть, — отвечаешь. — Но мой отец — придурок. Он думает, если я буду ездить на ней, то начну пропускать занятия.

— Так и есть?

— Да.

Она смеется, и ты даришь ей улыбку, когда рядом со школой появляется черный автомобиль — лимузин.

— Итак, Гарфилд? — говоришь ты. — Как кот?

— Скорее, как бывший президент.

— Твое имя подходит фамилии?

— Кеннеди.

Ты смотришь на нее с удивлением,

— Шутишь?

— Мое второе имя Рейган. Ну, знаешь, чтоб уж наверняка.

— Ах, боже, это чертовски жестоко. А я думал, что плохо быть Каннингемом.

— Как нынешний спикер палаты?

— Так же известный, как придурок, который забрал мои ключи, — говоришь ты. —

Можешь звать меня Джонатан.

— Джонатан.

Ты улыбаешься, когда она произносит твое имя.

Лимузин подъезжает, и ты смотришь на него в нерешительности, как будто какая-то часть тебя не хочет оставлять ее здесь одну.

Или, может, твое нежелание связано с тем, кто ждет тебя.

Спикер Грант Каннингем.

Опускается окно с пассажирской стороны, и виден мужчина, его внимание приковано к чему-то в его руках.

— Залезай в машину, Джон. У меня есть дела.

В его голосе нет ни капли теплоты. Он даже на тебя не смотрит.

Ты оглядываешься на девушку, прежде чем залезть в лимузин, в то время как она возвращает внимание к своему блокноту.

И ты этого не знаешь, но эта девушка... Та, что осталась снаружи школы в одиночестве... Она сидит и пишет о тебе. У тебя есть все задатки современного трагического героя, и она никогда не чувствовала себя настолько вынужденной узнать чью-то историю ранее, хоть это и кажется немного преследовательски, брр.

3 глава

Кеннеди

— Кеннеди, боже мой, ты не поверишь, что случилось со мной прошлым вечером!

Первые слова, сказанные Бетани, когда она врывается в магазин на двадцать минут позже утром в субботу, в то время как я пробиваю покупки на ее кассе, выполняя ее работу вместо своей. Я пришла сюда в свой выходной, чтобы заняться кое-какой бумажной работой для Маркуса и хочу, как можно скорее, свалить, но удача не на моей стороне.

— Что случилось? — спрашиваю. — Ты прошмыгнула на съёмочную площадку?

— Нет, — говорит она. — Хотя близко. Очень близко. Я даже видела его в костюме!

— Мило, — бормочу я, хотя не считаю это таковым. Не тогда, когда все мои внутренности сжимаются при этой мысли.

— Это было... вау, — Бетани почти визжит, когда я заканчиваю с покупками миссис Маклески и беру деньги. Женщина ходит за покупками каждый день. Сегодняшняя покупка — ингредиенты для пирога с шоколадным кремом.

— Мы провели там целый день, но оно того стоило! Серена выходила к нам! Она была такой милой, о, боже мой, я думала, что она будет сучкой, ну знаешь, судя по разговорам людей, но она фотографировалась и шутила!

— Мило, — снова говорю я и опять же, это не ощущается таковым. Как бы абсурдно не было, меня немного подташнивает из-за этого. — Рада, что из-за нее твоя поездка того стоила.

— Ох, это не из-за нее. Это из-за него, — говорит она. — Позже мы увидели, как Джонни Каннинг выходил из какого-то бара. Он даже пообщался с нами. О боже, он был

более милым, чем я себе предполагала!

Бетани сует свой телефон мне в лицо, заставляя смотреть на экран, на фото их вдвоем на фоне дешевого бара. Могу сказать, что он пытался уйти незамеченным, но улыбается в камеру. Не кажется, что он пьян, но все же... он в баре.

— Он спросил, откуда я, — продолжает Бетани. — И рассмеялся, когда я сказала, что о нем тут рассказывают истории. Он хотел узнать, что говорят люди, поэтому я рассказала о том, где его поймали голым, ну помнишь, в парке? Ты ведь знаешь эту историю?

— Смутно, — бормочу.

— И это правда! Он был арестован, но сказал, что находился там с девушкой! Можешь в это поверить?

Отдаю миссис Маклески сдачу и улыбаюсь, когда замечаю в ее глазах знающий взгляд. Она ничего не говорит, слава богу, когда уходит. Есть пара человек в этом городе, для которых это не просто история, это воспоминания. Это было всего несколько лет назад, но жизнь не стоит на месте. Бетани была подростком, когда все произошло, недостаточно взрослой, чтобы знать о проблемном сыне политика. Она знает только актера, которым он стал, того, кто отрекся от своей семьи.

— Мило, — произношу в третий раз и в этом случае уверена, что не имею это в виду. Нет ничего милого в том, что я чувствую. — Ты опоздала уже на тридцать минут, мне нужно, чтобы ты приступила к работе.

Покраснев, Бетани бормочет извинения, но я ухожу, не слушая их. Нахожу тихое место в задней части склада, сажусь на коробку и опускаю голову, делая глубокие вдохи, чтобы облегчить беспорядок, творящийся внутри меня.

Делаю еще кое-что, прежде чем говорю Маркусу, что ухожу. Он смеется, махнув мне.

— Хорошо, ты даже и не должна была быть здесь.

Направляюсь в переднюю часть магазина, когда Бетани, наконец, встает за свою кассу.

— Я рада, что ты хорошо съездила, — говорю ей искренне. — Рада, что он тебя не разочаровал.

На этом ухожу.

Подъезжаю к дому отца и паркуюсь. Он на диване, обнимает мою почти спящую дочь, и я стону, когда понимаю, что они смотрят.

«Бризо: Прозрачный»

— Серьезно? Что случилось с субботними мультиками?

— Их не было, — говорит мой отец. — Но шел этот фильм, и она хотела посмотреть.

Первый фильм. Я видела его прежде. Невозможно пропустить, потому что в последние годы его показывают по кабельному на регулярной основе. Именно в нем он учится адаптироваться, болезнь провоцирует что-то в ДНК, что заставляет его исчезать. Он становится невидимым. Становится ветром. Зарабатывает свое прозвище, потому что он как легкий ветерок (прим.перев.Breezeo от слова Breez - ветер). Ты знаешь, что он рядом, можешь ощущать его на своей коже, но пока он сам не покажется, не увидишь, будешь смотреть сквозь него, будто его не существует. Знаю, звучит как безумная научно-фантастическая глупость, но это скорее история взросления, история любви. Она о самоотверженности, о жертвенности собственного счастья ради других, о том, чтобы быть рядом, даже когда они не знают этого.

— На кухонном столе твоя почта, — говорит папа, прежде чем я начну ворчать.

Направляясь на кухню, хватаю небольшую стопку конвертов. Они приходят сюда,

потому что я не сменила адрес, переехав годы назад. Сортирую их, отбрасывая ненужные, и замираю, достигая последнего конверта. Он обычный. Я видела десятки таких. Но с каждым появлением такого конверта, колеблюсь, мой взгляд ищет обратный адрес, имя отправителя.

Каннингем через «Кэлдвелл Тэлентс».

Я не открываю конверт, хотя раньше делала это из любопытства. С каждым чеком суммы неуклонно растут.

— Ты обналичишь этот? — спрашивает отец, входя на кухню.

Перевожу взгляд на него, выбрасывая конверт в мусорку.

— Мне не нужны его деньги.

— Знаю, но тебе следует сохранить чеки и обналичить все разом. Обчисти его банковский счет. Затем отправляйся в закат на своем новом «Феррари».

— Я не хочу «Феррари».

— Я хочу, — спорит он. — Ты можешь купить его мне.

— Хорошая попытка, но ответ нет. Хотя могу попробовать сэкономить из своей следующей зарплаты и купить тебе игрушечную версию. Эй, на этой неделе у меня было достаточно сверхурочной работы, так что могу купить сразу две.

— Ты знаешь, что, если бы не выбросила этот чек, тебе бы не пришлось работать сверхурочно.

— Я не заинтересована в том, чтобы принять его отступные.

— Это не отступные.

— Именно так они и ощущаются, — спорю я. — Он даже не удосуживается отправить чек самостоятельно. Менеджер делает это. Это плата за молчание.

— Ох, окажи ему небольшую поблажку.

— Оказать ему поблажку? — смотрю на отца в неверии. — Он даже никогда не нравился тебе.

— Но он отец Мэдисон.

Я закатываю глаза. Вероятно, это очень по-детски, но если есть причина закатить глаза, то сейчас самый подходящий момент.

— Ага, кто-то должен сказать ему это.

— Он знает. Черт, перед тобой чек, как доказательство. И знаю, ты сейчас скажешь, что менеджер отправил его, но насколько помню, он появлялся пару раз, чтобы увидиться с ней.

— Пьяным, — отвечаю. — Он был пьян каждый раз. Несколько раз был под таким кайфом, что не уверена, что помнит свои визиты. Извини, но я не одобряю наркоманов, которые даже не прилагают усилия, чтобы излечиться. Я дам ему пару поблажек, когда даст мне на это основание.

Отец протяжно и драматично выдыхает, ничего не говоря мгновение, как будто размышляет, как перефразировать свои аргументы.

— Ты можешь обналичить его, если хочешь, — предлагаю, вытаскивая чек из мусорки и кладя на стол. — Мы перед тобой в большом долгу.

— Дело не в деньгах. Даже не в нем.

— Тогда в чем?

— Мэдисон вырастет, а ты...

— Что я?

— Сдаешься, — говорит он. — И если ты потеряешь надежду, ну, мы будем поставлены в неудобное положение, так как не можем оба ненавидеть парня. Кто-то должен заботиться

о ее интересах.

— Я не ненавижу его, — спорю. Мой желудок будто завязывается в узел снова. — Я просто... устала. Ей скоро исполнится шесть. И я задаюсь вопросом, не делаю ли хуже. Потому что не знать об отце шесть лет — это довольно долгое время.

— Вот почему нам нужна твоя мать, — утверждает он. — Она всегда была оптимисткой.

— Да, и что бы сказала мама?

Он показывает в сторону гостиной, где по телевизору все еще транслируется фильм.

— Она бы сказала, что если это единственный шанс для Мэдисон узнать этого парня, то так тому и быть.

Я не спорю с ним. Никогда не знала, как справиться с этим. Мэдди не задает много вопросов, поэтому до сих пор эта тема не поднималась, но я знаю, что не смогу избежать ее, когда дочь повзрослеет. Но понятия не имею, как все объяснить.

— Мы должны ехать, — говорю, заканчивая с этой темой. — Я обещала Мэдди отвезти ее в библиотеку.

Мы возвращаемся в гостиную, где Мэдди уже проснулась, и поглощена фильмом, когда Бризо совершает решающий удар и решает исход боя. Я сижу на ручке дивана рядом с ней, наблюдая. Даже после стольких лет так странно видеть знакомое лицо на экране.

Джонатан Каннингем.

Джонни Каннинг.

Шесть книг. Вот сколько Мэдди принесла из библиотеки домой. Но, тем не менее, как только мы вошли в квартиру, прежде чем переоделись с улицы, она встала передо мной, сжимая комикс, который взяла из моей спальни.

— Сейчас мы можем почитать «Бризо», мамочка? Пожалуйста.

— Конечно, — говорю, забирая у нее комикс. — Но это не вся история, милая. Это самый конец.

Последний выпуск в сюжетной линии «Призрачного».

— Хорошо, — отвечает Мэдди, забираясь ко мне на колени. — Больше всего люблю концовки.

Вздыхнув, я вытаскиваю комикс из защитной пленки и открываю. Начинаю читать, заполняя пробелы, описывая фотографии. Они охватывают большой взрыв на складе, когда Бризо спасает свою возлюбленную Марианну от смерти.

— Кто ты? — спрашивает она после всего, стоя на улице перед горящим складом, не в состоянии увидеть его, но чувствуя. Она не знает, кто Бризо. Она не знает, что это мужчина, которому она отдала свое сердце годы назад — Эллиот Эмберс. Она думала, что он умер в «Танце тени» от болезни, которая превратила его в пыль, поэтому он проводит действие «Призрачного» в изоляции. — Пожалуйста, покажи себя. Расскажи. Мне нужно знать.

Он обдумывает это, стоя прямо перед ней. Это будет так легко. Он может использовать всю имеющуюся энергию, чтобы показать себя, но это все изменит. Изменит ее представление о реальности. Изменит ее воспоминания о нем. Это изменит их историю

непоправимым образом, и правда подставит ее жизнь дальнейшей опасности. Он не мог так поступить. Не мог уничтожить ее жизнь, которую она выстроила, просто одним признанием и затем снова исчезнуть.

Будет слишком жестоко появиться, чтобы оставить ее снова, когда она, наконец, набралась смелости попроситься.

Поэтому он наклоняется ближе, слегка целуя ее в губы. Его губы едва касаются ее. Она чувствует покалывание, за которым следует ветер, который развеивает ее темные волосы, а затем ничего.

Он уходит.

Он уходит и не оглядывается, давая ей свободу, спокойную и счастливую жизнь без него. Ей суждено совершить что-то великое, а остаться будет эгоистичным поступком. Так же сильно, как он хочет быть с ней вечно, он должен ее отпустить, потому что это и есть любовь.

Любить кого-то достаточно, чтобы освободить.

Слезы жгут мои глаза. Арр, гребаная история. Мэдди смотрит на комикс. Думаю, она ожидала счастливого окончания.

— Он вернется, мамочка? — спрашивает она.

— Полагаю, что возможно, — отвечаю. — В комиксах нет такого понятия как «конец». Люди все время возвращаются.

— Тогда хорошо, — говорит Мэдди, принимая это, когда спрыгивает с моих коленей, чтобы взять одну из библиотечных книг. — Теперь вот эту новую!

4 глава

Джонатан

— Давайте возьмем перерыв! — кричит первый АР (ассистент режиссера), в его голосе сквозит раздражение. — Все возвращайтесь через двадцать минут. Марксон, пожалуйста, возьми себя в руки!

— Я пытаюсь, — бормочет Серена, зажмуривая глаза и хватаясь за голову. — Мне просто немного нездоровится.

Нездоровится, как же.

Она спала, должно быть, часа два, заявившись в отель ближе к четырем утра. Я знаю это, потому что Серена пыталась разбудить меня, залезая ко мне в кровать, но я был не заинтересован. Скорее всего, она все еще была пьяна и, вероятно, ловила отходняк после кокса. Я показывался так на съемочной площадке каждое утро и едва выдерживал съемки. Убивал сам себя. Как только завершились съемки «Танца тени», Клифф отправил меня на реабилитацию, засунув в программу.

Это была моя не первая реабилитация, отнюдь нет, но впервые я продержался все девяносто дней. Каждый предыдущий раз, я уходил через месяц и возвращался к пагубным привычкам, прежде чем даже Клифф понимал, что я сдался. Но в прошлом году погрузился в программу и трезвость, и реальность того, что делаю, настигла меня.

И реальность, судя по всему, это ад для наркомана.

— Вот, попей воды, — говорю Серене, протягивая бутылку. — Ты почувствуешь себя

лучше.

— Мне может помочь только немного кайфа, — бормочет она, отпивая воды, прежде чем снова смотрит на меня. — У тебя же ничего нет?

— Ты знаешь, что нет.

Она хмурится, отпивая еще немного воды, прежде чем уходит. Кажется, что сейчас толпы на съемочной площадке больше. Если люди вчера не знали, что мы здесь снимаем, то сегодня знают точно.

— Кажется, миссис немного раздражительна, — говорит Жас, подходя, чтобы убрать пот у меня со лба. — Медовый месяц закончен, суперзвезда?

Я сердито на нее смотрю. Она думает, что хитрит, но ее намерения очевидны.

— Если ты имеешь в виду Серену, то она просто плохо себя чувствует.

— Эм, — говорит Жас, не убежденная, когда я делаю глоток воды, не желая вдаваться в детали личной жизни Серены. — Она ведь не беременна? Ты бы стал хорошим отцом.

Я подавился. На самом деле подавился. Вода течет по моему горлу и я, черт возьми, начинаю задыхаться, краснея. Люди спешат вмешаться, ударить меня по спине и заставить поднять руки, чтобы обеспечить приток воздуха в легкие, когда я яростно кашляю.

Резко вдыхая, чувствую, будто моя грудь в огне, я отмахиваюсь от людей и смотрю со злостью на Жас.

— Не смей, черт побери, даже говорить это.

— Что? — спрашивает она, строя из себя самую невинность, прижимая руки к груди. — Просто безобидный вопрос.

— Она не беременна, — говорю. — Это невозможно.

Жас смеется, а я озадачиваюсь. «Ты бы стал хорошим отцом». Моя грудь сжимается, сгорая изнутри, этот узел едва ослабевает, когда мы снова начинаем съемки. Серена возвращается повеселевшей. Ее зрачки размером с гребаные блюдца. Очевидно, что она под кайфом, но никто не говорит ни слова. Хотя замечаю, что Клифф поглядывает на нее.

Сейчас Серена на высоте, бодря и чувствует себя прекрасно, в то же время как я продолжаю лажать дубль за дублем. Все хреново. Фильм станет гребаной катастрофой, если мы не сможем собраться и взять себя в руки.

— Каннинг, ты не справляешься, — говорит AP. — Вы что, поменялись местами?

— Я приду в себя, — говорю, потягиваясь. — Мне просто нужно привести мысли в порядок.

Серена делает шаг вперед, шепча:

— У меня есть еще, если хочешь.

Хочу ли я? Чертовски хочу. Хочу весь день, каждый день. Но мне это не нужно, поэтому я качаю головой.

— Я больше не могу так жить, Сер. Ты знаешь. И ты тоже не должна.

— Плевать, — Серена закатывает глаза. — Ты мне не начальник, ты в курсе?

— Знаю, но я...

— Тишина на площадке! — раздается голос, прерывая наш разговор. — Давайте попробуем снова! Покажите нам класс на это раз.

Мы показываем. Снимаем хороший дубль. Черт, несколько хороших дублей. Но с наступлением сумерек все снова портится. У Серены отходняк от кокса, в то время как я теряю терпение к ее поведению.

— App, отстой, — рычит она, испортив себе прическу, когда хватается за голову. —

Чувствую себя дерьмово.

— На данный момент ты больше кокаин, чем женщина, — говорю, раздраженный, что мы еще не закончили. — Я вообще удивлен, что ты что-то чувствуешь.

— Ты такой придурок, — шипит она, толкая меня.

— Оу, притормозите! — Клифф встает между нами, когда Серена сжимает кулаки, будто собиралась напасть на меня. — Этого не произойдет. Вы раздражены? Идите в номер и трахнитесь. Но это? Нет, нет, нет, не одобряется.

— Что должно быть одобрено, так это лечение от наркомании, — говорю. — Психологическое консультирование.

— Засунь свои обвинения себе в зад, Джонни, — резко чеканит Серена. — Только то, что ты стал конченным наркоманом, не значит, что и все остальные станут. Со мной все хорошо. Поэтому, почему бы тебе не побеспокоиться, насколько ты лажаешь, и оставить меня в покое?

Она убегает с площадки, рыдая, и съемки откладываются. Официальная версия: «Серене Марксон нездоровится».

Неофициальная версия: «Потому что я черствый мудака».

Провожу руками по лицу.

— Это день мог стать еще хуже?

— Никогда так не говори, — отвечает Клифф. — Потому что как только ты это произносишь, он становится хуже.

— Не думаю, что это возможно.

— Послушай, дай ей время успокоиться, — говорит он. — Дай ей время остыть. Она вернется завтра с ясной головой.

Я направляюсь в гардеробную, чтобы снять костюм, и радуюсь снова оказаться в джинсах и футболке. Жду, после того как передеваюсь, потому что чертовски уверен, что не хочу ехать в одном лимузине с Сереной, поэтому заказываю такси и пробираюсь мимо толпы, чтобы встретить машину на углу, не желая ждать, пока она проедет мимо охраны. Несколько человек подлавливают меня, я раздаю автографы, но отказываюсь фотографироваться, так как много раз камера слепила меня в лицо за сегодня.

Ненавижу гребаных папарацци.

Я стою за углом в ожидании такси, которое вот-вот подъедет. Папарацци заваливают меня вопросами, которые я игнорирую, хотя мне хочется ударить одного из них, когда слышу вопрос об отце.

— К черту его, — бормочу себе под нос.

— Что ты сказал? — говорит папарацци.

— Я сказал, к черту его.

Ох, это будет отличная цитата.

Прежде чем могу сказать что-то еще, ко мне бежит визжащая группа фанатов. Дерьмо. Люди толкаются, пихаются, толпа окружает меня, фаны пытаются пролезть мимо придурков с камерами, которые продолжают заваливать меня своими необдуманными вопросами. Никто не следит за тем, что творит, и я теряю терпение. Моментально. Я даже не могу дождаться своего такси без этого хаоса. Подписываю пару вещей, которые суют мне в лицо, и пытаюсь успокоиться, но придурки делают все возможное, чтобы разозлить меня.

Кадры можно продать дороже, когда я выхожу из себя.

Парень, который выспрашивал про моего отца, пытается подобраться ближе, чтобы

поймать лучший угол съемки, отталкивая юную девушку. Она спотыкается, и я ловлю ее, хватая за руку. Ей не больше тринадцати-четырнадцати. Это бесит меня.

— Уйди на хрен отсюда, прежде чем причинишь кому-нибудь боль, — шиплю я, отталкивая парня, чтобы освободить долбаное пространство, но кажется, что это служит катализатором паники в толпе. Кто-то пытается уйти, и эта юная девчушка идет вперед, сходя с тротуара, потому что больше некуда отойти. Черт. Она даже не смотрит по сторонам. Ее ослепляют фары. Звучит гудок. Я вижу ужас в ее глазах.

Девчонка, черт побери, замирает.

Нет.

Действую на инстинктах, даже не думая. Девочка стоит как истукан, а я устремляюсь в сторону дороги и снова хватаю ее, отталкивая на тротуар. Теряя равновесие, она врзается в толпу, но у меня нет шанса убедиться, что она не травмирована. Я поворачиваюсь, и машина прямо передо мной, шины скрежещут по дороге, раздается визг тормозов...

БАМ.

Все будто в замедленной съемке. Мой разум не осознает все сразу. Вокруг вспышки, когда я падаю назад, и затем, святое дерьмо, боль. Я испытываю шок, каждый нерв моего тела кричит от боли, когда падаю на асфальт.

Темнота. Я моргаю, но не могу все осознать. Люди вокруг меня кричат. В голове пульсирует. Слова вибрируют внутри моего черепа, и я хочу, чтобы все заткнулись. Огни полицейской машины и сирены, вспышки камер папарацци, крики паники вокруг. Пытаюсь сесть, но что-то теплое стекает по моему лицу, отчего моя футболка мокнет.

Я опускаю взгляд. Кровь.

Ее вид меня ошеломляет. Оу. Мое видение становится черным, и затем появляется Клифф. Я слышу его до того, как вижу, слышу его дрожащий голос до того, как замечаю лицо.

— Полегче, Джонни. Не двигайся. Мы позвали помощь.

Он выглядит обеспокоенным.

Я не беспокоюсь.

Не беспокоюсь, пока не смотрю на него.

— Она в порядке? — спрашиваю, в моей груди разрастается боль.

— Кто? — переспрашивает он.

— Девушка, — говорю. — Она была на улице. Ехала машина. Я не знаю. Она...?

— Все в порядке, — говорит он, оглядываясь вокруг, прежде чем снова повернуться ко мне. — Они испуганы, но больше никто не пострадал. О чем ты думал?

— Что ее может сбить машина.

— Поэтому занял ее место? Иисус, Джонни, ты слишком близко к сердцу воспринял это супергеройство.

Смеюсь над этим. Больно.

Закрываю глаза и стискиваю зубы.

Где эта гребаная скорая помощь?

Ты везунчик.

Вот что сказал мне доктор.

Это твой счастливый день.

Но я лежу на твердой белой больничной койке в частной палате, окруженный людьми, на которых даже не смотрю. На каждом углу охранники, телефоны разрываются, и я не чувствую себя везунчиком. Этот день стал невообразимо хуже.

Тяжелое сотрясение. Ссадина на виске. Сломанное правое запястье. Поврежденные ребра. Не считая множества царапин и порезов в разных местах.

Может, я и везунчик, но голоса вокруг меня сейчас так не думают.

Мой менеджер, руководитель студии, режиссер и куча пиарщиков заполняют палату, обсуждая детали того, как справиться с этим кошмаром. Мой адвокат где-то здесь. Помню, что видел его ранее. Они беспокоятся о судебных и исковых суммах, и как это все повлияет на производство, но я больше переживаю об ощущение, что течет по моим венам на данный момент. Бл*дь, сейчас ночь, в моей голове все туманно, меня тошнит. Ноги покалывает, и я чувствую, как начинаю уплывать за пределы своего тела.

Что бы они ни накачали мне внутривенно — это очень сильное лекарство.

Слишком сильное. Я немею.

Прошло много времени с тех пор, как я ничего не чувствовал.

Нажимаю на кнопку, снова и снова, пока не врывается медсестра, расталкивая по пути толпу, чтобы подобраться к кровати. Клифф отходит от других, приближаясь.

— Что бы это ни было, — говорю я, указывая на пакет для внутривенного вливания, — мне нужно, чтобы это убрали.

— Морфий? — спрашивает медсестра в замешательстве, кладя руку мне на плечо. — Милый, ты захочешь этого. Без него будет больно.

— Я могу справиться с болью, — говорю. — Не уверен насчет наркотиков.

Она выглядит еще более озадаченной, но вступает Клифф.

— Мистер Каннинг после реабилитации от наркотической зависимости, поэтому вещества, вызывающие приятные ощущения, не очень нужны ему, если вы понимаете, о чем я.

— Ох, ну, я поговорю с доктором, — отвечает. — Посмотрим, что сможем сделать.

Я закрываю глаза, когда она уходит. Сожаление наполняет меня, крепко сжимая в своей хватке, голос в моей голове шипит сказать ей, что все это ошибка, но это кричит зависимость, жалкий убудок, который дорвался до уже забытого онемения. Так хорошо.

Может, я буду наслаждаться этим какое-то время.

Снова открываю глаза, когда Клифф толкает меня, протягивая свой «БлэкБерри», и я смотрю на экран, читая заголовок статьи.

«Когда вымысел становится реальностью.

Актер, играющий супергероя, спас девушку».

Я не читаю дальше.

— Какое-то время будешь на больничном, — объявляет Клифф. — Студия перестроит график съемок, отснимут, что могут, без тебя. Режиссер надеется снять все твои сцены до лета.

Лето. Еще даже не особо весна.

— Что я буду делать до этого времени?

— Для начала, полегче с этими поступками в стиле супергероя. Возьми отпуск. Отправляйся на пляж, куда-нибудь, где будешь окружен красивыми женщинами. Отдыхай.

Расслабляйся. Восстанавливайся. Когда ты в последний раз веселился?

— Веселился, — раздумываю я. — Броситься под машину считается?

Встреча кружка «К черту все кружки»

Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд

В «Фултон Эйдж» не так уж много веселья, если, конечно, под весельем ты не понимаешь политику. Но раз в неделю, во вторую половину дня пятницы, проходят встречи кружков, которые немного лучше, чем сиденье в классе.

Театральный кружок. Вот куда ты всегда ходишь. Члены собираются в актовом зале. Всего два десятка человек в помещении для сотен.

Когда тыходишь, сегодняшняя встреча уже в самом разгаре. Но это не имеет значения, они не делают ничего, кроме того, что спорят. Ты идешь по проходу, наблюдая за людьми, разбросанными по сцене. Спор из-за того, что будут ставить в этом году «Макбет» или «Юлий Цезарь».

Ты отворачиваешься от них, собираясь уйти, когда улавливаешь кого-то знакомого в конце зала. Это она. Новенькая. Девушка не обращает внимание на происходящее. Вместо этого читает.

Прошло пару недель школьного года, но она впервые появилась в этой аудитории. Испытывая любопытство, ты идешь, усаживаясь близко к ней, но оставляя место рядом пустующим. Она читает комикс. Ты удивлен. В «Фултон Эйдж» ты ожидал увидеть что-то вроде «Атлант расправил плечи».

— Не видел тебя здесь прежде, — говоришь. — Хастингс нанял тебя для своего ежегодного шекспировского фанатизма?

Она смеется, глядя на тебя. Вероятно, ты можешь на пальцах рук посчитать количество раз, когда видел улыбку девушки. А смех слышал еще реже. Она приходит каждый день, стараясь особо не выделяться, и делает все необходимое, приходя первая и уходя последняя. Но ты видишь, что она не счастлива, может, даже еще более несчастна, чем ты. Когда тебе не нравится быть здесь очень сильно и выпадает шанс не находиться в этом месте, ты принимаешь его и бежишь.

За месяц ты уже пропустил шесть дней школы. Администрация предупреждает твоего отца о прогулах, но иногда молчат.

— Я пыталась посещать другие кружки, — поясняет она. — Я отстой в шахматах. Клуб дебатов — настоящая катастрофа, в книжном читают что-то, написанное фашистом, а кружок писателей пишут письма в Конгресс, поэтому...

— Поэтому ты здесь.

— Поэтому я здесь, — говорит она, держа свой комикс. — Создаю свой собственный кружок.

— Ах, старый добрый «к черту все кружки» кружок, — говорю. — Каждый год испытываю соблазн открыть его, когда эти идиоты начинают спорить.

— Можешь присоединиться ко мне, — предлагает она. — Возможно, и не так весело, но в нем не может быть хуже, ведь так?

— Нет, не может, — говоришь, указывая на сцену. — Если вся эта херня не сработает, я возьму на заметку. Всегда нужен запасной план.

Театральный кружок останавливается на «Юлии Цезаре», четвертый год подряд, а спор

переносится на то, у кого какая будет роль. Хастингс, самопровозглашенный лидер, настаивает на том, чтобы быть Цезарем. Он типичный богатенький ребенок, темноволосый, с голубыми глазами и внук адвоката Уотергейта. Он хочет быть героем. Он хмурится, когда некоторые выражают несогласие, предлагая тебе сыграть роль.

— Ты ужасно популярен в этой театральной толпе, — говорит девушка, останавливаясь, когда Хастингс называет тебя «в лучшем случае любителем». — Ну, из большинства.

— Я играл Цезаря три года подряд, — рассказываешь. — Кроме того, я единственный здесь есть в международной базе кинофильмов.

Ее глаза прикованы к твоему лицу.

— Ты настоящий актер?

— В лучшем случае любитель, — шутишь. — У меня было несколько второстепенных ролей. Однажды сыграл мертвого ребенка в «Закон и порядок».

— Вау, — выдыхает она. — Напомни мне позже взять твой автограф.

Ты смеешься над ее невозмутимым видом.

— По большей части я ходил в местный театр. Начал брать уроки актерского мастерства, как только достиг достаточной зрелости. Не играл больше нигде, хотя, если, конечно, эти постановки не считаются.

Слова с легкостью слетают с твоих губ, разговор с ней кажется тебе естественным.

— Считаются, — уверяет девушка.

— Да? — переспрашиваешь на полном серьезе. — Я все еще считаюсь актером без зрителей?

— Писатель все еще считается писателем, если никто не читает написанное им?

Ты обдумываешь это. Споры на сцене становятся громче, почти достигая точки кипения. С одной стороны это забавляет тебя, а с другой — печалит, что это твое будущее, твое искусство принижается до борьбы, кто будет первым в школе. Твои мечты всегда были о большем.

— Я должен вмешаться, — говоришь ты, поднимаясь. — Прежде чем кто-то совершит что-то глупое, и нас закроют.

— Такое происходит, когда «к черту ваши кружки» кружок здесь.

— Займи мне место, — говоришь, прежде чем направляешься на сцену, чтобы сказать. — Знаете, в этом году я лучше буду Брутом.

— Это правда? — спрашивает Хастингс.

— Абсолютно, — ты тыкаешь его в центр груди указательным пальцем, достаточно сильно, чтобы он немного отступил. — Для меня будет удовольствием быть тем, кто убьет тебя.

Остальные разбирают оставшиеся роли. Они так долго решают, что сегодня нет времени хорошо пробежаться по сценарию. Однако ты все помнишь. Как и Хастингс. Двое из вас всегда соперничают и находятся впереди всех, и страсти накаляются.

Девушка продолжает сидеть в конце зала, но больше не читает комикс. Она наблюдает за каждым твоим движением, впитывая каждый слог. Сегодня у тебя прослушивание, ты играешь от сердца, и она пленена.

К концу дня люди уходят, но ты не спешишь. Идешь по проходу туда, где все еще сидит девушка. Она наблюдает за твоим появлением и говорит:

— Если то, чему я сейчас стала свидетельницей, было и раньше, то ты был лучшим умершим ребенком в «Законе и порядок».

Ты садишься к ней, смеясь. Сейчас между вами нет пространства.

— Это была история о том, что за закрытыми дверями родители — монстры. У меня было несколько реплик, и мне тогда было пять лет.

— Ничего себе, — восторгается она. — Когда мне было пять, я даже не могла запомнить, как пишется мое имя, а ты уже запоминал диалоги.

— У меня была хорошая память, — отвечаешь. — Кроме того, проще, когда ситуация тебе близка.

Ты не уточняешь.

Она даже не спрашивает, что ты имеешь под этим в виду.

Девушка ерзает со своим комиксом, мусоля страницы. Тишина повисает, но в ней нет неловкости. Хотя она нервничает, сидя так близко к тебе.

— Так тебе нравятся комиксы? — ты берешь один из ее рук. — «Бризо».

«Бризо: Призрачный».

Выпуск #4 из 5.

— Ты читаешь его? — интересуется она.

— Никогда не слышал о нем, — говоришь ты, листая. — Выглядит дерьмовенько.

Она вырывает комикс.

— Как ты смеешь богохульствовать?!

— Ладно-ладно, я отказываюсь от своих слов, — ты смеешься, снова выхватывая комикс. Девушка неохотно его выпускает. — Так он какой-то супергерой?

— Что-то вроде того, — поясняет. — Он был обычным парнем, но поймал экспериментальный вирус, из-за которого стал исчезать.

— Как призрак, — говоришь ты, глядя на картинку.

— Да, он делает то, что может, чтобы спасти девушку, которую любит, когда у него появляется шанс.

— Ха, дай догадаюсь, они найдут исцеление и будут жить счастливо после этого?

— История еще не закончена. Впереди еще один выпуск.

— Но у тебя есть другие?

— Да.

— Принеси их мне, — просишь. — Дай почитать.

Она смотрит на тебя в изумлении.

— С чего я должна это делать?

— Потому что мы вместе в «к черту все кружки».

— Ты не присоединился.

— Я все еще могу.

Она закатывает глаза, когда встает уходить. Ты идешь за ней к выходу из школы. Почти все ушли, осталось только парочка учеников. Темно-бордовая «Хонда» припаркована по правую сторону подъездной дорожки, мужчина приближается к зданию.

Она замирает и перестает идти, когда замечает его.

— Папа! Ты рано.

— Подумал, что ты не захочешь задерживаться здесь в пятницу, — говорит мужчина, улыбаясь, пока его взгляд не перемещается на тебя, так как ты стоишь опасно близко к его дочери. Он прищуривается, протягивая руку, и представляется:

— Майкл Гарфилд.

— Джонатан, — отвечаешь, пожимая его руку, больше ничего не говоря, но это

бессмысленное упущение.

— Каннингем, — добавляет ее отец. — Я знаю, кто ты. Работаю на твоего отца. Не думал, что ты знаком с моей дочерью. Она не упоминала это.

Неодобрение скользит в каждом его слове. Среди людей, работающих на твоего отца, у тебя есть определенная репутация, и она не хорошая.

— Ты знал, что он здесь учится, папа, — ворчит она, ее лицо красное от смущения из-за его намеков. — Это небольшая школа.

Ты ничего не говоришь, когда она уводит отца. Девушка залезает на пассажирское сиденье, когда ты делаешь шаг вперед, выкрикивая:

— Гарфилд!

Она останавливается, поворачиваясь к тебе.

Ее отец сидит за рулем и смотрит со злостью.

— Ты забыла, — говоришь, протягивая ей комикс.

Она забирает его, но ты не отпускаешь сразу, находясь в нерешительности, когда она говорит:

— Пожалуйста, не называй меня так. Называй как угодно, но не так.

Ты выпускаешь комикс, и она тебе улыбается, прежде чем садится в машину и уезжает, забирая свой журнал.

Ты этого не знаешь, но девушка... Она собирает свои комиксы «Бризо», как только приезжает домой. Все четырнадцать выпусков трех историй: «Прозрачный», «Танец тени» и «Призрачный». Она проводит выходные, перечитывая, чтобы освежить их в памяти. Так, чтобы, когда принесет тебе их завтра в школу, она помнила каждую строку.

5 глава

Кеннеди

— Новости шоу-бизнеса, актер «Бризо», Джонни Каннинг, попал в аварию вчера на Манхэттене...

Я на полпути на кухню, когда смысл слов доходит до меня, и останавливаюсь. Разворачиваюсь, смотря в телевизор через гостиную, думая, что, должно быть, мне послышалось, но нет... вот он... кадры с какой-то ковровой дорожки, его улыбающееся лицо на экране, покрасневшие глаза смотрят на меня.

— *Двадцативосьмилетний актер был сбит автомобилем рядом с местом съемок своего последнего фильма. Очевидцы говорят, что Каннинг ступил на дорогу во время ссоры с папарацци.*

Я подхожу к телевизору, когда картинка на экране меняется и проигрывается видео случившегося. В первую очередь я вижу кровь, стекающую по его лицу. Хотя он жив. Накатившее облегчение почти сбивает меня с ног.

— *Представитель актера говорит, что в настоящее время он в стабильном состоянии. Съемки фильма временно приостановлены, пока повреждения Каннинга не заживут.*

— Мамочка?

В секунду, когда слышу голос Мэдди, выключаю телевизор, надеясь, что она не увидела. Поворачиваюсь к ней, и мои надежды сразу испаряются. Ох, черт. Она выглядит

шокированной.

— Да, милая?

— С Бризо все хорошо?

— Конечно, — говорю, выдавливая улыбку. — Он попал в небольшую аварию, но с ним все хорошо.

— Ты имеешь в виду, что он заболел?

— Вроде того.

Ее выражение лица меняется, когда она думает об этом, а затем лицо озаряется.

— Я могу нарисовать ему открытку!

— Эм, да, можешь, — говорю, не позволяя улыбке дрогнуть. — Уверена, мы можем найти адрес, чтобы отправить ее.

Его агентство принимает для него почту от фанатов. Уверена, что он не открывает письма лично, поэтому не будет ничего страшного в отправке, если дочке станет от этого лучше.

Мэдди убегает в свою комнату, чтобы закончить работу над рисунком, пока я загружаю свой старый ноутбук, в то время как готовится замороженная пицца для ужина. Впервые за целый год я ввожу его творческий псевдоним в строку поиска.

Делаю глубокий вдох, когда появляются результаты. Фото за фото, ого, как много, наряду с видеозаписью несчастного случая. Мое сердце ухает вниз, когда я прокручиваю все это. Нажимаю «воспроизвести» и смотрю. Тридцать секунд. Задерживаю дыхание, ожидая от него худшего, например, что он пьяный вывалился на дорогу, не обращая внимания на угрозу жизни. Но вместо этого вижу, как он отпихивает мужчину, говоря ему отстать, когда между ними появляется девочка. Та вылетает на дорогу, и его рефлексы быстрые: он хватается за нее и толкает на тротуар, перед тем как...

Поморщившись, я закрываю крышку ноутбука, как только удар машины приходится на него. Он спас девочку от удара.

Сажусь в тишине, ошеломленная. Начинаю дергать носом, когда запах чего-то жженого щекочет мои ноздри. Занимает целое мгновение — слишком долгое мгновение — прежде чем вижу дым, и меня осеняет. Ужин.

Я бегу к плите, выключаю ее и открываю дверцу духовки. Начинает гудеть детектор дыма, и я строю гримасу, отмахиваясь от дыма. Пицца подгорела.

— Мамочка, чем воняет? — спрашивает Мэдди, вбегая на кухню со стопкой листов и коробкой карандашей, сморщив носик.

— Небольшая проблемка, — отвечаю, глядя на сгоревшую пиццу. — Может, мы закажем ее на дом.

— И курочку! — объявляет Мэдди, забираясь на стул у стола. — И хлеб тоже!

— Пицца, крылышки и чесночный хлеб, поняла.

Я достаю телефон и набираю ближайшее место по доставке пиццы, заказывая самую большую. Не могу позволить себе это, но ведь живем один раз?

Через какое-то время сажусь рядом с дочкой, смотря, как она рисует Бризо. Она хороша. Талантлива. Может стать художницей. Может стать кем захочет.

Я знаю, потому что она не только моя дочь.

Его кровь тоже течет по ее венам.

Он был мечтателем. Деятелем.

Когда находился не под кайфом, когда не был пьян, когда не был слетевшим с катушек,

я видела что-то в нем, что-то, что сейчас вижу в Мэдди. У них одна и та же душа, они живут тем же самым сердцем.

И это чертовски меня пугает.

— Мамочка, какая болезнь у Бризо? Что у него болит?

— Эм, я не уверена, — признаюсь. — Наверное, болит все тело. Джонни, тот парень, который играет Бризо, сбила машина, когда он помогал девочке.

— Но ему станет лучше?

Мэдди настороженно смотрит на меня.

Она переживает о своем герое.

Я пыталась объяснить разницу между реальностью и фильмом, чтобы ее подготовить, на всякий случай, но не уверена, что она поняла.

— Ему станет лучше, — заверяю ее. — Не переживай, золотце.

— Я просто... я просто не могу в это поверить, — говорит Бетани, стоя позади меня в проходе, пока я раскладываю консервы. Она прислоняется к полке, полностью погруженная в последний выпуск «Хроник Голливуда». Весь выпуск посвящен Джонатану.

Статья за статьей, догадки и теории. Наркотики. Алкоголь. Может, он хотел совершить суицид. У меня не было желания читать эту чушь, но Бетани делилась каждой деталью во время обеденного перерыва.

— Ты же знаешь, что должна сначала заплатить, прежде чем читать, — говорю ей. — Это не библиотека.

Она закатывает глаза, перелистывая страницу.

— Ты звучишь как моя мама, говоря это.

Я морщусь.

— Я не такая уж старая.

— А звучит так.

— Неважно, — бормочу. — Просто говорю....

— Ты просто говоришь: либо займись делом, либо заткнись, я поняла, — она закрывает журнал, когда показывает жестом, будто держит рот на замке. — В любом случае, я уже почти все прочитала. — Кто вообще покупает этот хлам?

Она покупает, думаю я. Я видела.

Бетани затихает на какое-то время, пока я работаю, затем спрашивает:

— Ты ведь не веришь в это?

— Во что?

— То, что здесь написано, — говорит она, показывая рукой на журналы.

— Я верю в то, что моя точка зрения не имеет значения.

— Но нет ничего невозможного, когда дело касается Джонни Каннинга, верно?

Я резко смотрю на нее, когда она жалит меня моими же словами.

— Верно.

Она хмурится, побежденная, и возвращается к своей кассе.

Заканчиваю свои дела, пытаюсь выкинуть всю историю из головы. В три часа дня отмечаю время ухода, хватаю несколько бакалейных товаров и иду на кассу. В четыре часа я должна вернуться на инвентаризацию. Мне хватит времени увидеть Мэдди после садика и

оставить ее у отца. Я расплачиваюсь и собираюсь уходить, когда замечаю «Хроники Голливуда» под кассой Бетани, что означает, она их купила.

— Слушай, ты встречала Джонни Каннинга, верно? — спрашиваю. — И он был мил с тобой?

— Да.

— Ведь это то, что имеет значение, верно? Что бы эта желтая газетенка ни говорила о нем плохого, тебе кажется по-другому. Не позволяй какому-то человеку, который сидит за компьютером и придумывает сенсационную историю, менять твои представления о том, во что ты веришь.

Она улыбается.

Я не поддерживаю.

На самом деле почти съезживаюсь.

Как будто, чтобы добить меня, «Веришь ли ты» в исполнении Шер начинает играть по радио, и я полагаю, что вот мое время уходить. Нужно в срочном порядке обновить саундтрек к моей жизни. Усевшись в машину, доезжаю до дома отца, как раз когда прибывает школьный автобус. Мой отец сидит на крыльце в своем кресле-качалке, смотря на соседние дома.

— Ах, вот моя девочка! — говорит он, поднимаясь на ноги, расставив руки. Мэдди бежит к нему в объятия, волоча свой рюкзак по земле.

— Знаешь что, дедуля?! — восклицает она, не давай ему времени предположить, когда продолжает. — Я видела, что с Бризо случился несчастный случай, поэтому мама разрешила мне нарисовать ему картинку!

Глаза моего отца расширяются, когда он смотрит на меня.

— Я пообещала ей, что мы найдем адрес и отправим ее ему, — объясняю. — Что-то вроде почты для фанатов.

— Имеет смысл.

— Ты хочешь тоже нарисовать, дедуля? — спрашивает Мэдди. — Уверена, что мой рисунок будет лучше, но ты тоже сможешь попробовать.

Папа сердито смотрит.

— Почему ты считаешь, что твой будет лучше?

— Потому что я лучше тебя в рисовании, — поясняет Мэдди. — Ты тоже хорош, а мамочка не умеет рисовать.

— Эй, — говорю, защищаясь. — Я могу нарисовать несколько классных звездочек.

Мэдди драматически закатывает глаза, убедившись, что я это вижу, и произносит:

— Это не считается, — прежде чем заходит внутрь.

— Ты слышала девчонку? — говорит папа, ухмыляясь и пихая меня локтем, когда я присоединяюсь к нему на крыльце. — Твои звезды не считаются, детка.

После того, как делаю Мэдди и папе сэндвичи, в то время как они садятся за стол с листами и карандашами и упаковкой шоколадного пирога на столе (думая, что я этого не замечаю), я целую Мэдди в макушку.

— Должна вернуться на работу, золотко. Увидимся вечером.

Когда выхожу на улицу, начинается морось. Фу, ну почему так дождливо в последнее время? Вытаскивая ключи, начинаю спускаться с крыльца, когда замечаю движение. Поворачиваюсь в направлении своей машины и резко замираю.

Мое сердце ухает в пятки, желудок завязывается в узел. Мгновенно дыхание покидает

мои легкие, и я в шоке вижу знакомое лицо. О, боже. Все во мне кричит: «Беги... беги... беги... убирайся, пока есть возможность», но я не могу пошевелиться.

Он одет в джинсы и черную футболку, на голове кепка. Черная кожаная куртка накинута на плечи, правая рука в слинге. Вся его кожа в синяках и порезах, но это он.

Джонатан Каннингем.

На нем солнцезащитные очки, поэтому я не вижу глаз, но чувствую его взгляд на своей коже. Он не говорит, выглядя так, будто так же напряжен, как и я. Мои внутренности стянуты, грудь сжимается от боли, когда я резко вдыхаю.

— Привет, — произносит Джонатан, после мгновения напряженной тишины, и этого слова достаточно, чтобы одурманить меня.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю, пропуская приветствие; мой тон резче, чем мне бы хотелось.

— Я просто подумал... — он смотрит мимо меня в сторону дома. — Я подумал, может...

— Нет, — слетает с моих губ.

Он вздыхает, его грудь поднимается и опускается, когда парень опускает голову.

— Мы можем хотя бы поговорить?

— Ты хочешь поговорить?

— Просто разговор. Это все, о чем я прошу. Минута твоего времени.

— Поговорить.

— Да.

Мне так сильно хочется снова сказать нет. Горечь, укоренившаяся глубоко внутри меня, жаждет отшить его. Но я не могу. Так же сильно, как думала, что хочу... я не могу сказать нет, хотя бы не выслушав его. Потому что это не обо мне, независимо от того, насколько личным все чувствуется. Это касается маленькой девочки внутри дома, которая раскрывает всю свою душу на картинке ради мужчины, которого считает своим героем.

— Пожалуйста, — просит он, воодушевленный моим молчанием — тем фактом, что я еще не сказала нет. — Тебе не жалко побитого парня?

— Ты хочешь моей жалости?

— Я приму все, что ты мне предложишь.

— Послушай, прямо сейчас мне некогда, — говорю, сходя с крыльца на дорожку. — Я могу опоздать.

— Значит, после, — просит он. — Или завтра. Или послезавтра. Когда ты решишь. Когда тебе подойдет. Я буду там.

Я буду там. Сколько раз я жаждала услышать эти слова? Даже не уверена, что он имеет их в виду.

Медленно приближаюсь, останавливаясь рядом со своей машиной, всего полметра разделяет нас.

— Сегодня я работаю до девяти. Если у тебя есть что-то мне сказать, скажешь после этого, но сейчас...

Он отступает, кивая.

— Ты хочешь, чтобы я ушел.

— Пожалуйста.

Я проскальзываю мимо него, забираюсь на пассажирское сиденье, смотря в зеркало заднего вида, как он колеблется, прежде чем уйти. Джонатан идет пешком, его шаги медленные. Я не знаю, откуда он пришел. Не знаю, куда идет. Не знаю, чего он ждет от

меня.

Я не знаю, почему мое сердце ускоряет бег.

Не знаю, почему мне хочется расплакаться.

Я уезжаю на работу после его ухода и опаздываю на пару минут. Но никто не делает замечания. Я потеряна в своих мыслях, задаваясь вопросом, что он делает и что планирует сказать. Не уверена, что какие-то слова могут исправить сложившуюся ситуацию, но есть те, что могут сделать ее хуже.

— Кеннеди!

Я вздрагиваю и поворачиваюсь на звук голоса Бетани, которая стоит в дверном проеме склада.

— Что?

— Около пяти минут я разговариваю с тобой, а ты даже не слушаешь, — она смеется. — Неважно, просто хотела попрощаться.

— Так рано уходишь сегодня?

— Больше поздно.

— Я думала, ты до девяти?

— Так и есть, — отвечает она, смотря на зазвонивший телефон. — За мной приехали. Я ушла!

В замешательстве смотрю на часы: почти девять тридцать. Я потеряла счет времени. Откладывая все, отмечаю время ухода, избегая разговора с Маркусом. Мне нужно добраться до дома отца, прежде чем покажется Джонатан.

На полпути к машине, я останавливаюсь, когда замечаю его. Он здесь. Джонатан сидит на капоте моей машины на темной парковке, его голова опущена, кепка прячет лицо от посторонних взглядов.

Он еще не заметил меня. Приближаюсь, изучая его. Если хочешь увидеть чье-то истинное лицо, взгляни на него, когда он думает, что находится в одиночестве.

Мужчина вертится, кажется, будто не может усидеть на месте. Нервничает, как я думаю. Тревожится. Или, может, просто под кайфом. Я почти встаю перед ним, когда он все-таки замечает. Замирает, поднимаясь.

На это раз без очков, но он не встречается со мной взглядами.

— Как ты узнал, где я работаю?

Джонатан опускает взгляд, как будто пялится на мою грудь, поэтому я смотрю вниз и закатываю глаза. Рабочая форма. Хах. Я ходячая реклама для «Пигли Кью».

— Вероятно, мне не стоило здесь показываться, но я переживал, что ты станешь меня избегать, — признается он. — Продинамишь меня.

— Так, ты не дашь мне шанса на это?

Он неловко смеется.

— Полагаю, так и есть.

— Ну, это не в моих правилах — пообещала поговорить, значит, мы поговорим.

— Я ценю это, — заверяет он, все еще суетясь, его внимание приковано к парковке. — Я, эм... Я, правда, не думал, что найду так далеко. Думал, что ты сразу пошлешь, заставишь меня убежать из города с ущемленным достоинством, как и всегда.

— Не надо, — говорю, скрещивая руки на груди. — Не веди себя так, будто я отрицательный персонаж в этой истории.

— Нет, ты права, я не имею в виду... — он вздыхает и замолкает, потирая затылок левой

рукой. Молчание на мгновение повисает между нами. Так тихо, что я могу услышать сверчков на расстоянии. — Как ты думаешь, мы можем куда-нибудь пойти? Посидеть где-нибудь в приватном месте?

— Посмотри на меня, — говорю, игнорируя его вопрос, потому что он не смотрит мне в глаза. — Мне нужно, чтобы ты посмотрел на меня, Джонатан.

Он не смотрит.

Вместо этого снова садится на капот моей машины и бормочет:

— Джонатан. Прошло много времени с тех пор, как меня так называли.

— Ох, верно, — говорю, разблокировав дверь со стороны водителя, потому что у меня нет времени стоять здесь и играть с ним в игры. — Джонни Каннинг. Почти забыла, что теперь ты — это он.

— Я все еще тот же человек, — произносит он тихо.

— И кто же он? — спрашиваю. — Мы говорим о сыне спикера Каннингема? Мечтателе, деятеле, которого никогда ничто не останавливало? Или, может, об алкоголике? Любителе кокаина?

— Я больше не увлекаюсь этим.

— Почему я должна тебе верить?

— Потому что это правда, — он сует левую руку в карман, чтобы что-то достать. Она отражает свет парковки, когда Джонатан держит ее на ладони — бронзовая монета, не больше четвертака.

Монетка трезвости.

Я не знаю, что сказать. Все затихает на мгновение. Мои кончики пальцев касаются его, когда я беру монетку. Метал твердый, на лицевой стороне выгравирован треугольник, римская I в центре с надписью «выздоровление» внизу.

Один год трезвости.

— Люди говорят, что ты был в баре на прошлой неделе.

— Это не значит, что я пил. Хотел, но не стал. Я не пил, — делает паузу, его голос тише на это раз. — Я не могу.

Хочу верить ему.

Я бы хотела.

Когда-то верила всему, что говорил этот мужчина, но сложно поверить в его слова после всего, через что мы прошли.

— Тогда почему ты на меня не смотришь? — спрашиваю. — Ты говоришь это, хочешь, чтобы я поверила, тем не менее, даже не смотришь мне в глаза.

— Потому что я все испортил в отношениях с тобой, — признается. — Знаешь, как сложно встретиться с тобой лицом к лицу? Знаю, что ничего не изменит того, что я натворил, но мне нужно, чтобы ты понимала, как я сожалею.

Сожалеет.

Он извиняется не в первый раз. Он делает это каждый раз. Но все те разы он был в плохом состоянии, но я не уверена, что сейчас все наоборот, потому что монетка трезвости, возможно, и находится в моих руках, но его взгляд все еще не встречается с моим.

— Я сожалею, что причинил тебе боль, — продолжает Джонатан. — Сожалею обо всем, что натворил, и что привело нас к этому. И я пойму, если ты меня ненавидишь. Не стану обвинять. Но мне просто нужно тебе сказать... Нужно сказать... что даже когда я был в полной заднице, я не переставал тебя любить.

Эти слова выбивают воздух из моих легких. Сжимаю руки в кулаки, бронзовая монетка впивается в мою ладонь.

— Я не жду, что ты в это поверишь, — он слезает с моей машины, его взгляд, наконец-то, встречается с моим, и его глаза ярко-голубые и такие ясные, но через пару секунд они снова возвращаются к земле.

— Но смысл не в этом. Смысл в том, что я не идеален, но стараюсь изо всех сил. Я ни хрена не знаю о том, как быть отцом, но надеюсь, что ты дашь мне шанс. Завтра... послезавтра... хоть когда... я буду здесь.

Он начинает уходить, как будто уже все сказал, и ему больше нечего предложить.

— Джонатан, — кричу. — Твоя монетка.

— Оставь ее себе.

— Что?

— Я знаю, как у меня дела. Я не нуждаюсь в этом жетоне. А ты, возможно.

Я пялюсь на монетку в свете лучей парковки. Не знаю, что думать. Не знаю, что сказать. Не знаю, куда он направляется и на сколько собирается остаться.

В этот момент я почти ничего не понимаю, кроме того, что он здесь, передо мной, говорит мне все, что заслужила услышать годы назад. И я позволяю ему уйти, будто это ничего не значит.

— Джонатан, — снова кричу.

Он останавливается и смотрит на меня через плечо.

— Я, эм... Я рада, что ты в порядке, — признаю. — Видела репортаж о несчастном случае, о том, что ты сделал — помог этой девочке, и я просто... рада, что ты в порядке.

Его губы растягиваются в небольшой улыбке, которая наполнена печалью.

— Я собираюсь задержаться на какое-то время, залечь на дно в городе. Я остановился в «Ландинг Инн».

— У миссис Маклески? — удивляюсь. — Она поселила тебя у себя?

Он издает смешок.

— Она не в восторге насчет этого, но мне нужно что-то приватное. Пришлось сделать очень убедительный и чертовски секретный депозит, чтобы она согласилась.

— Боюсь, что так и есть, — соглашаюсь, представляя выражение лица этой женщины, когда он явился, ища убежище.

— Так вот, где я буду, — говорит он. — Если ты будешь меня искать.

Он не ждет ответа, уходя, прихрамывая. От моей работы до места его жилья почти миля пути. Воспоминания о голосе моей матери нахлыывают на меня, ангел на моем плече говорит, что я должна предложить его подвезти, но вместо этого слушаю дьявола, который звучит как мой отец, говоря: «Никогда не садись в машину с незнакомцем».

Я все еще не уверена, кто он сейчас.

Мэдди уже спит, растянувшись на спине на диване, когда я приезжаю в дом отца. Папа сидит за кухонным столом, попивая кофе без кофеина. Он поднимает голову, когда вхожу, осматривает меня, пока сажусь на стул.

Карандаши и листы бумаги разбросаны по столу, конверт лежит по центру, на котором написано «Бризо» ярко-красным. Обратный адрес: Мэдди у дедули. Конверт не запечатан,

но я вижу, что она пыталась: штамп изогнут в другую сторону.

Беру конверт и вытаскиваю сложенный листок, разглядывая. Это открытка в стиле «поправляйся», слова написаны сверху, и нахмуренный Бризо под ними. Она нарисовала себя рядом с ним, улыбающуюся, протягивая ему что-то, напоминающее букет желтых цветов, а ниже короткое сообщение:

«Я видела, что с тобой произошел несчастный случай. Ты должен поправиться! И должен вернуться, потому что мама говорит, что никто не пропадает навсегда. Это сделает тебя счастливее и меня тоже. Люблю тебя. Мэдди».

Вздохнув, складываю листок, засовывая его в конверт и кладя тот на стол. Папа наблюдает за мной, все еще попивая кофе. Ждет, что я откроюсь. Он, вероятно, провел весь вечер, помогая Мэдди с этим, говоря ей, как пишутся слова.

— Джонатан приходил сегодня, — говорю. — Хотел поговорить.

— А ты?

Засовываю руку в карман за монеткой, которую Джонатан дал мне, скользя ею по столу к отцу. Он поднимает монету, присвистнув, странное выражение мелькает на его лице, когда он встает. Гордость. Это, скорее всего, не должно меня поражать. Я не должна удивляться насчет этого, но ничего не могу поделать.

Перемещаясь по кухне, папа кладет чашку в раковину, прежде чем прислоняется к столешнице, пялясь на монетку. Недалеко от того места, где он стоит, на крючке висит связка ключей, похожая монетка прикреплена к ним, переделанная в брелок. Двадцать лет трезвости.

Первые годы моей жизни отец боролся с алкоголизмом. У меня смутные воспоминания того времени. Он прошел реабилитацию, прежде чем стало слишком поздно быть отцом, как он всегда говорил, и я знаю, что именно об этом он думает сейчас.

— Ты снова выглядишь потерянной, детка, — говорит папа, когда я начинаю убирать беспорядок, засовываю карандаши обратно в коробку.

— Я так себя и чувствую, — признаю.

Он не предлагает мне совет. Я никогда не была любителем их слушать, если бы воспользовалась его советом год назад, то не оказалась бы в этой ситуации. Но не сожалею, несмотря ни на то, и он это знает. Независимо от того, что случилось, Мэдди появилась на свет, и она стоит любой секунды боли.

— Все мы делаем то, что должны, — говорит отец, располагая монету на столе передо мной. — Я иду спать.

— Спасибо, — благодарю. — Что приглядываешь за Мэдди.

— В любое время, — говорит он. — Мои девочки — мое все. У меня нет другого выбора.

6 глава

Джонатан

Есть одна особенность папарацци — они повсюду. Аэропорты, магазины, сидят снаружи зданий, скрываются вокруг отеля, чтобы сделать удачный кадр. Я ловил их, когда они взбирались по дереву, чтобы заглянуть в окно, и рылись в мусоре. Для чего? Кто знает? Но факт из жизни кого-то вроде меня — они всегда рядом, всегда наблюдают, и в девяти

случаях из десяти, черт побери, имеют дурные намерения.

Я нахожусь в Беннетт-Ландинг уже двадцать четыре часа. Впервые за долгое время я провел целый день, не попав в их засаду. Но когда прохожу порог «Ландинг Инн» после десяти вечера, меня посещает интуитивное чувство, что за мной наблюдают.

Осматривая фойе, я вижу, как миссис Маклески выходит из кухни. На лице суровое выражение, направленное на меня.

— Мистер Каннингем.

Я киваю в приветствии, стараясь не поморщиться, когда она так меня зовет.

— Мэм.

— Уже поздно, — говорит она. — Ты ужинал?

Я качаю головой.

— Не жди, что я буду для тебя готовить, — причитает. — Хочешь есть, значит, приходи в приличное время.

— Да, мэм, — говорю тихо. Ей не нужно ухаживать за другими гостями, так как я тут единственный. Убедить ее поселить меня здесь, было достаточно сложно. Когда она узнала, что я арендую всю гостиницу на неопределенный срок, и больше никого не будет, то чуть не вышвырнула меня.

Единственная причина, почему не сделала это, потому что я выгляжу жалко.

— И не шуми, — ворчит. — Я иду спать.

— Да, мэм, — снова повторяю, направляясь на кухню. Не включаю свет. Достаточно освещения от парочки ночных фонарей снаружи. Я не ел особо с нечастного случая. Черт, если быть честным, у меня не было хорошего аппетита годами.

Открыв дверь холодильника, вижу маленькую тарелку на верхней полке, на которой несколько сэндвичей в обертке. Сверху лежит клочок бумаге с нацарапанным: «Не стоит благодарности!».

Беру сэндвич, откусывая кусок, пока поднимаюсь наверх, и слышу крик миссис Маклески:

— Накрошишь на ковер, будешь пылесосить!

— Да, мэм, — бормочу, покачивая головой и все еще жуя. Я никогда не переживал о таком явлении, как карма, но у меня есть чертовски странное предчувствие, что она меня настигла.

Утро.

Светит солнце.

Яркий свет просачивается через открытые жалюзи, переливаясь на тонких белых занавесках, согревая комнату. Я не спал больше, чем несколько минут время от времени, которые казались больше секундами, когда мои глаза закрывались, прежде чем реальность потрясала меня — реальность нахождения в этом городе, реальность того, что снова видел Кеннеди.

Раздается стук в дверь, но я игнорирую его. Еще нет и восьми утра, слишком рано для меня иметь дело с тем, что сегодня на повестке дня. Еще один стук, и затем дверь распаивается. Я накрываю левой рукой глаза и стону, когда вваливается миссис Маклески.

— К тебе посетитель, — объявляет она.

— Никто не знает, что я здесь.

— Кто-то знает или она бы не пришла сюда.

Она уходит, оставляя дверь открытой. Лежу в тишине мгновение, прежде чем поднимаю руку. Посетитель. Только один человек знает, что я в городе.

Кеннеди.

Поднявшись на ноги, выхожу из комнаты и спускаюсь вниз. Кеннеди стоит в фойе, одетая в рабочую форму, и выглядит нервной. Она замечает меня, из-за взгляда на ее лице чувствую чертову тяжесть в груди. Недоверие освещает ее глаза, как будто она ждет.

Ждет, что я облажаюсь.

Ждет, что я причиню ей боль.

— Привет, — говорю, останавливаясь в фойе перед ней. — Не ожидал так скоро тебя увидеть.

— Да, ну, знаешь, — бормочет она, не заканчивая мысль, отводя взгляд и оглядываясь вокруг, как будто ищет какой-то выход.

— Ты хочешь присесть? — предлагаю, указывая на диван, надеясь, что миссис Маклески не будет возражать.

— Нет, я не могу остаться. Просто кое-что тебе принесла.

— Ладно.

Она остается на месте, затихая на мгновение, закусив щеку изнутри, как она делала, когда мы были детьми. Детями. Иногда я все еще считаю нас таковыми. Или ну, себя. Она выросла слишком быстро, а я? Никогда особо не пытался перерасти этого глупого восемнадцатилетнего парня с почти полным отсутствием морали и большими мечтами.

Потянувшись в задний карман, она вытаскивает конверт, на нем что-то написано красным карандашом.

Мой желудок ухает вниз.

— Это...?

Она кивает. Я даже не заканчиваю вопрос. С осторожностью Кеннеди протягивает конверт, ее голос тихий:

— Я пообещала ей отправить его, но раз ты здесь...

— Спасибо, — говорю, уставившись на конверт. Он адресован Бризо. — Она...?

— Нет, — перебивает Кеннеди, понимая, что я пытался сказать. — Она не знает, что ты ее отец. Она, эм... Она считает, что герои реальны, неважно, сколько раз я пыталась объяснить, что они просто люди, и Мэдди смотрит на тебя, будто ты один из них. Она слишком юна, чтобы увидеть тебя в другом свете. Вот почему....

Кеннеди замолкает. Я понимаю, к чему она ведет. Вот почему ей так сложно дать мне шанс, потому что, если я окажусь кем-то, кроме как героем Мэдисон, это раздавит ее. И я понимаю, что она не имеет в виду в сценическом смысле. Никто не ждет, что я надену костюм и стану невидимым. Но у меня есть чертовски длинный послужной список, когда дело касается разочарования людей.

— Я понимаю, — говорю. — И знаю, что прошу многого, говоря о доверии...

— Но ты не сбежишь на это раз?

— Нет.

Я раздумываю, что это может разозлить ее — мое давление, но она протяжно выдыхает, ее поза становится более расслабленной.

— Я должна вернуться на работу. Просто хотела завести тебе конверт.

— Ох, хорошо.

После ухода Кеннеди я открываю конверт и вытаскиваю листок, изучая его. Мэдисон нарисовала рисунок. Читаю слова, и моя грудь сжимается, глаза жжет, но, черт побери, я улыбаюсь как идиот. Не могу сдержаться.

— Ты похож на кота, поймавшего канарейку, — говорит миссис Маклески, вplывая в фойе, явно подслушивая.

— Да, она привезла это, — говорю, махнув листом. — Это от Мэдисон.

— Ах, малютка Мэди, — говорит женщина. — Немного сложный ребенок, но чего ты хотел? Посмотри на ее родителей.

Групповые неприятности

Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд

Она дает тебе комиксы в среду днем.

Ты стоишь снаружи после занятий, ждешь, когда тебя заберут, когда девушка вытаскивает толстую стопку комиксов из сумки. Она три дня носила их с собой, собираясь с нервами отдать тебе.

Ты другой на этой неделе. Она чувствует. Молчалив, замкнут, тем не менее, твое присутствие ощущается больше, чем обычно. В твоих глазах злость, а челюсти напряжены. Ты едва на нее смотришь. Едва смотришь на людей.

Она сует тебе комиксы, и ты пялишься на них в замешательстве. Проходят секунды, прежде чем наступает момент узнавания. Ты бормочешь:

— Спасибо.

Вот и все.

Ты уходишь минутой спустя.

Не приходишь в школу на следующий день.

В пятницу появляешься во время ланча. Проходишь через двери школы, не удосуживаясь отметить время прибытия. Идешь через коридоры, минуя кафетерий, вместо этого направляясь в библиотеку, где сидит она. Она всегда проводит время ланча среди полок в библиотеке, никогда не кушая и не находясь с другими людьми.

Сидит одна за длинным деревянным столом, зарывшись носом в свой блокнот. Ты приближаешься, говоря:

— Что пишешь?

Она сразу же закрывает блокнот, кладя сверху ручку. Девушка пялится на тебя, не отвечая на вопрос.

Кладешь стопку комиксов на стол. Ее внимание перемещается на них, когда она спрашивает:

— Ты вообще их читал?

— Прочитал все, — отвечаешь, вытаскивая стул возле нее, но не садишься. Вместо этого прыгаешь на стол и сидишь там, сложив ноги в кроссовках на стул. Ты не носишь черные туфли, как положено к форме. — Они лучше, чем я ожидал. Немного взбешен, что должен ждать концовки.

— Теперь ты знаешь, как я себя чувствую, — говорит она, перебирая комиксы, приводя их в порядок. — Я удивлена, что ты их прочитал.

— Я говорил, что хочу.

— Думала, что ты просто пытаешься проявить уважение.

— С чего мне делать это?

— Потому что так делают все, — говорит она. — Не знаю, заметил ли ты, но я не вписалась здесь. Люди не злые, но они и не милые. Они просто терпят мое присутствие.

— Ну, не знаю, заметила ли ты, — противостояшь. — Но я тоже не их любимчик. Многие из них меня ненавидят. Большинство игнорирует. Раньше они потакали мне, а сейчас? Черт, посмотри на меня. Я могу сидеть здесь целый день, и никто не скажет ни слова, будто я невидимка.

— Как Бризо, — говорит она. — Ты исчезаешь.

Ты киваешь.

— Вот как это ощущается.

Она улыбается.

— Не знаю, имеет ли это значение, но я тебя вижу.

Тишина воцаряется между вами двумя. Нет неловкости. Она почти уютная. Девушка начинает стучать ручкой по блокноту. Ты пялишься мгновение.

— Ты не собираешься рассказать мне, что пишешь?

Она качает головой.

— Ты все время пишешь в этом блокноте.

Это не вопрос, но она все равно отвечает.

— Почти каждый день.

— Это твой личный дневник? Как для девчачьих секретов? — спрашиваешь, и ее щеки розовеют, когда она опускает голову. — Ага! Ведь так? Ты пишешь что-нибудь обо мне?

Тянешься к блокноту, но она убирает его. Теперь розовый цвет ее щек сменяется на красный.

— Это не дневник с секретами, это история.

— История, — повторяешь ты. — Какая история?

— Вроде той, что ты пишешь, — говорит. — Или... ну, я пишу. Потому что так и есть. Я пишу историю.

Она неумело пытается объяснить.

Ты смеешься.

— Но какая? Драма? Боевик? Мистика?

— Все это, — отвечает. — Всего понемногу.

— Она включает романтику?

Девушка не отвечает, вместо этого задавая вопрос.

— Почему ты так заинтересован?

— Потому что я заинтересован, — отвечаешь. — Или думаешь, что я спрашиваю просто из вежливости?

— Нет.

Она быстро выпаливает ответ.

И снова краснеет.

Снаружи библиотеки шум. Ученики бродят по коридорам. Время обеда близится к концу.

Ты встаешь со стола, поднимаясь на ноги. Оглядываясь вокруг, глубоко вздыхаешь, прежде чем встречаешься взглядом с ее.

— Хочешь обратиться отсюда?

Она хмурится.

— Убратся из библиотеки?

— Нет, я имею в виду эту адскую дыру, — поясняешь. — Моя машина припаркована снаружи, если хочешь уехать.

Она смотрит на тебя так, будто думает, что ты шутишь, но как только ты вытаскиваешь ключи из кармана, понимает твою серьезность.

— Начинаются собрания кружков, — говоришь. — Не то чтобы ты что-то пропустишь. Кроме того, что за жизнь без небольшого приключения? Может, заработаешь немного вдохновения для истории. Назовем это «к черту все кружки» поездкой.

Ты уходишь.

Девушка колеблется, но только мгновение, прежде чем собирает вещи и следует шаг в шаг за тобой. Она осматривает парковку.

— У нас не будет проблем?

— Никаких обещаний, — говоришь.

Несмотря на твой ответ, она не колеблется.

Ты водишь голубой «Порше». Он не такой показной, как другие машины, но ей достаточно для восхищения.

— Вау.

Она ерзает, когда садится в машину.

Ты не тратишь время, уезжая.

Вы отправляетесь в Олбани, проезжая там и решая пообедать. Покупаешь девушке сэндвич и молочный коктейль, хотя она настаивает не делать этого — у нее нет денег. С едой в руке вы направляетесь в театр в городе. Заходите внутрь, проходя через закрытые двери.

Люди повсюду.

Идет генеральная репетиция. На вас бросают взгляды, некоторые люди приветствуют тебя, когда проходят мимо. Не первый раз ты здесь. Они в замешательстве, когда смотрят на нее, будто не могут понять ее присутствия. Она колеблется, поэтому ты хватаешь ее за руку и тащишь дальше через толпу.

Девушка смотрит на свою руку, когда вы занимаете места в пустующем театре. Вы едите и болтаете, и смотрите репетицию. Мюзикл «Доктор Сьюз». Она пьет свой молочный коктейль, смеется над Кошкой в шляпе, вызывающей хаос на сцене, и ты настолько теряешься в происходящем, что не замечаешь, как проходит время.

— Нам нужно уезжать, — говоришь. — Три часа.

Даже торопясь, вы едва успеваете в школу до окончания дня. Ты паркуешь машину, но вы не проходите далеко. Появляется директор. Хастингс увидел, что вы уезжали вместе, и сдал вас.

— Каннингем. Гарфилд, — мужчина смотрит между вами. — Мой кабинет. Сейчас же.

Тридцать минут спустя вы оба сидите в кабинете, когда появляются ваши отцы. Они заходят вместе, никто из мужчин ничего не говорит, пока директор объясняет ситуацию.

Твой отец ничего не говорит. Он просто стоит и слушает.

Ее отец, наоборот, сердится. Его ноздри раздуты, когда он кричит:

— Какого черта ты думала, пропуская занятия? Ты знаешь, сколько мне стоило отправить тебя сюда? И сколько раз я говорил тебе не садиться в машину с незнакомцами? Ты сошла с ума?

Она пялится на свои руки, прикусив щеку, не отвечая на его вопросы.

Три дня домашнего ареста. Вот наказание.

Вы уходите вместе.

Внезапно маска спокойствия сползает с лица твоего отца. Прямо перед школой, не говоря ни слова, твой отец разворачивается и ударяет тебя в грудь кулаком. Не хватает того, что девушка слышит это в паре метров от тебя, так и ее отец тоже это слышит.

Они оба поворачиваются.

Удар выбивает весь воздух из твоих легких. Ты пытаешься перевести дыхание, хватаясь за грудь, но не удивлен. Это не впервые.

— Поезжай прямо домой, — наказывает твой отец, его голос спокойный, даже когда он стоит перед твоим лицом. — Надеюсь, ты понимаешь, что это не конец. Мы разберемся с этим позже.

На этом он уходит.

Ты мешкаешь какое-то время, встречаясь с ней взглядом, затем уходишь.

Ты не знаешь, но девушка... Она плачет весь путь домой из школы. Она плачет не потому что попала в неприятности. Это не чувство вины или стыда. Ее слезы никак не относятся к ней самой. Она плачет из-за тебя, из-за выражения твоего лица, когда ты уходил. Из-за злости в твоём взгляде и напряженной челюсти, и теперь она знает, что это значит.

7 глава

Кеннеди

— Сюрприз!

Я поймана врасплох, когда голос раздается позади меня, поразительно близко между рядами товаров. Разворачиваясь, округляю глаза и почти врезаюсь в накачанное тело, облаченное в черный костюм, принадлежащее высокому, красивому мужчине.

— Оу.

— Я тебя не напугал? — спрашивает он. — Ты выглядела так, будто витала в своем мирке. Мне даже не хотелось прерывать.

— О, нет, я просто... удивлена тебя видеть, — признаю, пялясь на него. Дрю. — Что ты здесь делаешь?

— Пришел тебя повидать, — отвечает. — Ничего не слышал о тебе с момента, когда ты отменила наше последнее свидание. Я пытался звонить, но решил, что ты занята на работе, поэтому подумал заехать в магазин и, может, купить тебе обед.

Я хмурюсь.

— Я только что брала перерыв.

— Жаль, — отвечает он. — Может, ужин?

— Может, — говорю. — Если я смогу найти того, кто посидит с Мэдди.

— О, ты можешь взять ее с собой, — предлагает, вытягивая руки в защитном жесте, когда я резко смотрю на него. — Или нет.

— Уверена, папа не будет возражать, — раздумываю. — Если он занят, то Меган будет рада помочь.

— Меган, — говорит Дрю, поморщившись при ее упоминании.

— Ох, не веди себя так, — толкаю его, смеясь. — Она спасает мне жизнь. Не знаю, что

делала бы без нее.

— Я знаю, — парирует он. — Я знаю, что делал бы без нее.

— Будь милым.

Он шутливо салютует мне.

Дрю... Что я могу сказать о нем? Это не самый простой человек, к которому можно проникнуться симпатией, но как только узнаешь его получше, то он может показаться обаятельным. Саркастичным, немного опрометчивым, но непоколебимо решительным. Мы знакомы уже много лет, но только недавно, когда я столкнулась с ним, пока была вместе с Меган, открыла для себя возможность того, что между нами что-то может быть.

И знаете, это имеет смысл. Я занятая. Он занятой. Дрю один из тех людей, с которым я не чувствую себя вынужденной скрывать свои секреты.

Хотя он ненавидит мою лучшую подругу, и за это ему большой минус, но чувство взаимно и может иметь отношение к тому, что Меган защищает меня так, как пуленепробиваемая броня.

— Я позвоню тебе, — говорю ему. — Как только все узнаю.

— Хорошо, — вытянув руку, он приподнимает мой подбородок. — Увидимся.

Я жду его ухода, прежде чем вытаскиваю свой телефон, быстро пролистываю контакты до Меган, раз уж я на работе.

Каковы шансы, что ты сможешь присмотреть за Мэди сегодня вечером, чтобы я могла уделить время взрослым делам?

Телефон вибрирует и появляется ее ответ.

Я буду к шести. Кто этот счастливый мудака?

Смеясь, печатаю.

А ты как думаешь?

Затем засовываю телефон в карман, не потрудившись взглянуть на ответ, когда он вибрирует, зная, что там поток недовольных эмодзи с парочкой ругательств для лучшего акцента.

Раздается стук в дверь квартиры, но прежде чем я отвечаю, она распахивается и влетает Меган. Девушка под сто восемьдесят сантиметров ростом, в блестящих красных туфлях на шпильках, которые противоречат серому костюму, будто она не уверена, собирается на работу или на вечеринку. Вот она Меган во всей красе. Яркие красные губы и светлые волосы в идеальном беспорядке, которые выглядят так, будто ей все равно, но я-то знаю, что она провела час в ванной, чтобы достичь такого эффекта.

Подруга прищуривает свои голубые глаза, указывая прямо на меня. Она отчаянно пытается выглядеть злой, но у нее ничего не выходит, поэтому просто морщится

— Серьезно? Эндрю?

— Могло быть и хуже, — бормочу я.

— А также могло быть лучше, — парирует она. — Хотя есть парочка людей похуже Эндрю.

Прежде чем могу начать спорить, Мэдди выбегает из спальни.

— Тетя Меган!

— Приветик, сладкая тыковка, — отвечает она, сгребая Мэдди в объятия, и кружит, покрывая поцелуями ее лицо. — Как моя любимая маленькая мартышка?

Мэдди хихикает, пытаясь избежать поцелуев.

— Знаешь что, тетушка Меган?

— Что? — спрашивает она, переставая кружить, и теперь просто покачивая. Даже у меня вызывает головокружение.

— С Бризо произошел несчастный случай, поэтому я нарисовала ему открытку, и мамочка сказала, что отдала ее ему!

— Это правда? — спрашивает Меган, вздергивая брови, когда смотрит на меня, опуская Мэдди на пол. — Мама отдала ее Бризо?

— Да, — Мэдди поворачивается ко мне. — Ведь так, мамочка?

— Так, — отвечаю, улыбаясь, зная, что мне придется объяснить это через пару секунд, поэтому ей лучше уйти отсюда. — Почему бы тебе не нарисовать тете Меган рисунок? Уверена, ей понравится. Иначе она будет завидовать.

После того, как Мэдди убегает, я иду на кухню, Меган следует за мной.

— Ты собираешься рассказывать, или мне нужно позвонить специальному прокурору?

— Думаю, Мэдди прекрасно все описала, — отвечаю, открывая холодильник и ящички, чтобы вытащить продукты для ужина. — Она нарисовала ему открытку. Я отдала ее.

— Как?

Я стреляю в нее взглядом и продолжаю заниматься своими делами.

— Сукин сын, — рычит Меган, опускаясь на стул за кухонным столом. — Он снова явился? У него и правда есть мужество, чтобы снова показаться.

— Он сказал, что хочет поговорить.

— Так вы разговаривали?

— Да.

Меган накрывает лицо руками.

— Ты права. Могло быть и хуже. Могло быть гораздо хуже, поэтому иди, наслаждайся своим свиданием. Потому что по сравнению с этим, Эндрю идеален.

— Я бы так не сказала, — бормочу.

Меган качает головой, смотря на меня подозрительно, когда я включаю духовку.

— Что ты делаешь?

— Кое-что стряпаю на ужин.

— Почему? Разве у тебя не свидание?

— Да, но Мэдди еще не ела, и Дрю не будет еще около часа, поэтому....

— И это дает тебе время подготовиться, — требует она. — Я позабочусь об ужине, не такое уж большое дело.

— Ты уверена?

— Безусловно, — уверяет. — Иди, надень что-нибудь, отчего у него появится желание наброситься на тебя. Как бы противно это ни звучало насчет Эндрю.

Смеясь, я направляюсь в свою комнату переодеться, выбираю пару джинсов и розовую

блузку, затем все снимаю. Брр. Переодеваюсь три раза, прежде чем останавливаю выбор на черных леггинсах и пурпурной тунике, и направляюсь на кухню к Меган.

— Как тебе?

Она осматривает меня, прежде чем резюмирует:

— Если он не ведет тебя в «Планету фитнеса» на пилатес, то категоричное нет.

Закатывая глаза, возвращаюсь в комнату, чтобы снова переодеться, натягиваю расклепанные брюки и цветастый разлетающийся топ.

В секунду, когда Меган видит меня, морщится.

— Путешествие во времени в Вудсток? (прим. Один из знаменитейших рок-фестивалей, прошедший с 15 по 18 августа 1969 года на одной из ферм городка в сельской местности Бетел, штат Нью-Йорк, США).

— Смешно, — бормочу, возвращаясь в свою комнату и натягивая облегающие джинсы и черный топ.

— Теперь ты даже не старалась, — Меган сердито говорит. — У тебя все еще есть то платье? Черное с кружевом?

— Это не такое уж большое событие, Меган. Он просто ведет меня на ужин.

— Ну, если ты наденешь то черное платье, то, возможно, станешь десертом.

Я пялюсь на нее пару секунд, прежде чем пожимаю плечами. Черт с тобой. Направляясь в комнату, вытаскиваю платье из шкафа, недолго думая, натягиваю его. Провожу руками по волосам, оставляя их неуложенными, наношу макияж в ванной, когда Мэдди возникает в дверном проеме.

— Ты красивая, мамуля.

— Спасибо, золотко, — отвечаю, смотря на нее в отражении зеркала, пока она с любопытством наблюдает за мной. Похлопываю по стойке рядом с раковиной, приглашая ее присоединиться ко мне, она залезает, когда я беру блеск для губ с ароматом клубники. Мэдди подпрыгивает, и я наношу ей немного блеска тоже, улыбаясь. — Ты же знаешь, я люблю тебя, верно? Больше, чем что-либо еще. Больше, чем деревья и птичек, и небо. Больше, чем пиццу с пепперони и любовные романы из серии «Арлекин».

— Что за романы серии «Арлекин»?

— Ты не должна знать о них еще долгое-долгое время, — отвечаю, убирая блеск для губ. — Просто знай, что я не люблю их так, как люблю тебя.

Она дергает ножками, сияя.

— Я тоже люблю тебя.

— Больше, чем шоколадное мороженое и утро субботы?

— Эм-эм, — думает она. — Больше, чем краски и деньги!

— Да ладно.

— И молочные коктейли, и игрушки из «Хеппи Мил».

— Ого.

— И даже больше Бризо.

Смотрю на нее широко раскрытыми глазами. Это серьезное заявление от моей любящей супергероев девочки.

— Ты же знаешь, что можешь любить нас одинаково.

— Не-а, — спорит, качая головой. — Ты моя мамочка, поэтому я люблю тебя больше.

Я прижимаю свой указательный палец к кончику ее носа.

— Я ценю это, но знай, что нет ничего страшного, если ты будешь любить нас

одинаково.

Стягивая со стойки, я ставлю Мэдди на ноги и смотрю на часы. Без пяти шесть.

— Я скоро вернусь, милая.

— Могу я пойти с тобой?

— Не сегодня, — отвечаю. — Но, может, в следующий раз. Вместо этого ты проведешь вечер с тетей Меган.

Мэдди надувает губки, из-за выражения на ее лице мне хочется позвонить Дрю и отменить свидание, потому что к черту все, отчего она выглядит такой разочарованной. Но она меняется, обнимает меня, прежде чем убегает.

Я вхожу в кухню, как раз когда раздается стук в дверь. Семь часов. Я все еще без обуви.

— Вот, — говорит Меган, бросая туфли в моем направлении. — Ничего не говорит «трахни меня» как красные туфли.

Я надеваю их, почти спотыкаяюсь, когда мчусь к двери. Распахиваю ее, когда снова раздается стук в дверь, сталкиваясь лицом к лицу с Дрю, на котором все еще тот же черный костюм, что и ранее.

— Привет, — говорю. — Ты вовремя.

— Как и всегда, — говорит, предлагая мне слабый намек на улыбку, прежде чем смотрит за мое плечо в квартиру. — Привет, Меган. Рад тебя видеть.

Ее голос резкий, когда она отвечает:

— Эндрю.

— Ты готова? — спрашивает Дрю, снова переводя взгляд на меня. — Я подумал, что мы можем сходить в новый мексиканский ресторанчик в Поукипзи.

— «Халаленьо»? — кричит Меган. — Этот ресторанчик не новый, но не возражаю, если вы привезете мне буррито.

На лице Дрю раздражение.

— Я имею в виду хороший ресторан, а не забегаловку.

— А, тот, с «Маргаритой», — говорит Меган со смехом. — Ты знаешь, что они говорят о текиле...

Я толкаю Дрю наружу, присоединяясь к нему, крикнув Меган прощание, прежде чем он скажет что-то, включающее в себя слово «голые». Дрю шагает, смотря через плечо, чтобы убедиться, что я иду следом.

— Хочешь, чтобы я повела сама? — предлагаю.

Он смеется над этим. Да, смеется.

— Думаю, что смогу справиться сам.

Дрю водит новый «Ауди», блестяще-черный, с нетронутым кожаным салоном. Тихий инди-рок играет из стереосистемы, когда мужчина заполняет тишину, болтая о работе. Он заканчивает тем, что прошел где-то стажировку и был нанят, чтобы... делать что-то.

Я не знаю, потому что едва слушаю.

Что-то связанное с политикой и законом.

Недолгая поездка вдоль реки. Ресторан заполнен, но нам удастся занять столик и даже не ждать. Дрю отодвигает мой стул, поправляя его, пока я сажусь, показывая себя истинным джентльменом. Я смеюсь, думая об этом.

— Что смешного? — спрашивает он, сидя напротив меня.

— Просто вспомнила, каким ты был придурком, когда мы познакомились.

— Я ведь не был так плох.

— Ты никогда не разговаривал со мной.

Появляется официантка, и я заказываю воду, в то время как Дрю — пиво.

Как только девушка уходит, Дрю говорит:

— Уверен, что и ты со мной не разговаривала.

— Потому что ты был придурком.

Он смеется.

Затем снова начинает говорить.

Я изо всех сил стараюсь слушать, присоединяясь к разговору во всех правильных местах.

Знаю эту тему от и до. Политика.

Это делает все проще, хотя Дрю и так прост. Рядом с ним легко. Знакомо. Он простой и любезный, и я продолжаю думать, что он привлекательный, но кроме этого ничего.

Никакого покалывания. Никаких бабочек. Глупых улыбочек.

С ним я не чувствую, будто теряю контроль.

Мы едим.

Дрю пьет.

Я придерживаюсь воды.

— Пойдем, пора выбираться отсюда, — говорит он, после того как оплачивает счет, отказываясь от моих денег, когда я предлагаю разделить плату. Слава богу, потому что я не могу себе это позволить.

Он берет меня за руку, и я не сопротивляюсь. Дрю ведет меня на парковку, и я не противоречу. Но как только он пытается посадить меня в машину, отказываюсь. Не скажу, что он пьян, но выпивший, а я никогда не рискую подобным.

— Уже поздно, — лгу, так как едва девять вечера. — Я могу взять такси, и тебе не придется делать круг и довозить меня.

Он в замешательстве, неуверенный как реагировать. Я знаю, что мужчина ждал большего от этого вечера, и я могу согласиться на это, но...

— Отправляйся домой, — уговариваю. — И будь осторожен. Никогда не прощу себе, если ты врежешься в дерево.

— Ты уверена? — уточняет он, явно испытывая противоречивые чувства. — Могу подвезти тебя.

— Безусловно, уверена, — наклоняюсь, поцеловать его, слегка клюнув в губы. — Не переживай. Я буду в порядке.

8 глава

Джонатан

— Как ты чувствуешь себя из-за этого?

Вопрос на миллион долларов, который я слышал бесчисленное количество раз в этом году. Меня спрашивают приводящее в ярость дерьмо изо дня в день, ночь за ночью, но ничто не задевает меня за живое, как этот вопрос.

— Как ты считаешь, я себя чувствую из-за этого?

— Ты же знаешь, что дифлексия никому не помогает, — говорит мой собеседник. — Это защитный механизм, который мешает нам признать наши проблемы.

— Не надо применять на мне психологические приемчики, Джек. Если бы я хотел

подвергнуться психоанализу, то говорил бы со своим гребаным психологом прямо сейчас.

— Да, понятно. Итак, ты чувствуешь себя как дерьмо, — говорит он. — Хуже, чем просто дерьмо. Ты собачье дерьмо на подошве, которое соскабливают о тротуар, потому что никто не хочет ходить с дерьмом на обуви.

— Довольно похоже.

— Это отстой.

Я смеюсь из-за обыденности его тона.

— Напомни мне, зачем я позвонил?

— Потому что ты готов отрезать свое левое яичко ради выпивки, и тебе нужен был кто-то, кто вправит тебе мозги.

Вздыхнув, поднимаю левую руку и провожу ею по лицу.

Насколько же он прав...

Тихий вечер в Беннетт-Ландинг. В основном все вечера такие. Солнце садится, и город погружается в темноту, а я остаюсь только со своими мыслями, которые уводят меня в чертовски опасное место. В последний раз чувствовал такую изолированность на реабилитации, когда боролся с тем, чтобы прийти в норму. Мне нравится думать, что с тех пор я добился успеха, но есть вечера, когда моя сила воли проходит проверку.

Последний час брожу по улице, направляясь в прибрежную часть города, через парк Ландинг рядом с гостиницей, рассказывая свои секреты по телефону ослу, который характеризует их как «отстой».

— У нас у всех бывают плохие вечера, мужик. Ты знаешь это, — говорит Джек. — Попытайся вспомнить, почему ты там. Выпивка точно не поможет тебе в возмещении ущерба.

Он прав. Конечно же.

Но, Господи, помилуй, я бы отдал свое левое яичко за бутылку виски прямо сейчас.

— Я пытаюсь, — говорю, проходя дальше, и поднимаю голову, когда замечаю небольшую туристическую зону. Замираю, когда улавливаю движение. Кто-то сидит на столе для пикника, уставившись на воду.

Моргаю, смотря на её лицо в лунном свете, когда Джек начинает бормотать, убеждая меня найти, где проходят встречи АА.

Я не ожидал, что кто-то из людей будет здесь в это время, и тем более не рассчитывал увидеть ее.

— Кеннеди?

Девушка поворачивается в мою сторону.

Она не выглядит удивленной, как я ожидаю. Сдержанно осматривает меня, но ее поза расслаблена, поэтому, думаю, это кое-что значит.

— Ты слушаешь меня, Каннинг? — спрашивает Джек. — Или я зря трачу свое время.

— Слушаю, — отвечаю. — Подумаю, что можно сделать.

— Хорошо, — говорит он. — Знаю, это не просто, но думаю, тебе это поможет.

— Да, — бормочу. — Слушай, я должен идти.

— Ты уверен? Все хорошо?

— Да, все хорошо.

— Позвони, если что-то понадобится.

— Позвоню.

Я заканчиваю звонок. Кеннеди наблюдает за мной, но еще ничего не говорит, поэтому

не уверен, стоит ли мне крутиться вокруг. Я не знаю, почему она здесь или что делает, и одна ли она. Не вижу больше никого, но это не значит, что она никого не ждет.

— Дай догадаюсь, — говорит она через мгновение. — Твой менеджер?

— Нет, — отвечаю, засовывая телефон в карман. — Мой наставник.

— Мило... думаю, — Кеннеди замолкает, прежде чем продолжает. — Не совсем уверена, что на это сказать.

— Так и есть, — делаю несколько шагов ближе, оценивая ее реакцию. — Он хороший парень. Не ведет себя со мной, будто я звезда, что я ценю. На самом деле он считает, что мои фильмы дерьмовые.

Она смеется. Искренне смеется.

— Извини, я не хотела смеяться над тобой, но это забавно, — поясняет. — Ты должен признать, что они в какой-то степени иногда слащавые.

— Слащавые.

— Честно сказать, я смотрела только первый «Бриз». Но да ладно, некоторые добавленные диалоги? Я думаю, что с моими глазами что-то не то, потому что я не могу оторвать взгляд от тебя. Что за низкосортная лабуда?

— Да, это один их самых неудачных.

— И то, что Марианна сказала ему в больнице, когда он впервые заболел, и они искали, как ему исцелиться?

— Тебе станет лучше, благодаря нашей любви.

— Вот! — Кеннеди закатывает глаза. — Потому что это самая мощная сила в мире.

— Мне понравилась это реплика, — признаю и, пользуясь моментом, забираюсь на стол для пикника, садясь рядом с ней. Между нами остается расстояние, поэтому мы не касаемся друг друга, но она так близко, что я ощущаю тепло от нее и намек на парфюм. — Их любовь не стала для него спасением, но сделала его лучше.

— Не имеет значения, — говорит Кеннеди. — Он лежит на больничной койке, признается, что умирает, и вот что она говорит ему?

Я улыбаюсь на цинизм в ее голосе, позволяя ей это. В этом есть смысл. Становится тихо. Кеннеди смотрит на воду, обнимая себя руками, как будто пытается собраться. Она дрожит, возможно, ей просто холодно, или она дрожит из-за меня. Не знаю.

— Ты хочешь, чтобы я ушел? — спрашиваю.

Она не отвечает, опуская взгляд на землю перед нами. Не звучит «нет», но так же и «да». Знаю, что, вероятно, должен оставить ее в покое, не рисковать и не давить слишком быстро, но я чертовски сильно скучал по ней последние несколько лет. Я не заслуживаю ее времени, не сейчас, по крайней мере, но так отчаянно хочу получить хотя бы часть этой женщины, что украду любую секунду, какую смогу.

— Что ты здесь делаешь в такое время? — спрашивает она тихо. — Нет хорошей причины находиться в этом парке после наступления темноты.

— С тобой есть.

Она улыбается.

— Просто хотел провериться, — отвечаю. — Не могу сидеть в этом доме, пялиться на стену, когда эта женщина всегда там. Нужен был перерыв. Уже поздно, думал, буду здесь один.

— Извини насчет этого...

— Не извиняйся передо мной, — говорю, качая головой. — Итак, ты все еще проводишь

здесь время?

— Иногда, — отвечает Кеннеди. — Хотя обычно не после наступления темноты. Мэдди здесь нравится, нравится кататься на качелях, проводить время у реки.

Мэдди.

Уже дважды за день она говорит со мной о ней, дважды поднимает тему нашей дочери. Стараюсь сильно не обнадеживать себя, но спустя годы, которые казались, будто я бился кулаком о кирпичную стену, мне кажется, что, наконец-то, иду в правильном направлении.

— Так она любит воду? Помнится мне, что ты ненавидишь.

— Я никогда не ненавидела воду, — спорит Кеннеди. — Просто не фанатка бактерий.

— И уток.

— И уток, — соглашается, пожимая плечом. — Что забавно, так как Мэдди их обожает. Она любит приходить сюда и кормить их. Всегда переживает, что эти птицы недостаточно сыты. Она, эм...

— Звучит так, что она идеальная.

— Да, — шепчет Кеннеди. — Так и есть.

Не знаю, что сказать, боясь слишком сильно надавить, поэтому просто сижу и рассматриваю ее в темноте. Она в маленьком черном платье, пара красных туфель валяется на земле у стола для пикника.

— Ты хорошо выглядишь, — говорю ей.

Она осматривает себя, поморщившись.

— У меня было свидание.

— Свидание.

Это слово, как удар в грудь.

Я не дурак. Знаю, что она, вероятно, продолжала жить дальше, и я худший лицемер, что расстраиваюсь из-за этого, после всего дерьма, что совершил за годы, пытаюсь заглушить чувства к ней. У нее была целая жизнь без меня, мир, который она построила сама, где я не существую, и не обвиняю ее за это. Ни на йоту. Не то чтобы я ждал, что она будет сидеть в ожидании меня. Никогда не просил ее об этом. Никогда не давал причину для этого. Я был не просто дерьмовым отцом, но так же и ужасным бойфрендом.

Но, тем не менее, пламя ревности разгорается в моей груди, досада подливает масла в огонь.

— И часто у тебя они? — спрашиваю. — Свидания.

Она смотрит на меня с недовольством.

— Не так часто, как кажется, у тебя.

Ауч.

— У тебя было, сколько... шесть, семь подружек? Черт, говорят, что сейчас ты даже женат.

— Говорят?

— Да.

— Скажи мне, что ты не читаешь эту чушь, Кеннеди. Скажи, что ты не веришь...

— Я не знаю, во что верить, — перебивает меня. — Не то чтобы это имеет значение. Это твоя жизнь. Ты можешь делать то, что хочешь. Ты дал это ясно понять долгие годы назад. Но Мэдди? Она то, что имеет значение. И я не могу позволить тебе находиться рядом с ней, если...

— Я не собираюсь причинять ей боль, — говорю, когда Кеннеди замолкает. —

Понимаю, что ты этого опасаться.

— Да, ты не думал причинять мне боль, но, как только я стала доставлять неудобства...

Хочу сказать, что сейчас все по-другому. Хочу сказать, что выучил урок, что вырос. Заверить, что никогда не повторю этих ошибок снова. Сказать, что она никогда не доставляла неудобств. Хочу сказать много всего, но ничто не сможет все изменить. Это просто слова, и я сказал столько всего за годы, включая то, что обидело ее.

— Я здесь, — заверяю. — Я трезвый. И, кстати, не женат. Не уверен, откуда они это взяли, но не было никакой свадьбы. Большая часть статей — это чушь.

— Это не имеет значения.

— Имеет, — спорю. — Ты никогда не позволишь мне увидеть Мэдисон, из-за того мужчины, каким меня считаешь, если будешь верить, что все написанное про меня дерьмо — правда. Ведь я даже не знаю, как она сейчас выглядит. Я могу пройти мимо своей дочери на улице и не узнать ее. И это моя вина. Но получается, я противостояю тому, что печатают про меня? Тогда я в пролете.

Закрыв глаза, провожу рукой по волосам, хватаясь за них, когда протяжно выдыхаю. Кеннеди молчит, и через мгновение я открываю глаза, видя, что подсветка телефона освещает ее лицо.

Начинаю говорить, что больше не буду беспокоить сегодня, когда ее взгляд встречается с моим. Она протягивает мне телефон. Мой взгляд перемещается на экран.

Сердце почти перестает биться.

На фото маленькая девочка с большими голубыми глазами, темными волосами и пухлыми щечками, на ее лице самая яркая улыбка, которую я когда-либо видел. Она позирует, уперев руки в бедра и наклонив голову набок. Она копия своей матери, но, черт возьми, ее глаза от меня.

— Она выглядит прямо, как ты, — говорю.

— Ну, да, а характером в тебя.

Я улыбаюсь, хватая ее телефон.

— Есть еще несколько фотографий, — говорит она. — Если хочешь взглянуть.

— Уверена?

Кеннеди кивает.

Несколько — это преуменьшение. Похоже, что их сотни, пока я пролистываю. Получаю краткое представление о том, что пропустил: дни рождения, праздники, первые дни детского сада. Воспоминания, которых у меня не будет, которые могли бы быть, которые должны были быть, если бы я не облажался. Мэдди выглядит счастливой. Они обе выглядят счастливыми.

Я перелистываю на следующую фотографию и замираю, уставившись на еще одно знакомое лицо.

Меган.

— Ты видишься с Меган? — спрашиваю удивленно, хотя и не стоило бы. Если кто-то и был рядом с ними на протяжении многих лет, демонстрируя непоколебимую преданность, то это Меган.

— Все время, — отвечает Кеннеди. — Сейчас она нянчится с Мэдди.

— Меган — няня? Ты уверена, что ребенок еще жив?

Она смеется и забирает телефон, нажимая на кнопку, отчего экран становится темным.

— Должна сказать, что твоя сестра великолепно ладит с детьми.

— Моя сестра, — бормочу. — Не позволяй ей услышать, что ты так ее называешь.

Моя сестра. Еще одно напоминание о возмещении ущерба.

Она не даст этому пройти легко.

— По шкале от одного до десяти, — спрашиваю, — насколько она все еще зла на меня по твоему мнению?

— От одного до десяти? Я бы сказала, что примерно семьдесят три.

Я морщусь.

— Показатель.

— В любом случае, мне надо идти, — говорит Кеннеди, вставая со стола для пикника.

— Нужно вернуться домой, прежде чем станет слишком поздно.

— Ты за рулем? — спрашиваю, осознавая, что не видел поблизости машину.

— Меня довозили. И я решила добираться назад пешком, — она колеблется, смотря на меня, как будто не уверена, как продолжить. — Я живу в квартире... что-то вроде меблированных комнат.

— Ох.

Ох, все, что отвечаю, как гребаный идиот, когда Кеннеди поднимает туфли с земли, не потрудившись их надеть. Она делает пару шагов, босиком, во взгляде все еще настороженность.

— Могу я пройтись с тобой?

— Могу справиться сама.

— Не сомневаюсь в этом, но... — я не решаюсь. — Ты возражаешь? Я бы хотел прогуляться с тобой. Не то чтобы я какой-то шовинист и не верю в тебя, просто...

— Все хорошо, — перебивает она. — Но ты не должен.

— Знаю.

Мы ходим вокруг да около факта, что этого хочу я, что она делает мне одолжение, а не наоборот, но она машет мне рукой идти, поэтому я вскакиваю на ноги и встаю рядом с ней.

— Итак, твой наставник, — говорит она, когда мы начинаем идти.

— Джек.

— Джек, — повторяет она. — Должно быть, замечательный парень, раз избавил тебя от зависимости.

— Не сказал бы, что он избавил меня от нее. Он помогает, но я трезвый не из-за этого. А из-за тебя.

— Меня?

— И Мэдисон, — признаю. — Вот. Вот что сдерживает меня, помогает избавляться от зависимости.

Кеннеди молчит, на ее лице отражено беспокойство, как будто она обдумывает мои слова, но кажется, не купилась на них. Через мгновение ее шаги стихают. Мы еще даже не вышли из парка, а она уже остановилась.

— Что изменилось?

— О чем ты?

— Что отличает этот раз от предыдущих?

— Я, эм...

— Возможно, большая часть статей о тебе — ложь, но я знаю, что ты был на реабилитации несколько раз, знаю, что они лечили тебя, но ты возвращался к пагубным привычкам. И мы были здесь. Мы сейчас здесь. Это не изменилось, так что же тогда?

— Не знаю, — признаю. — Последний раз, когда я приезжал... в прошлом году... когда умерла твоя мама, я хотел быть рядом с тобой, но приехал пьяным и понимал, что ты скорбишь, и ты посмотрела на меня, как...

— Как?

— Как будто ничего не делает тебе больнее, чем мое нахождение здесь, — отвечаю. — До этого я видел только твою злость, но в тот день увидел страх, как будто ты испугалась, сколько еще боли я принесу тебе, когда я просто хотел все исправить.

Кеннеди снова начинает идти, ее голос тихий, когда произносит:

— Я бы хотела тебе поверить.

— Да, — бормочу. — Я тоже.

— Хотя я рада, — признается Кеннеди. — Что бы ни изменилось, я рада, что ты трезв, и надеюсь, что так и будет. Ради Мэдди, да, потому что она заслуживает того, чтобы познакомиться со своим отцом, но и ради тебя самого тоже. Знаю, что меня не было достаточно для тебя, Джонатан, но надеюсь, что ты обретешь то, что нужно тебе.

Игры в парке

Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд

Ты возвращаешься в драмкружок.

И посещаешь его уже месяц.

Показываешься четвертую неделю подряд и принимаешь участие в репетициях. «Юлий Цезарь» скучен, но это лучше, чем ничего. Помешанный актер в тебе возьмет все, что может получить. Кроме того, перевоплощение в кого-то другого несет для тебя какой-то терапевтический эффект.

Может, поэтому тебе так нравится играть на сцене. Может, ты устал быть самим собой.

Девушка все еще сидит в зале каждую неделю. Иногда она пишет. В основном наблюдает. Когда она не наблюдает за тобой, ты ловишь себя на том, что наблюдаешь за ней. Ваши взгляды периодически встречаются, и она улыбается. Всегда.

За прошедший месяц кое-что изменилось. Вы двое стали близки. Она поцеловала тебя в первый раз на прошлой неделе. В библиотеке, во время обеда — просто наклонилась и поцеловала, сделав первый шаг. Было неожиданно.

С тех пор ты каждый день крадешь у нее поцелуи.

За исключением сегодня.

У тебя плохой день.

Пропустил несколько реплик. Ты отвлечен. У тебя такое выражение весь день, будто ты не здесь.

— Боже, Каннинг, соберись, — говорит Хастингс, проводя рукой по лицу. — Если ты не можешь справиться с ролью Брута...

— Пошел ты, — перебиваешь его. — Не выпендривайся, будто ты идеален.

— Я не совершаю ошибок новичка, — поясняет Хастингс. — Может, если бы ты не был так озабочен тем, чтобы трахнуть новенькую....

БАМ.

Ты затыкаешь его на полуслове ударом в лицо. Удар сильный, почти сбивает его с ног. Он пошатывается, когда ты подлетаешь к нему, хватаешь за воротник и дергаешь на себя.

— Закрой свой сраный рот.

Люди встают между вами двумя, растаскивая в стороны. Хастингс убегает с криком:

— Я не могу с ним работать.

Все в драмкружке приходят в ступор.

Ты стоишь мгновение, сжимая кулаки по бокам, успокаиваясь. Когда приближаешься к девушке, пытаешься ослабить напряжение. Она наблюдает за тобой в тишине, смотря настороженно.

Сядишься рядом с ней. Но между вами сегодня остается пустой стул. Это первый раз, когда за последние недели ты не сидишь возле нее. Даешь ей личное пространство.

Не проходит много времени, прежде чем возвращается Хастингс, но он не один. Директор вышагивает вслед за ним. Мужчина направляется к тебе с суровым выражением на лице.

— Каннингем, назови мне хоть одну причину, почему я не должен тебя исключить.

— Потому что мой отец перечисляет вам кучу бабла.

— Все, что ты можешь сказать?

— Это не хорошая причина?

— Ты ударил другого ученика!

— Мы просто репетировали, — отвечаешь. — Я Брут. Он Цезарь. Это ожидаемо.

— Брут заколол его. А не размахивал кулаками.

— Я импровизировал.

Девушка смеется на твои слова. Она пытается сдержаться, но ничего не выходит, и директор слышит, переводя свое внимание на нее.

— Послушайте, это больше не повторится, — говоришь, снова перетягивая внимание на себя. — В следующий раз я заколю его, и все будет хорошо.

— Тебе бы лучше следить за своим поведением, — говорит директор, тыча пальцем в твое лицо. — Еще один инцидент и тебя исключат навсегда. Понимаешь?

— Да, сэр.

— И будь уверен, твой отец узнает об этом, — внимание директора переключается на девушку. — Гарфилд, дать совет? Если ты хочешь добиться здесь успеха, заведи себе нового друга, кого-то с правильными приоритетами... кого-то, похожего на Хастингса.

Хастингс стоит в проходе, потирая подбородок. Несмотря на то, что у него синяк, он ухмыляется. Злорадствует.

— Потому что Каннингем не доставит тебе ничего, кроме проблем, — продолжает директор. — А ты можешь добиться большего.

Мужчина уходит. Хастингс следует его примеру. Он боится находиться рядом с тобой без поддержки. У вас двоих давнее соперничество, как у Бэтмена и Джокера... или Бризго и Рыцаря ночи.

Хотя кто из них ты?

Герой?

Девушка мотает головой, машинально рисуя на передней части блокнота.

— Это было ужасно грубо с его стороны.

— Да, но это правда, — отвечаешь.

— Да?

— Я уже однажды обеспечил тебе проблемы, — напоминаешь ты. — Могу гарантировать, что это не в последний раз.

— Ага, а что насчет другой части? — спрашивает она. — Тоже правда?

— Какой части?

— Той части, где ты, возможно, пытаешься залезть в трусики к новенькой?

Ты пялишься на нее. Она продолжает рисовать.

— Потому что, если так и есть, — продолжает девушка, — у тебя дерьмово получается.

Я хочу сказать, на самом деле ты даже не пытался...

Она не смотрит на тебя, ее щеки розовые. Рисование больше похоже на рассеянные каракули, что-то, что может ее отвлечь. Она прикусывает щеку изнутри.

Вытянув руку, ты накрываешь ее своей, останавливая девушку, прежде чем ручка протрет дыру в блокноте. Она с тревогой поднимает свой взгляд на тебя.

Ты не говоришь сразу ничего, сдерживая ее взгляд, прежде чем наклоняешься, сокращаешь расстояние и целуешь ее. Поцелуй нежный, приятный и перед всем драмкружком. Но вам плевать, что все смотрят.

— Хочешь потусоваться вместе? — спрашиваешь. — Провести немного времени наедине, подальше от этого сраного места?

Она кивает.

— Как насчет выходных?

Вырывая листок бумаги из блокнота, она нацарапывает свой номер телефона, чтобы ты позвонил ей после школы.

Хотя ты не звонишь. Твоя жизнь превращается в хаос во второй половине этого дня. У тебя даже нет шанса, твой отец устраивает скандал из-за инцидента в школе, и когда ты вырываешься от него, у тебя есть важные дела.

Но позже этим вечером, когда зашло солнце, ты отправляешь ей сообщение, спрашивая, есть ли хоть один шанс, что ты сможешь увидеть ее сегодня. Пишешь, что это важно. Уже поздно и она, скорее всего, спит, но несколько минут спустя ты получаешь сообщение с координатами парка рядом с ее домом.

Я могу встретиться через тридцать минут.

Ты добираешься туда примерно столько же по времени. Девушка сидит на столе для пикника, когда ты приезжаешь, и смотрит на воду. Парк окаймляют воды реки Гудзон. Ты впервые видишь ее не в школьной форме, где юбка до колен, облегающая бедра.

Сегодня она в пижамных штанах.

Она сидит в темноте, свет от луны окружает ее. Ты появляешься, держа руки за спиной.

— У меня есть сюрприз.

— Ответы на тест по математике, который будет в понедельник? Потому что если да, то ты, по крайней мере, доберешься до третьей базы за это.

Ты смеешься, вставая перед ней.

— Что происходит на третьей базе?

— Уверена, что петтинг в одежде.

— Досадно, — говоришь. — Мог бы получить петтинг в одежде, но это не так. Хотя, ты всегда можешь списать мои ответы. Просто сделай несколько ошибок, так как учитель заподозрит, если ты получишь идеальный результат.

— Верно, так как ты никогда их не делаешь, — она игриво закатывает глаза. — Тогда если не ответы, то что?

Ты вытягиваешь руки. Это комикс в пластиковой обложке. Выражение лица девушки

меняется, когда она берет его.

Бризо: Призрачный.

Выпуск #5 из 5

— Это... О, боже мой, это правда он?

— Последний выпуск «Бризо».

— Но откуда? — ее взгляд вперивается в твой. — Он ведь еще не вышел.

— Ох, ну, я знаю человека, который знает человека, — отвечаешь. — Ты знаешь, как это обычно бывает. Заплатишь достаточно денег и можешь получить что угодно.

— Должно быть, ты действительно ненавидишь ожидание, — говорит девушка. — О, боже мой, Джонатан. Я, правда, не могу в это поверить. Он хорош? Ты уже читал?

— Нет, не читал. Купил его для тебя. Подумал, что, возможно, ты одолжишь мне его позже, если я хорош для тебя.

— Это для меня? — спрашивает она, прижимая комикс к груди. — Правда, для меня?

— Да, — отвечаешь. — Для тебя.

Как только ты это подтверждаешь, она бросается на тебя, делая прыжок прямо со стола в твои объятия. Ты не ожидаешь этого и почти падаешь на землю. Тебе удается удержаться на ногах, когда девушка оборачивает руки вокруг твоей шеи, а ноги вокруг талии.

Она целует тебя.

Ты целуешь в ответ, когда делаешь пару шагов, чтобы усадить ее на край стола, но она тебя не отпускает. Поощряет. Девушка кладет комикс на стол и проводит рукой по твоим волосам, когда прижимается к тебе.

Ты стонешь, вжимая свое тело в ее. Ты настолько твердый, что она чувствует это.

— Полагаю, в конце концов, я доберусь до третьей.

— Да? Думаю, ты получишь все прямо в парке.

Ты смеешься у ее губ, все еще целуя.

— Да? Ты уже дашь попасть в цель?

— Это того стоит, — шепчет девушка. — Ты можешь целиться когда угодно. Это все твое.

Может, ваши выражения, описывающие ситуацию, немного глупы, но это тебя заводит. Она дает тебе зеленый свет, и черт, но какой озабоченный подросток откажется от приглашения.

Скользишь рукой в переднюю часть ее пижамных штанов, и она ахает, запрокидывая голову назад. Твой рот перемещается на девчачью шею, пока ты сводишь ее с ума кончиками пальцев, и спрашиваешь:

— Как тебе нравится?

Она заикается.

— Я, эм... не знаю.

— Ты хочешь вот так? — продолжаешь спрашивать, шепча ей на ухо, когда она трется об тебя, создавая собственные фрикции, практически доведя себя до оргазма. Ты помогаешь, усиливаешь давление, где ей больше всего это нужно. — Я могу перегнуть тебя через стол, взяв сзади. Или мы можем пойти в мою машину, может, ты оседлаешь меня на пассажирском сиденье. Расскажешь, как мне доставить тебе удовольствие.

Ты любишь развратные разговорчики. Девушка краснеет.

— Я не знаю, — снова говорит. — Я никогда, эм...

— Ты хочешь сказать, что вообще никогда?

Она качает головой.

— Серьезно? Это твой первый раз?

Это застает тебя врасплох. Ты останавливаешься. Ты и не думал, что она девственница.

Она стонет, потеревшись своими бедрами о твои.

— О боже, не останавливайся... пожалуйста...

Ты снова начинаешь потирать комочек нервов. Она близко, так близко, что будет жестоко остановиться. Проходит еще пару секунд, прежде чем раздаются стоны, оргазм накрывает девушку. Ты не останавливаешься, пока она снова не расслабляется, но когда пытаешься отстраниться, она не дает.

— Я хочу, — умоляет. — Понимаю, ты делал это прежде, а я нет, но я хочу этого... с тобой.

— Твой первый раз не может произойти на улице, — говоришь. — Я не могу перегнуть тебя через долбаный стол для пикника.

— Тогда в машине.

— И в машине тоже нет, — говоришь. — Не со мной. Все должно произойти в кровати. Ничей первый раз не должен быть быстрой десятиминутной спешкой в парке.

— Какой был твой первый раз?

— Гребаная спешка в парке, — отвечаешь, и она смеется. — Поэтому я знаю, о чем говорю. Он продлился две минуты в моем случае, но тем не менее.

— Звучит сурово, — отвечает девушка, смеясь, но ее изумление исчезает, когда она прижимает ладони к твоим щекам. Рассматривает твое лицо в лунном свете. Слабый намек на синяк начинает появляться на подбородке. Она проводит пальцами вдоль него.

— Ты в порядке?

— Да, — отвечаешь, убирая ее руки. — Не о чем волноваться.

— Подобное часто происходит?

— Что?

— Ты знаешь что, — отвечает. — Побой от твоего отца.

Ты смеешься, но не звучишь счастливым.

— Я могу сам о себе позаботиться. Я не маленький ребенок.

— Но ты все еще ребенок, — парирует. — Тебе только семнадцать. Кроме того, предполагаю, это началось не только что.

Ты не отвечаешь сразу. Не хочешь обсуждать эту тему. Хотя она не собирается оставлять это так. Поэтому садишься рядом с ней на стол и говоришь:

— Завтра мне исполняется восемнадцать.

— Серьезно?

— Да, и да, ты права, — говоришь. — Это не ново.

Поэтому рассказываешь ей. Рассказываешь, как тебе всегда было тяжело, потому что ты был маменькиным сынком. Твоя мать была честолюбивой актрисой, и вот как ты стал принимать участие в съемках в таком юном возрасте, но отцу никогда это не нравилось. Ты должен был последовать по его стопам. Главный источник разногласия между твоими родителями, и когда отец поднялся в политических рядах, мама отделилась от своей мечты.

Тебе было двенадцать, когда он впервые тебя ударил, но это не стало случаться на регулярной основе, пока два года спустя, твоя мама не наглotalась таблеток и больше не проснулась. Твой отец считал, что ее погубила карьера, но ты винил его.

Вот почему ты знаешь ответы на все вопросы учителя. Он занимается с тобой при

любой возможности, как будто думает, что сможет изгнать из тебя твою мать и заполнить пустоту собой.

Девушка сидит рядом, положив голову тебе на плечо. Вы оба наслаждаетесь тишиной, прежде чем она говорит, что ей пора домой.

Ее родители не знают, что она ушла.

— Завтра вечером, — говорит девушка, поднимая комикс. — Если у тебя не будет занятий поинтересней, приходи потусоваться со мной.

— В какое время?

— Восемь часов, — отвечает. — У меня дома.

— У тебя дома, ха? Начинаю думать, что тебе нравится попадать в неприятности.

Она ухмыляется, когда целует тебя — простой нежный поцелуй — прежде чем говорит:

— Увидимся завтра, Джонатан.

— Я приду, — заверяешь, когда она уходит.

Ты не знаешь, но эта девушка всегда была немного интриганкой, и в данный момент разрабатывает план. Понимаешь, завтра ее родители уезжают из города. Она должна была поехать с ними, но вдруг ей начало нездоровиться. «Апчхи», «апчхи».

9 глава

Кеннеди

Прежде чем могу сделать еще шаг, меня резко останавливают, схватив за запястье.

Застигнутая врасплох, поворачиваюсь и смотрю на него. Джонатан. Мы все еще в парке, недалеко от места, где начали наш спор. На его покалеченном лице странное выражение. Не уверена, как его прочесть, не уверена, что он думает или чувствует.

Хотя в этом его суть.

Он актер. Его талант врожденный. Ему никогда не нужно было упорно трудиться. Парень мог сменить настроение и обстановку за секунду, изменить сценарий, и никто не поймет, что это произошло. Трудно сказать, то ли он просто играет какого-то персонажа, то ли действительно имеет в виду то, что говорит.

— Нет, — говорит Джонатан низким голосом, но колко. — Не делай этого.

— Не делать чего?

— Не веди себя так, будто мне было тебя недостаточно.

— Я не веду.

Он мотает головой, его выражение сменяется на другое. Злость? Боль? Раздражение?

— Не знаю, как ты можешь это говорить, как ты вообще можешь так думать.

— Потому что это правда, — шепчу, опуская взгляд на его руку вокруг моего запястья. Он не выпускает его. — Я не собираюсь быть злопамятной, но очевидно, что тебе было недостаточно только меня.

— И как же это было очевидно?

Не могу поверить, что он это спрашивает, что он притворяется, будто не понимает. Он правда притворяется? Не знаю. Или так, или он провел слишком много времени, игнорируя реальность.

— Ты хотел намного большего, чем у тебя было со мной, — говорю. — Я не могла удовлетворять тебя полностью. Пыталась, но у меня не вышло. Поздние приходы домой,

вечеринки, все эти разные места и лица... Я потерялась где-то посреди этого, но ты никогда не останавливался, чтобы оглянуться и увидеть с тобой ли я все еще. И затем пьянство, наркотики, женщины.

Он морщится на моих словах.

— Я никогда не изменял тебе.

Он говорил мне это прежде, но смысл не в этом. Хорошо, что он держал штаны на себе, держал руки при себе, но, тем не менее, снова и снова он выбирал их. Оставил меня позади, одну, в городе, где у меня был только он, чтобы быть с ними.

Актерами. Моделями. Светскими людьми.

Я так сильно стремилась за ним и его мечтой. Отказалась от всего. Но в конце он не дал мне даже минуты.

Я просила об одной минуте.

— Не имеет значения, — ставлю точку. — В любом случае все кончено.

Джонатан отпускает мое запястье, и я снова начинаю идти. Он идет рядом. Могу сказать, что парень хочет поспорить, и очень часто его губы приоткрываются, как будто он нашел слова, чтобы переубедить меня, но останавливает себя.

Когда мы достигаем моего дома, я задерживаюсь рядом с парковочным местом недалеко от своей двери.

— Спасибо, — бормочу неловко, неуверенная, что сказать в этот момент.

— Ты неправа, — говорит Джонатан, когда я разворачиваюсь. Его голос негромкий, но я слышу. Стоило догадаться, что он так просто не отпустит эту тему.

Я качаю головой.

— Нет.

— Да, — снова повторяет. — И я ненавижу то, что заставил тебя думать иначе, Кеннеди.

Он уходит, я наблюдаю за этим, игнорируя крохотную часть себя, которая не хочет его ухода.

Мэдди уже в кровати, когда вхожу в квартиру, но Меган лежит на диване, переключая каналы так быстро, отчего я не уверена, видит ли она, что на них идет. Девушка замечает меня и садится.

— Ничего себе, ты выглядишь... — начинает она, махнув на меня рукой.

— Как?

— Не знаю, — отвечает. — Но выглядишь как-то по-другому.

— Я и чувствую себя по-другому, — бормочу, располагаясь на диване рядом, кладя туфли ей на колени, когда забрасываю ноги на журнальный столик. Мое платье задирается почти до талии. Вероятно, я свечу перед ней своим нижним бельем, но мне плевать. Что за ночь.

— О боже, это было так плохо? — спрашивает она, ее голос становится низким, когда она хватается за грудь. — У него маленький? Тонкий как иголочка член? О, боже... Это охрененно. Пожалуйста, скажи, что у Эндрю мизинец в штанах.

— Нет, — отвечаю, смеясь, и замолкаю, прежде чем добавить: — Ну, я не знаю. Никогда не видела его, но сомневаюсь, что это тот случай.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что никогда не видела?

— То и имею в виду. Я никогда не видела. Мы никогда... то самое.

— Что? — Меган шокировано смотрит на меня. — Вы ходили на свидания пару раз, и

даже ни разу не поиграли? Какого черта? Я имею в виду, я тебя не обвиняю, потому что фууу, это же Эндрю, но почему ты продолжаешь ходить с ним, если он еще не залез к тебе в трусики? В чем смысл?

— Может, потому что он милый.

— Милый? Ты знаешь, кто ещё милый?

— Даже не начинай.

— Мистер Роджерс, — давит она. — Он хочет, чтобы ты была его соседкой (прим.перев. имеется в виду отсыл к сериалу «Наш сосед Мистер Роджерс»). Боб Росс (прим. Боб Росс — американский живописец, популяризатор техники быстрой живописи маслом. Известен своими телевизионными программами, в которых рассказывал и показывал, как самому написать картину маслом), он милый тоже. Он нарисует тебе маленькое счастливое облачко. Как насчет одного из «Кливерс»? (прим. Герои старого детского ток-шоу) Почему бы не пойти на свидание с одним из них?

— Совершенно точно знаю, что они все мертвы.

— Да, такими темпами с твоей вагиной случится то же самое.

Смеясь, пихаю ее, и Меган почти падает с дивана.

— Это не так.

— Ладно, неважно. Итак, Эндрю милый, — она притворяется, что ее тошнит. — Если вы не резвились голышом, что вы делали сегодня вечером?

— Ужинали.

— Ужинали, — говорит она, смотря на меня во все глаза. — Тебя не было несколько часов. Сколько ты съела?

— Почему ты задаёшь так много вопросов?

— Просто пытаюсь убедиться, что ты не убежала и не сделала ничего глупого, как например, резвилась голышом с кем-то другим.

— Конечно, нет, — говорю. — Мое платье оставалось на мне весь вечер.

— Но ты сбежала, да?

— Я ничего не делала.

Она качает пальцем перед моим лицом.

— Ты виделась с ним.

Виновата.

Мне не нужно ничего говорить. Она все понимает.

— Господи, помилуй, Кеннеди...

— Знаю-знаю. Тебе и не нужно это говорить.

— Ох, но я скажу, — говорит она. — Я не собираюсь диктовать тебе, что делать. Конечно, мне хочется. Я бы хотела уговорить тебя получить судебный запрет, но не буду. Знаю, он ее отец...

— Он также твой брат.

Она слегка треплет меня по голове.

— Брр, не напоминай.

Вставая, надевает свои туфли, поправляя складки на одежде.

— Ты можешь остаться, — предлагаю. — Не нужно спешить.

— Знаю, — говорит Меган, игриво взлохматив мои волосы, пока я не шлепаю ее по руке. — Но Вселенная нуждается в балансе. Ты не отдалась никому сегодня, что означает, дело за мной, а я не откажусь от своего гражданского долга.

— Ах, снова хочешь почувствовать себя молодой.

Меган показывает мне средний палец.

По правде говоря, Меган старше меня на пару лет, она на пороге тридцати и даже не собирается остепениться. Она такая беззаботная, что рядом с ней я чувствую себя старомодной.

— Люблю тебя, — говорит она.

— И я тебя, Меган.

— Люблю тебя, яблочный пирожок с корицей и сахаром! — кричит она, когда открывает дверь, и ее голос разносится по квартире.

Я не ожидала, что она получит ответ, но сонный голосок раздается из спальни:

— Люблю тебя.

Меган смотрит на меня, пытаюсь выглядеть серьезной, указывая двумя пальцами на свои глаза, затем на мои, демонстрируя, что наблюдает за мной.

Прежде чем могу ответить, она уходит.

Я не была знакома с Меган, пока Мэдди не появилась на свет. Мы разговаривали пару раз, виделись мимоходом, но ее жизнь была довольно далека от брата. Она хотела узнать свою племянницу, хотя в итоге мы тоже сблизились.

Вздыхнув, выключаю телевизор, закрываю дверь на замок, прежде чем направиться спать. Стою в дверном проеме комнаты Мэдди, ее голубые глазки смотрят на меня.

— Привет, милая. Ты повеселилась с тетей Меган?

Она кивает.

— Тебе было весело на свидании?

— Конечно, — отвечаю. — Оно было приятным.

— Он сказал, что ты красивая в этом платье?

— Эм, нет, — оглядываю себя. — Не думаю, что он заметил.

— Почему?

— Иногда люди просто не замечают подобного.

— Я замечаю, — говорит она. — Не думаю, что они должны нравиться тебе, если не могут заметить красивые платья. Потому что ты можешь видеть их, а они нет, значит, они не смотрят. И они должны смотреть на тебя на свиданиях, когда ты красивая.

— Ты права, — отвечаю. Она слишком сообразительна. — Очень хороший совет.

Она улыбается, когда я подхожу, наклоняюсь и целую ее в лоб.

— Поспи, — говорю ей. — Может, завтра устроим что-нибудь особенное.

— Утки! Утки! Утки! Утки!

Я качаю головой, когда Мэдди хватается за расфасованные пакеты с капустой на помосте рядом с кассой, взволнованно повторяя это слово, едва давая Бетани шанс пробить капусту, и тем более сложить в пакет к остальным покупкам.

— Ты собираешься к уткам сегодня? — спрашивает Бетани со смешком, забирая мою оплату.

— Да! — восклицает Мэдди. — Пикник с утками! Да, мамочка?

— Да, — отвечаю. Если печенье и сок считаются за пикник, как мне нравится думать.

Бетани драматично хмурится.

— Счастливица. Я буду работать целый день, в отличие от твоей мамы, поэтому никакого кормления уток для меня.

— Утки едят все время, — говорит ей Мэдди. — Каждый день, поэтому можешь покормить их, когда не будешь работать!

— Знаешь, ты абсолютно права, — говорит Бетани. — Мне стоит запомнить Мэдди улыбается, довольная, и начинает прыгать вокруг, как будто играет в классики, прыгая с квадрата на квадрат по клетчатому полу.

Бетани отсчитывает мою сдачу, когда меняет тему, бормоча о графике и выходных и бла-бла-бла... именно о том, о чем я не хочу говорить, но терплю, прежде чем пора уходить. Оглядываюсь в поисках Мэдди, замечая ее в конце линии кассы, когда она смотрит на то, что не должна видеть.

«Хроники Голливуда».

— Достаточно, — говорю я, прижимая руку к ее спине, уводя. Она не сопротивляется, и я благодарна, что малышка только недавно научилась читать, и поэтому не понимает половину написанного.

ДЖОННИ КАННИНГ ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ ОБРАЗЕЦ РЕАБИЛИТАЦИИ!

Алкоголь, наркотики, секс-зависимость крушит звездную жизнь Бризо!

Друзья переживают, что он стоит на пороге смерти!

Я увожу дочку из магазина, неся наши вещи для пикника, в то время как Мэдди тащит пакеты с капустой. Достаяю ключи от машины из кармана, пытаюсь присматривать за ней одним глазом, когда она резко останавливается, уронив один из пакетов.

Я тоже останавливаюсь, слыша ее шепот:

— Бризо.

— Знаю, золотко, — бормочу, поднимая пакет с капустой, собираясь обратно передать его ей, пока она отходит от меня.

— Бризо, — снова повторяет, на этот раз немного громче, убегая.

— Мэдисон! — кричу, побежав за ней. — Остановись!

Мэдди не останавливается, но я да. Она в трех метрах, направляется к кому-то, приближающемуся к продуктовому магазину. Она бежит прямо на человека, блокируя ему дорогу, когда снова говорит:

— Бризо!

О, боже.

О, нет.

Нет, нет, нет...

Бризо...

Джонатан стоит перед ней, моргая, замешательство написано на его лице. Не уверена, как она узнала его, с щетиной на лице, все еще избитого. Он выглядит как потрепанная версия актера, и тем более не как его персонаж.

Мою грудь сдавливает, когда задерживаю дыхание. Он не сразу ее узнает, но я замечаю момент, когда его осеняет. Вспышка шока, которую он не может скрыть, прежде чем его выражение становится спокойным. Может, он и паникует, но не показывает этого, во всяком случае, я не вижу.

Тем не менее, он сохраняет молчание.

Джонатан смотрит на Мэдди в тишине.

Я так много раз представляла этот момент, сотней разных способов, ни к одному из них

даже отдаленно не была готова, но никогда это не было так. Понятия не имею, как он отреагирует, не знаю, что будет делать. Все вышло у меня из-под контроля, поэтому мне хочется схватить ее за руку и убежать.

Джонатан встречается глазами с моими, умоляя взглядом. Это паника. Осторожно я делаю шаг вперед.

— Бризо? — снова говорит Мэдди, стоя прямо перед ним, снова привлекая его внимание к себе. Сейчас она звучит неуверенно, не понимая его реакции, что, кажется, подталкивает его к действиям.

— Привет, — отвечает он, присаживаясь на колени, чтобы быть с ней на одном уровне. — Не произноси это громко. Люди могут услышать.

— Мамочка сказала, что отдала тебе мой рисунок, — щебечет Мэдди радостно, крича шепотом. — Ты видел?

На его лице легкая улыбка.

— Да.

Я едва слышу его голос. Он смотрит на нее так, будто хочет запечатлеть ее лицо в своей памяти, как будто боится, что это может быть их последняя встреча.

— Он тебе понравился? — спрашивает она. — Ты почувствовал себя лучше?

— Я люблю его, — говорит он. — И почувствовал себя гораздо лучше. Спасибо тебе.

— Всегда, пожалуйста, Бризо!

Его взгляд встречается с моим, пока он изгибает бровь. Он ждет, что я что-то сделаю. Но что?

— Мэдди, милая, мы говорили об этом, — говорю я. — Он не настоящий Бризо, помнишь?

— Знаю, — она драматично закатывает глаза, как будто я сумасшедшая. — Он Джонни по телевизору, в газетах и так далее, но он также все еще Бризо, верно?

— Верно... я думаю.

— Ты права, — говорит он, протягивая ей свою левую руку. — Хотя меня зовут Джонатан. Рад с тобой познакомиться.

Она хватается его за руку, быстро пожимая.

— Мамочка зовет меня Мэдди. Ты тоже можешь меня так называть!

— Мэдди, — повторяет он.

Такой сентиментальный момент или, ну, он должен быть таким. Слезы жгут мои глаза, я смаргиваю их, комок образуется в моем горле, который сглатываю, не желая смущать Мэдди своей реакцией.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я тихо, когда Джонатан встает.

— Миссис Маклески отправила меня за молоком, — поясняет он. — Сказала, что я должен быть полезен.

— Да, эм... — смотрю в сторону магазина. — Ты не захочешь этого сделать. Кассир, чья сегодня смена, фанатка Бризо.

— Я тоже! — восклицает Мэдди.

Хватаю девочку за плечо, притягивая к себе.

— Да, но ты, малышка, знаешь, как хранить секреты.

— Знаю, — заверяет она, широко улыбаясь, когда смотрит на меня. — Как в тот раз, когда мамочка рассказала мне секрет, что ты не....

Я даже не знаю, о чем она, но не позволяю ей закончить, прикрывая ее рот рукой,

заглушая слова, и шиплю:

— Секреты, помнишь?

Джонатан смеется.

— Ну, полагаю, никакого молока для миссис Маклески сегодня.

Мэдди убирает мою руку от своего рта, слишком возбужденная, чтобы оставаться тихой.

— Я могу купить молоко!

— Нет, я, эм... — черт. — Я могу. Это займет всего секунду. Только... — Черт. — Эм...

— Как я вляпалась в это? — Просто подождите здесь. Как думаешь, ты можешь...? — Черт.

Черт. Черт. Машу между ним и Мэдди. — Всего на секунду?

Глаза Джонатана расширяются, когда он понимает, о чем я, как будто не может поверить своим ушам, что забавно, потому что я не могу поверить, что это вылетело из моего гребаного рта. Я, правда, попросила его присмотреть за ней?

— Конечно, — отвечает парень нерешительно, как будто ждет, будто я изменю свое мнение, и я хочу, но не могу, не тогда, когда уже сказала об этом. — Если ты уверена.

Я киваю.

— Сейчас вернусь.

Пытаюсь успокоиться, не показывать своей тревоги, мои шаги решительные, когда я возвращаюсь в магазин. Иду в заднюю часть помещения, хватаю галлон молока, прежде чем иду к кассе, все это время мое сердце неистово стучит. Не могу поверить, что делаю это. Я оставила Мэдди с Джонатаном, просто оставила ее с ним. Он может забрать ее. Сбежать. Вдруг это был его план все время. Может, ему и не нужно молоко.

— Забыла что-то? — спрашивает Бетани, когда я ставлю галлон.

— Да, — бормочу. — Сглупила.

Она пробивает молоко, и я оплачиваю, затем хватаю галлон, прежде чем она может завязать разговор.

Выходя из магазина, с дрожью выдыхаю, замечая, что они все еще стоят вместе. Мэдди говорит без остановки, пока Джонатан улыбается, как будто загипнотизированный.

Его улыбка тускнеет при моем появлении. Он почти выглядит разочарованным, что я вернулась. Пытаюсь отмахнуться от этой мысли, когда сую ему молоко, но мой желудок стягивает в узел.

— Спасибо, — благодарит он. — Мэдди рассказала мне все об утках.

— Это правда? — спрашиваю ее. — Вероятно, не стоит удивляться.

— Я рассказала ему, что они едят капусту! — говорит она, сжимая пакеты. — Он сказал, что это безумие, потому что они едят хлеб. Но это он говорит безумие, потому что хлеб плох для них. Он не верит, что они едят капусту!

— Ну, — говорю я, когда она делает паузу, чтобы перевести дух. — Полагаю, он не знает много об утках.

— Полагаю, нет, — соглашается Джонатан, задерживаясь, будто не хочет уходить.

— Он должен пойти! — объявляет Мэдди, смотря на него широко раскрытыми глазами. — Ты можешь покормить уток!

— Не уверена насчет этого, золотко, — говорю я.

— Почему? — спрашивает Мэдди.

Почему? Хороший вопрос, на который у меня нет ответа, по крайней мере, ответа, который она поймет.

— Уверена, он занят.

— Слишком занят для уток? — спрашивает она, смотря на него в неверии. — Ты не хочешь покормить их со мной?

Я облажалась. Вот так. Мгновенно это понимаю. То, как она спросила это, то, как сформулировала? Нет варианта, что он ответит «нет».

Джонатан что-то бормочет, не отвечая на ее вопрос, и смотрит на меня, в поисках помощи. Странно видеть его таким уязвимым. Он будто тонет сейчас.

— Мы будем в парке, — говорю ему. — Если хочешь прийти, когда занесешь молоко.

— Ты уверена?

Он спрашивает меня, но Мэдди отвечает.

— Да.

Парень смеется.

— Тогда, полагаю, увидимся.

После момента колебания, момента, когда он снова пялится на Мэдди, Джонатан, наконец, уходит. Мэдди наблюдает, пока он не пропадает из виду.

— Мамочка, это Бризо! Он здесь.

В ее глазках мелькают звезды, моя девочка-мечтательница, и я возвращаю ей улыбку, хоть и переживаю, что все это неизбежно ее сокрушит. Он здесь, и он старается, но как долго это продлится? Сколько пройдет времени, прежде чем он снова сбежит из города и вернется к своей жизни, оставив все позади? Сколько времени пройдет, прежде чем моя желающая любви маленькая девочка станет для него неудобством?

10 глава

Джонатан

В это время в парке тихо, только пара семей проводит досуг, занятые своими делами. Никто не обращает на меня внимание, когда я направляюсь к столам для пикника, низко опустив бейсболку и солнцезащитные очки, чтобы избежать контакта глаза в глаза.

Я проводил пресс-конференции в прямом эфире, выходил на красные дорожки, давал показания в суде перед влиятельными прокурорами, которым ничего не стоило разорвать меня на части. Однажды был в реабилитационной клинике... дважды... хорошо, может, пять раз, провел бесчисленное количество встреч АА и изливал душу лучшему психотерапевту на западном побережье. Прослушивания за прослушиванием, встречи и переговоры, интервью на пресс-конференциях, где репортеры, казалось, не понимали значение словосочетания «личные вопросы». Я находился рядом с влиятельными людьми, однажды даже встречался с президентом.

Но никогда за всю жизнь не нервничал так, как в этот момент.

Мои ладони потеют. Руки зудят. Мое запястье чертовски болит, чувствую, как оно пульсирует в такт биению моего сердца.

Мне кажется, меня сейчас стошнит, но я беру себя в руки и направляюсь к воде, где Кеннеди сидит с нашей дочерью.

Чувствую себя дерьмово, но ничего не мешает этому... что бы ни было. Я приму все, что смогу получить.

— Ты пришёл!

Голосок Мэддисон громкий, когда она бежит ко мне, все еще держа в руке пакеты с

капустой. Темные волосы обрамляют ее лицо, а коса растрепалась. Она убирает от глаз волосы, которые ей мешают, улыбаясь мне.

— Конечно, — отвечаю. — Не мог пропустить встречу с утками.

Сует мне один из пакетов, почти толкая меня им. Я морщусь, когда она задевает поврежденное ребро. Чертовски больно, но я не издаю ни звука, когда Мэдди говорит:

— Ты можешь покормить их из этого, потому что я буду из этого.

Я беру пакет, колеблясь, прежде чем снимаю слинг с руки. Мне следовало носить его пару дней, но к черту. Не смогу сделать это одной рукой. Бросаю слинг на траву, наблюдая, как Мэддисон разрывает свой пакет, немного перестаравшись и почти теряя всю капусту. Та начинает высыпаться, и инстинкты берут свое. Вытягиваю руку резко и хватаю капусту, поморщившись, когда боль простреливает мое предплечье.

— Осторожнее.

— Я держу, — говорит она безразлично, хотя не делает этого, оставляя следы от капусты, как «Гензель и Гретель» с крошками. Капуста не попадет к уткам, к тому времени, как мы до них доберемся.

— Вот, — говорю я, пытаюсь открыть второй пакет. — Давай поменяемся.

Она пожимает плечами, как будто не видит разницы, но меняется со мной пакетами, прежде чем направляется к воде.

— Иди сюда, я тебе покажу!

Мы повстречались всего час назад, но она уже окрутила меня вокруг своего пальчика и командует. Следую за ней к берегу, где семья уток плещется в воде.

— Что насчет твоей мамы? — спрашиваю, испытывая чувство вины, будто украл ее у Кеннеди.

— Мамочка не любит уток. Она говорит, что я могу их кормить, но они должны оставаться здесь, потому что могут ее съесть.

Я смеюсь над этим, бросая взгляд на Кеннеди, которая сидит на столе для пикника, наблюдая за нами.

— Полагаю, некоторые вещи никогда не меняются.

— Какие, например?

Я смотрю на Мэддисон.

— А?

— Что никогда не меняется?

— Люди, — отвечаю. — Ну, или некоторые люди. Твоя мама не очень сильно изменилась.

Она все еще красивая, сообразительная женщина, какой всегда и была. Даже в семнадцать, когда впервые вошла в мою жизнь, она казалась более собранной, чем кто-либо еще, но ее причуды все еще с ней.

— Ты знаешь мою мамулю? — спрашивает Мэдди, нахмутив лобик.

— Да, мы хорошо знали друг друга.

Кажется, Мэдди обдумывает это, когда преодолевает остальное расстояние до реки, хватая горсть капусты из пакета, и поднимает ее над головой, бросая в воду. Утки не колеблются, бросаясь прямо к ней. Капуста исчезает в одно мгновение, и Мэдди бросает еще одну горсть, пока утки кучкуются у берега озера, издавая много шума.

— Иисус Христос, — бормочу, когда утки окружают нас, пытаюсь вырвать пакет с капустой из моих рук, в то время как Мэдди хихикает, бросая горсть за горстью.

Паникуя, я переворачиваю пакет и высыпаю все к черту, прямо на землю, отходя немного назад. Мэдисон делает то же самое, наблюдая за мной, высыпает свою капусту сверху.

— Ты права, — говорю. — Им нравится капуста.

— Я же говорила, — восклицает она, скомкав пакет в шар, пока ищет куда выкинуть.

Я забираю его.

— Я могу выбросить.

— Спасибо, Бризо.

Все, что она говорит, прежде чем убегает, кружа вокруг, играя с утками, которые следуют за ней, хотя у нее и нет капусты. Я беру свой слинг и бросаю пустые пакеты в мусорку, затем направляюсь к Кеннеди. Она не смотрит на меня, не говорит ни слова, попивая сок, пока наблюдает за Мэдисон издалека.

— Безумие, — бормочу. — Столько энергии в этом маленьком человечке.

— Так и есть, — соглашается Кеннеди. — Ты ожидал чего-то другого?

— Не думаю, что чего-то ожидал. Я просто...

— Понимаю.

Она перебила меня, прежде чем я успел закончить. Она понимает? Может быть. Но в ее голосе резкость, которая говорит мне о том, что она не хочет развивать эту тему, поэтому я не заканчиваю предложение:

— Спасибо за приглашение, — благодарю. — Понимаю, тебе было нелегко.

— Не имеет значения, как было мне, — отрезает она. — Между нами все кончено, Джонатан. Имеет значение только Мэдди.

Ее слова жалят.

— Все равно спасибо.

Она кивает, шепча:

— Не заставляй меня пожалеть об этом.

Я чертовски надеялся, что этого не произойдет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Подбегает Мэдисон, тяжело дыша, размахивая руками и заикаясь на некоторых предложениях. Кеннеди берет коробку с соком, вставляя трубочку, прежде чем передает ей. Девчонка выпивает его за глоток.

— У тебя есть костюм? — внезапно спрашивает девчушка, пока комкает коробку.

Вопрос застаёт меня врасплох.

— Что?

— Для Бризо. У тебя есть этот костюм или нет?

— Эм, нет, — отвечаю. — Не с собой.

— А где он?

— Где-то в трейлере с гардеробной. А что?

Она пожимает плечами, передавая коробку с соком своей маме.

— Он действует? Превращает в невидимого?

— Нет, это обычный костюм.

— И ты не становишься невидимым?

— Нет, я тоже обычный.

Она хмурится. Такое чувство, что я сказал ребенку, что Санты не существует.

— Но ты герой, — спорит она. — Я видела по телевизору, так что, может, тебе и не

надо исчезать, так ты сможешь остаться, и теперь тебе не придется уходить.

Эти слова как удар под дых. Я яростно моргаю, не уверенный, что она имеет в виду, но мне вербально надавали тумачков.

— На днях мы читали отрывок из «Призрачного», — поясняет Кеннеди. — Она не рада, что Бризо исчезает в конце.

От объяснения лучше не становится. Вздохнув, сажусь на край стола для пикника.

— Да, я всегда считал, что это отстойно. Конечно, он думал, что это к лучшему, но полагаю, авторы могли бы подарить им счастливый конец.

— Он должен вернуться, — говорит Мэдисон. — Тогда ему станет лучше, и они будут счастливы.

Она слишком сильно подбирается к нашей историей, говоря это, сама того не осознавая.

— Хах, возможно, тебе стоит дописать историю.

Мэдисон округляет глаза, ее лицо освещает улыбка. От этого выражения мое гребаное сердце ускоряет бег. Она красивая. Малышка еще красивее, чем я мог себе представить. Внутри нее живет искорка, та, что находит связь во мне, искорка, которую я не чувствовал давно.

— Я могу это сделать! — восклицает она. — Могу все исправить!

Кеннеди смеется.

— Уверена, можешь.

Мэдисон снова убегает. Я сижу в тишине, наблюдая за ее игрой. Проходит несколько минут, прежде чем мой телефон звонит в кармане. Вынимаю его. Клифф.

— Алло? — отвечаю кратко.

— Привет! — говорит Клифф со слишком большим энтузиазмом. — Как наш герой чувствует себя сегодня?

— Зависит от обстоятельств.

— От каких?

— От того, что ты хочешь.

— Просто звоню проверить, как ты держишься.

— В таком случае все хорошо.

— Отлично, — говорит он. — Сегодня не такой угрюмый придурок.

— Может, немного.

— Даже немного считается.

Он смеется.

Клифф никогда не смеется.

— В любом случае у меня не было шанса узнать, как ты, после твоей выписки, — говорит он. — Ты вернулся в Лос-Анджелес?

— Нет, понимаешь ли, я решил... задержаться

— Задержаться, — повторяет он. — Ты все еще в городе?

— Эм, близко.

Ему не требуется много времени, чтобы осознать.

— Ты не мог. Seriously, скажи, что ты не там, где я думаю.

— Да, я здесь.

Он фыркает.

— История повторяется каждый твой приезд. Каждый чертов раз.

Так и есть. Я слетал с катушек после каждого посещения Беннетт-Ландинг. Уходил в

загул, до полного онемения, настолько, что меня могли застрелить, и я ничего не почувствовал бы. И после того, как брал себя в руки, начиналась лекция: я играю с огнем, это кошмар для пиара, представь, что будет, если они пронюхают...

Представь, что здесь появятся папарацци. Представь, что войдут в ее жизнь, как вошли и в твою. Представь, что будут преследовать твою дочь в школе. Что напишут о ребенке, которого ты избегал. Представь, каково тебе будет, когда тебя будут клеймить ругательствами за то, что ты бросил дочь.

— Все хорошо, — фыркаю. — Никто не знает, что я здесь.

— Предполагалось, что ты будешь отдыхать.

— Перестань беспокоиться. Я не собираюсь ввязываться ни во что глупое.

— Лучше бы так и было, — говорит Клифф. — Сейчас хватает проблем и от Серены.

Я вздыхаю, понутив голову.

— Что теперь?

— Она попала в реабилитационную клинику.

Я ожидал услышать это, но, тем не менее, удивлен.

— Добровольно?

— Конечно, если ты считаешь, что все те разы был там добровольно.

Даже близко нет.

— Она отбилась от рук, — жалуется он. — Полагаю, настало время для нее получить помощь.

— Хорошо. Надеюсь, это сработает.

— Я тоже.

— Так это все? Больше нет новостей?

— Нет, — отвечает Клифф. — Если, конечно, тебе нечем поделиться?

Я заканчиваю разговор без лишних формальностей и засовываю телефон в карман, глядя на Мэдисон. Не хочу сглазить удачу. Сегодня была счастливая случайность, но я не уверен, что будет дальше.

— Дай угадаю, — говорит Кеннеди. — Твоя жена?

— Я уже говорил тебе, что у меня нет жены.

— Держу пари, ты также говорил людям, что у тебя нет дочери.

Я прищуриваюсь. Горечь сквозит в каждом ее слове.

— Никто даже не спрашивал.

— Но, тем не менее, ты не делился данной информацией.

— Я бы поделился, — говорю. — Сделаю это сейчас, если хочешь. Я позвоню репортерам прямо сейчас и дам эксклюзивное интервью. Но просто знай, что к завтрашнему утру они будут тарабанить в твою дверь. Они будут прятаться в кустах, лазать по деревьям, смотреть в окна, карабкаться, чтобы получить фотографии. Твое фото появится в «Хрониках Голливуда» на первой странице на следующей неделе. Этого ты хочешь?

Она не отвечает.

Конечно же, ответ «нет».

Это неизбежно. Когда-нибудь они узнают. Я только надеюсь, что у нас есть время разобраться со всем, прежде чем это произойдет. Что у меня будет время узнать свою дочь и заработать доверие Кеннеди до того, как налетят стервятники и все испортят.

— Мэди! — окликает она, вставая. — Нам пора, золотко!

— Нет, — сразу же говорю я. — Пожалуйста, не уходите.

— У меня есть дела, — говорит Кеннеди.

— Еще двадцать минут, — прошу. — Десять минут.

— Я бы хотела, но...

Кеннеди перебивает появление Мэдди, чьи волосы теперь растрепаны.

— Нам нужно уходить, мамочка?

— Нам нужно к дедушке, помнишь? Мы обещали ему прийти.

— Он может тоже пойти? — спрашивает ее Мэдисон, прежде чем повернуться ко мне.

— Ты пойдешь?

— В дом твоего дедушки?

— Да! Дедуля любит тебя, потому что он тоже смотрит «Бризо»!

Кеннеди тихо смеется, пока собирает их вещи.

— Не думаю, что это хорошая идея, — отвечаю. — Может, в другой раз.

Она выглядит разочарованной и надувает губки. Я хочу забрать слова назад. Хочу сказать, что пойду за ней куда угодно, даже если это означает проведать мужчину, который однажды сказал, что отрежет мои яйца, если я снова переступлю порог его дома. С того времени я пару раз там появлялся, не обладая достаточной храбростью войти внутрь, но сделаю это ради нее.

Я отрастил неплохие яйца, чтобы позволить ему их отрезать. «Надрез», «надрез».

— Ох, и не надо испытывать «собачьи глазки» на нем, — говорит Кеннеди, игриво хватая Мэдисон за подбородок, сжимая пухленькие щечки пальцами. — Он слишком умен, чтобы поддаться.

— Но он может прийти в следующий раз? — спрашивает она.

— Может, — отвечает Кеннеди. — Посмотрим.

Я открываю рот, чтобы попрощаться, но Мэдисон бросается на меня, опережая. Она обнимает меня за шею, и мое сердце чертовски болит, когда я обнимаю ее в ответ. Все очень быстро, слишком быстро, и она отстраняется.

— Спасибо тебе, Бризо!

— Джонатан, — поправляет ее Кеннеди.

— Джонатан, — повторяет девочка. — Но и Бризо тоже.

— Всегда, пожалуйста, Мэдди, — говорю. — Спасибо, что позволила мне покормить уток.

Кеннеди берет Мэдисон за руку, задерживаясь на мгновение. Вижу, что она хочет что-то сказать. Приоткрывает губы, но выходит только вздох, прежде чем они уходят.

Подарок на день рождения

Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд

В субботу вечером, чуть позже восьми часов, ты останавливаешь свой «Порше» напротив скромного двухэтажного дома.

Девушка встречает тебя на крыльце, в простом сером платье, похожем на длинную футболку и с босыми ногами.

Ты останавливаешься на крыльце перед ней. Не уверенный, чего ожидать, осматриваешь ее с ног до головы. Становится очевидно, что ты глазеешь на нее, твои глаза останавливаются на гладких голых ногах.

— Итак, моих родителей нет, — признается девушка. — Я поклялась, что не выйду из

дома до их приезда.

Она нервничает, говоря это, теребя край платья, ты отвлекаешься. Твой взгляд перемещается туда, где материал поднимается все выше и выше.

— Как долго их не будет?

— До завтра. Поэтому я дома одна... Всю ночь... Чем мне стоит заняться?

Встречаешься с ней взглядом. Она тебе улыбается.

Вы не произносите ни слова.

Девушка тянет тебя в дом, проявляя мужество и делая первый шаг, целуя тебя, как только вы оказываетесь внутри. Движения ее губ уверенные, но руки дрожат. Ты хватаешь их и целуешь ее в ответ.

— С днем рождения, — шепчет. — Я должна тебе кое-что показать.

— Не могу дождаться, чтобы увидеть.

Она ведет тебя наверх.

В свою комнату.

Тусклый свет лампы освещает типичную комнату девушки-подростка: захлавленная, с множеством красок и одеялом в цветочек. Над ее кроватью на стене висит постер «Бризо: Призрачный». На столике рядом горит свеча, источая запах ванили.

— Ты уверена? — спрашиваешь, когда она снова тебя целует, но не ощущается никаких сомнений. — Я подумал, что тебе сначала захочется посмотреть фильм или что-то еще.

— А тебе?

— Что мне?

— Тебе хочется посмотреть фильм? — спрашивает, целуя линию твоего подбородка. — Я хочу сказать, мы, конечно, можем, если ты этого хочешь...

— К черту фильм, — говоришь, перемещая ее к кровати. — Сейчас мне только хочется узнать, каково это быть внутри тебя.

Девушка краснеет и смеется, звук превращается в стоны, когда ты целуешь ее шею. Ты не тратишь времени даром, снимая с нее платье, оставляя в кружевных черных трусиках и соответствующем бюстгальтере.

— Бл*дь, ты красавица, Кей, — шепчешь, пока твой взгляд осматривает ее. — Такая чертовски красивая.

Она драматично закатывает глаза.

— Я серьезно, — заверяешь, подталкивая ее лечь на кровать. — Даже не сомневайся. Ты королева, детка... А я простой парень.

— Ты только что?.. — она пялится на тебя во все глаза, когда ты толкаешь ее на спину и нависаешь над ней. — О, боже мой, ты действительно только что процитировал для меня Бризо.

— Прелюдия, — поясняешь. — Кроме того, отличная реплика.

В ответ тишина.

Снимаешь футболку и обувь. В твоём кошельке спрятан всего один презерватив, так как ты не думал, что все действительно зайдет так далеко, но кто знает, как долго он там лежит. Но девушка на таблетках, поэтому ты раскатываешь презерватив, больше не останавливаясь.

Исчезают остатки одежды.

Ты двигаешься медленно, твои касания нежные, даешь ей время привыкнуть. Твои пальцы внутри нее, а рот на ней, когда оргазм проходит через ее тело. Ты осторожничаешь, лишая ее девственности, толкаясь бережно и останавливаясь. Она доверяет тебе, отдает тебе

всю себя. Ты не хочешь причинить боль.

Ты доставляешь ей удовольствие.

Снова и снова.

Остаешься на всю ночь.

Почти рассвет, когда ты снова надеваешь свою одежду. Она лежит накрытая одеялом, наблюдая, как ты присаживаешься на край кровати и натягиваешь обувь.

Когда ты завязываешь шнурки, она садится, обнимая тебя сзади, ее голова прижата к твоему затылку. Девушка остается в таком положении пару минут, когда резко отстраняется.

— Дерьмо, почти забыла отдать тебе твой подарок на день рождения!

— Я думал, что ты и была подарком.

— Что? Нет, — она смеется, замотанная в одеяло. Оно почти слетает, когда она тащит тебя вниз, усаживая на диван в гостиной. — Садись.

Девушка садится рядом с тобой и включает телевизор. Ты думаешь, что, возможно, она собирается посмотреть кино сейчас, но нет, она включает что-то записанное — «Закон и порядок».

— Не может быть, — произносишь, когда она нажимает «воспроизвести».

Это серия с твоим участием.

— Ее показывали пару дней назад, — она объясняет тебе. — К счастью, по кабельному показывают одно и то же, поэтому я успела записать ее в повторе.

Ты смеешься, обнимая ее рукой.

Вы сидите вдвоем и смотрите.

Не только твои сцены. Весь эпизод. Когда он закончен, она смотрит на тебя и говорит:

— Мне плевать, что ты собираешься делать в будущем, даже когда будешь самым великим актером в мире... мертвый ребенок в «Закон и порядок» всегда будет моей любимой твоей ролью.

Вскоре после этого ты уезжаешь.

Семь утра.

И ты не знаешь, но эта девушка... Когда твоя машина уезжает, она осознает, что отчаянно в тебя влюблена. Ее тело болит, сердце бешено колотится. Она не смыкает глаз, но это не имеет значения. Она находится в эйфории и ничего не может спустить ее с небес на землю, даже когда любопытная соседка рассказывает ее отцу о голубом «Порше», который всю ночь простоял у вашего дома. Даже то, что отец замечает засосы на ее шее от яростного сминания губ, даже когда он угрожает кастрировать тебя и говорит, что она наказана на всю оставшуюся жизнь, потому что ночь, которую девушка провела с тобой, того стоила.

11 глава

Кеннеди

— Дедуля! Дедуля! Угадай, кого я видела?!

Мэдди начинает кричать, как только выскакивает из машины, забегая по крыльцу к дому моего отца. Папа сидит в кресле-качалке, наблюдая за ее перемещениями.

— Кого?

— Бризо! — говорит она, останавливаясь на крыльце перед ним, и размахивает руками, пока рассказывает. — Он был в магазине, а затем не поверил, что утки едят капусту, поэтому

пошел в парк проверить и тоже кормил уточек! Но, думаю, он испугался, потому что не кормил их хорошо, но они все равно ели.

Мой отец моргает, обдумывая ее слова.

— Бризо.

Она кивает.

— Но не настоящий Бризо, потому что он не настоящий, а просто Джонатан.

— Джонатан.

Еще один кивок.

— Я сказала ему, что он должен прийти, потому что тебе нравится Бризо, и он сказал, что в следующий раз.

Папа смеется в неверии.

— Ха, я бы хотел посмотреть, как он зайдет сюда.

— Пап, — предупреждаю я.

— Я тоже! — восклицает Мэдди, не осознавая, что это скрытая угроза. Она вбегает в дом, оставляя нас с отцом наедине. Он молчит, но взгляд говорит сам за себя.

— Как снег на голову свалился, — комментирую, усаживаясь на крыльцо рядом с ним.

— Нам нужно поговорить с Мэдди об опасности незнакомцев, потому что она помчалась прямо к нему.

— Яблоко от яблони недалеко падает, — говорит папа. — Полагаю, ты не сказала Мэдди, кем он ей приходится.

— Да, но... Я понятия не имею, как это объяснить.

— Просто расскажи ей.

— Не думаю, что это так просто.

— Но так и есть, — спорит отец. — Она умная девочка. Кроме того, ты думаешь, она воспримет новость плохо?

— Нет, я думаю, что она будет самым счастливым ребенком на планете, и это половина проблемы. Ведь что случится, если он ее подведет?

— Не хочу тебя огорчать, но ты не можешь контролировать подобное. Может ли она в итоге разочароваться? Вероятно. Он полюбит ее, потому что, как может быть иначе? И если он приложит усилия, она заслуживает шанса любить его в ответ.

Конечно же, он прав, но из его уст все звучит так просто, хотя таковым не является в данный момент.

— Ты осознаешь, что мы говорим о том парне, которого ты однажды назвал «худший кошмар для дочери любого отца».

Он смеется.

— Дедуля, можно я возьму это? — Мэдди выскакивает на крыльцо с банановым мороженым. Она облизывает его, не ожидая разрешения, а верхушка уже откусана.

— Что? Ты хочешь мое мороженое? — папа морщится. — Ни за что! Я хранил его, чтобы съесть позже.

Она замирает, глаза широко раскрыты, когда взгляд мечется между мороженым и дедушкой!

— Эм...

— Шучу, — отвечает он, игриво ее подтолкнув. — Конечно, можно, малышка.

Уже темно, когда мы добираемся до дома. Мэдди быстро засыпает, поэтому я поднимаю ее и умудряюсь занести в квартиру. Ее обувь уже снята и оставлена в машине, я

сразу кладу дочку в кроватку и целую в лоб.

— Люблю тебя, золотко.

Она сонно бормочет что-то, напоминающее «сумасшедшие утки».

Истощение накатывает на меня, в костях тяжесть, такое чувство, что разваливаюсь на кусочки. Принимаю горячую ванну, пытаюсь расслабиться, но ничего не может отключить мои мысли. Они в полнейшем беспорядке.

Я больше не понимаю, что чувствую.

Вылезая из ванны, набрасываю халат и направляюсь к себе в комнату. Открыв прикроватную тумбочку, вытаскиваю старую визитку и ложусь на кровать с телефоном в руке.

Джонни Каннинг.

Под его именем контактная информация, а также о его менеджере с обратной стороны. Визитка в конверте, в котором обычно лежит и чек с баснословной суммой. Я никогда не брала и цента его денег, но годы назад сохранила одну из визиток. На всякий случай.

Открывая текстовые сообщения, вбиваю номер, сомневаясь, пока пялюсь на пустой экран.

Что написать?

Привет, это Кеннеди.

Отправляю, слишком сильно не думая об этом, понимая, что если буду анализировать, то передумаю.

Ответ приходит через секунду.

Привет. Все в порядке?

В порядке ли все? Нет. Все уходит из-под контроля.

Просто интересно, не занят ли ты завтра.

Нет, а что?

А то, что я не понимаю, какого хрена творю, но все равно набралась смелости.

Подумала, что мы можем вместе сказать Мэдди правду.

На этот раз он отвечает не так быстро, проходит минута, может, две, прежде чем приходит сообщение.

Правду?

Для тебя это проблема?

Проходит несколько минут. Начинаю думать, что совершила ошибку, когда звонит телефон, и на экране высвечивается калифорнийский номер. Джонатан звонит. У меня сводит желудок.

— Алло?

Он колеблется мгновение, прежде чем начать говорить:

— Не думал, что ты ответишь.

— Ну, я ответила, — бормочу, думая, что стоило отправить его на голосовую почту. —

Так, для тебя это проблема?

— Нет, мне просто интересно, что для тебя значит правда.

Хмурю лоб, уставившись в потолок.

— Что?

— Ты хочешь рассказать ей правду, — говорит он. — Всю правду?

Не уверена, что ответить. Сколько я хочу ей рассказать? Сколько ему нужно времени подготовиться? Я даже не знаю, обдумывал ли он это?

— Не знаю, — признаю.

Он становится жутко тихим, но я знаю, что по-прежнему на связи. Чувствую, слабо слыша его дыхание. Через мгновение парень делает глубокий вдох.

— Во сколько прийти?

Полдень.

Солнечный свет проникает сквозь открытые окна, согревая пространство мягким свечением. Легкий ветерок шевелит белые занавески, пока песня бойз-бенда раздается из радио в гостиной. Мэдди танцует, одетая в свой любимый наряд для воскресенья: как какой-то неугомонный маленький супергерой в пачке и разноцветных колготках, в слишком большой футболке с надписью «Бризо», и накинутом как плащ фиолетовом покрывале. Все утро энергия исходит от нее, в то время как я больше похожа на беспорядок.

Глаза жжет, так как не очень много спала, пялясь в потолок, выдумывая возможные разговоры и обдумывая все «что если». Этим утром мои руки дрожат, пока я заставляю себя убираться, пытаюсь отвлечься от реальности, но ничего не помогает. Не имеет значения, сколько протираю и подметаю, я продолжаю думать о том, какой катастрофой может обернуться наш разговор.

Песня на радио сменяется... на это раз девчачья группа... раздается тихий стук в дверь.

— Открою! — кричит Мэдди, убегая к двери. В этот момент я напрягаюсь, переставая протирать стол на кухне в третий раз.

— Нет, подожди секунду, — говорю, но она не обращает на меня внимание. На часах 12:01. Я сказала ему прийти в любое время после полудня, а это значит....

— Бризо! — восклицает Мэдди, распахивая дверь, затем разворачивается с восторгом в глазах и говорит:

— Мамочка, посмотри, это....

— Джонатан, — заканчиваю я, выходя из кухни, нервно вытирая ладони о джинсы.

— Джонатан, — повторяет она, стоя перед ним в дверном проеме.

Он пялится на нее, улыбаясь.

— Мэдди.

— Входи, — говорит Мэдди, хватая его за руку — за поврежденную — чтобы втянуть в квартиру. Джонатан морщится, не сопротивляясь, но его улыбка дрогнет, когда взгляд встречается с моим.

Вздыхнув, закрываю за ним дверь, прижимаясь к ней спиной. Мэдди говорит без передышку, а я даже не понимаю, о чем. Такое ощущение, что я под водой, сердце бьется в бешеном ритме, но кажется, Джонатан понимает мое состояние. Он снова ей улыбается, пока она устраивает ему быструю экскурсию по квартире.

Он останавливается в небольшом коридоре, который ведет к комнатам, снова встречаясь со мной взглядом. Догадываюсь, о чем он думает. Не знаю как или даже почему, но в мгновение, когда наши взгляды встречаются, я, как будто, возвращаюсь назад во времени: в другое место, в другую квартирку, даже меньше этой, но которая являлась нашим домом какое-то время.

— Мы можем поиграть в моей комнате! — объявляет Мэдди, пытаясь утянуть его в том направлении.

— Оу, подожди-подожди, — вмешиваюсь, выходя из оцепенения и отталкиваясь от двери. Пора и, правда, провести разговор о том, что нельзя никуда уходить с незнакомцами. Да, он ее отец, но ведь Мэдди этого не знает. Еще нет.

— Притормози, малышка. Нам нужно поговорить.

Глаза Мэдди расширяются. Я смотрю между ней и Джонатаном, их выражения лиц почти идентичные. Обеспокоенные.

— Я ничего не натворила, — говорит Мэдди, качая головой.

— Знаю, — уверяю ее, указывая на диван. — Садись.

Она садится, наконец-то, отпуская Джонатана. Он с осторожностью присаживается на край дивана рядом с ней. Я медлю мгновение, прежде чем присаживаюсь на журнальный столик перед Мэдди.

— Я, эм... — понятия не имею даже как начать. — Я хочу сказать, мы...

— Может, стоит мне... — перебивает Джонатан, делая паузу, прежде чем говорит: — Ну, сама понимаешь.

— Все нормально, — заверяю. — Я справлюсь.

— С чем, мамочка? — спрашивает Мэдди.

— Мы хотим поговорить с тобой кое о чем, — начинаю. — О том, почему Джонатан здесь.

— Чтобы поиграть со мной? — спрашивает малышка.

— Нет, — качаю головой. — Ну, я имею в виду, может быть, но на самом деле не из-за этого. Знаешь, мы с ним знаем друг друга давно, еще до того, как ты появилась на свет, золотко.

— Ох, — Мэдди смотрит на меня с изумлением. — Так он пришел, чтобы поиграть с тобой?

— Что? Нет, — восклицаю я, поморщившись, в то время как мое лицо краснеет. — Ничего подобного. Просто... Послушай, помнишь свою подругу Дженни, которая жила рядом с твоим дедушкой? Помнишь, как она переехала, и я объяснила тебе, что ее родители решили больше не жить вместе, потому что иногда взрослые так поступают, и поэтому ей придется оставаться в разных домах?

Ее глаза снова расширяются.

— Я должна переехать?

— Что? Нет! Ты не должна никуда уезжать.

— Обещаешь?

— Обещаю. Дело не в этом. Я просто хочу сказать, ну... знаешь, иногда родители не живут вместе, и в этом нет ничего страшного, и от этого они не перестают быть семьей. У всех есть мама и папа.

Мэдди качает головой.

— Не у всех.

— Да, золотко. У всех.

— Не-а. У Ноа из моей подготовительной группы нет папы. У него две мамы!

— Ох, ну... ладно, но, тем не менее, как раз об этом я и говорю. У всех есть двое родителей.

— Но сейчас у Дженни не двое, а трое. Ее папа женился, поэтому у нее теперь есть еще одна, но немножко другая, мама, правильно?

— Правильно, — боже, я все еще больше запутала. — Но, тем не менее, у нее есть свой папа, поэтому я хочу сказать....

— Я твой отец.

Джонатан говорит тихо, но уверенно, отчего я резко вдыхаю.

Мэдди смотрит на него.

— Ты хочешь быть моим папой?

— Да, — отвечает он. — Я уже им являюсь.

Ее челюсть отвисает в шоке.

— Ты женился на моей мамочке?

Джонатан быстро моргает, застигнутый врасплох, пока я закашливаюсь на этом вопросе.

— Ох, нет, мы не... — его взгляд встречается с моим, прежде чем он продолжает: — Все совсем не так. Я всегда был твоим отцом.

— Как?

— Как? — повторяет он. — Ну, просто я им являюсь. Кеннеди — твоя мама, а я твой папа.

— Как? — спрашивает Мэдди снова.

Он смотрит на меня, ища поддержки, как будто не уверен, что она на самом деле спрашивает, поэтому я вмешиваюсь, прежде чем он воспримет все буквально и начнет рассказывать о пестиках и тычинках.

— Мамы и папы не всегда вместе, помнишь? Поэтому, он твой отец, хоть и не был рядом.

— Но где он был?

Мэдди спрашивает меня, не его. Я знаю это, потому что она доверяет мне безоговорочно, и как бы ни обожала Джонатана, не очень хорошо его знает. Но я не знаю, как ответить, и должна ли вообще. Не уверена, что именно я должна объяснить его отсутствие, оправдывать его.

— Я не был там, где должен был, — вмешивается Джонатан. — Я должен был быть с тобой, но я...

— Болел, — помогаю я, пока он подбирает слова.

— Болел, — повторяет он.

— У тебя болел животик? — спрашивает Кеннеди, глядя на него.

— Нет, все было гораздо хуже, — признается, — и я не виню никого другого. Я сделал плохой выбор. Я...

— Ты скрывался? — спрашивает она.

— Я все испортил, — отвечает Джонатан. — Я не был с тобой, но теперь я здесь, если ты позволишь мне.

Она молчит мгновение, обдумывая, затем пожимает плечами.

— Ладно.

Джонатан выглядит ошарашенным.

— Ладно?

— Ладно, — повторяет, вставая с дивана и потянув его за руку, чтобы он тоже поднялся. — Но ты должен спать в маминой кроватке, потому что не влезешь в мою.

— Эм... — говорит он неловко, следуя за ней. — Что?

— Он не будет жить с нами, — вмешиваюсь я. — Помнишь родителей Дженни?

Мэдди кивает, глядя на меня.

— Но сейчас он может поиграть, мамочка? Пожалуйста?

— Конечно, — разрешаю я, улыбаясь. — Он может остаться, насколько захочет, и поиграть.

Она уводит его, прежде чем я могу что-нибудь сказать.

Слабо слышу, как Мэдди щебечет в своей спальне, когда пытаюсь занять себя и не заикливаться на присутствии Джонатана. Убираюсь. Слушаю музыку. Смотрю телевизор.

Проходят часы.

Долгие часы — самые долгие в моей жизни. Я не знаю, чем они занимаются, не желая прерывать, но слышу смех Мэдди и разговоры Джонатана, пока они играют.

Начинает смеркаться, и я стою на кухне, готовлю ужин, когда в комнате Мэдди все стихает. Слышу шаги позади себя по деревянном полу.

Джонатан останавливается в дверном проеме.

— Она спит.

— Не удивлена, — отвечаю. — Она провела активно большую часть дня.

Смотрю на еду на плите. Мэдди позавтракала и пообедала, но я знаю, что если разбудю ее для ужина, то вряд ли она много съест.

— Да, — прерывает мои размышления Джонатан, облакачиваясь о дверную раму. — Мне бы хотелось иметь хотя бы половину ее энергии. Собрать в бутылку и брать с собой на ночные съемки.

— Полагаю, это круче кокса, да?

Его выражение лица мрачнеет на моих словах. И сразу же я ужасно себя чувствую. Брр.

— Извини. Мне не стоило это говорить.

— Все хорошо, — отвечает он. — Я все это заслужил.

— Может быть, но давным-давно я сказала себе, что не буду включать все эти женские издевки.

Заканчиваю ужин, выключаю плитку, пока Джонатан все еще стоит на месте.

— Голоден? Могу наложить тебе.

— Тебе не стоит предлагать.

— Знаю, но предлагаю.

— Эм, ну... ладно, — он идет к столу. — Если не возражаешь.

Ставлю две тарелки на стол. Спагетти и чесночный хлеб — ничего изысканного, но нас устраивает. Честно говоря, я не очень хороший повар. Спагетти недоваренные, и соус не самодельный, а из банки. Мы с Джонатаном сидим за столом напротив друг друга. Он ждет,

пока я начну есть, прежде чем даже притрагивается к вилке.

Я ковыряюсь в тарелке, без аппетита, но как только Джонатан начинает есть, то не останавливается, пока не опустошает тарелку. Задаюсь вопросом, когда в последний раз он ел домашнюю еду. Раздумываю, если ли у него нанятый повар, или ему готовит Серена.

Серена. Он сказал, что они не женаты, но по большей части он избегает этой темы.

— Она знает?

Вопрос срывается с моих губ, прежде чем я могу обдумать его.

Выражение лица Джонатана настороженное.

— Кто и что знает?

— Серена, — поясняю. — Она знает о нашей дочери.

Он колеблется, будто обдумывает.

— Почти уверен, что да.

— Почти уверен.

— Смутно помню, что рассказывал ей, — отвечает. — Но мы оба были под кайфом, кто знает, поверила ли она или нет.

— Ничего себе, — говорю. — Приятно знать.

— Мы не... — начинает он, почесывая подбородок. — Послушай, насчет этого....

— Это не мое дело, — прерываю. — Больше нет. Что ты делаешь и с кем, меня не касается. Но если это будет отражаться на Мэдди...

— Не будет, — заверяет он. — Это несерьезно.

— Выглядит серьезно.

— Все это обман. Мы просто друзья.

— Друзья, — отвечаю. — То есть ты хочешь сказать, что никогда с ней не спал?

Он медлит с ответом.

— Так я и думала, — бормочу, размазывая нетронутые спагетти по тарелке.

— Это было несерьезно, — продолжает Джонатан. — Просто произошло.

— Как давно?

— Не помню, — признается он. — Время от времени подобное случалось.

— Когда был первый раз?

Знаю, что задаю слишком много вопросов для человека, которого это не касается, но дверь открыта нараспашку, и я не могу остановить себя от подглядывания.

Он снова медлит.

— Забудь, что я спросила, — говорю, отказываясь есть, и встаю со стула. Разговор окончен. Занимаю себя тем, что выкидываю остатки и начинаю мыть посуду, пока Джонатан сидит на месте.

— Могу я помочь? — предлагает, пока я наполняю раковину горячей водой.

— Собираешься мыть посуду одной рукой?

— Эм, наверное, — отвечает. — У тебя нет посудомоечной машины?

— Нет, — говорю, глядя на нее. — Вернее есть, но не работает.

— Что с ней?

— Кто знает? Ремонтники должны были исправить, но, как говорит мой отец, они полезны так же, как и конгресс. Еще они не могут починить мою стиральную машинку и сушилку.

— Что со стиральной машинкой и сушилкой?

— Одна течет, а другая не нагревается.

Джонатан замолкает, когда я начинаю мыть посуду. Когда смотрю на него, вижу, что он оглядывается вокруг, нахмурившись.

— Почему вы здесь живете?

— А почему не должны?

— Здесь очень скромные условия.

— Нам хватает, — отвечаю. — Я работаю в магазине, ты знаешь. Все, что могу себе позволить.

— Почему?

— Может, потому что я никогда не ходила в колледж, поэтому делаю то, что могу.

— Но... почему?

Развернувшись, смотрю на него.

Он смотрит на меня в замешательстве.

— Я отправлял деньги. Их должно было хватить.

— Мне не нужны твои деньги.

— Почему?

— Почему? Джонатан, ты серьезно задаешь мне этот вопрос?

— Послушай, я просто спрашиваю...

— Знаю, что ты спрашиваешь, но мы справляемся и без твоих денег.

— Да ладно тебе, не веди себя так, Кей.

— Как так?

— Вот так. Я хочу помочь.

— Тогда будь отцом, а не чеком.

Он замолкает, пока я продолжаю уборку. Когда заканчиваю и начинаю сливать воду, Джонатан встает, чтобы уйти. Делает несколько шагов, прежде чем колеблется и выдает:

— Я никогда тебе не изменял.

Вытираю руку и поворачиваюсь к нему.

— Я серьезно, — повторяет. — Последние пару лет прошли как в тумане, поэтому не мог сказать то, чего не помню, но я знаю, что между нами все было кончено, прежде чем у меня что-то было с Сереной.

Киваю, опуская взгляд на свои руки.

— Я не обвиняю тебя в измене. Просто пытаюсь понять, сколько потребуется времени, прежде чем ты двинешься дальше.

— Ох, ну, самый легкий вопрос, — отвечает. — Этого не произойдет.

12 глава

Джонатан

Тусклые церковные цокольные этажи — не самое мое любимое место, и я не фанат проведения там времени. Для меня это необходимость, хотя Джек бы впал в бешенство, услышав от меня такое. Ведь сюда мы должны приходить изливать души, признаваться об алкоголизме миру.

Собрания. Я, черт побери, ненавижу их.

Предполагается, что они обеспечивают безопасность и анонимность, но это не тот случай. Люди склонны узнавать мое лицо, и не успеешь оглянуться, распространяют фотографии.

Складные металлические стулья заполняют Епископальную церковь Хатфилда. Сажусь на стул в самом заднем ряду, радуясь, что они не расположены по кругу, поэтому я могу держаться в стороне. Новое место, новое лицо, что означает: они захотят услышать мою историю, но я не планирую рассказывать. Сегодня просто нуждаюсь в напоминании.

Входят люди, около дюжины, мужчины и женщины, я никого не узнаю, кроме него.

Сукин сын.

Майкл Гарфилд.

Он направляется к передней части помещения. Отвожу взгляд, опускаю голову, ниже натянув кепку, но все бессмысленно. Мужчина останавливается перед всеми, взгляд задерживается на мне, когда он открывает собрание.

Дерьмо.

— Добро пожаловать, меня зовут Майкл, и я алкоголик.

— Привет, Майкл.

Хор голосов раздается в помещении, но я молчу и плююсь на свои колени, пока он продолжает.

— Я трезв уже двадцать лет, — признается, прежде чем погружается в обычное разглагольствование. Я присутствовал на множестве подобных встреч, и они все начинаются одинаково: бессвязные приветствия, прежде чем слово предоставляется для историй. Но, кажется, никто особо не готов сегодня говорить, поэтому Майкл предлагает тему:

— Почему бы нам не поговорить о прощении?

Смеюсь себе под нос. Могу чувствовать его взгляд на себе.

Они говорят. Я слушаю.

Встреча длится полтора часа.

Кажется, что она длиннее, чем те девяносто дней, что я провел на лечении.

После окончания остаюсь на месте, позволяя другим покинуть помещение. Майкл направляется к выходу, останавливаясь возле моего стула. Он смотрит на меня мгновение суровым взглядом, прежде чем уходит, не сказав ни слова.

Его нет поблизости, когда я покидаю церковь. Все ушли, парковка пуста. Я один.

Вытаскиваю телефон, чтобы позвонить Джеку и дать знать, что посетил долбаную встречу, как он и просил, замечаю голосовое сообщение от Кеннеди. Она звонила около часа назад.

Нажимаю кнопку «воспроизвести», пока прохожу по парковке, мои шаги замедляются, когда слышу голос. Нет, не Кеннеди. Мэдди.

«— Мама разрешила позвонить, потому что, когда я проснулась, ты уже ушел. Она рассказала, что вы ели спагетти, но затем ты ушел. И я собираюсь поест их сейчас, потому что это мое любимое блюдо, не считая сырной пиццы с сыром. Может, мы сможем поест ее завтра, когда я буду не в саду! Можем снова поиграть, если мама разрешит, но ты должен спросить сам, так как это вечер перед занятиями, а тебе она может сказать «да».

Кеннеди смеется на заднем фоне.

— Я все слышу.

— Ох, — шепчет Мэдди. — Мне надо идти».

Улыбаюсь, когда сообщение прерывается, открываю текстовые сообщения и отправляю Кеннеди.

Извини, пропустил звонок, но спасибо, что позволила ей позвонить.

Ее ответ приходит моментально.

Конечно.

Обдумываю мгновение, прежде чем печатаю.

Каковы шансы, что мы сможем повторить завтра? С меня пицца, с тебя ребенок.

Как только отправляю, печатаю следом.

Конечно, полностью моя идея.

Нет ответа, по крайней мере, не сразу. Засовываю телефон в карман и иду к гостинице по тихим окрестностям.

Достигнув своего назначения, ступаю на крыльцо, когда телефон вибрирует. Смотрю на экран, и мой желудок ухает вниз.

Вряд ли.

Прежде чем убираю телефон, вижу, что Кеннеди снова печатает. Печатает и печатает, пока я остаюсь на месте, пытаюсь не обнадеживать себя раньше времени.

Кажется, будто проходит целое столетие, прежде чем получаю ответ.

**Я буду занята на работе, а во вторник будет лучше. Тебе подходит?
Звучит здорово.**

Убираю телефон, когда дверь гостиницы открывается, и в дверном проеме возникает миссис Маклески.

— Планируешь входить или будешь проводить ночь здесь?

Ее слова язвительные, но мне все равно. Я прохожу мимо нее.

— Не уверен, что будет комфортнее.

— Крыльцо, вероятно. Я могу даже бросить тебе подушку.

— Всегда говорили, что вы гостеприимны.

— А про тебя всегда говорили, что ты негодяй.

— Негодяй, — бормочу.

— В самом деле, — говорит она. — Но если спросили бы меня, я бы сказала, что это мягко сказано.

— Хорошо, что вас не спрашивают, верно?

Она смеется, похлопывая меня по спине.

— Конечно, ведь если бы спросили меня, я много чего сказала.

— Например?

Жалею о своих сказанных словах сразу же. Эта женщина готова, не колеблясь, обдать меня ядом своих слов.

— О, нет, я не буду играть в эту игру.

— Какую игру?

— В ту, где я даю тебе еще больше поводов хандрить и жалеть себя.

— Я не хандрю.

— Сказал он депрессивным голосом.

Смеюсь из-за ее издевок.

— Должен вам сказать, что у меня был хороший день.

— Ну, хорошо тебе, — говорит женщина. — Если голоден, то еда на кухне, но я иду спать, поэтому никакого шума.

— Да, мэм.

Понедельник наступает и быстро проходит.

Я провел почти весь день в кровати, но миссис Маклески не устроило это. Проснулся от стука в дверь во второй половине дня, и мне был брошен список дел.

Дела, которые был должен сделать я.

— Раз ты остаешься здесь, — сказала она. — От тебя должна быть польза.

Я сделал все, по крайней мере, то, что смог. Уборка, развешивание фотографий, смазывание скрипящей двери. Было не так легко с пораненным запястьем, и я не привык к ручному труду, но все сделал, занимая себя в ожидании вторника.

Вторник.

В пять вечера вторника я появляюсь у двери квартиры Кеннеди с двумя большими коробками пиццы: сырная пицца только с сыром, как просила Мэдисон, а во второй «безобразии» сделано из ветчины и ананасов.

Помедлив, стучу в дверь, слыша торопливые шаги внутри, прежде чем дверь распахивается, и маленький шар энергии передо мной улыбается.

— Мэдисон Жаклин! — кричит Кеннеди, входя в поле моего зрения. — Что я говорила о том, как правильно открывать дверь?

— Ох, — глаза Мэдди расширяются, и прежде чем я могу произнести хоть слово, она закрывает дверь прямо перед моим лицом. Стою мгновение, прежде чем дверь тихонько приоткрывается, Мэдди высовывает голову наружу и шепчет:

— Ты должен постучать.

Как только дверь снова закрывается, я стучу.

— Кто там? — кричит Мэдди.

— Джонатан.

— Какой Джонатан?

Я смеюсь, крепче обхватывая коробки с пиццей, когда они начинают выскользывать. Прежде чем могу ответить, дверь снова открывается, и передо мной стоит Кеннеди.

— Извини, — бормочет она, показывая мне входить, пока хватает Мэдисон за плечи. — Мы работаем над правилами поведения с незнакомцами. Она слишком доверчива.

— Но я знаю, что это он, — спорит Мэдди.

— Ты никогда не можешь быть полностью уверена, — отвечает Кеннеди. — Всегда

нужно перепроверить.

Открываю рот, чтобы высказать свою точку зрения, но останавливаю себя, не уверенный, приветствуются ли здесь мои советы. Не хочу, чтобы меня вышвырнули отсюда, даже не поев пиццы.

— Так, эм, должен ли я?.. — приподнимаю коробки с пиццей, замолкая.

— Ох, точно. На кухонный стол.

— Я покажу тебе! — объявляет Мэдисон, как будто я и так не знаю, куда идти, но все равно позволяю ей вести меня. Кеннеди закрывает дверь и следует за нами. Ставлю коробки на стол, и Мэдисон, немедля, открывает верхнюю. Морщится и выглядит шокированной.

— Фууу!

— Да, ладно... — смеется Кеннеди, глядя на пиццу. — Ветчина и ананасы.

— Почему этот фрукт в пицце? — спрашивает Мэдди.

— Потому что так вкуснее, — отвечает Кеннеди, убирая верхнюю коробку, перед тем как открыть вторую. — А эта для тебя.

Мэдисон пожимает плечами, хватая кусок сырной пиццы и начинает есть прямо из коробки. Я рассматриваю это как норму, так как Кеннеди садится рядом с ней и делает то же самое.

— Ты вспомнил, — говорит она, отламывая кусок пиццы с ананасом и начиная откусывать.

— Конечно, — отвечаю, хватая кусок сырной с коробки для Мэдди. — Почти уверен, что буду помнить это всю жизнь. Такое не забывается.

Раздается мягкий смех Кеннеди, и она дарит мне самую искреннюю улыбку, которую я видел за последнее время от нее. Улыбка исчезает, когда она отводит взгляд, но, черт побери, это произошло.

— Тебе стоило принести хлеб, — говорит Мэдисон, вставая на свой стул коленями и наклоняясь ближе, соперничая за мое внимание, как будто боится, что я ее не вижу. — И куриные крылышки!

— Ох, не знал, что ты любишь их, — говорю, — иначе бы принес.

— В следующий раз, — говорит она уверенно, это даже не является для нее вопросом.

— В следующий раз, — отвечаю.

— И содовую тоже, — говорит она.

— Никакой содовой, — присоединяется к разговору Кеннеди.

Мэдисон смотрит на свою маму, затем наклоняется и шепчет:

— Содовую.

— Не уверен, что твоей маме это понравится, — говорю с сомнением.

— Все хорошо, — спорит Мэдди. — Она также говорит дедуле, но он все равно дает мне содовую.

— Это потому что ты эмоционально шантажируешь его, — вступает Кеннеди.

— Нет-нет! — восклицает Мэдди, глядя на свою маму. — Я не шантажирую его!

Кеннеди фыркает.

— Откуда ты знаешь? Ты даже не знаешь значение этого слова.

— И? — удивляется Мэдисон. — Я совсем не жирная.

Стараюсь не рассмеяться, но, Иисус Христос, такое чувство, будто она спорит с самой собой. Кеннеди всегда была чертовски упряма, но я не лучше. Вот почему, когда мы ругались, это было адом.

— Ты смотришь на него щенячьим взглядом, — говорит Кеннеди, хватая Мэдисон за подбородок, сжимая ее пухлые щеки. — И говоришь, что будешь любить его больше всех, если он даст тебе попить кока-колы.

— Потому что так и есть, — говорит Мэдди.

— Это эмоциональный шантаж.

— Ох, — Мэдисон морщится, затем поворачивается ко мне, когда мама отпускает ее. — Как насчет рутбира?

— Боюсь, что нет, — говорю ей. — Прости.

Мэдисон хмурится, выходя из-за стола, чтобы взять сок из холодильника.

Повисает тишина, но она длится пару секунд, прежде чем Мэдисон решает, о чем хочет поговорить. Малышка может исправить любую неловкую ситуацию, осознаю я, когда она болтает, делится историями о том, что и кто делает на занятии «Покажи и расскажи» в подготовительном классе.

— Иди мой руки, — наставляет ее Кеннеди, когда Мэдди доедает пиццу; все ее лицо и руки в соусе. — Закончишь домашнюю работу и сможешь поиграть.

Мэдисон спрыгивает со стула и убегает. На расстоянии слышен шум воды, когда Кеннеди убирает остатки со стола.

— Домашнее задание в детском саду, — хмыкаю я.

— Просто рисование, — объясняет, снова садясь напротив меня. — Нарисовать три предмета, которые начинаются с буквы «С». Не очень сложно, но Мэдди любит рисовать, она никогда не останавливается на трех. Может изрисовать весь альбом.

Звучит похоже на кое-кого, кого я знаю — ее маму, которая барабанит по столу, выглядя обеспокоенной. Кеннеди всегда была суетливой, но использовала эту энергию для созидания.

— Ты все еще пишешь? — интересуюсь.

— Нет.

— Почему?

Кеннеди пожимает плечами.

Я хочу, чтобы она посмотрела на меня. Знаю, что это лицемерно, эгоистично. Я хочу многого. Прошу о многом. О большем, чем заслуживаю, после всего, что было. Я обидел ее, и хотел бы все исправить, быть тем мужчиной, каким она меня представляла раньше.

Вытягиваю руку, мои пальцы едва касаются ее, прежде чем она убирает руки. Кеннеди прячет их под столом, сжимая в кулаки, вероятно. Не сомневаюсь в этом. Однако она встречается со мной взглядом.

— Что мне сделать? — спрашиваю. — Я готов на все.

Я звучу чертовски отчаявшимся, знаю, но так и есть. Мой психотерапевт сказал бы, что это не здорово, что я созависим. Джек, вероятно, сказал бы мне перестать быть жалким ублюдком. Клифф напомнил бы, что весь мир у моих ног, но, кажется, это не имеет значения, не когда единственный человек, который по-настоящему верит в меня, смотрит на меня так, будто я худший из худших.

Кеннеди медлит, но прежде чем может ответить, влетает Мэдди, кладя листок на стол между нами.

— Мне нужно еще что-то на «С», — говорит она, хотя на бумаге уже дюжина предметов. Старательная ученица.

— Снежинка, — предлагает Кеннеди, изучая листок, затем кладет руки обратно на стол,

указывая на что-то. — Ты написала «свинья» неправильно. После «в» идет буква «и».

Мэдисон хмурится, хватая лист и убегает.

Как только она уходит, я делаю вторую попытку, потянувшись к рукам Кеннеди. На этот раз она не убирает их при моем касании, и мои ладони накрывают ее.

— Почему ты делаешь это? — спрашивает тихо Кеннеди. — Прошло шесть лет, Джонатан. Шесть лет.

— Я понимаю, просто...

— Просто что? Предполагаешь, что я все еще тебя люблю?

— А ты любишь?

Кеннеди трясет головой, но это не отрицание. Больше похоже на раздражение, что я посмел такое спросить.

Снова вбегает Мэдисон, и я убираю руки.

— Как написать «свинью»? — спрашивает она, стирая слово на бумаге. Кеннеди объясняет, и Мэдди пишет его, прежде чем бросает ручку. — Сделано!

— Отличная работа, — хвалит Кеннеди. — Теперь можешь поиграть.

Мэдисон поворачивается ко мне.

— Хочешь поиграть?

— Конечно, — соглашаюсь, следуя в ее комнату, полагая, что лучше дать ее матери личного пространства, чем давить на нее и в итоге получить удар по лицу.

Я не переживаю за свою мужественность, поэтому не боюсь играть в куклы. Так что, когда Мэдисон сует мне Барби, я не отказываюсь. Покажу ей лучшую игру с Барби, если она того хочет.

Рассматриваю куклу, пока Мэдисон копается в коробке с игрушками. Она отличается от тех, с которыми играла моя сестра. Эта Барби больше похожа на ученого, чем на стриптизершу, вся одежда на ней, и волосы нетронуты.

— Нашла! — восклицает Мэдди, вытаскивая еще одну куклу. Замираю при виде знакомого бело-голубого костюма и копны светлых волос. Вы, должно быть, шутите.

Они сделали меня в виде куклы. Или, скорее, его. Бризо. Но это не фигурка, это кукла, как Кен.

— Я буду Бризо, а Барби будет Марианной, и ты будешь ею играть, — объявляет Мэдди, садясь на пол и похлопывая по дереву рядом с собой.

— Подожди, разве я не должен быть Бризо?

— Ты и так он все время, теперь мой черед.

Не могу спорить с этой логикой.

— У Барби не тот цвет волос, — говорю. — У тебя нет куклы Марианны?

— Нет, потому что она слишком дорогая, но ты ведь можешь притвориться.

— Верно, — отвечаю, хотя она внезапно смотрит скептически, будто сомневается в моих способностях. — Не переживай, я справлюсь.

Мэдди начинает. Я не знаю, что происходит, а ребенок не дает мне никакого направления игры, поэтому я импровизирую. Мэдди все быстро меняет, придумывая разные сюжетные повороты. Вот мы убегаем от каких-то плохих парней, как вдруг внезапно оказываемся в школе. Я выпускаюсь, мы оба становимся ветеринарами для ее мягких игрушек, и в следующую секунду меня выбирают президентом всего мира.

Это забавно. Мэдди забавная. Девчушка очень находчива. В конце концов, она отвлекается и откладывает куклу, чтобы порисовать снова. Она полностью погружена в свое

занятия, будто в транс; я извиняюсь и ухожу, хотя не уверен, что она замечает. Взяв куклу Бризо, иду по коридору, заметив движение в соседней комнате.

Спальня Кеннеди.

Она сидит на краю кровати, переодетая из рабочей униформы в треники и майку, занятая тем, что собирает волосы. Останавливаюсь у двери, следя за ней из коридора и не делая попыток вторгнуться в личное пространство. Она насторожено смотрит на меня, взгляд фокусируется на кукле в моих руках.

Она смеется.

Да, она, черт побери, смеется.

— Мэдди заставила тебя ею играть? — спрашивает Кеннеди, кивая на куклу.

— Нет, на самом деле я был Барби, — отвечаю. — Не думаю, что она была впечатлена моими способностями, потому что вернулась к рисованию.

Еще один смешок.

Могу слушать этот звук вечно.

— Не принимай близко к сердцу, — заверяет Кеннеди, проходя мимо меня на выход из комнаты. — Уверена, у тебя получилось лучше, чем у меня. Обычно меня понижают до зрителей.

Кеннеди направляется в гостиную, а я с любопытством следую за ней. Там она садится на диван и включает телевизор, подобрав под себя ноги, и переключает каналы в тускло освещенной комнате. Солнце уже село, что означает, они скоро будут готовиться ко сну.

— Ты работаешь каждый день? — интересуюсь.

— Будние дни.

— Так выходные у тебя свободные?

— Обычно, — отвечает. — Работаю, пока Мэдди в подготовительной группе в саду.

— И чем занимаешься, когда не работаешь?

Она стреляет в меня взглядом, будто я идиот.

Полагаю, так и есть.

— Я должен уходить, — говорю, направляясь в спальню Мэдди, и вижу, что она все еще рисует. — Эй, Мэдди.

— А?

— Я ухожу.

Она перестает заниматься своими делами.

— Почему?

— Потому что уже поздно.

— Но почему ты не можешь остаться?

Потому что облажался годы назад и не уверен, смогу ли снова все исправить.

— Просто не могу, но я вернусь.

— Завтра?

— Эм, не завтра, но скоро.

— Насколько скоро?

— При первой возможности буду здесь.

— Хорошо, — отвечает она, возвращаясь к рисованию. — Пока!

— Пока, Мэдди.

Кеннеди с осторожностью за мной наблюдает, когда я вхожу в гостиную.

— Я должен вернуться в город утром, — объявляю, стоя у двери.

— Ты уже уезжаешь, — отвечает она резко, почти с обвинением в голосе. — Стоило догадаться.

— Я вернусь.

— Уверена, так и есть.

Не думаю, что она мне верит.

Как бы сильно мне не хотелось остаться и убедить ее, понимаю, что она не поверит мне, пока я не докажу. Поэтому покидаю их квартирку, прикрываю дверь и жду, пока Кеннеди не закроет на замок.

— Ну, надо же, мой любимый клиент...

Останавливаюсь в дверном проеме кухни миссис Маклески, когда слышу эти слова. Клифф. Утренний солнечный свет заливает первый этаж гостиницы, уже прогрел помещение до комфортного состояния, потому что старуха не доверяет кондиционерам. Клифф сидит за кухонным столом, поедая что-то похожее на омлет, а взгляд прикован к «БлэкБерри», лежащему возле тарелки.

Миссис Маклески занята мытьем посуды, оттирая сковородку, в которой, очевидно, готовила ему этим утром. Какого хрена?

— Ты говоришь обо мне? — спрашиваю, не уверенный полностью.

— О ком еще я могу говорить?

— Не знаю, — бормочу, усаживаясь напротив него. — О ком угодно.

Он смотрит на меня, тщательно изучая выражение лица. Знаю, что ищет признаки похмелья. Почти уверен, что выгляжу как дерьмо. Я даже не удосужился побриться. Но сегодня он ничего не увидит, никаких признаков. Хочу послать его ко всем чертям просто за эти мысли, но не могу винить за подозрительность.

Я все портил множество раз.

— Как дела? — спрашивает Клифф.

— Трезвый, — бормочу в ответ.

— Вижу это, — говорит. — А по-другому?

— Немного устал, — бросаю взгляд на его тарелку. — Немного голоден.

— Уверен, твоя прекрасная хозяйка будет счастлива покормить тебя.

— Нет, — вступает миссис Маклески. — Не буду.

— Или не будет, — продолжает Клифф, съедая последний кусок омлета и даже не удивляясь происходящему.

— Все нормально, — говорю. — Мне не нужна ничья забота. Могу сам справиться.

Клифф опускает свою вилку.

— Если бы это была правда, я бы потерял свою работу.

— Неважно. Что ты вообще здесь делаешь? Как узнал, где я остановился?

— Это маленький городок, — поясняет. — Не так уж много вариантов. Я здесь, потому что ты не отвечал на звонки, поэтому я засомневался, что ты помнишь про сегодняшней прием. Подумал, что могу составить компанию.

— Я помню, — отвечаю. — И спасибо.

— Но, кстати говоря, если бы ты, наконец, нанял нового ассистента, мне бы не пришлось переживать о твоём расписании. Прошел год с тех пор, как тебе кто-то помогал.

Все еще не могу понять, почему ты уволил последнего паренька.

— Он сидел на крэке.

— А ты на кокаине.

— Он украл у меня.

— Что? Твои наркотики?

Не собираюсь удостаивать этот выпад ответом.

Это правда, но, тем не менее... к черту это предположение.

— Мы можем ехать? — спрашиваю. — Я бы хотел побыстрее со всем расправиться.

— Ха, думал, сейчас ты менее угрюмый придурок.

— Так и есть. Я просто... Я не знаю.

— Звучит похоже на тебя, — Клифф хватает «БлэкБерри» и задвигает стул, когда миссис Маклески забирает его пустую тарелку. — Завтрак был восхитительным. Спасибо вам.

— В любое время, — говорит Маклески, улыбаясь. — Мне нравится готовить для тех, кто ценит это.

Пропускаю мимо ушей.

Клифф встает, указывая мне следовать за ним, дожидается, пока мы окажемся снаружи, и говорит:

— Боже, это женщина доставляет тебе неприятности?

— Всегда, — отвечаю. — Когда меня впервые арестовали, она была той, кто вызвал копов.

Клифф смеется, когда мы приближаемся к гладкому черному седану.

— Красивая машина.

— Арендовал ее, — объясняет он. — Не хотел вызывать службу такси и выдать твое местоположение.

— Ценю это.

— Просто выполняю свою работу, — говорит он. — Садись, я поведу.

Забираюсь на пассажирское сиденье.

У меня есть машина. Она припаркована в частном гараже в городе. Загнал ее туда, когда начались съемки, на случай, если она мне понадобится, но я не смогу водить, пока не поправлюсь.

Требуется почти два часа, чтобы добраться до города. Еще один час в пробке. Клифф ставит машину на стоянке, когда мы подъезжаем к медицинскому центру. Ваил Корнелл. Ортопедия. Опускаю голову, когда мы проходим дюжину людей, направляясь на седьмой этаж, и сразу к врачу-ортопеду, где ждут моего прибытия.

Да, я понимаю, как это херово. Никто не может просто войти и быть принятым сразу, минуя приемную. Это привилегия, за которую я благодарен — особенно сегодня. Я и так достаточно нервничаю из-за нахождения здесь, и имея со всем этим дело. Ожидание и паранойя сделали бы все невыносимым.

— Мистер Каннинг, как ваши дела? — спрашивает доктор, вставая и вытягивая руку, ожидая, что я пожму в ответ, хоть я и в слинге.

— Хорошо, — отвечаю, игнорируя его протянутую руку. — Готов покончить с этим.

— Человек действия, — хмыкает он. — Мне нравится.

Он больше не тратит времени, отправляя меня прямо на рентген. Чертовски больно, когда осматривают мое запястье, боль прожигает руку до кончиков пальцев.

— Хорошие новости, что смещения нет, так что операция не нужна, — говорит доктор.

— Плохая новость, что вы проходите в гипсе еще несколько недель.

— Замечательно, — бормочу, сгибая пальцы.

— Сколько недель? — спрашивает Клифф, стоя в углу кабинета и копясь в своем «БлэкБерри».

— Сложно сказать точно... Я бы предположил, что около четырех.

— Итак, еще один месяц? — спрашивает Клифф.

— Да, — отвечает доктор. — После этого ему, вероятно, понадобится реабилитационная терапия.

— Но он будет без гипса?

— Да.

— Рад слышать, — отвечает Клифф. — Что-то может ускорить процесс заживления?

— Не существует чудодейственного лечения, но кое-что может помочь. Витамины. Кальций. Упражнения.

— То есть сжимать мячик для снятия стресса и пить молоко?

— Да, — соглашается доктор. — Зеленолистные овощи подойдут также.

Они обсуждают меня, будто меня здесь нет. Смотрю на свое опухшее запястье с раздражением, когда шевелю пальцами.

— Так, давайте, наложим гипс, — предлагает доктор, — чтобы вы могли быть свободными.

Доктор делает свою работу, и мы уходим.

Усаживаюсь на пассажирское сиденье арендованной машины Клиффа, и он сразу начинает вещать:

— Если гипс снимут в течение следующих недель, ты, вероятно, сможешь сниматься раньше, чем ожидалось.

— Ты так думаешь? — спрашиваю, наблюдая за ним, пока он проверяет календарь в своем «БлэкБерри».

— У тебя есть дублер, который может справиться с кадрами, поэтому им будет нужен только твой голос... — он смотрит на меня. — И, конечно же, твое симпатичное личико.

— Конечно, — бормочу, пытаясь, черт возьми, не допустить, чтобы это задело мое эго, но черт. Актерство — это гораздо больше, чем просто чтение сценария. — Что насчет Серены?

— Что насчет нее?

— Она на реабилитации.

— И?

— Так как мы снова начнем съемки через месяц, если ее реабилитация на девяносто дней?

Клифф смотрит на меня так, будто я выжил из ума.

— Ты, правда, считаешь, что она продержится так долго?

— А ты нет?

— У тебя никогда не выходило, — говорит он. — Пока ты не достиг дна.

— А ты думаешь, она нет?

— Даже близко нет. Единственная причина ее нахождения там — требование студии, — говорит он. — Но не переживай об этом, я позабочусь о ней. Ты должен просто быстрее поправиться.

Тайное свидание

Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд

Во время войны за независимость у Аарона Бёрра была интрижка с женой британского военного.

Ты рассказываешь девушке эту историю.

Думаешь, так она почувствует себя лучше.

Она спрашивает тебя, кто такой Аарон Бёрр.

Ты смеешься, потому что не понимаешь, как она выживает в «Фултон Эйдж», когда даже не знает имя мужчины, убившего Александра Гамильтона, но она выживает. Возможно, даже процветает. Она упорно трудится и проходит тесты. Между тем ты почти не стараешься, но все равно получаешь только высшие баллы.

Но теперь ты ходишь на уроки. Каждый день.

Может быть, ты делаешь это, потому что не хочешь быть исключенным. Ты зашел слишком далеко. Можешь довести все до конца. Или, может, ты приходишь побыть с ней.

Вы оба заканчиваете через месяц. Весь школьный год прошел почти как в тумане. Большую часть времени вы украдкой встречались, шептались и ходили на тайные свидания, видясь друг с другом под покровом тьмы, чтобы ее отец не узнал. Он запрещает ей видеться с тобой. Говорит, что от тебя одни проблемы.

То, что она уже знала.

Это не останавливает ее.

— Итак, Вассара, да? — ты говоришь, сидя рядом с ней на столе для пикника возле ее дома. Уже темно, за полночь, и ты только что закончил полную репетицию «Юлия Цезаря». Драмкружок будет играть его через три недели в рамках празднования окончания года. — Гуманитарные науки. Держу пари, твой отец гордится этим.

— Да, он смотрел на меня так же, как и когда понял, что мы переспали.

Боже, он не хорошо это воспринял. Ярость дошла до того, что он подал жалобу своему боссу. Хотя твой отец отмахнулся от нее, сказав, что ты делал вещи и похуже, чем переспать с девушкой. Нужно сказать, что ее отец больше не наслаждается своей работой.

Ее приняли в колледж Вассара на следующий год. А ты так ничего и не решил. Даже не уверен, что хочешь идти в колледж. У тебя есть мечты, но они не включают в себя изучение законов в Принстоне. Тебя приняли куда-то. Ты даже не обратил внимание. Все исходит от твоего отца.

— Поздравляю, — говоришь. — Это отличный колледж.

Вы не часто обсуждаете будущее. Вы даже не вешали ярлыки на свои отношения. Никаких обещаний.

Ты ничего не обещаешь. Никогда.

Но будущее наступает слишком быстро. Совсем скоро станет настоящим. И что бы между вами ни было, будущее на это повлияет.

Она подталкивает тебя плечом.

— Ты будешь навещать меня?

— Уверен, что буду неожиданно появляться время от времени.

— Лучше бы так и было, — говорит она. — Я буду скучать.

Эмоции накатывают на нее, голос надламывается и дрожит с каждым словом.

— У нас все еще есть несколько недель, — говоришь, спрыгивая со стола для пикника, и тянешь ее за руку. — Давай не будем тратить сегодняшнюю ночь, переживая об этом.

Вы прогуливаетесь, держась за руки. На границе парка есть гостиница. Эксцентричная женщина средних лет управляет ею, единственная, с кем ты сталкиваешься, когда проводишь здесь ночи. Сегодня в гостинице темно. На веревках для белья висит постельное белье, оставленное на ночь.

Сдергиваешь одну простынь.

Раскладываешь ее у воды на траве. Кладешь девушку на простынь и ложишься сверху нее. Ты знаешь, что здесь, вдали от места для пикников, у вас будет хоть какая-то приватность. Каждая деталь одежды снята, и ты дразнишь девушку, пробуешь ее, прежде чем занимаешься с ней любовью.

Ты тоже будешь скучать по ней.

Ты не признаешься ей в этом, во всяком случае не словами, но она знает. Она чувствует это в каждом поцелуе. В каждом толчке твоих бедер. Ты смешишь ее, находясь в ней. Говоришь, что она красавица, и она стонет под тобой.

Ты лежишь там, после того как вы оба получили удовольствие, все еще на ней, переводя дыхание, пока целуешь ее шею. Ты осторожничаешь, чтобы больше не оставить засосы.

Вдоль воды слышится шум, тени движутся в темноте. У вас есть только лунный свет. Что бы это ни было, оно приближается... приближается... приближается. Встает прямо перед вами.

Девушка замечает. Она кричит. Пронзительный крик разрывает тишину ночи, когда что-то в тени издает шум рядом с ней. КРЯ.

Она сбрасывает тебя с себя. Ты слишком сильно смеешься, чтобы ее успокоить. Девушка вскакивает, кричит, выдергивает из-под тебя простыню, чтобы обернуть вокруг себя.

— Просто утка, — говоришь ей, сидя голым в траве. Ты все еще смеешься, когда утка поворачивается к девушке, крякая как сумасшедшая, реагируя на шум от девушки.

— Утка? — переспрашивает она. — Чего она хочет? О, боже, она меня преследует. Почему она меня преследует?

— Вероятно, она голодна, — предполагаешь.

— Я похожа на еду для уток? — спрашивает она, пытается ее отпихнуть. — Иди домой, Даффи.

Ты снова поднимаешься на ноги и собираешь одежду, бросая ее девушке. Утка уходит, направляясь к воде. Хотя уже слишком поздно. Девушка создала слишком много шума.

Снова движение, и появляется еще больше уток.

Девушка убегает в сторону гостиницы, неся свою одежду. Ты начинаешь одеваться, когда луч свет разрезает воздух. Фонарик. Ты встревожено замираешь. Здесь кто-то есть. Девушка прячется на заднем дворе гостиницы, но ты слишком долго колеблешься. Тебя видно в свету, когда раздается голос:

— Полиция! Покажите руки!

Роняешь одежду. Стоишь полностью голый и держишь руки перед собой, когда появляется полицейский. Он приказывает тебе одеться, перед тем как надевает наручники.

Девушка начинает выходить из тени. Полицейский не знает, что она там. Но ты в курсе, и качаешь головой, предупреждая не делать этого.

Управляющая гостиницей услышала шум снаружи и вызвала копов. Для правонарушителей. Она стоит на своем крыльце, наблюдая, как тебя арестовывают.

Непристойное обнажение.

И ты не знаешь, но эта девушка... Она бежит весь путь домой, обмотанная только украденной простыней, оставив одежду там. Ее мама бодрствует и слышит, как она входит. Видите ли, женщина знает, что ее дочь на протяжении нескольких месяцев убегает по ночам, но никогда и не заикнулась об этом. Мать понимает. Она понимает, каково любить мальчика, от которого тебя пытается удержать целый мир. Ее мама не спит всю ночь, прислушиваясь, желая убедиться, что дочь добралась домой, но этим утром все по-другому. Женщина чувствует это. Девушка признается. Рассказывает, что тебя арестовали.

— Не беспокойся, — говорит ее мама. — Я помогу ему.

13 глава

Кеннеди

Я рассеянно постукиваю пальцем по экрану телефона, пока пялюсь на сообщение.

Хочешь пойти на свидание сегодня?

Сомневаюсь, как ответить на него. Да? Нет? Да? Нет? Брр. Печатаю длиннущее оправдание, затем стираю со стоном, вбивая еще большую чушь, чтобы снова стереть. Печатаю «нет», переходя сразу к делу, но чувствую себя виноватой, вместо этого пишу «конечно» и нажимаю отправить, ощущая себя идиоткой.

В секунду, когда появляется надпись «Доставлено», и возникают точки, означающие, что собеседник пишет ответ, мне хочется треснуть себя. Уже так много сожалений.

— Арр, что не так с тобой? — спрашиваю саму себя, морщась, когда начинаю писать оправдание, чтобы отмазаться.

Кто-то прочищает горло позади меня.

— Даже не знаю, с чего начать.

Голос застает меня врасплох, его обладатель так близко, что я ощущаю его дыхание на своей коже. Мурашки пробегают по моему телу, руки дрожат, когда разворачиваюсь, ослабляя хватку на своем телефоне. Он падает экраном вниз на твердую плитку прохода. Морщусь при его ударе, но не могу вытянуть руку из-за мужчины.

Джонатан.

Он прямо здесь, стоит в проходе продуктового супермаркета, в меньше, чем полуметре от меня, так близко, что если подниму голову, то встречу с его взглядом. Мое сердце, коварный предатель, пропускает удар, прежде чем начинает барабанить в груди с неистовой силой, агрессивно стуча по грудной клетке, как будто мои внутренности объявили войну моему здравому смыслу.

Джонатан поднимает мой телефон, так как звучит сигнал о входящем сообщении. Прежде чем могу остановить мужчину, он смотрит на экран и замирает. Что-то вспыхивает в его взгляде. Он шокирован. О, боже.

— Он разбился, да?

Он хлопает глазами.

— А?

— Мой телефон.

— Ох, эм... нет, — встряхнув его, он протягивает мне телефон с нетронутым экраном.
— Какой-то Эндрю хочет узнать время.

Во сколько мне тебя забрать?

Текст отображается на дисплее. Мой желудок сжимается, руки все еще дрожат, когда я засовываю телефон в задний карман, не отвечая на вопрос.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю. — Думала, ты уехал из города.

— Уезжал, — отвечает. — Но я говорил тебе, что вернусь.

— Да, но не предполагала, что так быстро. Я даже не заметила, что ты уезжал. Почему ты вообще сказал мне?

— Подумал, что ты должна знать.

— Зачем?

Он пожимает плечами, как будто сам не понимает. Прежде чем хоть один из нас может что-то прояснить, в проходе рядом с нами раздается женский голос, выкрикивающий мое имя. Бетани. Чувство паники накрывает меня. Недолгая думая, спонтанно реагирую.

Хватаю Джонатана за руку и спешу вперед. Он не отстает, даже не задает вопросов, когда я тяну его по проходу, подальше от звука голоса Бетани, и заталкиваю в маленькую кладовую. Сама захожу следом за ним и закрываю дверь, оставляя нас в полной темноте. Я больше не вижу Джонатана, но могу его чувствовать, прямо за собой, как он прижимается, а его рука ложится мне на бедро. От его прикосновений моя паника возрастает. Я отхожу, оставляя между нами расстояние.

— Зачем ты здесь? — спрашиваю, понижая голос. — Ты не должен тут находиться.

— Я, эм...

— Кеннеди? — кричит Бетани с другой стороны двери. — Ты вернешься сюда?

— Не говори, — шиплю Джонатану. — Даже не дыши.

Снова открываю дверь и выхожу, оставив небольшую щелку открытой, встретившись лицом к лицу с Бетани, Она хмурится, когда смотрит на затемненную комнату позади меня.

— Что ты делаешь?

— Инвентаризация.

— В темноте?

— Да, я, эм... да, — оборачиваюсь, прежде чем снова повернуться к ней. — Тебе что-то нужно?

— Маркус сказал мне найти тебя, — на ее лице появляется фальшивое выражение. О, боже. — Я попросила выходную субботу через две недели, и он сказал, что только если я найду кого-то, кто меня подменит.

— И ты хочешь, чтобы это сделала я?

— Пожалуйста, — Бетани выпячивает нижнюю губу. — Я бы не просила, но это важно!

— Ладно.

— Бризо-кон на тех выходных, и они планируют большое мероприятие для десятой годовщины вселенной «Призрачного».

— Ладно.

— И понимаю, что, вероятно, звучит глупо, но...

— Я сказала «ладно». Повеселись.

— Правда?

— Я бы не согласилась, если бы так не думала.

Бетани визжит и обнимает меня.

— Спасибо, Кеннеди! О, боже мой, ты лучшая!

— Всегда, пожалуйста, — говорю, отталкивая ее. — Я должна вернуться, ну знаешь, к работе.

Киваю в сторону кладовой.

Она прищуривает взгляд.

— Чем ты на самом деле занимаешься?

— Пока, Бетани.

Я скольжу обратно, закрывая дверь и прислоняясь к ней.

Юмор сквозит в каждом слоге произнесенного Джонатаном слове.

— Такое чувство, что ты снова в средней школе. Насколько жуткой она может быть?

Закатив глаза, провожу рукой по стене рядом с собой и включаю свет. Он не очень яркий, но я могу видеть, как Джонатан прислонился к деревянному ящику с ухмылкой на губах.

— Она пишет фанфик, — рассказываю ему. — При участии себя.

Его улыбка только становится шире.

— Я не говорю о Бризо. О нет, я говорю о фанфике с участием Джонни Каннинга Эротика.

Первая вспышка беспокойства отражается на его лице, но затем он улыбается.

— Как и ты.

Я закатываю глаза.

— Это совершенно другое.

— Те не менее, она просто девушка с фантазиями, — говорит он. — Нечего скрывать.

— Правда. Но ты действительно считаешь, что она сохранит его только для себя? Да ладно тебе, ее кумир показался на месте ее работы? Прежде чем ты выйдешь за дверь, все это появится в соц. сетях. Ну, конечно, если ты хочешь...

Он качает головой.

Потому что так не думает.

На мгновение повисает тишина, прежде чем Джонатан произносит:

— Капуста.

— Капуста?

— Вот за чем я здесь. Мне нужно купить капусту.

— Оу.

Все, что удастся мне сказать.

Снова тишина.

Неловко.

Здесь нет окон, от этого комната кажется невероятно маленькой. Только Джонатан и я, спрятавшиеся вместе после всего этого времени, вдыхаем один и тот же воздух, а пространство вокруг нас заполнено напряженной тишиной. Так много нужно сказать, но не хватит слов.

— Я бы хотел, чтобы все не было таким странным, — произносит он, в конце концов. — Я бы не хотел, чтобы ты была такой отстраненной.

— Да, но вот как бывает, когда люди расстаются.

— Понимаю, но хотелось бы иметь способ, чтобы мы могли...

— Что?

Джонатан не отвечает сразу, отводя взгляд, как будто пытается найти способ объяснить. Забыть? Двигаться дальше? Начать сначала?

— Существовать, — заканчивает. — Я бы хотел, чтобы мы просто могли существовать.

Для такого талантливого актера он не всегда мог правильно выражать себя со мной, но опять же, со мной то же самое. Может, поэтому ему удавалось играть так хорошо. Он говорил за персонажа, и я... ну, я привыкла создавать. Мы вдвоем, казалось, всегда понимали друг друга, до того дня, как нас просто не стало, и не было никакого способа вернуться назад, в то место, где мы так пытались общаться.

Но на время мы просто... были.

Это самое комфортное чувство в мире.

Когда ты теряешь свою вторую половинку, ты находишься в полной прострации. Как потерять частичку души.

— Извини, — произносит Джонатан, снова смотря на меня.

— Сколько еще раз ты собираешься извиняться?

— Пока ты не согласишься мне.

— Я верю, — отвечаю.

— Да?

— Да, верю.

Он смотрит на меня, когда я произношу это. Парень не отвечает, но могу сказать, что сдерживает реакцию.

— В любом случае, нам нужно выбраться отсюда, пока тебя не поймали, — говорю я, отталкиваясь от двери. — Могу взять для тебя капусту.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но Джонатан останавливает меня, хватая за руку. Я напрягаюсь, с дрожью выдыхая, когда он притягивает меня к себе. Только мгновение он прижимает меня, вдыхая, а я стою так близко, что если встану на цыпочки, то смогу почувствовать вкус его губ.

А я хочу.

По крайней мере какая-то часть меня, самая глубокая, почти подталкивает к этому. Когда он касается меня, я будто пьянею. Но это мгновение заканчивается, когда Джонатан говорит:

— Мне также нужно молоко.

Его голос, его слова приводят меня в чувства.

— Молоко.

— Да, — подтверждает, отпуская мою руку. — Если ты не возражаешь.

— Эм, конечно, никаких проблем.

Выхожу, и Джонатан следует за мной, направляясь к выходу, я не слышу безумных криков, значит, у него все получилось.

Бетани стоит у своей кассы, не обращая внимания на то, что ее окружает, листая последнее издание «Хроники Голливуда».

— Что-нибудь интересное? — спрашиваю, ставя капусту и молоко на ленточный конвейер.

Бетани вздыхает, убирая таблоид в сторону.

— Не совсем. Клянусь, такое чувство, что Джонни Каннинг растворился в воздухе. Никто не видел его нигде.

Я смотрю на выход, улавливая, как он скрывается наружу.

— Я уверена, он где-то рядом.

— Надеюсь, — отвечает Бетани. — Аррр, надеюсь, он не валяется мертвым в какой-нибудь канаве. Будет отстойно.

— Да, — соглашаюсь, когда она пробивает покупки.

После того как я их оплачиваю, Бетани снова берет журнал и продолжает читать. Я направляюсь на улицу, пока она отвлечена, неся пакет Джонатану.

— Вот, — говорю ему, протягивая пакет. — Молоко и капуста, чтобы ты мог покормить уток или что ты там собираешься сделать.

Он издает смешок.

— Это для меня. Доктор прописал.

— Ужасно.

— Ах, могло быть хуже.

— Как скажешь, — бормочу, смотря на часы. — Мне нужно вернуться к работе.

Возвращаюсь в магазин, когда он кричит мне:

— Кей?

Я смотрю на него, слова крутятся на моем языке, но я не произношу ни звука. Взгляд на его лице заставляет меня молчать, он кажется уязвимым.

— Спасибо, — произносит Джонатан тихо.

Я киваю, медля, прежде чем сказать.

— Если ты изменишь мнение насчет поедания этой капусты, уверена, Мэди с удовольствием поможет тебе избавиться от нее.

Джонатан улыбается. Это искренняя улыбка, неосознанная, как счастье, которое человек излучает изнутри. Я больше ничего не говорю, но и не жду его ответа. Находясь рядом с ним, я ставлю под угрозу свои чувства. Свое здравомыслие.

Возвращаюсь в магазин, проходя мимо Бетани и ее кассы. Она убирает журнал и смотрит на меня.

— Разве ты только что не ушла?

— Выходила подышать, — объясняю. — У меня есть еще час до конца смены.

— Что ты сделала с продуктами?

— Положила в машину.

— Даже молоко?

— Эм... да.

— Но разве оно не скиснет.

— Вероятно.

Она пялится на меня, бормоча:

— Клянусь, иногда ты очень странная.

— Я должна все отменить.

— Нет, не должна, — голос Меган уверенный, в нем слышно, что она не желает спорить. — Что ты должна сделать, так это объездить этого парня, если понимаешь, что я имею в виду.

— Меган...

— Я серьезно, — продолжает подруга. — Проверь, как работает двигатель у этого паренька.

— С каких пор ты за Дрю?

— Я не за него, — она морщится в отвращении. — Я за оргазм, и знаю, что у тебя давненько его не было.

Я смеюсь, пока не раздастся детский голосок.

— Что это?

Мэдди сидит за кухонным столом напротив Меган, размахивая ножками, пока рисует сердце на листе бумаги.

— О чем ты спрашиваешь? — уточняю я, прислонившись к кухонной стойке, скрестив руки на груди.

— О том, что сказала тетя Меган, — отвечает Мэдди. — Что такое орга... эм...?

— Организм, — выпаливаю я, осознавая, что она спрашивает о значении слова «оргазм».

— Организм, — говорит она. — Что это?

— Это научный термин, — вступает Меган. — Так они называют форму живого, ну знаешь, все, что живое.

— У тебя нет живого? — спрашивает Мэдди, отрываясь от своего рисунка, вздернув бровь. — Уже давно?

— Ну, у меня есть ты, — отвечаю, останавливаясь возле ее стула и взлохматив Мэдди волосы. — Ты живая. Мне больше не нужно ничего другого, даже те организмы, о которых говорит Меган.

Кажется, Мэдди удовлетворена этим ответом, когда возвращается к рисованию, пока Меган бросает на меня взгляды, наполовину наполненные извинением, наполовину жалостью. Я закатываю глаза, затем смотрю на Мэдди.

— Наверное, мне пора одеваться.

— Что-то сексуальное! — кричит мне Меган.

Вместо этого выбираю что-то простое: облегающие джинсы, черные балетки, черную рубашку. Расчесываю волосы, позволяя темным локонам свободно свисать, и накладываю немного макияжа. Готово. Меган морщится, при виде меня, но держит свое мнение при себе.

— Мамочка, ты можешь нарисовать звезды? — спрашивает Мэдди, передавая мне листок и карандаш.

— Конечно, — отвечаю. Не уверена, в чем ее задумка, но легко могу распознать горизонт. Я несколько раз показывала, как проще всего нарисовать звезды, но она всегда просит меня нарисовать за нее, раз уж это единственное, на что я способна.

Раздается стук в дверь квартиры. Меган вздыхает, когда отодвигает стул, чтобы встать, и шепчет, проходя в этот момент мимо меня:

— Похоже, твой организм здесь.

— Я сейчас, — бормочу, заканчивая звезды, прежде чем передать карандаш Мэдди. — Я должна идти, милая.

— Куда?

— На свидание с другом.

— Могу я пойти на это раз?

— Не сегодня, — отвечаю ей, нахмурившись, когда вижу разочарование в ее глазах. — Но как-нибудь обязательно.

— Это тот друг, который не заметил, что ты красивая, в прошлый раз?

— Эм, да, он.

Мэдди морщится.

Я почти смеюсь.

Но затем слышу еще один стук в дверь, Меган повышает голос, когда говорит:

— Иисусе, держи свой проклятый... о, чертов, боже. Нет.

Я напрягаюсь, когда слышу, что ее тон сменяется от легкомысленного до шокированного.

— Нет, нет, нет, — повторяет она, прежде чем объявляет. — Убирайся на хер отсюда.

Выглядываю из кухни, и когда вижу, что происходит у передней двери, мой пульс ускоряется. Джонатан стоит на небольшом порожке перед моей квартирой, всего в полуметре от своей сестры.

— Меган, — говорит он, кивнув в приветствии.

В момент, когда он произносит ее имя, шок отступает, сменяясь на злость, и она прищуривается.

— Нет, — говорит Меган резко, захлопывая дверь перед его лицом.

Мэдди подпрыгивает от звука хлопка.

— Меган, — стону. — Пожалуйста.

Мне не нужен скандал, не тот, где мне придется объясняться. Меган снова открывает дверь, Джонатан все еще стоит на месте.

Мэдди ахает, замечая его, и спрыгивает со стула, хватая свой рисунок, когда бежит к двери.

— Джонатан!

— Привет, — говорит Джонатан, избегая смотреть на свою сестру, вместо этого сфокусировавшись на Мэдди.

— Ты вернулся! — Она сует ему листок. — Я нарисовала тебе картинку!

— Вау, — комментирует Джонатан, разглядывая рисунок. — Потрясающе.

— Она не закончена, — поясняет она, забирая рисунок у него. — Но мне остались только люди, потому что мамочка рисует звезды!

— Они великолепны, — отвечает Джонатан, встречаясь со мной взглядом. — Уверен, в завершении будет идеально.

— Ты можешь забрать его потом, — предлагает ему Мэдди. — Ты останешься? Можешь поиграть со мной и тетей Меган!

Меган издает непонятный звук.

— Не сегодня, — отвечает он. — Я пришел, чтобы поговорить с твоей мамой.

Мэдди хмурится, и прежде чем уйти, шаркая ногами, бормочет:

— Ладно.

Джонатан закрывает глаза, протяжно выдыхая. Я могу сказать, что он изменил свое мнение.

— Может быть, завтра, — выпаливаю, вставая у Мэдди на пути, чтобы остановить ее. Хватаю ее за подбородок, чтобы она на меня посмотрела. — Сегодня уже довольно поздно для игр.

— Завтра, — соглашается он. — Я буду здесь.

Мэдди вся светится, разочарования как ни бывало.

— Увидимся завтра! — кричит она ему, прежде чем обнимает меня. — Люблю тебя,

мамочка!

— Тоже люблю тебя, — отвечаю, — больше, чем банановое мороженое и гавайскую пиццу.

— Больше, чем свидание с твоим другом?

— Пфф, конечно, — сопровождаю свои слова тем, что сжимаю ее щечку. — Больше, чем свидания с кем угодно.

Наклонившись, я быстро ее целую, перед тем как она убегает к себе в спальню. В секунду, когда она исчезает из поля зрения и не может слышать, Меган говорит резко:

— Тебе бы лучше притащить свою задницу завтра сюда, младший братец, потому что, если ты солгал ей передо мной, клянусь Господом...

— Я сказал, что приду, — отвечает Джонатан, смотря на Меган суровым взглядом. — Я не собираюсь ей лгать.

— Ох! Это правда?

— Да, — подтверждает он.

— Ну, извини! — она подбрасывает руки в воздухе. — Мне, глупышке, стоило понять... Я имею в виду, ты же лгал каждому, бл*дь, человеку, забыла, что ты отец года.

— Сейчас не время для этого, — встречаю я, вставая между ними. — Поблизости маленькие ушки.

Выталкиваю Джонатана из квартиры, сама выхожу за ним, закрывая дверь за собой, чтобы у нас было хоть немного личного пространства. В противном случае Меган обязательно добавит свой комментарий, как например, что моя жизнь похожа на эпизод «Таинственный театр 3000 года».

— Извини насчет этого, — говорит Джонатан, указывая на дверь квартиры. — Я забыл, что у тебя планы.

— Все хорошо, — заверяю. — О чем ты хотел поговорить?

— Я просто... просто подумал.

Он медлит. Сомневается. По тому, как отводит взгляд, могу сказать, что нервничает.

— О чем?

— О том, что сказала девчонка с твоей работы.

Я хмурюсь, и требуется пару секунд, чтобы понять, кого он имеет в виду.

— Бетани?

— Ее так зовут? — Он пялится в пространство. — Бетани.

— Ты однажды встречал ее, — рассказываю ему. — Она приезжала на съемки. Сказала, что видела тебя снаружи бара.

Джонатан издает смешок.

— Ах, верно, Бетани. Она спрашивала о той ночи, когда меня арестовали.

Так и есть. Она рассказывала мне об этом. И все, о чем я могу думать, как невероятно она была бы счастлива, узнав, что ее кумир помнит ее.

— В любом случае, — говорит он. — Бетани просила выходной, чтобы съездить в одно место.

— Фестиваль?

— Да, ну знаешь, ради Бризо, и я подумал....

— Подумал о чем?

— Может, я мог бы взять туда Мэдди?

Требуется какое-то время, чтобы я осмыслила эти слова, чтобы поняла, о чем он меня

просит. Я моргаю, не зная, что сказать. Не знаю, что думать. Голос в глубине моего сознания кричит в защите, в ужасе от этого, но мое сердце — мое глупое-глупое сердце — желает дать согласие.

— Я, эм... — качаю головой, пытаюсь привести мысли в порядок. — Вау.

— Понимаю, что прошу о многом, — отвечает он. — Я прошу о доверии, хотя бы немного, и не буду тебя винить, если откажешь, но просто... Я прошу. Могу взять ее?

Я открываю рот, все еще понятия не имея, что сказать, когда движение привлекает мое внимание за секунду, как слышу голос:

— Я помешал?

Восемь тридцать. Как пунктуально. Дрю. Я не поворачиваюсь, не смотрю сразу на него, но Джонатан делает это. Он выпрямляет спину, распрямляет плечи, все его тело напрягается. Наблюдаю, как на его лице появляется замешательство, надеюсь, что он не узнает, но все происходит в мгновение ока.

Замешательство уступает место злости, которая, кажется, копилась годами. Джонатан зло смотрит на Дрю, как будто хочет вырвать сердце из его груди и засунуть ему в глотку.

Голос Джонатана такой же жесткий, как и взгляд, когда он говорит:

— Хастингс.

— Каннингем, — невозмутимо отвечает Дрю.

— Какого черты ты здесь делаешь?

Дрю указывает на меня.

— Забираю ее на свидание.

Я вижу, как до Джонатана доходит смысл слов, он понимает, что вот мой кавалер на сегодняшний вечер. Прошло много времени с тех пор, как я слышала, что кто-то звал его по настоящей фамилии.

Джонатан поворачивается ко мне, его выражение лица суровое, когда он пытается сдержать гнев, но ему тяжело.

— Он? Вот с кем у тебя свидание? С ним ты встречаешься?

Начинаю отвечать, но он не позволяет мне.

— Невероятно, — Джонатан качает головой. — Как ты могла?

Из-за этих слов мне хочется защищаться.

— Извини?

— Он часть твоей жизни? Жизни Мэдисон? Иисус Христос, ты позволяешь ему быть рядом с ней? О чем, черт побери, ты думаешь?

— Нет, — отвечаю, вытягивая руку, чтобы остановить его поток слов. — Даже не думай говорить об этом.

— Ты должен прислушаться к леди, — встречается Дрю. — И заняться своими делами.

— Это мое гребаное дело, — выпаливает Джонатан, делая шаг к Дрю, все в нем внезапно излучает агрессию. — Мы говорим о моей дочери. Моей. И я не знаю, что ты сделал, чтобы стать частью их жизни, но ты также не получишь ее мать. Не получишь никого из них. Ты не можешь украсть мою гребную жизнь!

— Прекратите, — рычу, вставая между ними.

Джонатан яростно трясет головой, сжимая левую руку в кулак. Не думаю, что он собирается замахнуться, раз уже его правая рука в гипсе, но вижу, что хочет.

И не помогает то, что Дрю начинает смеяться. Изумление сквозит в его голосе, когда он произносит:

— Не могу украсть то, что и так доступно всякому желающему.

Это побуждает Джонатана действовать. Он направляется к Дрю, но я перекрываю ему путь. Толкаю его, сильно, заставляя отступить.

— Просто... уходи, Джонатан. Уходи!

Он смотрит на меня, у него суровое выражение лица, когда говорит:

— Не могу поверить.

Развернувшись, Джонатан уходит, оставив меня стоять на месте и закипать.

Невероятно.

Он не может поверить? Мне? Он ведет себя так, будто я неправа?

— Вижу, что он снова показался, — говорит Дрю. — Как долго он здесь?

— Эм, около двух недель, — бормочу, наблюдая, как Джонатан исчезает в ночи.

— Ты не упоминала.

— Не хотела говорить об этом, — поясняю. — Все еще не хочу.

— Достаточно справедливо, — Дрю хватает меня за плечо, нежно сжимая. — Как насчет того, что мы уйдем? Забудем о случившемся?

— Звучит здорово, — улыбаюсь ему, но знаю, что это дохлый номер, забыть не получится. Я чувствую, как моя кровь закипает. Хочу последовать за этим мужчиной в темноту и поставить его на место.

14 глава

Джонатан

Шаг вперед, пятьдесят шагов назад.

Вот как это чувствуется, будто меня опрокинули назад на задницу, когда я только нашел силы подняться.

Мой телефон лежит рядом со мной, когда я сижу на старом деревянном столе для пикника под покровом ночи, которая уже сгустилась вокруг парка. Это глупо. Я глупый. Нет, хуже... я слабый. Лист контактов открыт в телефоне, экран освещен, но я не хочу ни на что нажимать.

В моих руках тяжелая стеклянная бутылка виски. Не узнаю бренд. Схватил первую попавшуюся в магазине на пути сюда — что-то дешевое и крепкое.

Я почти могу почувствовать жжение.

Смотрю на нее.

И смотрю.

И, бл*дь, продолжаю смотреть.

Бутылка все еще запечатана.

Будет так легко откупорить ее и сделать глоток, заглушить боль, злость, мучение.

Схватившись за крышку, откупориваю ее, повреждая печать и ощущая сильный аромат жидкости, как вдруг мой телефон вибрирует на столе. Имя Джека высвечивается на экране. Вздохнув, я игнорирую, но он продолжает звонить.

Снова.

И снова.

— Черт побери, — бормочу, отвечая на четвертый звонок и сразу включая динамик.

— Всегда знал, что ты — боль в заднице, Джек. Но не осознавал, что ты экстрасенс.

Джек смеется.

— Что я могу сказать? Я чувствую, когда кто-то в беде. Возможно, во мне есть что-то от Йоды.

— Забавно, — бормочу.

— По правде говоря, я звоню поздравить тебя.

— С чем?

— За целую неделю не украсил собой ни один таблоид, — объясняет он. — Сегодня ходил в продуктовый и не увидел нигде твою уродливую рожу. Это сделало мой день.

— Рад, что могу сделать это для тебя, — отвечаю.

— Ценю это больше, чем ты можешь себе представить, — продолжает поддевать он. —

Теперь расскажи, что я могу сделать для тебя.

Я медлю, глядя на бутылку.

— Ничего.

— Херня, — спорит он. — Попробуй снова.

— Знаешь, ты должен меня поддерживать и следовать моей воле.

— Повторюсь, херня. Если ты хотел, чтобы с тобой нянчились, то стоило выбрать кого-то другого в свои наставники. А не меня. Я не хожу на цыпочках вокруг взрослых мужиков, когда они пытаются утопить горе в бутылке.

— Да, ну, пошел ты.

— Выкладывай, Каннинг, — говорит Джек со смехом. — Расскажи мне, как большой мир обидел тебя.

Я не в настроении говорить, но знаю, что он не оставит эту тему, поэтому к черту все. Бормоча несвязно, я рассказываю ему о своем дерьмовом дне.

Он, молча, слушает, ждет, пока я закончу, прежде чем говорит:

— Ну, это отстойно.

Я горько смеюсь, потому что, так и есть. Это отстойно.

— Хотя это твоя вина, — добавляет он.

— Знаю, — бормочу.

— Знаешь? Потому что полагаю, поправь меня, если я не прав, но ты сидишь где-то в одиночестве, хандришь, желая утопить свои печали, как жертва.

Я оглядываю парк. Такое чувство, что он следит за мной.

— Серьезно? Ты экстрасенс?

— Нет, просто знаю тебя, — отвечает. — Иногда ты кусок дерьма, приносящий сам себе вред.

— Спасибо.

— Всегда, пожалуйста, — отвечает Джек. — Но знай, что большинство дней с тобой все нормально.

— Мило с твоей стороны.

— Слишком плохо, что твои фильмы отстой.

Это смешит меня.

— Да, слишком плохо.

— Но в любом случае, если ты покончил скулить о своей бедной жизни голливудского предмета обожания, я собираюсь вернуться к своей светской жизни троллинга в интернете и разнесению слухов о твоей персоне на разных сайтах.

— Сделай это, — говорю. — Спасибо, Джек.

— В любое время, Каннинг. Просто позвони мне в следующий раз. Моя чуйка не всегда срабатывает. Я разозлюсь, если ты напьешься, а у меня не будет шанса накричать на тебя сразу.

— Я позвоню, — отвечаю ему. — В следующий раз.

Шум будит меня, звук шагов по старой скрипучей лестнице вырывает из беспокойного сна. Пялюсь в потолок, пытаюсь сморгнуть остатки сна, когда звук становится громче, ближе, а за дверью видны тени.

Дверь резко открывается и ударяется об стену. Свет из коридора заливает комнату, рассеивая темноту. Я морщусь, сажусь в кровати, пытаюсь быть начеку, когда закрываю глаза.

— Какого черта?

— Ты имеешь наглость, — раздается голос, сопровождаемый гневной интонацией, очень гневной, на самом деле, отчего мне требуется пару секунд, чтобы узнать его.

— Кеннеди? — застигнутый врасплох, хлопаю глазами, когда она входит в комнату. Тени маскируют ее черты лица, но это она, точно... Она здесь, в полуметре от кровати. Потираю глаза, пытаюсь полностью проснуться. — Боже, мне снится сон?

— Не могу поверить, — говорит она, подходя ближе. — Вот, что ты сказал мне. Что не можешь поверить. Но я не сделала ничего неправильного. Ничего.

Моргаю, пытаюсь уловить смысл.

— Что?

— Что? Seriously? Что? — она подбрасывает руки в воздухе, подходя еще ближе. — Ты ведешь себя так, будто я ужасный человек, будто сделала что-то чудовищное, чего ты не можешь понять. Но это не так. Я не делала ничего. Это не моя вина! Ты бросил меня. Джонатан!

— Я не...

— Да, ты сделал это!

Кеннеди стоит прямо напротив меня, так близко, что мне видно, как дрожат ее руки, когда она сжимает их в кулаки, а по ее лицу текут слезы. Оглядываюсь вокруг, пытаюсь понять, сколько время, но не уверен, где лежит мой телефон, а рядом нет часов. Темно — крошечная тьма — поэтому делаю предположение, что уже за полночь.

— Ты бросила меня, Кеннеди, — говорю я, смотря снова на нее. — А не наоборот.

— Ты ошибаешься. Я ушла. Это другое. Ты бросил меня задолго до этого. Я была беременна, а ты бросил меня.

— Я не...

— Да!

Я молчу мгновение, затем произношу:

— Я не знал.

Но Кеннеди меня прерывает:

— От этого не становится лучше!

Я хочу спорить, хочу защищать себя, но нет смысла.

— Послушай, я ошибался и сожалею об этом.

— Ты продолжаешь говорить это, но сожаление ничего не изменит, Джонатан, не тогда,

когда ты продолжаешь вести себя как, arrr... вот так.

Она машет в мою сторону.

— О чем ты говоришь?

— Ты появляешься здесь и имеешь наглость пытаться пробраться в мою жизнь, в мой разум, как будто у тебя есть право делать это, после всего случившегося. Имеешь наглость обвинять меня, что я хожу на свидания, имеешь наглость ставить под вопрос мои родительские способности, будто я не знаю, что для моей дочери лучше!

Что-то щелкает во мне на ее словах, часть тумана рассеивается.

— Иисус... это из-за него? Хастингса?

— Нет, это из-за тебя, — Кеннеди тычет в меня пальцем. — То, как ты изображаешь саму невинность... Твои деньги и привычки. Произнесенные слова, шутки, смех, улыбка, которую ты даришь ей, и она ловит ее с удовольствием, и брр... твое лицо.

— Мое лицо?

— Твое глупое гребаное лицо, — говорит она, проводя рукой по волосам, когда стонет, и эти слова поражают меня. Кеннеди не ругается. — Твое лицо повсюду. Меня тошнит от этого!

— Тебя тошнит от моего лица.

— Да!

— Я мало что могу с этим сделать.

— Ты можешь исчезнуть из моей головы, — говорит она. — Прекратить постоянно там находиться.

Я смеюсь, потому что это чертовски абсурдно, но я совершаю ошибку. Кеннеди прищуривается, когда опускает взгляд, выглядя так, будто хочет ударить меня.

— Я ненавижу тебя, — говорит Кеннеди, ее голос дрожит. — Я никогда не навидела никого так, как тебя, Джонатан.

Эти слова пробуждают меня. Я больше не смеюсь. В этом нет ничего забавного. Я пробрался ей под кожу, и раз уж мы сейчас оба находимся в шатком положении, уверен, это опасно.

Кеннеди разворачивается, будто собирается уйти, но я хватаю ее за руку, чтобы остановить.

— Да ладно тебе, не надо так...

— Не прикасайся ко мне, — говорит она, вырываясь из моей хватки.

Я отпускаю ее и встаю, направляясь к ней.

— Просто... подожди минутку... поговори со мной.

— Больше нечего говорить.

— Черт побери, есть, — снова хватаю ее за руку, прежде чем она может уйти. — Ты не можешь признаться, что ненавидишь меня, а затем уйти. Это ерунда. Ты ворвалась сюда, пока я спал, чтобы накричать на меня...

— Ты заслужил это!

— Может быть, но тем не менее...

— Все еще не о чем говорить, — повторяет она, снова поворачиваясь ко мне, говоря мне прямо в лицо. — Я ненавижу тебя. Вот и все. Больше нечего сказать. Я ненавижу все в тебе. Твой голос, лицо... я ненавижу его. Почему ты не можешь уехать?

— Потому что не могу, — говорю ей, — почти уверен, что и ты этого не хочешь.

Она хмурится.

— Ты расстроена, — продолжаю. — Но лжешь себе, говоря, что хочешь моего отъезда.

— Я хочу.

— Не хочешь.

— Уезжай.

— Нет.

— Проваливай.

— Я никуда не уеду.

Как только эти слова слетают с моих губ, Кеннеди бросается на меня, прижимая свои губы к моим. Она целует меня, и я так чертовски ошарашен, что требуется время, прежде чем начинаю реагировать, и возвращаю поцелуй. Девушка стонет и обнимает меня руками за шею, цепляясь за меня почти агрессивно, пока ногой закрывает дверь.

На ее языке горький привкус.

В оцепенении сразу и не поймешь, но через пару секунд мир будто останавливается.

Я отталкиваю ее, со стоном разрывая поцелуй.

— Ты пила.

Кеннеди тяжело дышит. Даже в темноте я вижу, что ее щеки порозовели.

Смотрит на меня широко распахнутыми глазами, когда произносит:

— Только немного вина.

Она не кажется пьяной, но при этом ни в коем чертовом разе не может мыслить здраво. Но не то чтобы она сейчас мыслит, так как просто целует.

Прежде чем я могу что-то сказать, она снова обрушивается на меня, целуя, прижимаясь ко мне и толкая к кровати. Оу. Она не нежничает. Мои ребра чертовски сильно болят. Ее руки на мне, тянут мою одежду, мурашки бегут по моей спине, где ее теплые пальцы касаются моей кожи.

— Не думаю, что это хорошая идея, — начинаю. — Нам не стоит...

— Просто заткнись, — рычит Кеннеди у моих губ, запустив руку в мои волосы и больно схватив их.

Я ударяюсь задней частью ног о кровать и падаю на матрас, утягивая Кеннеди за собой. Боль пронзает мой череп, почти ослепляя, соперничая со жжением в груди.

Я шиплю.

— Бл*дь.

Ее поцелуй становится жестче, отчаянным. Она не замедляется, не видя знаков стоп. Каждый укол боли проникает глубоко, напрягая. Мое сердце бьется миллионы ударов в минуту.

— Ты уверена, что хочешь этого? — спрашиваю, когда она располагает ноги по обе стороны от меня.

Ее голос едва слышный шепот, когда Кеннеди произносит:

— Нет.

— Может, нам стоит остановиться.

— Заткнись.

Я смеюсь, затыкаясь, потому что не собираюсь спорить. Может, все это неправильно и не должно происходить, но есть мало чего в мире, что я хочу больше, чем эту женщину, поэтому не отвергаю ее.

Тяну ее дальше на кровать, пытаюсь удержать хватку одной рукой. Чертов гипс. Рука

Кеннеди скользит мне в штаны, обхватывая член, и она гладит его снова и снова.

— Бл*дь, — стону. — Бл*дь, бл*дь, бл*дь...

Если Кеннеди не остановится, я взорвусь. Прямо здесь, прямо сейчас, вот так.

Я меняю наше положение, переворачивая Кеннеди и укладываясь на ней, возясь с ее штанами, когда пытаюсь их снять. Она не медлит, раздеваясь и разбрасывая вещи по комнате. Я не удосуживаюсь полностью раздеться, просто спускаю штаны, когда располагаюсь между ее ног, прямо между бедер.

Вопросы прокручиваются в моей голове — так много вопросов, почти столько же, как и возражений, когда Кеннеди шепчет:

— Доставь мне удовольствие снова, Джонатан.

Я скольжу в нее, не думая об этом дважды, толкаясь медленно с гортанным стоном.

Такая узкая. Такая мокрая. Такая чертовски прекрасная.

— О, боже, — хнычет Кеннеди, хватаясь за меня.

Я все еще ошеломлен. Черт, может, это сон. Но не имеет значения, потому что я не собираюсь просыпаться. Медленно я скольжу в нее, подразнивая и мучая, зная, что ей так нравится.

Мучение.

Проходит десять минут, а может, час — я не знаю. Удовольствие проносится через меня, дыхание тяжелеет, части меня очень больно, но я продолжаю. Трахаю Кеннеди, занимаюсь с ней любовью — не уверен, как назвать, но ее мягкие стоны наполняют комнату, когда она проводит ногтями по моей спине, и я понимаю, что она на грани. Мой лоб покрыт испариной, вся кожа ее тела блестит и переливается в свете луны. Я пробую на вкус, целуя шею, на моем языке остается соленый привкус.

Я кусаю, облизываю и всасываю. Вероятно, оставляю отметины, но чем жестче напор моего рта, тем сильнее она хнычет.

Когда Кеннеди кончает, то изгибает спину, ее лицо искажается, рот открывается в экстазе. Она выпускает сдавленный крик, как будто кашляет, задыхается, прежде чем хнычет, бл*дь, этот звук влияет...

Я кончаю, стенаю, прежде чем замираю на ней, пытаюсь перевести дыхание, очистить голову. Какого хрена произошло? Кеннеди дрожит подо мной, и я переживаю, что она паникует. Но когда чуть-чуть приподнимаюсь, чтобы взглянуть на нее, она снова сминает мои губы, намекая на второй раунд.

Пять утра.

Вот, что показывает мой телефон, когда позже я выскальзываю из кровати и нахожу его в кармане джинсов, в которых был накануне; от заряда батареи осталось десять процентов. На экране отображаются уведомления о сообщениях, большинство из них от Клиффа.

Я могу достать билеты на фестиваль. Зачем тебе?

Ты помнишь, что они приглашали тебя, верно?

Предполагалось, что ты будешь хедлайнером.

Знаю. Я помню. Я отклонил. Не то чтобы я не хотел, но Клифф не думал, что это мудро.

потому что когда пришло приглашение, моя трезвость была в шатком положении.

Все еще так.

Я вздыхаю, направляясь к двери, оглядываясь на кровать.

Кеннеди.

Скольжу взглядом по ее обнаженной спине. Она свернулась калачиком, обнимая подушку, тонкое белое одеяло накинуто на нее. Она спит, слегка посапывая.

Мир освещается с приближением восхода солнца. Я покидаю комнату, тихо идя босыми ногами по полу вниз, отвечая Клиффу.

Забудь об этом.

Его ответ мгновенный, конечно же, ведь он не спит.

Ты уверен?

Быстро печатаю.

Да.

Прежде чем засовываю телефон в карман штанов.

Направляясь на кухню, достаю бутылку воды с холодильника и открываю ее, когда слышу голос позади себя:

— Ты потерял свой гребаный рассудок?

Маклески стоит в ночнушке и халате, сжимая пояс, и хмуро смотрит на меня.

— Эм, нет.

— Где твоя одежда?

Я опускаю взгляд на свою голую грудь. Нет футболки.

— Просто еще не оделся.

— Ты должен, — бурчит она, проходя по кухне мимо меня. — Можешь обеспечить старушке сердечный приступ, разгуливая вот так.

Я смеюсь, делая глоток воды, пока она возится с кофейником.

— Думаю, если бы я обеспечил вам сердечный приступ, то это произошло бы в тот день в парке.

— Почти, — говорит она. — Как ты думаешь, зачем я вызвала полицию? Все это происходило на моем заднем дворе.

Она посылает мне знающий взгляд. Да, она в курсе, чем мы занимались той ночью, и я почти уверен, что она также знает, что происходило сегодня ночью.

— Думал, что вы просто вредная карга, — отвечаю. — Но не думал, что я вас раздражаю.

— Ох, отвали, Каннингем, — говорит Маклески. — Я уложу тебя на задницу.

— Знаю, — отвечаю, направляясь на выход из кухни.

— Оденься! — кричит мне. — Убедись, что твоя гостья сделала то же самое. Никаких шуры-муры в общей зоне!

— Есть, мэм, — бурчу, поднимаясь вверх по лестнице, хоть она и не может слышать меня. Тянусь к дверной ручке, когда дверь распаивается, и я вижу Кеннеди. Она выглядит

раздраженной, волосы в беспорядке, не полностью одетая, и теряет равновесие, когда пытается натянуть обувь. — Оу, осторожнее.

Хватаю ее за руку, чтобы удержать от падения, но Кеннеди отстраняется, мгновенно краснея, как будто смущена. Смотрит на меня краткое мгновение, отказываясь встречаться со мной взглядом.

— Извини, я... эм...

— Все хорошо, — успокаиваю. — Нет причин для извинений.

Но они есть. Вот о чем говорит выражение ее лица, и я могу догадаться почему. Она пыталась скрыться во время моего отсутствия, чтобы избежать нашей встречи, но я поймал ее.

Моя грудь сжимается от боли из-за этого. Бл*дь. Сожаление написано на ее лице, как будто она обвалилась в стыде и теперь не отмыться от этого. Кеннеди распрямляет одежду, и мой желудок ухает вниз, когда я осознаю, что под мышкой она держит бутылку виски.

— Я должна уйти, — говорит Кеннеди, проشمывивая мимо меня из комнаты.

— Я не пил, — говорю прямо. — Знаю, что со стороны выглядит плохо, но я не...

— И не будешь, — перебивает. — Потому что я ее забираю.

— Ладно.

— Я вылью, — заявляет Кеннеди. — Ты не должен хранить алкоголь. Это глупо. Ты глупый.

— Я и мое глупое гребаное лицо, ха?

Ее щеки краснеют, когда она заикается:

— Я не должна была... аррр, мне надо было быть дома пару часов назад.

— Понимаю, — отвечаю, скрещивая руки на груди, когда прислоняюсь к дверной раме, наблюдаю за ней. — Ты не планировала остаться здесь ночью.

— Или вообще кончить здесь свой вечер, — бормочет в ответ.

Кончить.

— Каламбур.

Кеннеди не смеется. Она не находит это забавным. Просто начинает спускаться по ступенькам, чтобы уйти, больше не желая здесь находиться. Я наблюдаю в тишине, когда она колеблется на полпути.

— Ты, эм.. ты можешь взять ее, — говорит Кеннеди, выражение лица настороженно. — Я имею в виду, если ты серьезно, если хочешь взять Мэдди с собой, то можешь.

Эти слова поражают меня.

— Да?

Она кивает.

— Мы поговорим о... Ну знаешь, обо всем, если ты имел это в виду...

— Да.

— Ну, тогда, хорошо.

Затем она уходит. Слышу, как передняя дверь открывается и закрывается, когда она выбегает через нее, вероятно, стремясь побыстрее уйти от меня.

Вздыхнув, я отрываюсь от своего телефона, используя остатки батареи, чтобы отправить Клиффу еще одно сообщение.

Мне нужны эти билеты.

Как обычно он отвечает мгновенно.

Ты пьян? Потому что, клянусь, Джонни, ты и эти билеты...

Не готовы попроситься

Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд

Зрители собраны в актовом зале академии «Фултон Эйдж». Все места заняты учениками, членами их семей, администрацией, спонсорами. Девушка сидит на месте возле прохода, родители рядом с ней. Отец не хотел приходить, ворча на билеты за тридцать баксов, но девушка знала, что он не хочет приходить по другой причине. Из-за тебя.

Субботний вечер. Драмкружок ставит «Юлия Цезаря». В зале шумно, люди начинают суетиться, спектакль должен был начаться десять минут назад. Хастингс, обезумев, бежит туда-сюда, переодетый в свой тщательно продуманный костюм. Все выходят на сцену, когда объявляют о начале.

В последнюю минуту замена актера.

Роль Брута будет сыграна...

Не тобой.

Голубой «Порше» на парковке. Перед ним забронировано место для твоего отца. Хотя его сиденье в зале пустое, несмотря на то, что лимузин прибыл ранее. Это значит, вы оба присутствуете на территории школы, но в зале вас нет.

Девушка встает со своего места, когда спектакль начинается. Отец пытается ее остановить, но мама не позволяет, говоря:

— Отпусти ее, Майкл.

Девушка убегает, направляясь на парковку.

Ты стоишь там. И твой отец тоже. Вы оба перед твоей машиной, рядом маячит охранник твоего отца, пока вы спорите.

Последний срок приема документов в Принстон был прошлой ночью, поэтому он сделал это за тебя.

Ты говоришь ему, что не поедешь. Стать его копией — не твоя мечта. Отец указывает тебе выбросить это из головы и, наконец, стать мужчиной, которым он тебя растил.

Ты споришь, что он не растил тебя мужчиной. Он вообще тебя не растил. Он не может ставить себе в заслугу, что воспитывал тебя. Он эгоистичный придурок, которого заботит только работа. Признаешься, что никогда его не любил. Стать им — твой худший ночной кошмар.

В момент, когда эти слова произнесены, твой отец теряет свое самообладание. Он размахивается и бьет тебя. Ты готов к этому, знал, что это приближается, но не ждал второго удара и еще одного после.

Твой отец размахивается снова и снова. Ты пытаешься блокировать удары, но он не прекращает, поэтому толкаешь его. Это дает тебе отсрочку, но она не длится долго. Он наступает на тебя, но ты реагируешь.

Замахиваешься и бьешь его прямо в рот.

Первый раз, когда ты ударил в ответ. Твой отец ошарашен, пошатывается. Ты бьешь его сильно. Охранник бежит к вам, оттаскивая тебя.

Отец проводит языком по разбитой губе. У тебя течет кровь изо рта. Мужчина стоит

перед тобой, смотрит в глаза и заявляет:

— Без меня ты — никто. Ничтожество, как и твоя мать.

Плюешь ему в лицо на эти слова.

Он моргает, вытаскивает платок, чтобы стереть кровь. Девушка стоит перед школой, устраивает сцену, крича остановиться. Твой отец отворачивается, как будто собирается уйти, но затем снова поворачивается.

БАМ.

Последний удар приходится тебе в грудь. Охранник отпускает тебя, чтобы сопроводить твоего отца, когда тот кричит:

— Принстон хорош, сынок. Тебе там понравится.

Ты не задерживаешься. Люди выходят из школы, «Юлий Цезарь» не клеится без твоего Брута. Поэтому ты садишься в машину и уезжаешь, не желая там находиться. Не можешь столкнуться с ними лицом к лицу.

Ты едешь по округе.

Долгое время.

В конце концов снова возвращаешься в Беннетт-Ландинг.

Три утра. Стоишь на тротуаре перед домом девушки.

Ты пьян. Но недостаточно пьян, чтобы забыть. Не уверен, что это вообще возможно, когда пьешь шампанское прямо из бутылки. Взял его из дома, когда направился на спектакль. Думал, что вы будете праздновать с девушкой сегодня, но вместо этого, все вышло вот так.

Она все еще не спит. Замечает тебя из окна своей спальни. Прокрадывается по лестнице и выходит наружу.

— Ты пьян, — заявляет тебе, оглядываясь вокруг. Впервые видит тебя в таком состоянии. — Пожалуйста, скажи, что не вел машину вот так.

— Моя машина в парке, — отвечаешь. — Пил здесь.

— Без меня?

Протягиваешь ей бутылку шампанского.

— Можешь отпить немного.

Она берет ее, выливает содержимое, прежде чем бросить бутылку на траву позади себя.

— Я имею в виду, что был в парке без меня.

— Нужно было подумать, — защищаешься, глядя на выброшенную бутылку, когда проводишь рукой по волосам. — Тяжелый день.

— Знаю, — прижимает свои руки к твоим щекам, когда осматривает твое лицо. — Ты в порядке?

— Да, — отвечаешь, целуя и шепча ей в губы. — Мне просто нужно было снова тебя увидеть... сказать тебе... что я...

Я люблю тебя. Почти удается произнести.

— Расскажи мне, — говорит она.

— Я уезжаю.

Твой голос тихий.

Она отстраняется, хлопая глазами.

— Что?

— Не могу уехать, не попрощавшись, — говоришь, мягко улыбаясь. — Не хотел исчезать. Ты бы не простила, если бы я забрал с собой Бризо.

Пытаешься свести все в шутку. Пытаешься рассмешить ее. Пытаешься не усложнять этот момент, но девушка паникует внутри. Ее руки дрожат. Она резко вдыхает. Слезы заполняют глаза.

— Что ты имеешь в виду под тем, что уезжаешь?

Она спрашивает, но понимает, что ты имеешь в виду.

— Ты не можешь уехать, — спорит. — Куда ты собрался? Что вообще собираешься делать?

Рассказываешь ей, что направишься в Калифорнию. Или, может, остановишься где-то еще. Ты знаешь только то, что будешь следовать своим мечтам и должен сделать это именно сейчас. Время пришло. Направишься туда, где жизнь примет тебя. И как бы твоя грудь не сжималась от боли из-за мысли покинуть ее, встретить завтрашний день, не увидев ее улыбки, от идеи, что никогда не обнимешь ее снова, ты не можешь остаться, даже на один день. Потому что с каждым днем тебе все труднее уехать, а завтра ты можешь растерять свою смелость. Отправишься в Принстон в итоге. Станешь копией своего отца.

Девушка пялится на тебя, пока ты это говоришь.

Она начинает плакать.

— Я не готова попрощаться.

Вытираешь слезы с ее щек.

— Думаешь, ты будешь когда-нибудь готова?

Нет, не будет.

Она хватается за тебя, крепко обнимая.

— Знаю, ты должен уехать... Знаю... И ты должен следовать за своим сердцем, но как я буду следовать за своим, если ты уедешь? Я люблю тебя, Джонатан. Очень сильно тебя люблю.

Ты обнимаешь ее, пока она плачет. Всегда делает первый шаг. Я люблю тебя. Проходят минуты, прежде чем ты говоришь:

— Поехали со мной, Кей.

Девушка резко вдыхает.

— Что?

— У тебя здесь своя жизнь. Семья. Бл*дь, у тебя экзамены в понедельник. Ты закончишь и пойдешь в колледж. А я, вероятно, испорчу всю свою жизнь, но я люблю тебя.

Она отстраняется, чтобы посмотреть на тебя.

— Ты любишь меня?

— Больше, чем что-либо, — уверяешь. — Больше, чем драмкружок и генеральные репетиции, и «Юлия Цезаря». Больше, чем меня раздражает гавнюк Хастингс. Больше, чем гребаный парк дальше по дороге. Черт, даже больше, чем бить своего отца. Я бы не торчал здесь так долго ни из-за чего из этого. И если моей любви достаточно...

— Да, — отвечает она.

— Тогда поехали вместе, — говоришь. — Сбежим со мной, детка.

Ты не знаешь, но эта девушка... Когда она стоит здесь и смотрит на тебя, видя свет в твоих глазах и чувствуя любовь в своем сердце, она сделает все, что бы ты ни попросил. Что угодно. Свернет горы. Обманет, украдет. Эта девушка пообещает тебе вечность. Как долго ты будешь любить ее и заботиться о ней, она будет твоей. Поэтому, что касается того, чтобы дойти до парка с тобой и залезть в твой «Порше»? Самое легкое решение в ее жизни.

15 глава

Кеннеди

— Поторопись, нам нужно идти! — кричу я, копаясь в ящике со всяким хламом на кухне, чтобы найти ключи, но они словно испарились. Апп. Проверяю на столе, прежде чем отправляюсь в гостиную. На журнальном столике тоже нет. Также не висят на своем месте — на крючке у входной двери. Убираю подушки с дивана, проверяя под ними. Ничего. — Мэдди, ты видела мои ключи?

Нет ответа.

Оглядываюсь вокруг, сканирую взглядом пол, затем направляюсь по коридору к спальням, проверяя, не обронила ли их. Нет. Пытаюсь вспомнить последний раз, когда видела их. Дверь была открыта, когда я вернулась домой этим утром, значит, вчера?

— Мэдди? — кричу, тишина беспокоит меня. — Ты слышишь?

Нет, не слышит. Она растянулась на своей кровати, одетая и готовая выходить, волосы в беспорядке, хотя я заплела ее пару минут назад. Она быстро засыпает, не услышав ни сказанного мною слова.

— Мэдди, нам нужно идти, — говорю, когда трясу ее, чтобы разбудить. Жду, когда она сядет, прежде чем спрашиваю. — Ты видела мои ключи, милая?

Потирая глазки, она качает головой.

Даже если она и видела их, я не уверена, что вспомнит.

— Собери рюкзак для занятий, — прошу ее, уходя в свою спальню. Ищу некоторое время, теперь уже свой телефон, срываю покрывало с кровати и вытряхиваю корзину с грязным бельем.

Раздраженная, я сдаюсь. У меня нет на это времени.

Я уже должна выходить на работу.

Возвращаюсь в комнату Мэдди.

Она снова лежит.

— Вставай, вставай, вставай, — говорю, затем поднимаю Мэдди и ставлю на ноги, прежде чем хватаю ее рюкзак, засовывая туда какие-то листы, неуверенная, что ей понадобится. Надеваю его ей на спину, прежде чем беру дочку за руку и тяну к двери.

— Я не хочу идти, — хнычет, еле волоча ноги.

— Извини, в подготовительную группу нужно ходить обязательно.

— Но почему я не могу остаться дома с тобой?

— Почему ты думаешь, что я остаюсь дома?

— Потому что ты не переделась в свою униформу.

— Это безумие, я... — опускаю голову, осознавая, что действительно не надела рабочую форму. Черт. — Подожди здесь. Я переодену рубашку.

Она пялится на меня во все глаза.

— Серьезно, не двигайся, — говорю я, указывая на нее. — Вернусь через секунду.

Немного дальше и она вернется в свою кровать.

Конечно же, вся моя униформа грязная, поэтому роюсь в куче одежды, которую выбросила из корзины, находя самую чистую. Натягиваю, когда слышу стук в дверь.

Я напрягаюсь, зная, что Мэдди откроет дверь, прежде чем сказать:

— Я открою!

— Подожди!

— Джонатан!

Мой желудок сжимается, когда я возвращаюсь в гостиную и вижу, что дверь открыта, конечно, а он стоит и смотрит на Мэдди.

Было сумасшедшее утро. Я проснулась на рассвете, голой, в кровати бывшего, все тело болело, от меня пахло им. Из-за этого накатило множество эмоций. Ужас. Страх. Опасение. Боязнь. Не уверена, как себя чувствовать из-за этого, не уверена ни в чем, кроме вины, неловкости и стыда... И может, мне и не стоит этого чувствовать, но это неизбежно.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю резче, чем хотелось бы. По тому, как он смотрит на меня, по вспышке боли в его взгляде, могу сказать, что вопрос тревожит его.

— Он мог прийти сегодня, помнишь? — встречает Мэдди, смотря на меня так, будто я сморозила глупость. — Он сказал это вчера, так как не мог поиграть со мной и тетей Меган.

— Ох, помню, — отвечаю, подходя ближе и прижимая руку к ее головке, когда дарю ей вынужденную улыбку, надеясь, что она не заметит странностей. — Просто имела в виду, почему сейчас? Время для игр позже.

— Подумал, что тебе это может понадобиться, — отвечает Джонатан, вытаскивая что-то из своего кармана и протягивая мне: ключи и мобильный телефон. Точнее сказать, мои ключи и мой телефон. — Должно быть, ты забыла их... кое-когда.

— Эм, спасибо, — бурчу в ответ, забирая у него телефон, когда тот начинает звонить. — Я опаздываю и, эм... позволь мне взять трубку. Алло?

— Все в порядке? — спрашивает Маркус, когда я отвечаю. — Рабочий день начался, а ты не здесь.

— Да, извини, я буду, как только смогу.

— Просто проверяю, так как на тебя не похоже.

Кладу трубку, закатываю глаза и снова поворачиваюсь к Джонатану, чтобы извиниться за то, что прервалась, когда он говорит:

— Я могу отвести Мэдди в сад, если ты спешишь на работу.

Ее глазки загораются от этого предложения.

— Я, эм... не знаю.

— Всего лишь, сколько... пару домов отсюда? Я могу отвести ее.

— Пожалуйста, мамочка? — умоляет Мэдди, хватая Джонатана за руку, будто объединяется с ним в общем деле. — Он может отвести меня!

Гиперопека, паранойя во мне хочет сказать нет, но как я собираюсь доверить ему забрать ее на фестиваль, если даже не могу позволить отвести в сад? Хочу взять ее в охапку и засунуть к себе в карман, прятать от всего, пока буду жива, но не могу, потому что правда в том, что она не только моя.

— Да, хорошо, — отвечаю, на этих словах Мэдди радостно визжит. Я улыбаюсь ей. — Люблю тебя больше, чем перерывы на обед и зарплатные чеки.

— Люблю тебя больше, чем каникулы.

— Это большое количество любви, малышка.

— Все каникулы мира.

Наклонившись, я целую ее в лобик.

— Иди, ты не должна опаздывать.

Она останавливается, широко раскрыв глаза.

— Подожди! Я забыла!

— Что забыла? — кричу, когда она бежит к себе в комнату.

— «Покажи и расскажи», — раздаётся крик в ответ.

Вздыхнув, качаю головой.

— Никогда не забывает принести что-нибудь на «Покажи и расскажи».

— Это было бы весьма печально, — говорит Джонатан.

Смотрю на него, хмурясь, затем прохожу мимо на выход.

— Можешь, пожалуйста, закрыть за мной дверь? Я уже должна бежать.

— Конечно, — отвечает. — Все, что тебе угодно.

Я ухожу, не желая больше задерживаться, иначе все переиграю, а это будет несправедливо. Прихожу на работу в пятнадцать минут девятого, опоздав на пятнадцать минут, и смотрю взволнованно на часы.

— Уверена, что все хорошо? — спрашивает Маркус, разглядывая меня.

— Все хорошо, — отвечаю. — Не могла найти ключи.

Это не ложь... не полностью. Есть еще кое-что, на самом деле, но я не хочу заикливаться на этом. Провожу следующие пару минут в кладовой, наблюдая за часами.

В 8:30 начинаю нервничать. Почти в девять часов моя нервозность увеличивается. Вытаскивая телефон, пишу Джонатану.

Ты отвел ее?

Нет ответа.

В девять тридцать больше не могу терпеть. Набираю номер детского сада, спрашивая у вахтера, дошла ли Мэдди, чувствуя себя полной дурой, когда она подтверждает, что Мэдди в группе и прибыла вовремя. Кладу трубку, ворча на саму себя, когда на экране появляется сообщение. От Джонатана.

Забыл зарядить свой телефон. Она в порядке. Ни одной конечности не потеряно.

Пялюсь на сообщение, обдумывая ответ, но все что хочу сказать, кажется очень глупым этим утром.

То есть все пальчики на ногах и руках на месте?

Полагаю, что их десять, но у меня не было шанса пересчитывать. Иначе мы бы опоздали.

Я смеюсь над этим, печатая ответ.

Учись заниматься несколькими делами одновременно, парень.

— Что смешного?

Нажав «Отправить», я поднимаю голову и вижу Бетани в дверном проеме.

— Ничего, просто....

Трясу телефоном, будто это все объяснит.

— Парень? — предполагает она, вздернув брови. — Тот парень, что был здесь?

Я меняюсь в лице.

— Какой парень?

— Ты знаешь, тот, что приходил к тебе.

О, боже.

— Как ты узнала об этом?

— Потому что была здесь, — отвечает. — Не думай, что я не видела, как он ошивается здесь.

— Ты видела его?

— Конечно, — она смеется. — Серьезно считаешь, что я бы не заметила этого красавчика? Черт, ты вообще меня знаешь?

— Да, ну, это не то, что ты подумала, — говорю. — Он не... мы не... знаешь... я оценю, если ты ничего не скажешь.

— Ох, тебе не стоит переживать. Твой секрет в безопасности со мной.

— Правда?

— Конечно! — смеется Бетани. — Я знаю, что ты, вроде как, старомодная, или что-то подобное, но мне нравится думать, что мы друзья. Я никому не расскажу о твоей личной жизни.

Игнорируя тот факт, что она только что назвала старомодной, я чувствую мгновенное облегчение. Она приняла все это гораздо спокойнее, чем я ожидала.

— Спасибо. И знаю, что ты встречала его, но если снова захочешь с ним увидеться, думаю, могу это устроить.

— Ох, нет, спасибо, — отмахивается от меня. — Он красавчик, но не мой тип. Я не сторонница доминирующих, авторитарных отношений, если ты понимаешь, о чем я.

— Что?

— Твой парень. Как его имя? Эндрю?

— Ох, ты говоришь об Эндрю!

— О ком я еще должна... о, боже, есть кто-то еще? — Бетани вскрикивает. — Не может быть, что у тебя два парня!

— Конечно, нет, — сердито отвечаю, когда мой телефон вибрирует. Опускаю голову и вижу сообщение от Джонатана. — У меня вообще нет парня.

Ты королева. А я простой парень.

Эти слова почти лишают меня возможности дышать. Прошло много времени с тех, как Джонатан говорил мне их, так много, что сердце пропускает удар из-за воспоминаний.

— Выражение твоего лица тебе противоречит, — констатирует Бетани, показывая на меня, когда я засовываю телефон в карман. — Ты вся покраснела.

Закатываю глаза.

— Нет...

— Как скажешь, — она поворачивается к выходу. — Ты выглядишь, как я, вероятно, выглядела бы, если бы встретила Джонни Каннинга.

— Слышал, кое-кто приходил в детский сад сегодня.

Я смотрю на своего отца, который сидит на крыльце, небрежно раскачиваясь в своем

кресле и убивая время, прежде чем отправится на встречу АА позже. Скоро закат. Я закончила работать позже из-за своего опоздания этим утром.

— Да, мне нужно было на работу, а он... Он был рядом.

— Везучая, — комментирует папа. — Что он оказался рядом.

— Уж мне ли не знать, — бормочу, спеша сменить тему. — В любом случае уже поздно, и нам нужно уйти до того, как стемнеет.

— Потому что он придет поиграть? — спрашивает отец. — Также слышал и об этом.

Я сощуриваю глаза, но молчу, открывая входную дверь, чтобы крикнуть:

— Мэдди, милая, время уходить!

Шаги разносятся по дому.

— Я тебя не виню, — никак не отпускает эту тему отец. — Просто хочу убедиться, что ты осторожна.

Осторожна. Сжимая его плечо, я отшучиваюсь:

— Не переживай, мама говорила со мной о «безопасный секс — хороший секс», как только я достигла пубертата. Отвезла меня в клинику, мне прописали таблетки и все такое.

Папа морщится.

— Она сделала много хорошего, но также должна была научить тебя воздержанию.

— Звучишь, как настоящий консерватор, — отвечаю, когда Мэдди вылетает с рюкзаком на спине. — Кроме того, можешь говорить что угодно, но это подарило нам ее.

— И нам всем ее достаточно, — улыбается он Мэдди, когда она его обнимает. — Люблю тебя, малышка. Весело поиграть.

— Люблю тебя, дедуля! Может, поиграем в другой раз!

— Может быть, — соглашается, как только она сбегает с крыльца, пробегая мимо меня к машине. Папа ждет, пока она исчезнет из поля слышимости, прежде чем говорит:

— Будь осторожна, и я не имею в виду, ну, знаешь....

— Нет презерватива — нет секса?

Еще раз морщится.

— Это тоже, но думаю, ты уже в курсе, — бурчит. — Надеюсь, ты выучила свой урок о том, чтобы связываться с этим мальчишкой. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Она вышла из этого, — напоминаю.

Он смотрит на меня, прищурившись.

— Не переживай, — успокаиваю. — Я буду осторожна.

— Тебе бы лучше практиковать воздержание.

— Мне двадцать семь, не семнадцать.

— Неважно. На твоём пальце нет кольца.

— Я не фанатка украшений.

— Дело не в украшениях.

— Также не фанатка древних обетов.

Папа трет рукой лицо.

— Чертовы либералы хиппи.

Я смеюсь. Он говорил это моей маме, когда она спорила с ним, что случалось постоянно.

— Пока, пап.

— Я серьезно, Кеннеди, — зовет он, когда я направляюсь к машине.

— Знаю, — успокаиваю его. — Не переживай.

— Не переживать? Да, верно.

Залезаю в машину, желая, чтобы разговор был окончен, прежде чем я признаюсь, насколько глубоко погрязла. Пот покрывает мою спину, руки дрожат, когда я хватаюсь за руль и смотрю в зеркало заднего вида на Мэдди, которая не обращает ни на что внимание, играя со своей куклой Бризо.

— Он дома, мамочка? — спрашивает Мэдди, глядя на меня.

— Кто?

— Джонатан, — поясняет. — Чтобы мы могли поиграть.

— Ох, не уверена. Полагаю, мы увидим.

Она улыбается, кивая.

Его нет, когда мы возвращаемся в квартиру, и Мэдди излучает разочарование, ее улыбка померкла.

— Он придет, — говорю, надеясь, что не лгу ей.

— Знаю, — отвечает.

Она выполняет домашнее задание, тренирует свое правописание, и мы ужинаем.

Джонатана нет.

Мэдди принимает ванну, надевает пижаму, пока я ему звоню.

Голосовая почта.

Проходит еще один час, прежде чем я переодеваю свою униформу. Проверяю Мэдди в гостиной, видя, что она уснула. По телевизору идет первый фильм про Бризо, звук выключен. Смотрю на экран, его лицо смотрит на меня, отчего желудок стягивает в узел.

— Придурок, — бурчу, потянувшись к кнопке телевизора, чтобы его выключить, когда раздается тихий стук в дверь. Быстро смотрю на Мэдди — та все еще спит — прежде чем направляюсь к двери, смотря в дверной глазок.

Меня приветствует то же самое лицо, что сейчас показывают по телевизору.

Ну, это немного отличается, конечно же. Парень, стоящий перед дверью квартиры, выглядит так, будто прошел через ад. Он не брился какое-то время, и кожа все еще покрыта еле видимыми царапинами и синяками.

Вздыхнув, открываю дверь. Джонатан начинает здороваться со мной, но я отворачиваюсь, направляясь на кухню, чтобы убраться.

Зайдя внутрь, он закрывает дверь и следует за мной, останавливаясь, когда замечает Мэдди на диване.

— Она спит.

— Да, вот что случается, когда ты так поздно приходишь.

— Я приходил раньше, — оправдывается. — Около четырех.

— Я все еще была на работе. Тебе стоило подождать или вернуться чуть позже.

— У меня не было возможности.

— О, да? Что-то более важное появилось на горизонте? — смотрю, пока он молчит. — Я звонила тебе. Мог хотя бы ответить на телефон.

— Мне пришлось его выключить.

— Не хотел, чтобы тебя прерывали? У тебя было свидание или что-то подобное? Общение с коллегами?

Его выражение лица суровее.

— Не надо так.

— Это просто вопрос.

— Нет, больше чем вопрос, и ты прекрасно это знаешь.

Отворачиваюсь от него и начинаю мыть посуду, пытаюсь отмахнуться от чувства горечи. Он прав — это больше чем вопрос. Я все еще злюсь. Сильно злюсь. Должна стараться не показывать это.

Он садится за кухонный стол.

— Я был на встрече АА.

Роняю тарелку, которую мыла, на его словах, отчего горячая вода брызгает в меня.

— Вот почему опоздал, — продолжает. — Хотел уйти пораньше, но собрание длилось дольше, чем я предполагал.

— Встреча АА, — говорю я, качая головой. Знаю, что происходящее на них там и остается, и люди должны поддерживать анонимность, но не уверена, как это возможно в его ситуации.

— Да, разговор повернулся в неожиданное русло, — говорит Джонатан. — Про осторожность в отношениях.

Поворачиваюсь к нему в ужасе. О, боже.

— Пожалуйста, скажи, что ты ничего не рассказал о нас.

— Конечно, нет, — заверяет Джонатан. — Не уверен, что мог бы сказать, даже если бы захотел... о нас.

Нас. Нет никаких «нас». Когда-то были, но сейчас просто я и он, и тот беспорядок, что я создала, бросившись ему на шею.

Вытерев руки, сажусь напротив него.

Он поднимает куклу Бризо, которую Мэдди оставила на столе после ужина.

— Вот что она брала на «Покажи и расскажи» этим утром.

— Не удивлена. Она брала его туда дюжину раз.

Джонатан улыбается, глядя на куклу, но сохраняет молчание.

— А ты... сам знаешь?.. — машу на него рукой, не уверенная, как выразиться. — В порядке?

Он вздергивает бровь.

— В порядке ли я?

— Ты сказал, что ходил на встречу АА, поэтому я задумалась....

— Не облажался ли я?

— Нет, я не это имела...

— Все нормально, можешь спрашивать. Я много раз все портил. Но нет, не в это раз. Еще нет.

— Еще нет.

Он сухо смеется.

— Еще нет.

— Рада слышать, но это не то, о чем я спрашиваю, — говорю. — Я спросила, в порядке ли ты?

Джонатан опускает куклу.

— Да, все хорошо.

— Хорошо.

— А ты?

— Конечно.

— Ты счастлива?

Звучит как обычная беседа, но все намного глубже, и выражение лица Джонатана это доказывает. Счастлива ли я? Не знаю.

— Не сказала бы, что все идеально, но полагаю, что счастлива. А ты?

— Нет.

Его ответ мгновенный. Он даже не раздумывает. Он живет своей мечтой, но, тем не менее, не счастлив.

— Хотя был счастлив этим утром, — продолжает, снова улыбаясь. — И прошлой ночью.

— Прошлой ночью ничего не должно было происходить.

— Но произошло.

Джонатан протягивает руку через стол, хватая мою ладонь. Я пялюсь на нее, не двигаясь, хоть и голос самосохранения умоляет меня отстраниться, получить немного личного пространства.

Он сжимает мою руку, когда я встречаюсь с взглядом его глаз. Джонатан все еще улыбается. Выглядит счастливым.

Моя тревога вспыхивает.

— Давай уедем куда-нибудь.

— Куда?

— Куда ты захочешь.

Трясу головой.

— Мы не можем.

— Почему нет?

— Потому что я должна ходить на работу, а Мэдди в подготовительную группу. Мы просто не можем уехать.

— Мы можем уехать на выходные.

— И чем заниматься?

— Чем захочешь.

Я отстраняюсь от него, его прикосновение затуманивают мои мысли. Джонатан говорит приятные слова, но не уверена, что могу в них верить.

— Я подумаю об этом, — отвечаю, боясь сказать «да», несмотря на то, что мое глупое сердце жаждет этого.— Сначала надо позаботиться о следующих выходных. О фестивале. Я имею в виду, если ты все еще хочешь...

— Да.

— Хорошо, но мне нужны детали: где, когда, как долго. Когда ты забереешь ее, когда вернешь, чем будешь кормить, сможешь ли гарантировать, что ее не похитят?

Джонатан смеется, когда откидывается на спинку своего стула, как будто я сказала что-то забавное, но я серьезна. Там будет много людей, множество незнакомцев, и я уже начинаю жалеть, что позволила ему взять ее с собой.

— Я заберу Мэдди рано утром в субботу. Верну поздно вечером этого же дня. И честно сказать, вероятно, накормлю ее всем, что она захочет. Ты не должна волноваться о похищении. Я не позволю ей пропасть из поля зрения.

— Но, я... ладно.

Не знаю, что еще сказать.

— Ладно, — он соглашается, вытаскивает свой телефон, когда тот звонит, и тихо отвечает. — Что такое, Клифф?

Клифф.

Встаю из-за стола, не желая слушать этот разговор, но улавливаю урывки, когда заканчиваю уборку кухни: что-то о временных рамках и графике, встречах и приемах у доктора.

После того как Джонатан кладет трубку, я предполагаю, что он собирается уйти, но вместо этого он направляется ко мне и останавливается за спиной. Убирает мои волосы в сторону, и я судорожно выдыхаю, когда его губы прижимаются к моей коже в поцелуе. Нежное, едва ощутимое касание. Мурашки покрывают мое тело, холодок проходит по спине, и мои колени слабеют.

— Мы не должны, — шепчу.

— Мы ничего не делаем, — отвечает он, его правая рука обнимает меня, гипс прижимается к животу, когда Джонатан притягивает меня ближе.

Он покрывает поцелуями мою шею, и я закрываю глаза, крепко хватаясь за столешницу. Джонатан оставил на мне отметины прошлой ночью, как будто мы какие-то безрассудные тинейджеры, оставляющие засосы. Большую часть дня мне приходилось их прятать.

— Я совершил множество ошибок, — говорит он, дыханием опалая мою шею. — Но не собираюсь их повторять.

— Я хочу верить тебе, — шепчу.

Поворачиваю голову, глядя на него, в тот момент как он наклоняется и целует меня в уголок рта.

— Я должен уходить, — говорит. — Уже поздно, уверен, у тебя есть дела поважнее, чем тратить время на меня.

Я не спорю, даже не пытаюсь его остановить, хотя и думаю, что он этого хочет. Он уходит, направляясь в гостиную, где Мэдди все еще спит. Изнывая от любопытства, смотрю, как он задерживается, когда встает на колени и убирает волосы с лица Мэдди, чтобы поцеловать ее в лоб.

— Прости, что подвел тебя сегодня, малышка.

Джонатан начинает идти к двери и смотрит на меня настороженно, когда я перегораживаю ему путь. Он обходит меня, но прежде чем может уйти, я говорю:

— Они узнают тебя.

— Что?

— На фестивале, — отвечаю. — Люди узнают, кто ты. Как ты планируешь оградить ее... защитить?

— Не проблема. Никто не узнает.

— Как ты можешь быть так уверен?

Джонатан смеется, открывая входную дверь.

— Для этого и нужен косплей.

16 глава

Джонатан

Рыцарь ночи.

Заклятый враг Бризо.

Если Бризо — это свет, поток свежего воздуха, приятный ветерок в тёплый летний день, то Рыцарь ночи — это буря, которая сметает все на своем пути. Непроходимая и

удушающая тьма, тени, которых вы не можете избежать на темной аллее.

Черная кожа с головы до ног, темные доспехи, боевые сапоги, черный капюшон, металлическая маска, прикрывающая часть лица — все это делает его неузнаваемым.

Я всегда завидовал этому костюму.

Он уж точно круче чертового псевдоспандекса.

— Я... Эм... Вау, — изумленная Кеннеди стоит в дверном проеме своей квартиры, осматривая мой костюм. — Просто... Вау.

— Ха, вау? — Я опускаю голову и осматриваю себя. — Хорошо или плохо?

— Просто... Знаешь...

— Вау? — предполагаю я.

Она кивает, пытаясь подавить улыбку.

— Вау.

Ухмыляюсь.

— Это оригинал

— Серьезно?

— Прямо из второго фильма, — отвечаю, дотрагиваясь до доспехов рукой в перчатке с обрезанными пальцами. — Ну, за исключением этих перчаток. Настоящие не подошли бы из-за гипса, поэтому пришлось импровизировать.

— Это... эм...

— Вау?

— Мило, — отвечает, дотрагиваясь до доспехов кончиками пальцев. — Немного странно видеть тебя таким, но, тем не менее, мило.

— Спасибо, — благодарю, когда Кеннеди отходит в сторону, чтобы я вошел в квартиру. — Поговорил с создателями, чтобы они разрешили мне его одолжить. Может, не буду его возвращать. Мне нравится.

— Ты должен оставить его себе, — говорит Кеннеди, все еще разглядывая меня, пока закрывает дверь. — Это, эм...

— Мило?

— Вау, — она игриво улыбается, когда проходит дальше в квартиру. — Мне нужно закончить сборы на работу. Мэдди, к тебе пришли!

После того как Кеннеди исчезает из виду, вбегает Мэдди. Она резко тормозит, когда замечает меня, ее глаза расширены, рот открыт.

— Оу.

Снимаю капюшон, демонстрируя маску, ее выражение лица меняется, когда она понимает, что это я, и появляется восторг. Мэдди бежит ко мне, врезаясь так сильно, что я шатаюсь.

Смеюсь, когда она меня обнимает.

— Привет, красавица.

Она смотрит мне в глаза.

— Ты считаешь меня красивой?

— Еще спрашиваешь! Конечно! — опускаюсь на колени рядом с ней, прижимая палец к кончику ее носа. — Ты похожа на маму.

— Ты думаешь, что и мама красивая?

— Я думаю, что она самая красивая женщина в мире.

Выражение лица Мэдди мгновенно меняется на мои слова, прежде чем ее глаза

расширяются.

— Даже красивее Марианны?

Наклоняясь ближе, шепчу ей ее же слова.

— Даже красивее, чем Марианна.

— Ого.

Улыбаясь, протягиваю ей пакет.

— Я принес тебе кое-что. Думаю, ты захочешь надеть это сегодня.

Мэдди хватает пакет, вытаскивая содержимое и ахая. Бросает пустой пакет и бежит в спальню, почти сбивая с ног свою маму по пути.

— Осторожнее, — кричит Кеннеди. — Куда ты помчалась?

— Нет времени, мамочка! Мне нужно подготовиться.

— Итак, — Кеннеди смотрит вслед убегающей Мэдди, прежде чем поворачивается ко мне, проводя рукой по волосам. — Уверен, что справишься?

— Я имею дело со стервятниками из «Хроник Голливуда», — отвечаю. — Смогу выдержать все, что вытворит Мэдди.

Кеннеди не выглядит убежденной.

— Я слышала, что тебе выдвинули обвинение два года назад за нападение на одного из них.

— Откуда ты это взяла?

— Заголовок «Хроник Голливуда».

Я качаю головой.

— Обвинения не были признаны.

— Потому что ты невиновен?

— Больше похоже на то, что они были также виноваты.

Кеннеди закатывает глаза, но у нее нет шанса ответить. Слышны шаги в нашем направлении и радостный голос кричит:

— Та-да!

Мэддисон стоит с улыбкой на лице, облаченная в бело-голубую амуницию — костюм Бризо. Такие сделали специально для Хэллоуина, но я умудрился умыкнуть один заранее.

— Ничего себе, посмотри на себя! — говорит Кеннеди, поглаживая Мэдди по волосам. — Самый красивый Бризо, которого я когда-либо видела.

— Джонатан тоже думает, что я красивая! — говорит она своей маме. — Он сам мне сказал.

— Да? — уточняет Кеннеди. — Умный парень.

— И ты тоже, — продолжает Мэдди. — Он сказал, что ты самая красивая женщина в мире.

Черт. Она меня выдала.

Кеннеди кажется захваченной врасплох.

— Очень мило с его стороны, — говорит. — Я должна идти. Повеселись, ладно? И будь умничкой.

— Хорошо.

Она целует Мэдди в макушку.

— Люблю тебя больше, чем утро субботы.

— Тоже люблю тебя, — отвечает Мэддисон, — даже больше, чем все костюмы и придамбасы к ним.

Мэдисон хватает меня за руку.

— Я привезу ее сегодня, — заверяю. — Пальцы на ногах и руках будут в целости и сохранности.

Кеннеди не смотрит на меня. Вижу, что она переживает, поэтому не задерживаюсь, уводя Мэдди на улицу. Таун-кар припаркован возле дома, водитель прислонился к автомобилю, в ожидании нас. Он улыбается при нашем появлении и открывает заднюю дверь, но Мэдди останавливается.

— Он твой друг? — спрашивает она, глядя на меня.

— А что?

— Дедуля говорит, не садится в машину к незнакомцам.

— А, да, я его знаю, — заверяю ее. — Не переживай.

Она залезает в машину, и я пристегиваю ее в детском кресле, садясь рядом. Когда машина отъезжает, вижу, что Кеннеди наблюдает за нами возле выхода.

Мэдисон болтает всю дорогу до места проведения фестиваля, рассказывая истории, а я охотно слушаю. Она не может усидеть на месте от волнения, к тому моменту, как мы прибываем, а я же немного волнуюсь. Мне обещали полную конфиденциальность, но знаю, что не всегда все идет по плану.

Машина останавливается прямо у заднего входа, минуя ожидающую толпу. Женщина, одна из координаторов мероприятия, встречает нас у примыкающего гаража. Она улыбается, когда мы выходим из машины.

— Мистер Каннинг! И мисс...

Мэдисон улыбается.

— Мэдди!

— Мисс Мэдди, — произносит женщина. — Такая честь, что вы присоединились к нам. Меня зовут...

Бла. Бла. Бла.

Она начинает разглагольствовать, как всегда и случается. Я слушаю вполуха об истории их компании, рекордных явках — все, чтобы завлечь меня посетить их в будущем. Мэдди начинает терять терпение и почти подпрыгивает на месте, поэтому я поторапливаю женщину. Получаем наши браслеты, как и все остальные, чтобы мы могли слиться с толпой.

— Охрана распределена по периметру, — говорит она. — Они будут присматривать за всем, но если вам что-то понадобится, не бойтесь спрашивать.

Женщина уходит, а охранник ведет нас к частному лифту, прямо на главный этаж и в зал. Там многолюдно, люди рассыпаны по всему помещению.

Панели с информацией. Викторины. Киоски. Автографы. Помещение наполнено будками для фотографий, комиксам, художниками, актерами, писателями, косплейщиками. Я бывал на таких фестивалях, и обычно люди выстраиваются в очередь ко мне.

— Итак, чем хочешь заняться? — спрашиваю Мэдисон. — Ты главная.

Она цепляется за мою руку, пялясь на все широко открытыми глазами.

— Всем

Всем. Я смеюсь.

— Можем это устроить.

Мы начинаем с малого, просто прогуливаясь, осматриваясь. Мэдди в изумлении, смотря на всех людей в костюмах, я думаю, она может быть напугана толпой, но ей не нужно много времени для адаптации. Отвожу ее подальше от места, где раздают автографы, так как

множество этих людей знакомы со мной. Мэдди тянет меня от будки к будке, от стола к столу, радостно болтая обо всем, что видит, не задерживаясь ни у одного места долго, чтобы я что-то купил.

— Вау, — восклицает, останавливаясь возле одного из стендов с картонной фигурой. — Посмотри, папочка! Это ты!

Папочка. Странное чувство разливается в груди, когда она впервые называет меня так. Я хлопаю глазами полностью изумленный и зачарованный, это длится, пока Мэдди не повторяет снова, и люди начинают оборачиваться, а я понимаю, о чем она.

— Папочка, это ты!

Черт. Отвожу ее в сторону и сажусь на корточки перед ней, пока Мэдди смотрит на меня в замешательстве, не понимая, что не так.

— Сегодня — это не я, — говорю. — Я — Рыцарь ночи, помнишь?

Она хмурится.

— Но по-настоящему это все еще ты?

— Конечно, но сегодня на нас костюмы, поэтому мы притворяемся, — поясняю. — Так что технически, сегодня Бризо — ты.

Ее выражение лица радостное, когда она кружится, смотря на будку.

— Можно мне получить меня?

— Можешь ли ты получить... себя?

Она кивает, указывая на стенд с фигурами.

— А, ты хочешь одну из них.

— Ммм.

— Она большая, чтобы ходить с ней здесь.

— Я могу понести!

Улыбаюсь, мысленно представляя, как она будет таскать одну из фигур.

— Она больше тебя в два раза.

— Я смогу.

— Не сомневаюсь, — отвечаю. — Как насчет того, что мы дождемся конца дня, вдоволь наразвлекавшись здесь, и если ее еще не купят, мы заберем.

— Ладно.

Оказалось гораздо проще, чем я ожидал. Беру Мэдди за руку, сердито смотря на стенд. Пожалуйста, пусть эти чертовы штуковины все будут проданы.

Мэддисон снова тянет меня от будки к будке, прежде чем мы направляемся к месту расположения главных панелей. Мэддисон получает расписание и выбирает, куда мы идём. Комиксы в фильмах. Искусство и фан-арт. Метафоры и сценарии. Не уверен, что она знает даже половину этого. Черт, я даже не уверен, что она умеет читать, когда выбирает панели, но она с рвением тянется к ним, в конце концов, ведет меня к табличке с надписью: «Фандом вражда».

— Не уверен насчет этой, — объясняю ей. — Думаю, они ожидают участия.

— Ох! Это значит, что я могу поиграть?

— Конечно! — раздаётся веселый голос, и позади нас в комнату входит женщина, одетая как Марианна, — У нас викторина по «Бризо».

— Это я сегодня! — восклицает Мэддисон, указывая на свой костюм.

Женщина смеется.

— Держу пари, это означает, что ты знаешь все верные ответы?

Мэдисон кивает.

— Да.

Женщина посматривает на меня, но я отвожу взгляд и молчу. Мы с Мэдди занимаем места в задней части комнаты. Разыгрывается несколько поединков на знания материалов, прежде чем начинают опрашивать зрителей.

— В комиксе Марианна медсестра, — начинает ведущая. — Чем она занимается в фильме?

— Ох, ох, ох, я, я! — кричит Мэдисон, широко размахивая руками, чтобы ее заметили, но парень перед ней слишком высокий, поэтому она встает прямо на стул. — Я! Я! Я знаю!

Смешки раздаются вокруг нас, когда люди замечают ее.

— Маленькая-девочка Бризо на последнем ряду, — говорит ведущая, указывая на Мэдди. — Чем Марианна занималась в фильмах?

Мэдисон сияет, выкрикивая:

— Ничем!

Еще больше смешков.

— Принимается, — отвечает ведущая. — Она все еще учится. Подойди, получи свой приз, маленький Бризо.

Мэдисон спрыгивает вниз, гордо проходя вперед. Люди охают и ахают над ней. Оказалось, что она выиграла леденец, и, вернувшись, протягивает его мне.

Открываю его и протягиваю обратно, но она смотрит на меня, будто я выжил из ума.

— Что не так?

— Ты должен попробовать первым, — заявляет она.

— Серьезно?

— Так делает мама, — объясняет, — на случай, если там есть яд, так как леденец от незнакомцев.

— Хорошо, — я облизываю, прежде чем передать его ей. — Вот так?

Мэдди кивает, засовывая леденец в рот.

Смотрю на неё, хлопая глазами. Один из самых странных опытов в моей жизни: попробовать на наличие яда, возможно, потенциально опасную конфету.

Викторина заканчивается спустя пару минут. Я веду Мэдди через толпу, из комнаты, получая несколько комплиментов от людей о том, какая она очаровательная.

Вероятно, я выгляжу как придурок, просто кивая в согласии.

— Ты голодна? — спрашиваю, отводя Мэдди от толпы. — Уверен, здесь продается что-то, что ты сможешь съесть.

— Хот-доги!

Хот-доги. Достаточно легко их нахожу, но очередь просто огромная. Мы ждем почти гребанных двадцать минут, чтобы купить хот-доги и чипсы. Мэдди также хочет содовую, и я разрешаю ей, но внутри негде сидеть, поэтому мы выходим наружу к небольшому амфитеатру.

Толпа собралась на косплей по Рыцарю ночи. Здесь шоу, что-то вроде сражения на мечах.

— Что делают эти парни? — спрашивает Мэдди, откусывая от своего хот-дога.

— Выглядит как РИЖД, — бормочу.

Мэдди смотрит на меня, будто я сумасшедший.

— РИЖД, — отвечаю. — Ролевая игра живого действия.

— Ох, я могу сыграть?

— Я так не думаю

— Почему нет?

— Не знаю, — признаюсь. Потому что оправдание, что ты просто ребенок, звучит дерьмово.

Мэдди обедает, пока рыцари сражаются, и наблюдает за ними с таким упоением, будто смотрит фильм, даже выбирает сторону того, чья амуниция голубого цвета, его оппонент в то же время одет во все черное.

Подняв расписание, просматриваю его.

— Итак, похоже, у нас есть выбор: либо «Последствия альтернативных Вселенных», либо «Изучение орудий».

— Что это значит?

— Думаю, у них что-то вроде фанфика.

— Что это?

— Когда фанаты пишут свои собственные истории, — отвечаю, качая головой. До этого мы были у панели, где ей все это объяснялось, но уверен, все просто вылетело у нее из головы.

— А мы тоже можем? Сделать фанфик?

— Кажется, ты уже, — отвечаю. — Ты говорила, что собираешься исправить концовку «Призрачного».

— Да.

— Значит, у тебя он уже есть. Какую панель ты предпочитаешь?

— Последствия орудий, — отвечает Мэдди, «перемешивая» названия. Начинаю поправлять ее, но она не обращает внимания, поднимается на ноги и кричит:

— Вперед, парень в голубом!

Парень в голубом на самом деле проигрывает, если в том, что они делают, есть проигравшие. Парень во всем черном раскланивается для аплодисментов, радуясь, в то время как Мэддисон громко свистит, привлекая их внимание.

— Ты, юный Бризо, — говорит парень в черном, все еще играя свою роль, когда метит в нее мячом. — Ты имеешь наглость освистывать меня? Меня, злодея рыцаря ночи?

— Ты не настоящий Рыцарь ночи, — отвечает она, уперев руки в бока. — Мой папочка настоящий!

Она указывает на меня, и нет сомнений, о ком она говорит. Дерьмо.

Мужчина смотрит на меня с отвращением.

— Он? Ха! Он не настоящий! У него даже нет перчаток!

Мэддисон смотрит на меня.

— И? Он не должен их всегда носить.

— Справедливое заявление, — соглашается мужчина. — Но если твой отец настоящий Рыцарь ночи, возможно, он спустится и докажет.

Он тычет в меня своим мечом.

Качаю головой. Ни за что.

— Он согласен, — утверждает Мэдди, противореча мне.

— Кажется, твой отец не согласен, — говорит мужчина. — Полагаю, он боится, что его раскусят.

— Неа! Он не боится!

Мужчина смеется.

Мэдди начинает злиться. Серьезно, что не так с этим парнем? Я никогда не выражал недовольства по поводу чьей-то игры, никогда не требовал, чтобы они вышли из образа, но черт бы меня побрал, если я позволю кому-то конфликтовать со мной перед моей дочерью. Со сломанным запястьем или нет, я защищу ее честь.

— К черту, — я поднимаюсь на ноги и направляюсь к мужчине. — Кто-нибудь дайте мне меч.

Сразу же полдюжины парней предлагают мне свои. Я хватаю ближайший, пытаюсь покрепче ухватить из-за гипса. Мистер Конфликт выглядит встревоженным, шепча:

— Ты же понимаешь, что это просто игра, верно?

— Да? — отвечаю. — Не уверен.

Послушайте, я буду честен. Съёмки большей части второго фильма прошли размыто, но подготовка, бесконечное количество тренировок для сцен сражений настолько укоренились во мне, что я могу сделать это с закрытыми глазами. Поэтому, несмотря на то, что я, вероятно, умер бы во времена короля Артура, такой Рыцарь ночи из ролевой игры — сущие пустяки.

— Не стесняйся упасть на колени в любое время, — объявляю ему. — Я приму твою капитуляцию.

Парень сердится, мои слова приводят его в действия. Он делает первый взмах, очень слабый, который легко блокируется. Позволяю ему попытаться еще пару раз, понимая его тактику, прежде чем отправляю в защиту, к чему он не особо привык.

БАМ. БАМ. БАМ. Удар за ударом, я преследую его, повторяя действия из фильма. Это похоже на хореографический танец, один из тех, что парень знает, но он недостаточно быстр, чтобы встать на ноги, и меня остановить. Около пяти минут я наступаю на него. Его прошибает пот, глаза широко раскрыты, как будто он начинает думать, что я могу по-настоящему его заколоть. Он достойный соперник, пара его ударов почти сбивает меня с ног, мое запястье покалывает, боль простреливает руку, но я не останавливаюсь, пока он не опускается на колени.

Парень кладет меч, опускаясь на одно колено, и я слышу, как Мэдди радостно кричит, а затем подбегает ко мне. Она обнимает меня за талию, а я смеюсь, когда протягиваю меч тому, кто его мне одолжил.

— Мужик, а ты хорош, — говорит парень со смешком, поднимаясь на ноги и протягивая свою руку. — Меня зовут Брэд, а тебя?

— Джонатан, — весело отвечает Мэдди за меня. — Ох, подождите, сегодня он Рыцарь ночи!

— Ну, что я могу сказать, Рыцарь ночи, если ты желаешь присоединиться к нашей ролевой лиге...

— Спасибо за предложение, но это не для меня, — бормочу, уводя Мэддисон.

— Мог бы перехитрить меня, — отвечает парень.

Я игнорирую это, снова отводя Мэдди в сердце фестиваля.

— Так, ты решила, что мы будем делать сейчас?

— Еще больше битвы на мечах!

— Боюсь, что нужно подождать другого раза, — отвечаю. — Но у нас впереди еще больше веселья.

Еще больше панелей. Шоппинг. Даже еще одна викторина. Мэдди ест мороженое и вся

удельывается в нем. Я покупаю куклу Марианны, чтобы ей не нужно было притворяться с Барби. Почти полночь, когда все начинает закрываться. Могу сказать, что энергия Мэдисон иссякла. Она молчаливо цепляется за мою руку.

— Ты готова ехать домой? — спрашиваю. — Уверен, мама скучает по тебе.

Она кивает. Начинаем идти к выходу, но Мэдисон медлит на полпути, потянув меня за руку.

— Подожди! Мы забыли!

— Что забыли?

Она не отвечает, вместо этого тянет меня к кабинке со стендами.

— Я хочу Бризо, — объявляет она работнице, указывая на стенд.

— Тридцать долларов, — говорит девушка.

Вздыхнув, отсчитываю наличные и протягиваю ей их, прежде чем беру картонную фигуру и тащу ее вместе с нами.

Мы проходим через толпу и направляемся к выходу. Выходим из-за угла здания, задерживаясь там, пока я отправляю сообщение водителю. Нужно подождать минутку или около того, поэтому мы стоим, пока люди блуждают поблизости.

Снимаю маску с лица, когда подъезжает машина, делаю шаг к ней, когда слышу голос:

— Джонни Каннинг?

Я поворачиваюсь, напрягаясь, и вижу женщину с маленьким сыном, которые смотрят на меня, разинув рты.

— О, боже мой, это, правда, вы! — восклицает женщина, хватая ребенка за плечо. — Мой сын сказал, что это вы, настаивал на этом, но это не казалось правдой.

Дети в своем репертуаре.

У них хорошо развита интуиция.

Неважно, как ты замаскируешься, дети почувствуют правду.

— Могу я попросить автограф? — спрашивает она, протягивая комикс, пока ищет что-то, чем писать. — Пожалуйста?

— Эм, конечно, — бормочу, взяв у нее маркер и расписавшись, смотря на ребенка. Он возраста Мэдисон, тот же самый взгляд благоговения на лице, что был и у нее сегодня утром. Он тоже в костюме Бризо, но в самодельном, и видно, что на него потрачено много времени. После всего, что я натворил, очень странно видеть, как ребенок смотрит на меня, будто я на самом деле герой.

— Ты хочешь сфотографироваться, малыш?

Он с энтузиазмом кивает, будто немой, поэтому я сажусь на корточки рядом с ним, позирую, позволяя его матери сделать фото.

— Береги себя, — говорю ему. — И всегда приглядывай за своей мамой.

Встаю, беру Мэдисон за руку и веду ее к машине, пока больше никто меня не заметил.

Кажется, будто поездка домой длится вечность. Когда мы прибываем, уже темно, а Мэдисон уснула по дороге. Пытаюсь разбудить ее, но это бесполезно, поэтому вытягиваю ее с детского кресла и несу. Она бормочет что-то, не просыпаясь, обняв меня за шею. Также несу фигуру под мышкой, и когда подхожу к двери и собираюсь постучать, она распаивается.

Кеннеди стоит в дверном проеме все еще одетая в свою униформу, выглядя так, будто испытывает облегчение при виде нас. Она отходит с пути, чтобы я мог войти.

Пока захожу в квартиру и ставлю картонную фигуру, Кеннеди смотрит на меня с

подозрением.

— Знаю, — бормочу. — Вероятно, это последняя вещь, на которую ты хочешь смотреть, но она не уходила без нее.

Кеннеди качает головой, закрывая входную дверь, когда предлагает:

— Можешь уложить ее спать, если хочешь.

Начало новой жизни

Этот блокнот — собственность Кеннеди Гарфилд

В то время как студенты академии «Фултон Эйдж» сдают итоговые экзамены, ты едешь по Среднему Западу в Калифорнию. Девушка сидит рядом на пассажирском сиденье «Порше», изливая свои мысли в блокнот.

Одна из пары вещей, которую она взяла с собой.

Она проскользнула назад в дом, пока ты трезвел, наполнив свой школьный рюкзак одеждой, комиксами про Бризо и, прихватив телефон, прежде чем оставила родителям записку:

Мама и папа,

Знаю, что вы расстроитесь, когда поймете, что я уехала, но, пожалуйста, сильно не переживайте. Я с Джонатаном.

Люблю вас обоих,

Кеннеди.

Само собой разумеется, что через двадцать четыре часа они чертовски сильно переживают. Ей только семнадцать. Родители позвонили в полицию, ведь это официальный побег несовершеннолетнего. Ее телефон начал разрываться от сообщений, с мольбами вернуться, почти сразу, как вы уехали.

Телефон разрядился через несколько часов.

Она забыла взять зарядное устройство.

Ты? Ты взял свой телефон почти с полной зарядкой. Единственный человек, позвонивший тебе — твоя сестра, чтобы предупредить о том, что кто-то снял на камеру вашу с отцом потасовку, и теперь вы во всех новостях. Это политический кошмар — спикер Каннингем нападает на собственного ребенка. Его призывают к отставке.

Время идет.

Расстояние между вами и Нью-Йорком начинается увеличиваться, а с Калифорнией сокращаться. Ты предлагаешь девушке развернуться обратно, так как не хочешь никаких сожалений с ее стороны. Она говорит тебе заткнуться и продолжать ехать.

Два дня спустя, в день, когда вы должны были окончить школу, ты пересекаешь границу Лос-Анджелеса. Находишь небольшой мотель, в котором сдают номера восемнадцатилетним, пока не найдете что-то постоянное.

— Пошли куда-нибудь сходим, — предлагаешь.

— Куда? — спрашивает девушка.

— В какое-нибудь приятное место. Мы здесь. Осуществили задуманное. Надо отпраздновать.

Поэтому вы так и делаете. Ты ведешь свою девушку на свидание. Она надевает платье

для выпускного, то, что помогала ей выбрать мама: без рукавов, ярко-синего цвета. Решает надеть балетки, так как забыла упаковать туфли. Они простые, почти на сплошной подошве.

Ты говоришь ей, что она самая красивая женщина в мире.

Вы ужинаете в модном стейк-хаусе из тех, где маленькие порции, а счет большой, но люди не жалуются, так как все дело в атмосфере. После ужина прогуливаетесь по Голливудскому бульвару, рассматривая увековеченные в цементе отпечатки рук, прежде чем направляетесь на «Аллею славы», держась за руки, чтобы взглянуть на звезды знаменитостей.

— Когда-нибудь, ты тоже будешь здесь, — говорит девушка, когда ты останавливаешься и притягиваешь ее к себе. — Твое имя будет на звезде.

— Да? Думаешь, я так же талантлив, как... — смотришь вниз, на самую ближайшую звезду у своих ног, — ... Лягушонок Кермит?

Она смеется.

— Ну, теперь, задумавшись, я не очень уверена. Я имею в виду, может, Гонзо, но Кермит? (прим.перев. они говорят о героях юмористической, кукольной программы «Маппет-шоу»).

— Возможно, если я сильно постараюсь, — отвечаешь.

— Может, — соглашается она, целуя тебя.

Вы целуетесь прямо на Голливудском бульваре. Красивый момент. Ничто не может разрушить его, даже парень, переодетый в Дарта Вейдера, который со злостью говорит вам снять номер.

— У нас он есть. Как насчет того, что мы его используем? — спрашиваешь.

— Думала, ты уже никогда не спросишь.

Ты занимаешься любовью со своей девушкой всю ночь напролет. Теперь, когда слова произнесены, и между вами больше нет препятствий, кажется, ты не можешь переставать говорить их.

Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

Твоя первая ночь в Калифорнии одна из лучших в твоей жизни. Ты надеешься на свое будущее.

На следующий день все твои кредитки заблокированы.

Еще через день банковский счет заморожен.

Быстрое падение от надежды к унынию. Ты не удивлен, что отец отказался от тебя, но тебе больно. В твоем кошельке несколько сотен долларов и уведомление об освобождении номера мотеля в течение семидесяти двух часов. У тебя нет работы, и тебе нужно действовать решительно.

Поэтому на следующее утро уходишь до рассвета, чтобы что-то решить, а возвращаешься поздно, уже после заката. Спишь несколько часов, прежде чем все повторить.

На этот раз заканчиваешь раньше, хотя уже около трех часов дня. Девушка сидит на кровати мотеля и что-то пишет в блокноте. Она приветствует тебя с улыбкой.

— Что ты пишешь? — спрашиваешь, садясь рядом с ней, даже не ожидая ответа. Ты все время спрашиваешь и получаешь ответ «историю».

Хотя на это раз девушка говорит:

— Нашу историю.

— Нашу историю, — повторяешь. — О чем она?

— В какой-то степени, моя версия нас.

— Могу я почитать?

Ручка замирает над листком. Девушка колеблется. Осторожно перелистывает на начало и передает тебе.

— Только первые несколько страниц.

Ты читаешь, полностью очарованный, но проходит немного времени, прежде чем жалуешься:

— Смотри, вот это ерунда. Строчка вот здесь. Ты говоришь, что в тебе нет ничего особенного.

Она вырывает книгу.

— В ней, не во мне.

— Но это ты. И могу заверить, что когда впервые тебя увидел, я не подумал... — ты вырываешь блокнот назад, девушка отказывается отдавать его, но ты притягиваешь достаточно близко, чтобы прочитать — Ты обычная, потому что не все могут относиться к знатым семьям. Это херня. Ты королева, детка.

Она вырывает блокнот назад, закрывая его и убирая подальше.

— Я же сказала, что это моя версия. Это беллетристика.

— Ты должна написать мою версию.

— И какой же она будет? Тридцать страниц непристойных шуток?

— Непристойных шуток? Или тридцать страниц непристойностей?

— Зная тебя, и то и то.

— Забавно, но нет. Это была бы история борьбы с трудностями, которая в итоге приводит к триумфу, — ты встаешь. — Обувайся, пойдем прогуляемся. Мне нужно кое-что тебе показать.

— Заинтриговал.

Несмотря на ее недоверчивый тон, она слушает, и вы вдвоем проходите пару кварталов. Соседство не самое лучшее, но здесь не опасно. Может, немного захудало, но тихо.

Когда вы достигаете двухэтажного бело-голубого здания, ты ведешь ее вокруг, к небольшой лестнице снаружи. Вытаскиваешь связку ключей из кармана, девушка смотрит на тебя в изумлении.

Она следует за тобой наверх, терпеливо ожидая, когда ты откроешь скрипучую дверь наверху, затем заходит внутрь и оглядывается.

Квартирка. Больше никак не назовешь. Маленькая. Кухня и гостиная объединены, также есть спальня, в которой хватает места только для кровати. Ванная похожа на коробку — все очень тесно. Пол из старой необработанной древесины, вытертый и окрашенный. Белая краска на стенах шелушится, образуя пятна персикового цвета. Во всей квартирке только одно окно, в спальне, заблокированное старым кондиционером.

— Знаю, что это не супер, — начинаешь. — На самом деле полный отстой. Но мне восемнадцать, у меня нет работы, и мне не дадут кредит, поэтому, это лучшее, что я сейчас могу себе позволить.

— Она наша? — девушка не открывает взгляда от тебя. — Ты арендовал ее?

Ты медлишь, будто твой рот не хочет признавать этого, прежде чем киваешь, забывая о гордости.

— Наша.

— Но мы можем позволить себе это место? — продолжает девушка. — Как ты расплатился?

— У меня было немного денег, — рассказываешь ей. — Их не хватит надолго, но мы продержимся первое время.

— Где ты взял деньги?

Ты снова медлишь.

— Я, эм... продал машину.

Ты продал голубой «Порше». Пытался придумать другой способ, но это единственная ценность, которая у тебя была, которой ты владел. Поэтому ты продал ее, за меньшую стоимость, но этого хватит, чтобы покрыть расходы на жизненные нужды на несколько месяцев.

— Это место прекрасное, — утверждает девушка, обнимая тебя. — Наша первая общая квартира.

— И надеюсь, последняя, — бормочешь. — Как только все изменится, я планирую построить тебе дом.

Ты не знаешь этого, но эта девушка... Ей не нужен дом. Ей даже не нужна квартира. Она готова спать в машине, даже не стала бы жаловаться об этом. Тебе не следовало ее продавать, но ты сделал это, и какой бы благодарной она не была, девушка чувствовала вину. Она переживала и боялась, что не будет истории триумфа. Но она верит в тебя, не поехала бы иначе с тобой. Но мир не всегда добр к хорошим людям, иногда он съедает их живьем.

17 глава

Кеннеди

Бросаю униформу в корзину для грязного белья и натягиваю длинную белую футболку, когда слышу покашливание в дверях, а затем Джонатан хрипло бормочет:

— Черт, извини, я просто...

Смотрю на него, когда он пытается отвести взгляд.

— Все хорошо, — заверяю. — Ты видел меня и в меньшем количестве одежды.

— Да, ну... — он снова смотрит на меня, колеблясь, как будто не уверен, что хочет сказать, и вообще, должен ли что-то говорить.

— Я не пытался, ну, знаешь...

— Знаю.

Несмотря на то, что он не пытался, вроде как, ничего не может с собой поделаться. Его взгляд блуждает по моему телу, и оно покрывается мурашками. Между нами и так все усложнилось, а от того, как он откровенно пялится, я нервничаю. Желудок стягивает в узел из-за выражения его лица, и меня удивляет, когда Джонатан облизывает губы.

— В любом случае, — он прочищает горло. — Я хотел пожелать спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — шепчу в ответ.

Джонатан задерживается, продолжая блуждать по мне взглядом. Проходят мгновения, прежде чем он отворачивается, собираясь уходить.

— Подожди.

Слово соскальзывает с моих губ, и я не уверена, зачем сказала это. Даже не успела подумать. Джонатан снова медлит, встречаясь со мной взглядом; брови приподняты в знаке вопроса, на который у меня нет ответа. Мое сердце неистово грохочет в груди со своими собственными вопросами, что-то вроде: какого хрена ты творишь? Я играю с огнем, как

будто уже и забыла, как больно обжигаться, но с того места, где нахожусь, ощущаю только тепло.

Мне больше и не надо ничего говорить, и это хорошо, потому что не уверена, что смогла бы подобрать слова. Джонатан протягивает руку ко мне, проводя кончиками пальцев по моей покрасневшей щеке и вдоль линии рта. Он хватает меня за подбородок и приподнимает мое лицо, наклоняясь для поцелуя. Его губы мягкие, очень мягкие, и в то же время приятные и нежные.

Он долго целует меня, при этом не торопится и не давит, просто ждет. Дыхание покидает мои легкие, и все ощущения исчезают из головы, когда я обнимаю Джонатана и тяну к кровати.

— Ты уверена? — спрашивает тихо.

Я трясусь головой, потому что все еще не уверена насчет этого, но не останавливаю себя. Опускаюсь на кровать и притягиваю Джонатана сверху. Снимаю его костюм, когда он избавляет меня от остатков одежды. В моей голове нет ни единой связной мысли, а сердце грохочет в груди, и прежде чем могу перевести дыхание, Джонатан снова нападает губами на мои и, расположившись между бедер, толкается в меня. Я ахаю, а он гортанно стонет, наполняя, удерживая в своей власти.

Ничего из этого не кажется реальным.

Ни в этот раз. Ни в последний раз.

Поначалу Джонатан двигается медленно, и это почти причиняет боль, прежде чем увеличивает темп, толкаясь жестче, глубже, сгибая мои ноги в коленях и ударяя по самому желанному местечку, отчего мое тело дрожит, а пальчики на ногах поджимаются. Я стону его имя:

— Джонатан.

— Вот так? — спрашивает он, сохраняя ритм. — Вот так тебе хочется?

Киваю, почти хныча, он снова достигает той самой точки, распутывая узлы во мне, когда я начинаю трескаться по швам.

— Пожалуйста.

— Ты — королева, — шепчет, не останавливаясь, когда оргазм накрывает меня. Я изгибаю спину, крепко удерживая, проводя ногтями по его спине.

Даже когда волны оргазма отступают, Джонатан не останавливается. Он знает, чего я хочу, и дает это мне снова и снова, пока я не начинаю умолять, так как больше не могу вынести нахлынувших ощущений. Только тогда он сдается, изменяет свой темп, врезаясь в меня так сильно, так быстро, что я забываю, как дышать, а через несколько грубых, жестких толчков, Джонатан сам кончает с ревом.

— Бл*дь, — ругается, уткнувшись в мою шею. Он целует ее, оставляя отметины от зубов на горле. — Такая красивая.

Самая красивая женщина в мире.

Вот, что рассказала мне Мэдди.

Так он меня описал.

Зажмурившись, я держусь за него, надеюсь, что именно эти слова он и имел в виду, надеюсь, что могу ему верить.

— Мамочка?

Тихий голосок, единственное слово, произнесенное поблизости — это все, что нужно, чтобы вырвать меня из глубокого сна. Мэдди. Я открываю глаза и моргаю пару раз, приходя в себя. Комната освещена солнечным светом, мягкое сияние проникает через окно и поблескивает на деревянном полу вокруг кровати.

Начинаю думать, что мне показалось, так как не вижу Мэдди рядом, и решаю снова закрыть глаза, когда слышу ее хихиканье. Это поражает меня и кусочки пазла складываются в голове, когда паника охватывает меня. Прижимая одеяло к своей голой груди, я резко сажусь и смотрю на другую сторону ошалелыми глазами.

Мэдди стоит у той стороны кровати, где спит ее отец. Моей кровати. Черт, он уснул у меня без кусочка одежды, но одеяло накинуто на нем. Слава богу, что хоть так. Не то чтобы это делает всю ситуацию лучше. Мэдди слишком маленькая, чтобы узнать такие подробности, но у нее отлично развито воображение, что может быть опасным.

Не хочу, чтобы у нее в голове возникли какие-то идеи, и она напридумывала больше чем, что бы это ни было.

Мэдди тычет Джонатану в щеку, прежде чем засовывает палец ему в ухо, снова хихикая, когда он бурчит во сне и отворачивается, размахивая рукой, чтобы предотвратить приставания.

— Мэдисон, — шепчу с предупреждением. Она убирает руку и смотрит на меня с выражением «ох, черт», понимая, что попалась.

— Что ты делаешь?

— Ничего.

— А так не кажется.

Улыбка озаряет ее лицо.

Она снова засовывает палец Джонатану в ухо. На его лице появляется раздражение, он меняет позу и стонет:

— Я, бл*дь, пытаюсь спать, Сер.

Мэдди ахает, отдергивая руку и смотря на меня в шоке. Я понимаю ее, такое же чувство испытываю сама, но по другой причине. Сер. Серена. Он думал, что это она.

— Папочка сказал плохое слово!

Когда она произносит эти слова, Джонатан распахивает глаза. Он так быстро садится, что сдергивает с меня мою часть одеяла. Ахая, хватаюсь за ткань, пытаюсь прикрыться, почти раскрывая Джонатана в процессе. Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами и в панике шепчет:

— Ох, бл*дь.

— Видишь! — восклицает Мэдди, вытягивая руку, чтобы ткнуть ему в ухо. — Я слышала это!

Джонатан смеется, отталкивает руку Мэдди и поворачивается к ней.

— Извини, не знал, что в комнате маленькие ушки.

Схватив ее мочку, он игриво ее тянет.

— Мэдди, милая, почему бы тебе не пойти на кухню? — предлагаю. — Я приду через секунду и приготовлю тебе завтрак.

Она уходит, а я пытаюсь слезть с кровати, но ощущаю на себе взгляд Джонатана, а моя одежда слишком далеко, и я не могу дотянуться. Он пытается прикоснуться ко мне, его рука на моей спине, и он проводит ею по позвоночнику. Я отстраняюсь, забирая одеяло с собой,

оборачивая его вокруг тела, пока собираю себе вещи.

— Кеннеди? Что не так?

— Мэдди ждет свой завтрак, — бормочу, направляясь напрямиком в ванную. Закрываю за собой дверь, выпуская протяжный выдох, пока одеваюсь, бормоча про себя. — Глупая, глупая, глупая. Разве можно быть еще глупее? Переспать с этим глупым мужчиной, после всего глупого дерьма, что он сделал. Да что с тобой не так?

Открывая дверь, я почти врезаюсь в тело, блокирующее выход. Джонатан додумался надеть штаны, но все еще застегивал их.

— Извини, — бормочу, избегая смотреть на него, но он не двигается с пути.

Хватает меня за руку, прежде чем я могу пройти мимо, нахмурившись.

— Я что-то натворил?

— Не знаю, — отвечаю. — Натворил?

Пытаюсь вырваться из его хватки, но он все еще стоит на моем пути.

— Да ладно, не веди себя так. Расскажи мне, что не так.

Я сомневаюсь. Хочу съязвить и убежать, устроить истерику, как раздраженный ребенок, потому что ужасно чувствую себя из-за этой ситуации, но я не такая. Никогда не была такой. Поэтому как бы глупо это ни звучало, признаюсь:

— Ты назвал ее Сер.

— Что?

— Мэдди будила тебя, а ты решил, что она Серена.

Он выпускает мою руку, и на его лице появляется что-то похожее на жалость. И мне не нравится это.

Покидаю его и направляюсь на кухню, вздыхая, когда вижу, что стул подставлен к кухонному гарнитуру, Мэдди стоит на нем, роясь в шкафчике.

— И что ты делаешь, малышка?

— Ищу хлопья «Лаки Чармс», — отвечает, когда я стягиваю ее со стула и ставлю на ноги.

— Боюсь, что они закончились, — хватаю коробку кукурузных колечек «Чирос». — Как насчет этих?

На её лице отвращение.

— Хлопья с кусочками фруктов «Рэйзин Брэн»?

Опять морщится.

— Как насчет творога?

Она притворяется, будто ее тошнит.

— Ну, тогда, как насчет?..

— Как насчет того, что я отведу вас на завтрак? — заходя на кухню, предлагает Джонатан. — Блинчики, сосиски, яйца...

— Бекон! — объявляет Мэдди.

— Я не знаю. Не уверена, что это хорошая идея. Ну, знаешь, учитывая, кем ты являешься.

— Кем я являюсь, — повторяет.

— Да, есть шанс, что тебя узнают, и придется все это объяснять, а я не уверена, что обычный завтрак того стоит.

— Но может стоять бекон, — хнычет Мэдди.

Джонатан медлит, обдумывая, смотрит между нами, прежде чем говорит:

— Знаю одно место, куда мы можем поехать.

Территория миссис Маклески.

«Ландинг Инн».

Вот куда Джонатан привозит нас.

Мы с Мэдди стоим в фойе этой женщины в пижамах, в то время как на Джонатане только кожаные брюки от костюма Рыцаря ночи. Миссис Маклески смотрит на нас так, будто мы сумасшедшие, и мне сразу же хочется оказаться в каком-то другом месте мира, но уже слишком поздно, потому что Мэдди пообещали бекон.

— Ты хочешь завтрак? — говорит миссис Маклески. — Вот что ты пытаешься мне сказать?

Он кивает.

— Да, мэм.

Женщина пялится на него. Сурово. Я ожидаю отказа, потому что вся эта идея абсурдная, но через мгновение она покорно выдыхает.

— Хорошо, но ты должен одеться, — приказывает. — Это гостиница, мистер Каннингем, а не стрип-клуб. Не хочу, чтобы ты сидел за моим столом, выглядя как жиголо.

Он приподнимает бровь.

— Не думал, что вы знаете, как выглядит жиголо.

— Иди, — говорит она подчеркнуто. — Пока я не передумала.

— Есть, мэм, — отвечает Джонатан, сверкнув ей улыбкой, прежде чем повернуться ко мне и кивнуть в сторону лестницы. — Присоединишься?

Пялюсь на него, не двигаясь.

Он делает шаг ближе.

— Пожалуйста.

— Ладно, — бормочу, глядя на Мэдди и не желая устраивать сцен. — Эй, золотко, почему бы тебе не посидеть в гостиной?

— Нонсенс, — встречает миссис Маклески. — Она может помочь мне готовить. Необходимо учить ее ответственности. Не уверена, что у ее отца есть такая способность.

Джонатан сердито смотрит, прежде чем опять зазывает меня пойти за ним.

— И никаких шуры-муры, — кричит нам миссис Маклески, когда начинаем подниматься.

— Что такое шуры-муры? — спрашивает Мэдди, следуя за женщиной на кухню.

— Она имеет в виду разные фокусы, — кричу, прежде чем миссис Маклески может ответить, потому что понятия не имею, что может сказать эта женщина.

— Ох, я люблю фокусы! — Мэдди смотрит на женщину в замешательстве. — Почему вы не хотите их?

— Слишком много беспорядка, — бурчит миссис Маклески. — Ох, уж эта промывка мозгов.

Качнув головой, поднимаюсь наверх, направляясь в комнату, где Джонатан ищет в своих вещах, что надеть.

— Я не имел это в виду, ты понимаешь, — говорит он, когда снимает свои брюки и стоит передо мной голышом. О, боже. Отвожу взгляд, стараясь не пялиться, но боковым

зрением вижу, как он натягивает боксеры. — Насчет Серены... Я не имел это в виду.

Ничего не говорю. А что я должна сказать? Он натягивает джинсы, прежде чем берет простую черную футболку.

— Я серьезно, — настаивает. — Я находился в состоянии полусна и понятия не имел, что говорил.

— Не имеет значения, — отвечаю, пытаясь отойти, но Джонатан останавливает меня, одной рукой схватив за локоть, а другой за подбородок.

— Имеет, — отвечает он, заставляя меня на него посмотреть. — Обычно Серена принимала кокс и бодрствовала сутками, сводя всех с ума. И она делала подобное каждый раз, когда мы пытались отдохнуть. Она играла нами. Поэтому, это не то, о чем я подумал... — он затихает. — Я понимал, с кем спал прошлой ночью. Знал, с кем проснулся этим утром. И мне жаль, что мои слова, сказанные в полусне, заставили тебя думать иначе.

Все еще не уверена, что сказать, поэтому просто произношу:

— Ладно.

— Ладно, — повторяет Джонатан. — Просто ладно? Это все?

Пожимаю плечом.

Он смеется.

— Полагаю, это лучше, чем ничего.

Он целует меня нежно, сладко, рука опускается с моей щеки между нами, обхватывая меня за грудь.

Я отстраняюсь.

— Никаких шуры-муры, помнишь?

Он ухмыляется, убирая руку.

— Ладно-ладно... Завтрак.

Мы спускаемся вниз и как только появляемся на кухне, я слышу, как Мэдди взволнованно рассказывает о фестивале. Молча сажусь за стол и слушаю о том, как ей было весело и какой ее папочка классный.

Все время Джонатан сидит рядом со мной, сияя.

Когда приготовление завтрака закончено, миссис Маклески ставит одну тарелку передо мной, прежде чем Мэдди садится справа от меня со своей тарелкой с горкой бекона. Джонатану достается последнему, и я хихикаю, когда миссис Маклески сует ему тарелку: еда в хаосе разбросана по ней, пост подгорел, а бекон пережаренный.

— Эм, спасибо, — отвечает Джонатан, поднимая кусочек бекона и откусывая, морщась, когда тот хрустит.

— Не нравится? Не ешь, — говорит миссис Маклески. — Никто не любит нытиков. Каннингем.

Она выходит из кухни, и он наблюдает за ее уходом, бормоча:

— Я лишь сказал спасибо.

— Ты сказал это, совсем не имея в виду, — кричит ему в ответ. — Не удивительно, что у тебя все еще нет Оскара. Ты ужасный актер.

Я снова смеюсь, когда Джонатан сердито смотрит в сторону дверного проема.

— Не переживай, — успокаивает Мэдди, жуя бекон. — Ты получишь Оскар когда-нибудь.

Он усмехается.

— Ты так считаешь?

Она кивает.

— Обязательно. Просто нужно лучше стараться.

На этот раз я смеюсь.

— Ничего себе, — говорит Джонатан. — Уверен, что чувствую любовь.

Мэдди смеется, не понимая его сарказма.

— Потому что я тебя люблю.

Его выражение лица меняется. Я вижу, что слова поражают Джонатана.

— Ты любишь меня?

Мэдди смеется.

— Конечно.

Конечно. Она говорит так, будто смехотворно вообще задавать подобный вопрос, как будто он просто должен понимать, но у него никогда не было много любви.

— Я тоже люблю тебя, — признается он.

— Больше, чем бекон? — спрашивает она, жуя.

— Больше, чем бекон, — отвечает он тихо. — Больше, чем все на свете.

Мэдди улыбается и продолжает поглощать завтрак, довольная его ответом. В моей груди тупая боль, сердце готово разорваться на кусочки. Иногда я сомневаюсь в его словах, чувствах, желаниях, потребностях, но с этого момента у меня нет никаких сомнений, что он ее любит. Я верю ему.

Мы завтракаем.

Они разговаривают. Смеются.

Я грущу.

Грущу по годам, которые они потеряли, по упущенному времени, по любви, которая, возможно, была недостаточно сильная, чтобы победить его демонов. Каждая их улыбка сегодня — результат многолетних страданий, борьбы, и надежды, и грусти, но не опускания рук, иначе нас не было бы здесь и сейчас. Но, может, все не продлится долго, я не знаю. Может, завтра что-то случится, и страдания и слезы снова вернутся, но я благодарна за настоящий момент, зная, что он любит ее больше, чем все на свете.

— Нам пора уходить, — говорю после завтрака, сваливая тарелки в раковину. — Мне нужно постирать.

Мэдди спрыгивает со стула и смотрит на Джонатана.

— Ты идешь? Ты можешь снова переночевать у нас.

— Не сегодня, — отвечает он. — Утром у тебя занятия, а твоей маме надо на работу.

Мэдди хмурится.

— Но ты придешь завтра поиграть?

— Конечно, если ты хочешь.

Мэдди кивает.

— Увидимся завтра!

— Увидимся завтра, — отвечает, когда она уходит, направляясь в фойе. Затем поворачивается ко мне. — Спасибо, Кей.

— За что ты меня благодаришь?

— За то, что дала мне второй шанс, — поясняет. — И третий, и четвертый, и пятый...

— И двадцатый.

Он смеется.

— И за двадцатый.

— Двадцать первого не будет, — предупреждаю. — Когда-нибудь я подведу черту.

— Мне больше не понадобится, — утверждает Джонатан, кладет руку мне на бедро и притягивает ближе, ставя между своих ног. — На это раз я сделаю все правильно.

— Тетя Меган!

Мэдди бежит в квартиру, как только я паркую машину и выпускаю ее, сразу направляясь к Меган, которая стоит у входной двери.

— Привет, сахарная печенюшка с пеканом! — приветствует ее Меган, поднимая и кружа. — Как дела у моей сладкой племянницы, которая все еще в пижаме, хоть уже и полдень?

Меган смотрит на меня с подозрением. Да, это как будто тебя ловят утром во вчерашней одежде. Я даже не расчесала волосы. Брр, не принимала душ. ДНК ее брата по всему моему телу, а Меган — человеческий эквивалент собаки-ищейки.

В секунду, когда я подхожу ближе, она знает.

— Мой папа возил меня на фестиваль! — говорит Мэдди, когда Меган ставит ее на ноги. — И затем у нас была ночевка, но он спал с мамочкой, а потом мы ели бекон!

— Вау, — отвечает Меган, многозначительно смотря на меня и повторяясь. — Вау.

Открываю входную дверь, Мэдди вбегает внутрь, направляясь сразу к себе в спальню, а я остаюсь на месте, понимая, что Меган завалит меня вопросами.

— Ты, бл*дь, должно быть шутишь, — восклицает Меган и смотрит на картонную фигуру Бризо, которая все еще стоит в гостиной, затем переводит взгляд на меня в неверии. — Серьезно.

— Ничего не могла с этим поделаться.

— Это твоя квартира.

— Да, ну...

У меня нет оправдания.

— Невероятно, — говорит Меган, качая головой. — Ночевка? Вы... вау, ты и, правда, снова с ним?

— Нет, мы не вместе, мы просто... я не знаю, — вздыхаю, проводя рукой по лицу. — Я не знаю, что творю.

— Очевидно, — констатирует Меган, снова смотря на фигуру брата.

— Мне нужно принять душ, — говорю. — Я скоро.

— Да, иди. Может, получится стереть его с себя.

Слишком поздно для этого, думаю, но не смею сказать. Он внутри меня прямо сейчас — и буквально и образно.

Принимаю душ, одеваюсь, и как только снова чувствую себя человеком, собираю одежду, чтобы отнести в прачечную, так как моя машинка все еще сломана. Меган иногда приходит по воскресеньям и проводит время с Мэдди, чтобы дать мне возможность отдохнуть, а также убраться без прерываний.

После того как стирка закончена, я иду в продуктовый и покупаю еду, также покупая хлопья «Лаки Чармс» для завтраков. После этого направляюсь домой, иду в свою спальню и раскладываю одежду, когда мое внимание привлекает картонная коробка, засунутая в шкаф недели назад. Снова ее вытаскиваю, перебираю пыльные воспоминания и хватаю старый блокнот. Дешевая черная обложка испортилась за все эти годы. Могу только нечетко

разглядеть свои каракули.

Пролистываю его — двести страниц, большинство из них наполнены моим неровным почерком. Блокнот кажется тяжелее, чем должен быть на самом деле, но я знаю, что это не вес страниц, а кусочки моей души, которые я вложила в него годы назад.

— Ты — идиотка, — объявляет Меган, заглядывая в спальню.

Смеюсь.

— Знаю.

18 глава

Джонатан

— Тебе стоит купить растение в горшке.

Я смеюсь, сидя на деревянном столе для пикника в темноте, слушая, как Джек бормочет в динамик.

— Растение.

— Серьезно, выслушай меня. Ты покупаешь растение, ухаживаешь за ним, поддерживаешь в нем жизнь и — бам! — ты готов ко всей этой серьезной херне.

— Это глупо.

— Нет, не глупо. Это реальная тема. Я видел такое в фильме «28 дней».

— Тот про Зомби?

— Нет, мужик, с Сандрой Баллок. Ты думаешь о «28 дней спустя».

— Ты взял совет из фильма с Сандрой Баллок?

— Ох, черт, не надо меня осуждать. Это гораздо лучше, чем то дерьмо, что ты создаешь.

И, кроме того, это хороший совет.

— Купить растение.

— Да.

— Ты уже покупал?

— Что?

— Растение, — поясняю. — Ты покупал растение, чтобы доказать себе, что готов к отношениям?

— Нет, — отвечает.

— Почему нет?

— Потому что мне не нужно растение, чтобы понять то, что я уже знаю, — говорит он. — Я ношу боксеры со смайликами и ем чипсы «Читос» в моей квартире на цокольном этаже. Почти уверен, что все знаки на лицо.

— Боксеры со смайлами? — смеюсь. — Говорим о типичном интернет тролле.

— Да, да, неважно, — говорит он. — Разговор не обо мне, а о тебе.

— Я пытаюсь говорить обо мне.

— Святое дерьмо! Seriously? Не думал, что такое возможно.

— Забавно.

— Помнишь то интервью, что ты дал на «Позднее шоу со Стивеном Кольбером» два года назад?

— Не хочу об этом говорить.

— Ты выжил из ума, продолжая утверждать о себе в третьем лице.

— Пошел на хер.

— Уверен, что тот парень никогда бы не пытался говорить о себе.

— Ты — придурок.

Он смеется.

— Правда.

— Ты действуешь мне на нервы.

— Всегда, пожалуйста.

Вздыхнув, качаю головой.

— Спасибо.

— Теперь иди, купи растение, — настаивает. — Я был в процессе игры Call of Duty, когда ты позвонил, поэтому собираюсь вернуться к ней.

— Да, хорошо.

— Ох, и Канниг! Я рад, что ты не утопился в бутылке виски.

— Почему? Ты бы по мне скучал?

— Больше то, что твои фанатки убьют меня, если я позволю тебе сломаться, — говорит Джек. — Не знаю, заметил ли ты, но они сумасшедшие. Ты видел их фан-арты? Они безумные.

— Пока, Джек, — отвечаю, нажимая на «отключить вызов». Кладу телефон в карман, когда сзади кто-то прочищает горло, застигая меня врасплох. Разворачиваюсь и вижу, как светлые волосы сияют в лунном свете. — Меган?

— Твой друг звучит как настоящий лидер, — говорит она. — Джек, правильно? Кто он? Трехсоткиллограммовый, прыщавый женоненавистник и президент фан-клуба Джонни Каннинга?

Сухо смеюсь.

— Не совсем.

Меган подходит ближе, ее выражение лица суровое, плечи напряжены. Она настороженная, напряженная, как будто по ее венам течет лед.

Наши с сестрой отношения не всегда были такими холодными.

— Ты можешь сказать, — говорю ей. — То, ради чего пришла.

Она усаживается на стол для пикника рядом со мной и смотрит на потемневшую гладь воды.

— Здесь была первая вечеринка по случаю дня рождения Мэдди, — начинает она. — Если это можно было назвать вечеринкой. Были только я, Кеннеди и ее родители. Никаких других детей — только семья. Отец подъезжал и это... ну, это была катастрофа.

Я напрягаюсь.

— Не думал, что он вовлечен в жизнь Мэдисон.

— Он не вовлечен, — отвечает сестра. — Отец Кеннеди сказал ему уйти, что его не приглашали, поэтому отец бросил свой подарок и ушел, больше не пытаюсь наладить отношения.

— Что это было?

— Что?

— Подарок.

Не уверен, почему это имеет значение, зачем мне нужно знать, но мне интересно, что он принес моей дочери на ее день рождения.

— Настоящую серебряную погремушку, — отвечает Меган, закатив глаза. — Ведь все

годовалые дети хотят именно этого. Кеннеди выбросила ее прямо в воду здесь.

— Хорошо.

— Между тем, я купила ей маленькие картонные книжки, — продолжает. — И памперсы, и салфетки, потому что именно в этом она нуждалась. Хотя на самом деле она нуждалась в отце, но вместо этого получила тетю Меган. Думаю, что я хорошая замена, но я не ты.

— Я должен был быть рядом с вами.

— Должен был.

— Я облажался.

— Да.

— Я пытаюсь все исправить.

— То же самое сказала Кеннеди, но если ты причинишь ей боль, я сделаю больно тебе.

— Я не причиню боль Мэдисон.

— Я говорю не о Мэдисон. Если ты обидишь ее, то целая группа людей разорвет тебя на части. Я же говорю о ее матери. Я наблюдала, как Кеннеди пыталась выстроить их с Мэдди жизнь, и если ты принес свою задницу, чтобы разрушить все это, если подведешь ее снова и сбежишь, я подвешу тебя за твои яйца.

Ауч.

Провожу рукой по лицу.

— Ты всегда была сучкой.

— Я женщина-политик. Так и должно быть.

Дверь квартиры открывается, прежде чем у меня есть возможность постучать, и я вижу Мэдди с листом бумаги и карандашом в руках.

— Мне нужно «Т», — сразу выпаливает, глядя на листок. — У меня есть треугольник, торт, топор, но нужно еще больше.

— Тако? — предлагаю как вариант.

Ее глазки озарятся блеском, и она кричит:

— Тако! — затем убегает на кухню. Я медлю, прежде чем закрыть дверь и последовать за ней.

Мэдисон садится за стол и начинает рисовать тако.

— Тетрадь, — советую ей. — Тоже подойдет.

— Тетрадь, — повторяет она.

— И тигр, и тапочки, и...

— Я уверена, что сказала этой маленькой девочке, что она сделает свое домашнее задание сама сегодня, и ей не нужна помощь.

Переключаю внимание на Кеннеди, когда она входит в кухню, прерывая меня на полуслове и многозначительно глядя на Мэдисон. Смотря на нее, я сразу понимаю, что что-то не так. У нее плохое настроение.

Мэдисон хмурится и продолжает рисовать.

— Извини, — говорю. — Я не знал.

— Все хорошо, — бормочет Кеннеди. — Слушай, знаю, ты надеялся провести время с ней, но сегодня безумный день, полная неразбериха у меня на работе — многие члены

персонала болеют, а сегодня инвентаризация, и мне нужно вернуться в магазин на несколько часов, а это значит, что Мэдди отправится к моему отцу.

Мой желудок стягивает узлом.

— Он может тоже пойти, — предлагает Мэдди.

— Я так не думаю, — не соглашается Кеннеди. — Твой дедушка не любит гостей.

— Но он любит нас, — спорит Мэдди.

— Мы семья, — отвечает Кеннеди.

— А он мой папочка, — настаивает Мэддисон. — Поэтому тоже семья, верно?

Кеннеди колеблется.

— Верно.

Сейчас она находится в очень трудном положении.

— Все в порядке, — заверяю. — Я понимаю.

— Мне жаль, правда, — уверяет Кеннеди, вытаскивая свой телефон и набирая номер, затем драматично вздыхает, когда бормочет. — Ответь на чертов звонок, пап...

Он не отвечает.

Она снова пробует.

На это раз он тоже не отвечает.

Стеная, Кеннеди сбрасывает, прежде чем набирает в третий раз.

— Я мог присмотреть за ней, — предлагаю, когда Кеннеди сбрасывает, снова не получив ответа.

— Ты не обязан.

— Я хочу, — настаиваю. — Кроме того, она моя дочь. Я тоже несу за нее ответственность.

— Прежде не замечала такой прыти, — бормочет Кеннеди, когда ее телефон начинать звонить. Ауч. Вздохнув, она отвечает. — Привет, пап.

Она уходит, чтобы поговорить с ним, пока я сижу за кухонным столом напротив Мэддисон, смирившись. Мэдди занята рисованием тигра, тако уже закончено, но надпись сделана с ошибкой.

— Одна «К», а не две, — говорю я, указывая. — Т-а-к-о, а не т-а-к-к-о.

— Спасибо, — благодарит, стирая все слово, чтобы верно его написать.

— В любое время, малышка.

Кеннеди возвращается минуту спустя, засовывая телефон в задний карман рабочих брюк. Она даже не смотрит на меня, когда начинает бубнить что-то о домашней работе, ужине и времени сна, перечисляя правила, которые Мэддисон беззвучно имитирует за ней. Очевидно, все это она слышала прежде...

— Подожди, ты имеешь в виду, чтобы я приглядел за ней? — спрашиваю удивленно.

Кеннеди поворачивается ко мне.

— Ты разве не хотел? Если нет, я могу перезвонить отцу.

— Нет, я хочу... хочу. Просто удивлен.

— Ты не должен. Как ты и сказал — она твоя дочь.

Кеннеди целует макушку Мэдди и говорит, что вернется так скоро, как сможет, а затем уходит, направляясь на работу, в то время как я остаюсь, так и не вникнув ни в одну ее инструкцию.

Да, я облажаюсь.

Мэддисон заканчивает рисовать тетрадь, добавляя тапочки, прежде чем объявляет, что

закончила с домашним заданием. Она засовывает листок в рюкзак и достает потрепанный альбом и упаковку фломастеров. Раскладывает их по столу и открывает альбом, перелистывая страницы за страницами своего художества.

— Что у тебя там? — спрашиваю, наклоняясь, пытаюсь увидеть, когда Мэдди делает резкий вдох и накрывает листок, чтобы я ничего не рассмотрел.

— Нет, не смотри! — говорит Мэдди, отворачивая мое лицо. — Еще не готово.

— Ладно-ладно, — говорю со смехом. — Я не буду смотреть.

— Так-то лучше, потому что еще не готово.

— Не буду смотреть, пока ты не разрешишь.

Только после этого она спокойно усаживается, радостная, что ее работа в безопасности.

В этой девчонке столько от Кеннеди, что я испытываю дежавю, наблюдая за ней.

Мотнув головой, встаю и оглядываю кухню.

— Есть какие-то идеи, чем будем ужинать? Знаю, что твоя мама сказала что-то об этом.

— Она сказала никакой нездоровой пищи, а только нормальную еду.

Смотрю на шкафы.

— А что подразумевается под нормальной едой?

— Пицца, — предлагает.

— Ах, пиццу я могу устроить, — отвечаю, смотрю на дверцу холодильника и вижу флаер с номером доставки.

— И куриные крылышки, и чесночный хлеб тоже! — объявляет Мэддисон, продолжая рисовать.

— Ты получишь их.

Звоню по номеру и заказываю огромную пепперони, куриные крылышки и чесночный хлеб, и так же добавляю гавайскую пиццу с ананасом для Кеннеди, на случай, если она будет голодна, когда вернется — всего этого слишком много для нас.

Через сорок пять минут раздается стук в дверь, я достаю наличные из кошелька и направляюсь открывать, когда торможу. Я даже не задумался о том факте, что кто-то может меня узнать и задаться вопросом, почему я здесь. Взглянув на Мэдди, обдумываю вариант того, что она оплатит заказ, но это пойдет вразрез со всеми правилами о незнакомцах, которым ее пытается научить Кеннеди.

Снова раздается стук, и я делаю резкий вдох, прежде чем открываю дверь. За ней стоит парень не старше меня, возможно, чуть за двадцать. Он выглядит обдолбанным, глаза красные, от его униформы раздается резкий душок, как будто он курил по дороге сюда. Парень бормочет цену, и я сую ему наличные, прежде чем забрать пиццу. До того как успеваю закрыть дверь, он сужает глаза, на лице отражается замешательство, пока он смотрит на меня.

— Эй, а ты не тот парень? Ну, тот... тот из фильма? Как его... — парень щелкает пальцами, будто пытается вспомнить, затем указывает на меня. — «Бризо».

— Не-а, это не я, — вру. — Хотя все время это слышу.

Закрываю дверь, прежде чем он может развить эту тему, и наблюдаю через глазок, как паренек задерживается у двери. Затем пожимает плечами и уходит, осветив что-то, прежде чем направиться к своей машине.

Облегченно вздохнув, я поворачиваюсь, чтобы направиться на кухню и почти врезаюсь в Мэддисон, которая стоит в полуметре от меня.

— Ты солгал, — говорит Мэдди.

— Да, — признаюсь. — Но это была ложь во благо.

— Что это значит?

— Это значит, что иногда нам лучше не говорить людям, кто я.

— Почему?

— Потому что люди любопытные, — отвечаю честно. — Если бы я признался, парень рассказал бы своим друзьям, те своим друзьям, и не успеешь оглянуться, как весь мир будет совать нос в мои дела и задаваться вопросом, что я здесь делаю.

Мэдди молчит, следуя за мной, пока я несу пиццу на кухню. Закрывает свой альбом и садится, пока я накладываю ей еду на тарелку, а затем сажусь напротив со своей.

Что-то не так.

Что-то беспокоит ее. Я могу быть уверенным.

Как и с ее матерью.

— Что такое? — спрашиваю.

Она качает головой, отвечая:

— Ничего.

— Ах, вот так, сейчас мне кажется, что ты лжешь.

— Это во благо.

Я смеюсь, когда она пытается одолеть меня моими же словами.

— Давай, расскажи мне, что тебя беспокоит.

Она выпускает долгий, драматичный выдох, как будто я достал ее до смерти, и говорит:

— Ты не хочешь быть моим папой?

Вопрос как удар под дых.

— Конечно, хочу. Почему ты так решила?

— Потому что ты не хочешь, чтобы люди узнали об этом, — отвечает она. — И потому что раньше ты не был моим папой.

Черт, чувствую себя придурком. Ни один из язвительных уколов от Кеннеди не содержал столько боли, как сейчас слова Мэдисон.

— Я всегда был твоим папой, — уверяю. — Просто не был хорош в этом. Я стараюсь стать лучше. И хотел бы, чтобы люди узнали, но все сложно, и уж точно не стоит начинать с разносчика пиццы. Но мы расскажем всем. Обязательно.

Мэдди улыбается и кушает, довольная ответом, но я не перестаю чувствовать себя придурком. Все это несправедливо по отношению к ней. Я здесь и делаю все, что в моих силах, но насколько это считается, если мне все время приходится прятаться? Как будто я могу быть ее отцом только за закрытыми дверями.

Я обращаюсь с ней, как будто она мой маленький грязный секрет.

Такое у меня происходит не впервые.

Я делал то же самое с ее матерью.

Клифф сказал бы, что я все преувеличиваю, что это просто защита — защищаю ее, да, но также защищаю и свой имидж. Моя личная жизнь таковой и остается. Вот как все обстоит. Джек сказал бы мне: какого черта! — потому что тайная жизнь может быть угрозой для трезвости. Он сказал бы мне сделать все правильно и перестать быть эгоистичным мудаком. Но я не знаю, что правильно.

— Итак, раз мы поужинали, — говорю. — Есть какие-то идеи, что твоя мама сказала о сне?

— Восемь часов, — говорит Мэдди. — В семь тридцать я должна помыться, и затем ты

прочитаешь мне книгу, а я выберу какую.

— Достаточно справедливо, — отвечаю, глядя на часы — только полседьмого. — У нас есть еще около часа. Чем хочешь заняться?

Она улыбается.

— Рисовать!

Подарок на Мечтовщину

Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд

«Сегодня исполняется год.

Год с тех пор как ты показался пьяный на подъездной дорожке ее двухэтажного дома в Беннетт-Ландинг, и попросил девушку сбежать с тобой, а она согласилась. Ваша Мечтовщина, вот как она это называет. День, когда вы решили следовать твоим мечтам.

Но следовать мечтам не так легко, особенно твоим. Ты живешь в городе, где множество людей разделяют твои желания, и у множества из них есть преимущество.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тебе говорят, что ты везунчик, но ты этого не чувствуешь. Ты подписал договор с небольшим агентством, и в твоём списке IMDb несколько незначительных ролей, но дилер героина в «Csi место преступления» и Парень№3 в «Мыслить как преступник» не то, о чем ты мечтал, с тех пор как был ребенком, и даже не оплачивает счета.

Деньги закончились давно. Не хватило даже на три месяца. У тебя было несколько случайных работ, но, кажется, они всегда мешают прослушиваниям, и каждый заработанный цент уходит на портреты для портфолио и курсы актерского мастерства. Так много всего упало на плечи девушки, но она не жалуется. Потому что каждую ночь ты признаешься ей в любви. Она знает, что ты заботишься о ней, и это величественное обещание данное тобой ей.

— Счастливой Мечтовщины, — говорит она, заглядывая в спальню маленькой квартирки. Уже поздно, час ночи. Все в ней кричит об истощении, потому что она только что вернулась с двойной смены официантки из круглосуточной закуской за углом.

— У меня для тебя кое-что есть.

Ты лежишь на кровати, уставившись в потолок. Не можешь спать, пока ее нет. Девушка обычно говорила, что ты не мог спать, потому что у вас надувной матрас на двоих, но вы купили настоящую кровать месяц назад и ничего не изменилось.

Не можешь уснуть.

Ну, если конечно, не подключаешь к делу алкоголь, но девушка не любит этого, поэтому ты не усердствуешь. Мало того, что ты расстраиваешь ее, когда она находит тебя в отключке, но также ты чувствуешь себя мудаком, растрчивая деньги, которых не зарабатываешь.

Ты садишься, смотря на девушку сквозь тусклый свет спальни. Хотя она уже не та девушка. На ней короткое розовое платье с застежкой молнией, которое ей выдали на работе, а вокруг тонкой талии белый фартук. В последнее время она потеряла в весе, но у нее стало больше изгибов. Она женщина, которая живет в маленькой съемной квартире и работает. Она прячет руки, держа что-то за спиной.

— Что это? — спрашиваешь, когда она протягивает визитку, помахивая ею. Девушка залазит на кровать, оседлав твои колени, и улыбается.

Берешь визитку, изучая. «Кэлдвелл Тэлентс». Клиффорд Кэлдвелл. Ты знаешь, кто он. В прошлом году тебе десятки раз говорили, что если хочешь чего-то добиться в Голливуде,

тебе нужен этот мужчина. Но, несмотря на твои лучшие усилия, ты не мог добиться с ним встречи.

— Видишь дату и время, написанное на обороте? — спрашивает она. — Это твоя встреча с ним.

Смотришь на нее с удивлением.

— Откуда?

— Сегодня он приходил в закусочную, — объясняет. — Был с какими-то клиентами: тот парень из нового танцевального фильма «Шаг вперед» или что-то такое. И парень из фильма про вампиров! И какие-то девушки... Ох, та модель, которая на всех билбордах... Молодая блондинка. Ее фамилия Марксон или как-то так... Селена, возможно?

— Кеннеди, детка, сосредоточься, — говоришь, смеясь над ее бессвязной речью и обхватив руками ее лицо. — Мне плевать на какую-то модель. Как, черт побери, ты добилась встречи?

— Ох, — она краснеет, хватая тебя за запястья. — Я вроде как просто спросила.

— Спросила.

— Ну, я имею в виду, я обслуживала их столик. Сначала он даже не смотрел на меня, слишком занятый своим телефоном, но я не могла позволить ему просто так уйти. Поэтому пролила его кофе.

— Что ты сделала?

— Я пролила не на него. Просто на стол. И что-то на модель, но он все равно не был горячим. Хотя она взбесилась. Но в любом случае, когда я все убрала, Клиффорд отложил телефон, чтобы посмотреть на меня, поэтому я решила действовать.

— Вот когда ты спросила?

— Что? Нет. Вот когда я усердно флиртвала.

— Ты? Ты флиртвала?

— Хлопала ресницами и все такое. Как ведут себя девицы в беде. «О, боже мой, мистер Кэлдвелл, сэр, мне так жаль... Я так растерялась возле властного мужчины. Не могу сдерживать себя, когда речь идет о гениальном уме и ошеломляющем творчестве».

Ты смеешься.

— Он поверил в эту херню?

— Да, — она ухмыляется. — Клянусь, после этого они задержались еще на час. Он пытался поддержать разговор, задавая вопросы о моей жизни. Я рассказала ему о тебе, и бам, тебе назначена встреча!

— Вау, — говоришь, снова глядя на визитку.

— Ох, я забыла лучшую часть! — восклицает, толкая тебя на спину, целуя. — Он оставил мне чертовски сумасшедшие чаевые.

— Хм-м, насколько большие? — спрашиваешь, хватая ее за бедра и потираясь об нее. — Настолько большие?

— Больше, — говорит она. — Намного больше.

— Ты пытаешься заставить меня ревновать?

— Получается?

Девушка визжит, когда ты переворачиваешь ее на спину и располагаешься между ее ног. Задираешь материал платья, и девушка стонет при первом толчке.

— Сегодня ты изменила наши жизни, детка, — говоришь ты. — Счастливой Мечтовщины.

Ты этого не знаешь, но эта женщина... Когда ты занимаешься с ней любовью, шепчешь в ее ухо, как сильно любишь, говоришь ей на каждом толчке, что все станет лучше, она верит в каждое твое слово. И представляет это, как может измениться жизнь, как много дверей будет открыто для тебя. Твои мечты воплотятся в жизнь. Она лежит, пока ты находишься в ней, на ней, и впервые за год чувствует, как вес с ее плеч исчезает. Наконец-то... Наконец-то... Все налаживается. Наконец-то, хоть какие-то хорошие новости».

19 глава

Кеннеди

— Итак, плохие новости...

Вздыхнув, я опускаю небольшую коробку на пол на складе у стены. Качаю головой, отказываясь смотреть на Маркуса, который стоит в дверном проеме как вестник плохих новостей.

— Не делай этого.

— Что не делать?

— Всю эту фигню с плохими новостями, — говорю я, махнув на него. — Не хочу слышать.

— Просто небольшая проблема.

— Неважно что, это не моя проблема.

— Но так и есть.

Стону, проводя рукой по лицу.

— Не поступай так со мной, Маркус.

— Бетани стало плохо, поэтому я собираюсь отправить ее домой.

— Умоляю тебя, — бормочу. — Не делай этого.

— Мне нужно, чтобы ты осталась и встала за ее кассу.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Я открывала магазин утром. Я здесь с восьми часов.

— Ты уходила в три, — напоминает он.

— И вернулась сюда к пяти, — отвечаю. — А также приду сюда завтра к восьми. Теперь ты хочешь, чтобы я осталась до полуночи?

— Я бы не спрашивал, если бы у меня был другой выбор, — говорит Маркус, прежде чем уходит, даже не дождавшись моего ответа. На самом деле он даже не спросил. Он предположил, что я останусь, потому что вот оно мое место. И всегда было.

— Посмотрите на меня, я ассистент менеджера в «Пигли Кью», — бормочу себе под нос, распахивая ящики, прежде чем закрыть кладовую. — Занимаюсь самыми интересными вещами в мире.

Направляюсь в переднюю часть магазину и успеваю заметить, как Бетани убегает, выглядя совсем не больной. Как я это поняла? Она исполняет небольшой танец на парковке перед своими друзьями, и понимаю, что меня обхитрили.

Прелестно.

У меня плохое настроение. Я на ногах весь день. Не уверена, с чего это началось, но я на грани. Моя спокойная монотонная жизнь все больше похожа на какую-то шалость

Вселенной. Тот факт, что «Как мне жить» Лиэнн Раймс играет из колонок, доказывает это.

Я стою за кассой до закрытия магазина, и к концу дня мои ноги гудят.

В пятнадцать минут первого добираюсь до дома, захожу внутрь и запираю дверь.

Свет выключен, но телевизор тихо работает, свечение от него освещает диван, на котором лежит Джонатан и, свернувшись рядом, Мэдди. Он спит, в то время как она дремлет, но настолько рассеяна, что не замечает меня. Мэдди должна была быть в своей кровати часы назад, но я слишком истощена, чтобы злиться. Судя по всему, Джонатан позволил ей изрисовать свой гипс, учитывая, что он весь в цветных фломастерах.

Подходя к ним, беру Мэдди на руки, и она не протестует, а наоборот, уже сопит, как только я кладу ее в кровать.

Когда возвращаюсь в гостиную, Джонатан сидит на диване, проводит рукой по лицу и хрипло говорит:

— Который час?

— После полуночи.

— Черт, — бормочет и смотрит на меня, когда я плюхаюсь рядом с ним на диван, снимая туфли. — Ты только что вернулась?

— Минуту назад, — отвечаю. — Кассир заболела и ушла раньше, поэтому я закрывала магазин. У меня есть достаточно времени, чтобы поспать, а завтра снова все начнется сначала.

— Безумие.

— Да, ну, вот так мы живем в реальном мире.

— Ты думаешь, я живу не в реальном мире?

— Думаю, ты живешь в своем собственном мире, Джонатан.

— Ты можешь уволиться, — предлагает.

— И что делать? Найти работу в другом месте, снова получая гроши?

— Ты можешь остаться дома, — говорит. — Можешь даже писать, делать что хочешь.

— Это не оплатит счета.

— Но я могу.

Я сердито смотрю на Джонатана после этих слов.

Он смотрит на меня, в его взгляде желание обороняться.

Он выглядит так, будто совсем не понимает неправильность своего предложения.

— Я не собираюсь снова наступать на те же грабли с тобой, — отвечаю ему. — Только не снова.

— Но я должен поддерживать свою дочь. Должен вносить свой вклад.

— Ты должен был делать много чего.

— Да, так позволь мне.

Качаю головой.

— Что произойдет, если я уволюсь, а ты решишь перестать вносить свой вклад?

Джонатан смеется на этом вопросе. Он смеется, будто я сказала что-то забавное, и этот звук действует мне на нервы. Брр. Я встаю, чтобы уйти, но он останавливает меня, снова утягивая на диван.

— Послушай, я понимаю. Я подвел тебя. Но просто подумай над этим.

— Не о чем думать. Я не нуждаюсь в тебе. Никогда не нуждалась.

Как только слова слетают с моих губ, я почти задыхаюсь от сожаления, накатывающего на меня. Возможно, это правда. Возможно, я имела это в виду. Возможно, я не нуждаюсь в

нем. Но в каждом слове сквозит жестокость, а я не такая. Неважно, что было между нами, я никогда не хотела быть человеком, который тоже его ранит.

— Извини, — прошу прощения, опуская голову и упираясь локтями в колени. — Не знаю, зачем это сказала. Прямо сейчас я немного не в себе. Мои эмоции в полном раздрае.

Прежде чем у Джонатана появляется возможность ответить, раздается стук в дверь. Поднимаюсь на ноги, чтобы узнать, кто это, а когда смотрю через глазок и вижу Бетани, то хмурюсь. Странно. Джонатан бормочет что-то о том, чтобы пожелать спокойной ночи Мэдди и встает, исчезая прямо по коридору.

Вздыхнув, открываю дверь, когда раздается очередной стук. Бетани видит меня и напрягается, широко распахнув глаза.

— Кеннеди? — в ее голосе сквозит замешательство. — Что ты здесь делаешь?

— Я здесь живу, — говорю, хмурясь, когда оглядываюсь вокруг. Она со своими друзьями: девушкой, которая забирала ее с работы, и парнем лет двадцати пяти. — Тебе что-то нужно?

— Ох, эм, нет, — отвечает Бетани, краснея и вынужденно улыбнувшись. — Извини. Мы просто подумали... я имею в виду... мы искали кое-кого другого. Должно быть, перепутали квартиры.

Она довольно сильно ударяет локтем парня, который стоит рядом с ней, в то время как он морщится и бормочет:

— Клянусь, он был здесь.

От этих слов мой желудок ухает вниз.

— Кого ты ищешь? — спрашиваю. — Может, я могу помочь?

— Никого, — говорит Бетани. — Это глупо, забудь об этом.

Она уходит, уводя за собой друзей и ругая парня по дороге. Я разбираю часть их разговора и слышу имя, которое боялась услышать.

Джонни Каннинг.

Осторожно закрываю дверь, убеждаясь, что заперла ее, и выключаю телевизор, прежде чем направляюсь по коридору. Джонатан идет мне навстречу, когда я останавливаюсь перед ним.

— Да, эм... возможно, ты захочешь остаться, — предупреждаю его.

Он вздергивает бровь.

— Почему?

— Эм, — делаю шаг к нему, прижимаясь, и вставая на цыпочки, шепчу: — Думаю, тебя вычислили.

Направляюсь в спальню, а Джонатан медлит, прежде чем идет за мной, останавливаясь в дверном проеме.

— О чем ты говоришь?

— Стук в дверь, — говорю ему, снимая униформу. — Кажется, они искали определенного человека, так как слышали, что он был где-то рядом.

— Бл*дь.

— Я не сказала им ничего, — поясняю, бросая одежду в корзину. — Это была кассир с магазина — та, что заболела сегодня — и ее друзья. Полагаю, кто-то тебя заметил и сказал ей, пока она была на работе, что ты в нашем городке по какой-то причине.

Поворачиваюсь к нему, ожидая реакции, может быть, объяснение, но он даже не смотрит на мое лицо. Нет, его взгляд осматривает мое тело, когда я стою перед ним в белом

хлопковым бюстгальтере и трусиках.

Машу рукой в его сторону.

— Ты вообще меня слушаешь?

Он встречается с моим взглядом.

— Что?

Мотаю головой и направляюсь к комоду, чтобы достать футболку. Когда снова поворачиваюсь к Джонатану, он опять не смотрит на меня. Нет, на это раз его взгляд сфокусирован на верхушке комода, на старом блокноте.

Через мгновение он пытается сосредоточиться.

— Итак, меня поймали?

— Кажется так.

— Жаль, — отвечает, делая шаг и садясь на мою кровать. — Я наслаждался анонимностью.

— Да, но, реальный мир, помнишь? Тебе стоило понимать, что это не продлится вечность.

— Да, — бормочет он, хотя ему, кажется, не нравится этот факт, а его внимание снова приковано к разрисованному бинту. Он очерчивает цветные линии кончиками пальцев.

Схватив перманентный маркер из ящика прикроватной тумбочки, толкаю Джонатана на кровать и сажусь ему на колени. Зубами снимаю колпачок с маркера, затем нахожу свободное место на его гипсе и осторожно вывожу: «Любовь не знает титулов».

Он наблюдает за мной, читая фразу, и улыбается.

— Строчка из фильма, — говорит Джонатан, когда я подписываюсь под фразой простой «К» и снова надеваю крышку на маркер. — Этого не было в сценарии «Призрачного», чему я очень разозлился, и сценаристы добавили.

— Они позволяют тебе предлагать изменения?

— Конечно, это прописано в моем контракте.

— В таком случае, — говорю, — тебе нужно убедить их исправить концовку ради твоей дочери.

Джонатан смеется.

— Посмотрю, что смогу сделать.

Я целую его. Мы не должны продолжать заниматься этим, но мне тяжело себя остановить, когда дело касается этого мужчины. С ним я снова становлюсь безрассудной.

Джонатан целует меня в ответ. Руки двигаются по моему телу, прикасаясь, доставляя ласку. Я стону в его рот, когда он начинает тереться об меня — даже ограниченный сломанным запястьем он легко управляет своей магией.

Я разрываю поцелуй и ахаю, в то время как Джонатан опускается с поцелуями на мою шею, и в то же самое время возится со своими штанами, но колеблется по какой-то причине.

— Ты на противозачаточных, верно?

Я отстраняюсь на достаточное расстояние, чтобы встретится с его взглядом.

— Мы не обсуждали это, — продолжает. — Я не был уверен, знаешь, и нам стоит быть осторожными.

Он пытается вести серьезный разговор — пытается быть разумным. Какими мы и должны быть. То, чем мой отец, вероятно, гордился бы. Джонатан продолжает тереться об меня, не останавливаясь, и все становится таким безумным, потому что я все ближе и ближе — удовольствие разливается по моему телу.

В то время как оргазм накрывает меня с головой, я пытаюсь говорить через вдохи:

— Я... эм... у меня имплант... в моей... ааа... руке, — о, боже. — Он будет действовать...

еще один... год... ааа.

Джонатан меняет нас местами, и я оказываюсь под ним. Он больше не медлит, говоря:

— В таком случае...

— Нет, нет, нет...

Меня будит звон будильника. Комната расплывается передо мной, а глаза жжет, когда я пытаюсь их открыть, в то время как ударяю по тумбочке, чтобы заглушить шум.

— Заткни эту шуковину, — бурчит хриплый голос рядом, слова заглушены, так как его владелец накрывает голову подушкой. Нажимаю на кнопку — какую-то кнопку, любую кнопку, — чтобы выключить будильник, одновременно пытаюсь сесть, когда рука обнимает меня за талию и тянет назад. — Хмм, останься.

— Не могу, — отвечаю. — Мне надо на работу.

— Прогуляй.

— Мэдди нужно в подготовительную группу.

— Она тоже может прогулять.

Смеюсь, пытаюсь вырваться из его хватки.

— Серьезно, Джонатан, мне нужно вставать.

— Я бы предпочел, чтобы это было не так.

— Обломись.

Драматично вздохнув, Джонатан ослабляет свою хватку, позволяя мне выскользнуть из кровати. Я потягиваюсь, ворча, так как все мое тело болит. Кажется, даже кости болят. Я слишком молода, чтобы чувствовать себя такой старухой, но реальная жизнь, помните?

Поглядываю на кровать, на Джонатана, когда он выглядывает из-под подушек. Так странно — очень странно, видеть его здесь. В какой-то степени захватывающе, но, тем не менее, страшно. Но понимаю, что так же как с его анонимностью, это не будет длиться вечно.

— Наверное, мне тоже стоит вставать, — говорит, бросая подушку на матрас рядом с собой, и садится. — Надо найти смелость выйти на улицу и показаться моей сварливой хозяйке.

— Можешь остаться здесь, — моментально предлагаю. Возможно, слишком быстро, учитывая его ошеломленный взгляд, но я и сама испытываю шок.

Ты серьезно предложила ему остаться?

— Ты уверена? — спрашивает Джонатан.

— Нет, — отвечаю.

Он смеется.

— Но ты можешь, если хочешь, — продолжаю. — Остаться и прятаться. Так же так будет проще видеться с Мэдди.

— Ладно.

— Только не ройся в моем нижнем белье, пока меня нет дома.

— Даже не думал об этом, — отвечает, ухмыляясь. — Это означает, что позволено делать это, когда ты здесь?

Закатив глаза, наклоняюсь и целую его, не останавливаясь, не задерживаясь и не отвечая на его вопрос, прежде чем покидаю комнату. Принимаю душ и надеваю рабочую форму. Джонатан уже спит, когда я иду будить Мэдди.

Я истощена, а утро тянется и тянется. Мэдди завтракает «Лаки Чармс», до того как я отвожу ее в сад, успевая на работу ровно к восьми. Маркус уже там, бормочет что-то о расписании, днях отпусков и сверхурочной плате. Едва достаиваю его вниманием, отмечая время прихода на работу, пока не слышу:

— Кеннеди может встать за кассу на этих выходных.

Ох, что-что?

— Извини? Что я могу сделать?

— Ты ведь не возражаешь? — спрашивает он, даже не смотря на меня, пока все его внимание приковано к каким-то бумажкам. — Бетани хочет взять отгул на выходные, а больше никому ее прикрыть.

— Есть новая идея — нанять кого-то, — предлагаю. — Нам давно не хватает кассиров. Это было еще до того, как Бетани начала все время просить отгулы.

— Я мог бы, — отвечает Маркус. — Просто подумал, что тебе захочется дополнительных часов, раз ты мать-одиночка.

— Будучи матерью-одиночкой, мне хочется проводить время со своей дочкой, так как сейчас это не очень-то удается.

— Достаточно справедливо, — говорит он, все еще не смотря на меня. — Сделаешь мне одолжение, когда пойдешь в зал? Скажи Бетани, что я отклонил ее просьбу.

Привет, чувство вины.

Покачав головой, направляюсь в главный зал, чтобы закончить свою работу и уйти вовремя. Вожусь в кладовой, выясняя, что нужно заказать, когда раздается тихий стук, затем открывается дверь, и появляется Бетани.

— Привет, Кеннеди.

— Привет, — отвечаю и тут же выпаливаю: — Маркус не одобрил твою просьбу отгулов.

Она хмурится, но не жалуется, просто стоит, облокотившись на дверную раму, наблюдая, как я распахиваю коробки и ящики, заканчивая то, что не успела вчера, из-за того, что прикрывала ее.

— Так тебе что-то нужно? — спрашиваю через несколько минут, зная, что сейчас она должна стоять на кассе.

— Нет, я, эм... хотела извиниться за прошлую ночь, — признается. — Из-за того, что постучалась к тебе. Джош — мой парень, работает разносчиком пиццы, и поклялся, что доставил пиццу парню, который выглядел как... кое-кто.

— Кто-то мне знакомый?

— Джонни Каннинг.

Она неловко смеется, и я замечаю, как ее щеки покраснели от смущения.

— Итак, твой парень сказал, что доставил пиццу Джонни Каннингу в мою квартиру.

— Да, — подтверждает. — Я подумала, что не такое уж безумие, что он может быть в городе, раз он был здесь раньше, и никто не видел его в последнее время, но, должно быть, Джош словил галлюцинацию. Вероятно, что он видел Эндрю, потому что Джонни Каннини не мог находиться у тебя в квартире.

Я отвлекаюсь от своих дел, чтобы посмотреть на нее.

— Почему это?

— А?

— Почему его не может быть в моей квартире?

Она смеется.

— А с чего ему там быть?

— Не знаю, — говорю, пожав плечом. — Может, мы давно знакомы, и он решил вспомнить старые добрые времена.

— Да, конечно, — отвечает Бетани, все еще посмеиваясь. — В таком случае передай ему от меня привет.

— Передам, — отвечаю ей, качая головой, когда ухожу.

Дальше время тянется так же, как утром. Ко времени ланча я беру перерыв, закрываюсь в кладовке, желая немного тишины и покоя. Усевшись на ящик, вытаскиваю телефон и вижу сообщение от Эндрю.

Ужин на выходных.

Пялюсь на сообщение, прежде чем удаляю уведомление и отправляю сообщение Джонатану.

Бетани (твоя местная фанатка) передала привет.

Он моментально отвечает.

Мило. Передай ей и от меня привет.

Передам:)

Я медлю, прежде чем печатаю еще одно сообщение.

Дрю пригласил меня на ужин.

Чувствую себя идиоткой, нажав отправить, желая, забрать свои слова назад.

— Глупая, глупая, глупая, — бормочу. Зачем я ему это сказала?

На экране мелькают точки, означающие, что он отвечает, и затем исчезают, снова и снова и снова, по крайней мере, минуту, может, две. Затем раздается звонок от Джонатана.

Паникуя, я почти нажимаю на «отклонить», мой палец зависает над кнопкой, но все же отвечаю.

— Алло.

— Скажи Хастингсу, что он может пососать мой член, — заявляет Джонатан.

Я тихо смеюсь.

— До или после ужина?

— Неважно, — отвечает. — Хотя предпочту, чтобы ужина не было.

— Приятно слышать, — говорю. — Обязательно отправлю это сообщение.

— Отправишь, — говорит Джонатан суровым голосом, и затем я слышу шелест постельного белья и скрип пружин кровати.

— Ты все еще в кровати? — удивляюсь. — Серьезно?

— Эй, не осуждай меня, — отвечает. — Ты тоже могла бы все еще быть в кровати, но выбрала поход на работу. Ты сделала свой выбор. Не ненавижь меня за мой.

Смотрю на время — почти час дня.

— Я закончу работу через два часа, и тебе лучше вылезти из кровати к этому времени.

— Или что? — спрашивает. — Что ты сделаешь?

— Полагаю, мы увидим.

Он смеется и говорит что-то еще, но я не слышу, поскольку дверь кладовой снова открывается, и я вижу Маркуса с недельным расписанием в руках. Он прикладывает ручку к губам, пока раздумывает, и я уверена, что услышу что-то не очень приятное.

— Я должна идти, — выпаливаю. — Работа зовет.

Не даю Джонатану времени ответить, кладу трубку, прежде чем Маркус начинает говорить:

— Итак, я все-таки поменял расписание, чтобы кто-то мог подменить Бетани на выходных.

— Счастливица, — отвечаю.

— Да, поэтому, если сможешь, я бы хотел, чтобы ты отработала две смены в четверг, — говорит, пристально смотря на меня. — Если для тебя это не очень проблематично.

Хочу сказать, что так и есть, но я слишком милая. Кроме этого, мне нужны деньги.

— Вообще не проблема.

— Хорошо-хорошо, — бормочет он, уходя, когда мой телефон вибрирует входящим сообщением. Оно от Джонатана.

Работа? Слишком плохо, что ты не можешь просто... уволиться.

Покачивая головой, не отвечаю, вместо этого сосредотачиваясь на сообщении Дрю. Нужно ответить, пока у меня есть мужество. Не думаю, что продолжать наши встречи будет хорошей идеей в свете последних событий.

Отправляю несколько хмурых смайлов, уже испытывая вину, потому что проводить время с ним было легко, и он такой милый, но я знаю, что это приведет к проблемам. И тот факт, что мои чувства к нему не превратились во что-то большее, является признаком того, что это не стоит проблем. Опускаю телефон в карман и возвращаюсь к работе, надеясь, что последующие часы пройдут быстрее, но удача не на моей стороне. Такое чувство, что каждая секунда тянется все медленней. К трем часам мне кажется, что я провела здесь несколько дней.

По пути из магазина останавливаюсь у кассы Бетани, которая читает «Хроники Голливуда». На обложке нет ничего, относящегося к Джонатану.

— Что-то интересное?

Она хмурится, закрывая журнал.

— Ничего.

— Кстати, я передала ему от тебя привет. Он тоже передал в ответ.

Бетани смеется.

— Да, точно.

Дарю ей улыбку. Бедняжка. Она будет рвать на себе волосы.

— Кстати, слышала, что ты все-таки получила отгулы на выходные. Большие планы?

— Как обычно, — отвечает, пожимая плечами.

— Как обычно — это стучаться в чужие двери в час ночи, в поисках Джонни Каннинга?

— Можно сказать, — она снова краснеет. — Джош такой идиот.

— Тогда удачи с этим, — говорю, уходя, прежде чем пожалею девчушку и расскажу свои секреты.

Приезжаю к дому отца в то же время, что и автобус Мэдди, встречаясь с ней на переднем дворе, в то время как папа раскачивается в кресле на крыльце.

— Дедуля! — кричит Мэдди, побежав к нему и копаясь в рюкзаке в поисках рисунка. — Я нарисовала тебе картинку!

— Ну-ка, давай посмотрим! — говорит он ей, улыбаясь. — Динозавр!

Она смеется.

— Нет, не он, глупенький! Это аллигатор!

— Ах, это самый лучший аллигатор, которого я когда-либо видел, — говорит он. — Идеальный!

Мэдди вбегает внутрь, чтобы как обычно перехватить что-то вкусненькое. Я задерживаюсь снаружи, ожидая ее появления, в то время как отец пристально смотрит на меня.

— Итак, — говорит он.

— Итак, — повторяю.

— Итак, как дела?

— Хорошо.

— Хорошо, — повторяет он.

В течение примерно минуты мы молча пялимся друг на друга.

— Тебе снова пришла почта, — говорит папа. — На кухонном столе.

— Спасибо.

— Всегда, пожалуйста.

Захожу внутрь, проходя мимо Мэдди, когда она убегает на улицу. Забираю стопку конвертов, перебирая их. В основном всякий мусор, поэтому бросаю их прямо в ведро, но замираю, доходя до последнего конверта.

Каннингем через «Кэлдвелл Тэлентс».

Пялюсь на него какое-то время, прежде чем складываю, засовываю в карман и иду на улицу, где Мэдди сидит с моим отцом, болтая что-то о том, как веселилась со своим папочкой.

— Ты готова, милая? — спрашиваю. — Нам нужно идти домой.

— Хорошо, мамочка, — говорит она, поднимая свой рюкзак с крыльца.

— Думаю устроить барбекю на этих выходных, — говорит отец. — Ничего особенного, но надеюсь, вы придете. В последнее время не видел своих девочек.

— Конечно, — обнимаю его. — Мы придем, пап.

— Может мой папочка тоже прийти? — спрашивает Мэдди, размахивая рюкзаком, пока кружится по кругу.

— Я не... — начинаю, потому что не уверена насчет этого, но отец перебивает меня.

— Конечно, — отвечает. — Пусть приходит.

О, боже.

Мы направляемся домой, и как только достигаем двери, Мэдди врывается внутрь с криком:

— Папочка! Ты здесь!

Джонатан на кухне, одетый только в штаны. На плитке что-то готовится, судя по звукам и запахам. Он что-то варит, и это не горит. Это на ступень выше моего обычного ужина.

— Да, — отвечает он, размахивая лопаткой, когда Мэдди направляется к нему. — Подумал, что вы будете голодными.

— Что это? — спрашивает она, пытаясь подглядеть.

— Жареная курица, картофельные шарики, макароны с сыром быстрого приготовления.

Запираю входную дверь, перед тем как иду на кухню. Последнее из коробки, но все же впечатляет.

— Начинай выполнять домашнее задание, — говорю, отгоняя Мэдди от плиты. — Мы тебя позовем, когда все будет готово.

Она покидает кухню, волоча за собой рюкзак.

— Итак, ужин? — смотрю ему через плечо, когда он проверяет курицу на готовность. — Прежде ты жарил курицу?

— Нет, — отвечает честно. — Но нашел рецепт и подумал, почему бы нет? Насколько это может быть сложным?

Довольно сложно, думаю про себя, но не продолжаю эту тему, вместо этого запрыгиваю на столешницу.

Вытаскиваю конверт, который забрала из дома отца и разворачиваю его, проводя кончиками пальцев по краям, прежде чем также очерчиваю обратный адрес.

— Что это? — спрашивает Джонатан, махнув лопаткой.

Сухо смеюсь и протягиваю ему для рассмотрения.

Ему требуется пару секунд, чтобы понять. Бросает лопатку на стол и забирает у меня конверт, чтобы открыть. Заглянув внутрь, низко свистит, встав у меня между ног и прижав конверт к моей груди, когда говорит:

— Если бы не знал лучше, то сказал бы, что это достаточная сумма, чтобы оправдать уход.

Вот оно. Я знала это. Даже не нужно проверять самой.

— Если бы не знала, — начинаю. — То решила бы, что ты восхищен тем, сколько у тебя сейчас денег.

— Кто, я? — отвечает, симулируя саму невинность.

— Никто не любит хвастовство, Каннингем. Это некрасиво.

— Да? — Он наклоняется ближе, слегка задрал голову. — Ты испытываешь отвращение, слыша о моем успехе, Гарфилд?

Я драматично закатываю, отмахиваясь от его лица.

— Брр.

Смеясь, он хватается меня за руки и тянет вниз, дергая на себя, отчего я почти падаю, но его тело крепко удерживает меня. Джонатан целует меня, дразня, снова и снова, шепча у моих губ:

— Я думаю, ты в отрицании.

— Нет, — говорю, вытягиваю свою руку из его хватки.

— Думаю, тебе нравится это. Думаю, ты гордишься.

— Думаю, что у тебя завышенная самооценка, — отвечаю, обнимая его за шею и целуя в ответ. Страстно. Грубо. Поцелуй не длится долго, проходит пара секунд, и по кухне разносится аханье. Джонатан прерывает поцелуй, отстраняясь, оставив меня задыхаться.

Мэдди стоит в дверном проеме и смотрит на нас широко раскрытыми глазами и

открытым ртом.

— Ты целовал мою мамочку?

— Эм, целовал, — отвечаю.

— Теперь ты отведешь ее на свидание? — спрашивает.

— Конечно, если она захочет, — отвечает Джонатан, бросая на меня взгляд, прежде чем разворачивается к нашей дочери. — Я имею в виду, если ты не против.

Лицо Мэдди озаряется широкой улыбкой.

— Но только если ты заметишь, когда она будет красивой, потому что иногда люди не замечают.

— Она всегда красивая, — говорит он.

— Но ты должен сказать ей это и, может, принести цветы, потому что она радуется, когда я это делаю, — говорит Мэдди, направляясь к Джонатану и беря его за руку, пытаюсь увести с кухни.

— Куда мы идем? — спрашивает Джонатан, нахмурившись.

— Готовиться. Ты не можешь пойти на свидание без рубашки.

Я смеюсь, спрыгивая со столешницы.

— Мы пойдем не сегодня, милая. Папа немного занят сейчас. Он готовит ужин.

— Ох, дерьмо, — выпаливает Джонатан, вытягивая руку из хватки Мэдди, когда несется к плите, выключая огонь и передвигая сковородки со стоном.

— Надеюсь, вам нравится экстра хрустящая курица.

— Да! — восклицает Мэдди. — Мамочка всегда ее так готовит.

20 глава

Джонатан

Как же легко можно впасть в рутину и как просто найти чувство нормальности жизни. Как будто на уровне инстинктов.

Кеннеди идет на работу. Мэдисон в детский сад. Я сижу и... жду, когда они вернутся домой. Квартирка маленькая, но не такая тесная, как та, в которой мы жили вместе. Во мне нарастает беспокойство, но я могу с ним справиться. Отвлекаюсь готовкой и звоню Джеку всякий раз, когда становлюсь дерганым. Мне начинает казаться, что я привыкаю к домашней жизни в маленьком городке.

Ладно-ладно, прошло всего три дня, но это лучшие три дня за последние годы.

В три часа в пятницу раздается стук в дверь. Кеннеди и Мэдисон должны быть дома не раньше четырех.

Крадусь на цыпочках к двери, чтобы посмотреть в глазок, кто пришел, и замечаю знакомую, брюзгливую леди. Охренеть. Открываю дверь и встречаюсь лицом к лицу с миссис Маклески, которая держит в руках сумку.

Мою сумку с вещами.

Прежде чем могу поздороваться, она кидает ее к моим ногам.

Опускаю взгляд вниз.

— Вы меня выселяете?

— Подумала, что тебе понадобятся твои вещи, — говорит она, подчеркивая слово «вещи» так, будто содержимое сумки может быть чем-то скандальным. — Ты днями не

приходил! Днями! Я была там одна!

— Да, эм, извиняюсь за это.

Она сердито смотрит на меня.

— Ты не чувствуешь себя виноватым.

Она права. Так и есть.

— Итак, вы по мне скучали?

— Как алкоголик скучает по «счастливым часам».

Возможно, это прозвучало как оскорбление, но я смеюсь.

— Станет лучше, если пообещаю навещать?

Она морщится на этом.

— Я снова сдаю твою комнату, так что не возвращайся, — ставит перед фактом она. —

И оставляю заплаченные тобой деньги. Никаких возвратов.

— Я и не ожидал этого.

Миссис Маклески отмахивается от меня, собираясь уходить.

— Удачи со всем этим. Не сбегай от них, как от меня.

Ауч. Укол достиг цели, но я не заостряю на этом внимание, а просто хватаю сумку и закрываю дверь.

Принимаю душ и надеваю самую приличную одежду, которая у меня с собой есть: черные слаксы, голубую рубашку и черные туфли. После разглядываю себя в зеркале ванной. С момента инцидента на дороге прошло около месяца, все синяки исчезли, также как царапины, кроме гипса. И меня почти преследует ощущение, что этого никогда не произойдет. Почти.

Но я все еще вижу это, когда закрываю глаза. Вспышку фар. Кровь. Могу слышать звук удара в тишине. Визг шин, крики. Боль, возможно, исчезнет, но воспоминание осталось во мне.

Слышу, как дверь открывается, и вбегает Мэдди, а за ней по пятам идет Кеннеди. Приветствую их, и Мэдди пробегает мимо меня со словами:

— Привет, пап! — Волоча свой рюкзак в спальню. Она привыкла к моему присутствию здесь.

— Так, так, так... — говорит Кеннеди, подходя ближе, хватая меня за подбородок и царапается о щетину, которую я не удосужился сбрить. Еще один уровень приватности, защиты. С растительностью на лице меня не так просто узнать. — Ты почти привел себя в порядок.

— Подумал, что мы можем куда-нибудь сходить, — отвечаю. — На свидание.

— Свидание, — повторяет она.

— Свидание! — верещит Мэдисон, выбегая из комнаты. — Свидание!

Смеюсь, глядя на нее.

— Да, свидание.

— Можно я тоже пойду? — спрашивает, широко распахнув глаза. — Пожалуйста!

— Конечно, — отвечаю. — Что за свидание без тебя?

— Отстойное, — говорит Мэдисон. — Верно, мамочка?

— Верно, — Кеннеди ей улыбается. — Полагаю, нам нужно подобрать наряды.

Мэдисон снова убегает, крича:

— Пойдем!

Им требуется какое-то время, чтобы собраться, но я не возражаю. Мэдисон

переодевается кучу раз, прежде чем останавливается на желтом платье. Эта девчушка — настоящее солнышко.

А ее мама? Иисус Христос.

В момент, как я увидел ее, мой желудок сделал сальто. Маленькое голубое платье. Черт побери, она красавица. Оно напомнило мне о том платье, что она надевала на наше первое свидание в Калифорнии. Я не помню все с тех лет, но хорошо запомнил эту ночь.

Я никогда не забуду, с каким рвением она верила в меня, как сильно любила меня, несмотря на то, что я вел себя ужасно, почти не демонстрируя взаимность.

— Ты выглядишь... вау, — говорю, притягиваю Кеннеди к себе. — Такая красавица.

Наклоняюсь, чтобы поцеловать ее, но у меня нет и шанса. В секунду, как наши губы соединяются, Мэдисон кричит:

— Подождите! Еще нет! Не делайте того до конца!

— Что? — спрашиваю, когда она встает между нами и толкает меня в сторону двери.

— Полагаю, ты не должен целовать меня до конца свидания, — говорит Кеннеди.

Мэдисон открывает входную дверь, толкая меня наружу.

— Ты должен постучать.

— Эм, хорошо.

Прежде чем могу сказать что-то еще, она закрывает дверь перед носом, оставляя меня стоять на пороге.

Оглядываюсь вокруг, чтобы увидеть, нет ли никого поблизости, прежде чем поднимаю руку, чтобы постучать, но дверь сама распахивается, и я вижу голову Мэдди.

— Найди цветы, — шипит она.

Дверь снова закрывается.

Даже через толстое дерево слышу, как Кеннеди смеется в квартире.

Цветы. Оглядываюсь вокруг — в окрестностях нет ни единого гребаного цветка, поэтому бегу к участку травы и срываю несколько одуванчиков.

Стучу.

Нет ответа.

Снова стучу.

— Кто это? — спрашивает Мэдди по ту сторону.

— Это я, — отвечаю. — Джонатан.

— Какой Джонатан?

Этот ребенок... Она пытается меня убить. Оглядываюсь вокруг, прежде чем сказать:

— Каннингем.

Дверь распахивается, и я вижу улыбающуюся Мэдисон, поэтому протягиваю ей охапку одуванчиков, оставляя себе только один.

— Мои любимые! — восклицает Мэдди, принимая их.

— Подумал, что они тебе понравятся, — говорю. — Они того же цвета, что и твое платье.

Подходит Кеннеди, и я протягиваю ей последний одуванчик. Она принимает его, стараясь не рассмеяться.

В кармане вибрирует телефон, оповещая о входящем сообщении из службы такси.

— Машина прибыла.

Простой черный таун-кар, ничего вычурного, тот же самый, что возил нас с Мэдди на фестиваль, и водитель тот же.

Усаживаемся в машину, чтобы добраться до Олбани. Никто не задает вопросов во время поездки, пока мы не прибываем, и машина останавливается у обочины. Солнце село, обеспечивая нас покровом темноты, поэтому я надеюсь, что в течение пары часов останусь незаметным.

— Кино, — говорит Кеннеди. — В парке.

— Не просто кино, — говорю ей, обнимая и притягивая к себе. — Возможно, самый лучший фильм о супергерое из всех снятых.

— Бризо! — радостно кричит Мэдисон.

Кеннеди останавливается.

— Нет.

— Ага, — отвечаю. — Сиквел.

— Скажи мне, что это шутка.

— Нет.

— Ты привел нас посмотреть фильм о тебе? Серьезно?

— Скажу в свою защиту, я никогда на самом деле не смотрел его, — признаюсь. — И я знал, что Мэдисон понравится, поэтому решил, что лучше посмотреть его с вами двумя.

Мэдисон радостно прыгает вокруг меня, в то время как Кеннеди смотрит, будто я безумец.

— Ты никогда не смотрел его?

— Не полностью, — говорю. — Черт, я едва помню съемки. Хотя говорят, что получилось неплохо, несмотря на...

Несмотря на то, что я был обдолбанным весь съемочный процесс, и нам повезло, что вообще получилось закончить.

— Я слышала, что картина достойная, — говорит Кеннеди.

Достойная. Из ее уст это звучит как победа.

Я не очень хорошо все спланировал. У меня есть покрывало, но надо купить хот-доги в ларьке, потому что какой пикник без еды? Мы садимся в парке подальше от основной массы людей, чтобы обеспечить себе приватность.

Играет музыкальная заставка. Да, у нас есть музыкальная заставка. Та же, что и у Человека-паука только с другими словами, слишком веселыми для сценария. Мэдисон танцует, подпевая, пока не начинается фильм.

Мэдди увлечена с первого момента. Я сижу на покрывале, вытянув ноги, голова Кеннеди покоится у меня на коленях. Смотрю фильм, рассеянно поглаживая ее волосы.

Через некоторое время опускаю взгляд и вижу, что она не смотрит на экран, а наблюдает за мной.

— Что не так?

— Ничего, — отвечает. — Просто странно.

Глажу рукой ее покрасневшую щеку.

— Находиться здесь со мной?

— Да, — признается. — Как раз, когда я начала сомневаться, что вообще тебя увижу.

— Ты не думала, что я продолжу появляться?

— Ох, конечно, но это не ты, — говорит Кеннеди. — Я знала, что тот парень продолжит возвращаться, и думала, что буду иметь с ним дело всю оставшуюся жизнь. Пьяный, под кайфом, несвязно мыслящий, но не думала, что увижу тебя снова, настоящего тебя, тем не менее, ты здесь. Я думала, ты навсегда и останешься им.

Кеннеди показывает на экран, а я понимаю, о чем она. Могу сказать, что там я пьян. Это больно.

— Я здесь, — говорю. — И никуда не собираюсь.

— Я хочу в это верить.

— Ты можешь.

Кеннеди улыбается, и я не уверен, верит ли она, но выглядит довольной в этот момент. Провожу большим пальцем по ее губам, и они приоткрываются. Мне так сильно хочется поцеловать ее прямо сейчас, но я знаю, что получу взбучку от своей дочери, если попытаюсь.

— Оооох, папочка! — говорит Мэдисон, переключая мое внимание на себя и застигая врасплох, когда оказывается рядом. Смеюсь, Кеннеди садится, чтобы не попасть под раздачу, когда Мэдисон запрыгивает мне на спину и пытается закрыть мое лицо своими руками.

— Ты не должен был это делать!

— Что? — смеюсь. — Я ничего не делаю.

— Ты ее целуешь! — говорит малышка, при этом пытаюсь накрыть мой рот своими ручками, но я игриво покусывая их, а она кричит: — Перестань, папочка!

Мэдди бросается на меня, упав на мои колени, в то время как я смотрю на экран и вижу, что Бризо целует Марианну. Я хмурюсь, щекоча Мэдисон.

— Это просто фильм, не реальность.

Она смеется, пытаюсь вырваться из моей хватки.

— Ты не целовал ее по-настоящему?

— Целовал, но это не считается.

— Почему нет?

— Потому что это Бризо, а не я.

— Это все еще фууу, — говорит она, поморщившись.

— Ты думаешь, что целовать меня мерзко?

Снова щекочу ее, пока она вырывается, смеюсь, но я не дам ей так легко спуску. Крепко держа дочку, прижимаю к себе, тыкаясь носом в ее щеку, пока она пытается отмахнуться от моего лица.

— Помоги, мама!

— Ох, нет-нет, тут ты сама по себе, — говорит Кеннеди. — Ты сама в это ввязалась.

— Брр, несправедливо! — говорит Мэдисон, прикрывая ладошками мои губы. — Никаких поцелуев до конца!

— Хорошо, — я протяжно, театрально выдыхаю. — Ты победила.

Малышка показывает мне язык.

Девчушка серьезно высовывает язык, ухмыляясь, когда запрыгивает на свою маму и целует ее, прижимаясь в долгом, смачном поцелуе к Кеннеди, удостоверившись, что я вижу. Затем снова возвращается к фильму, когда любовная сцена закончена.

— Невероятно, — качаю головой. — Один я без любви.

Улыбаясь, Кеннеди снова кладет голову мне на колени. Она пялится на меня, проводя кончиками пальцев по моим губам.

— Будешь хорошо себя вести, и я все компенсирую тебе позже.

Приподнимаю бровь.

— Правда?

— Да, — подтверждает. — Я...

Кеннеди замолкает, так как раздается звонок моего телефона. Клифф. Отклоняю вызов,

но он снова звонит, а я снова отклоняю. Следом раздается еще один звонок, теперь с незнакомого мне номера. После того, как это номер звонит дважды, я отключаю телефон, возвращая свое внимание к Кеннеди. Я не хочу разбираться с проблемами прямо сейчас.

— Так, ты говорила...

Она застенчиво улыбается, помотав головой, ерзая, чтобы оказаться лицом к экрану.

Я пытаюсь смотреть фильм, но легче сказать, чем сделать. Испытываю облегчение, когда он закончен. Встаем во время титров, хотя я знаю, что мы не сможем уйти, пока не проиграют сцены после титров. Беру покрывало, складываю его, и как только Мэдисон согласна, мы уходим.

Наш таун-кар ждет у обочины, чтобы отвезти домой.

Мэдисон выпрыгивает из машины, как только мы подъезжаем. Она кружится, крепко сжимая в кулаке одуванчики, чтобы не потерять, в то же время, раздавливая их, пока бежит впереди нас. Я обнимаю Кеннеди, притягивая к себе, и немедленно целую — нежно, мягко, перед тем как собираюсь углубить поцелуй, но она отстраняется, улыбаясь, прижимая указательный палец к моим губам.

— Мы посмотрели один фильм, а ты думаешь, что уже можешь лапать меня? — говорит. — Какого вида девушкой ты меня считаешь?:

— Я думаю, ты из тех девушек, которые дают себя полапать до фильма.

Кеннеди ахает, игриво отпихивая, прежде чем хватает меня за рубашку и притягивает к себе, шепча:

— Может, я даже позволю тебе перегнуть меня через стол.

Я резко останавливаюсь и смеюсь, когда она продолжает идти дальше, по пути вытаскивая ключи от квартиры. Я по-прежнему стою на месте и, улыбаясь, любуюсь на них с Мэдисон. Внутри меня столько чувств и эмоций, что я готов взорваться.

Не могу поверить, что это мы, что я с ней... с ними. Не могу поверить, что у меня появился еще один шанс любить Кеннеди. Не могу поверить, что я отец своей дочери.

Черт, даже не могу поверить, что за весь вечер ни разу ни о чем не переживал.

Начинаю говорить, когда голос пререзает тишину... женский, знакомый. Ох, бл*дь.

— Джонни?

Разворачиваюсь, всем телом напрягшись, и вижу, что она стоит справа на парковке рядом с домом.

Серена.

— Джонни! — она бежит, бросаясь на меня, и я отшатываюсь, пока она обнимает меня, крепко сжимая. — Я везде тебя ищу!

Мэдисон ахает.

— Мамочка, это Марианна!

— Я знаю, — говорит Кеннеди шепотом. — Вижу.

Серена разворачивается, ослабив свою хватку, как будто, наконец, понимает, что я не один. На ее лице появляется фальшивая улыбка, пока смотрит на Мэдисон.

— Ох, а кто у нас такой симпатичный?

Мэдисон пялится на Серену. На ее лице отражается противоречие, когда она тербит одуванчики и отвечает:

— Я Мэдди.

— Привет, Мэдди, — говорит Серена. — Всегда приятно встретить фаната.

Мэдисон еще больше неловко.

— Пойдем, золотко, — говорит Кеннеди, хватая Мэдди за плечо, чтобы увести в квартиру. — Пойдем внутрь, чтобы они могли поговорить.

Мэддисон сопротивляется. Она в замешательстве, как будто не хочет уходить, но, в конце концов, сдается. Кеннеди бросает взгляд в мою сторону, буквально на секунду, но мне этого достаточно, чтобы увидеть беспокойство в ее взгляде, смешанное с чем-то еще. Болью.

Как только они уходят, выражение на лице Серены сменяется, улыбка исчезает. Она поворачивается, стена, ударяя меня по груди.

— Какого черта, Джонни? Я искала тебя весь вечер!

— Зачем?

Она недоверчиво смеется. Ее глаза, боже, они размером с блюда, и совершенно черные.

— Зачем? Я не видела тебя месяц!

— Я знаю, но... — трясую головой, делая шаг от нее, чтобы проложить между нами хоть какую-то дистанцию, когда провожу рукой по лицу. — Я думал, ты в лечебнице.

— Я была, — говорит она. — Но не могла там оставаться. Это ад, Джонни, и люди там меня не понимали. Не понимали, как всегда это делал ты. И я скучала по тебе. Больше не могла это терпеть. Мне нужно было....

— Не надо, — перебиваю ее. — Не надо выворачивать все так, что ты покинула лечебницу из-за меня.

— Тебя сбила машина! Я волновалась!

— Волновалась сейчас? Но не достаточно, чтобы проведать меня сразу после инцидента?

— Ты знаешь, что я ненавижу больницы, — жалуется она.

— Как и я, — отвечаю. — И знаю, что в лечебницах на реабилитации чувствуешь себя, как в больнице, но иногда людям нужна помощь.

— Я в порядке, — уверяет. — Мне лучше.

— Ты сейчас под кайфом, Серена.

Она закатывает глаза.

— И что?

— Так как, черт побери, тебе лучше, если ты все еще принимаешь?

— Я могу справиться с этим, — утверждает Серена. — Не знаю, заметил ли ты, но этот чертов город вгоняет в депрессию. Мне было что-то нужно. Честно, не понимаю, как ты выжил. Знаю, что Клифф отправил тебя куда-то выздоравливать, но сюда?

Мне тяжело смотреть на нее. Я плююсь на закрытую дверь квартиры и на пятно желтого на пороге. Мэдди выкинула одуванчики.

— У меня здесь семья.

Она хмурится.

— Ты ненавидишь свою семью.

— То, что я ненавижу своего отца, не значит, что я ненавижу свою семью.

— Так, ладно. «Семья», — она использует кавычки в воздухе, произнося это слово, и затем машет в сторону дома. — Вот кто это были?

— Это была моя дочь.

— Твоя дочь.

Я чувствую ее осуждающий взгляд. Такой злой. Мне даже не нужно смотреть на Серену, чтобы понять, как она злится.

— Я говорил тебе, что я отец.

— Ты рассказывал, что обрюхатил ту девчонку из твоего города, и что она оставила ребенка.

— Да.

— Это не делает тебя отцом, — продолжает Серена. — Так, что, пока я страдала в какой-то адской дыре, ты был здесь, играя в семейку?

— Я ни во что не играю. Я вылечился, чтобы быть частью ее жизни.

Серена горько смеется.

— Нет, Джонни, ты вылечился, потому что они тебя заставили.

— Они силой затащили меня на реабилитацию, но я не поэтому до сих пор остаюсь «чист».

Она качает головой, проводя рукой по своим волосам — все еще окрашенным в темный цвет после фильма.

— Просто... Не понимаю, что с тобой происходит, но я не знаю тебя такого.

Теперь я качаю головой. Даже если попытаюсь объяснить, она не поймет.

— Слушай, я не хочу вмешивать тебя в это. Расскажи мне, чего ты на самом деле хочешь, Сер?

— Я уже сказала, что скучаю по тебе. И раз уж мы были порознь какое-то время, я подумала, что ты тоже можешь по мне скучать. Может, мы можем попытаться. Может...

— Ничего не получится.

— Можно попытаться, — настаивает Серена.

— Ничего не выйдет.

Она выглядит обиженной.

— Нам было хорошо вместе.

— Нет, не было, — утверждаю. — Мы проходили это прежде. Это была чертова неразбериха. Когда мы были под кайфом, все было хорошо, но как только отходили, мы даже не могли находиться в одном помещении.

— Это неправда, — спорит. — Сейчас я здесь.

— Ты под кайфом.

— Да пошел ты. Да, я под кайфом. Но это не имеет никакого отношения к моим чувствам к тебе.

— Имеет, — отвечаю. — Самое прямое отношение.

Она сердито смотрит на меня.

Разговор ни к чему не приводит.

Никогда не приводил. У нас был подобный спор дюжину раз за последний год, после того как я перестал принимать. Серена не понимала, почему все изменилось, почему я стал относиться к ней иначе.

Но у нас с ней есть своя история — нездоровая история. Она часть круга, который я должен был разорвать. Я убивал себя, но это было не только из-за алкоголя и наркотиков. Тысячи долларов на счетах психотерапевтов научили меня, что реальная проблема была в моем поведении. Если ты окажешься в том же месте, с теми же людьми, то рано или поздно снова начнешь делать то, что делал всегда.

Поэтому я отрезал себя от этого. От всего. Даже от секса.

Трезвость и воздержание, и все ощущалось другим.

— Ты трахаешь эту женщину, Джонатан? — спрашивает Серена пронзительно. У нее

начинается отходняк. — Ты вернулся сюда и снова начал трахаться? Трахать ее?

— Не твое дело.

Удар.

Моя голова дергается, когда она ударяет меня по лицу, а щеку колет от боли. Делаю шаг назад, отстраняясь от Серены.

— Я не собираюсь обсуждать это с тобой, — говорю, когда она скрещивает руки на груди. — Позвони Клиффу. Он переживает.

Я начинаю уходить, направляясь к квартире Кеннеди, когда Серена зовет меня, дрожащим голосом:

— Подожди, Джонни. Пожалуйста.

— Береги себя, Серена.

Остановливаясь у двери и смотрю на выброшенные и порванные одуванчики. Вздохнув, смотрю позади себя и вижу, что парковка пуста. Серена уехала.

Чувствую себя придурком.

Не могу ничего сделать правильно.

Направляясь к участку травы, срываю одинокий одуванчик. Я рад, что дверь квартиры открыта. Внутри Кеннеди настороженно смотрит на меня.

Я оглядываюсь вокруг.

Не вижу Мэдисон.

— Она в своей комнате, — подсказывает Кеннеди.

Направляюсь туда и нахожу ее сидящей на краю кровати и болтающей ногами, пока она сдирает лак со своих маленьких ноготочков. Замираю, когда вижу содержание ее мусорной корзины. Она как обычно заполнена бумагой из неполучившихся рисунков, и я вижу знакомую куклу сверху. Марианна.

Вытаскиваю куклу и присаживаюсь на корточки перед Мэдисон с игрушкой в руке. Затем вытягиваю одуванчик.

— Знаю, что твои цветы испортились, поэтому сорвал тебе еще один.

Она с осторожностью его принимает.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — отвечаю. — Не хочешь рассказать, что тебя расстроило?

Мэдди пожимает плечами.

— Ты повеселилась сегодня?

Кивает.

— Я тоже. Ты очень красивая в своем платье.

Мэдди улыбается, смотря на одуванчик.

Она не смотрит на меня.

Вздохнув, сажусь на пол.

— Знаю, что все это может быть непонятно. Меня не было рядом, а сейчас я здесь, и я Бризо, но я также твой папа. Ты видела, как я целую твою маму, но Бризо целует Марианну. И затем появляется Марианна и обнимает меня перед твоей мамой. Трудно понять, что реально, да?

Кивает.

— Ну, как и Бризо, Марианна — это история. Женщину, которая была на улице, зовут Серена. Я работаю с ней. Я не собираюсь ее целовать, как целовал твою маму. Твою маму я целую по-настоящему.

Мэдди встречается с моим взглядом.

— Не думаю, что ты должна отыгрываться на бедной Марианне, — тряску куклой. —

Бризо любит ее так же, как я люблю твою маму.

Она берет куклу.

— Мамочка любит тебя?

— Любила.

— Но больше нет?

— Я не знаю, — отвечаю честно. — Но это не ее вина. Я принимал ее любовь как должное.

— Что значит «принимал любовь как должок»?

Улыбаюсь на ее путаницу.

— Это значит, что не показывал ей, как сильно ее люблю, хотя должен был.

— Ты можешь делать это сейчас, — говорит Мэдисон. — Просто сорви ей побольше цветочков и скажи, что она красивая, так она сможет тебя любить.

Если бы все было так просто.

— Мне стоит это запомнить, — говорю, вставая на ноги и взлохматив ее волосы, прежде чем поворачиваюсь уйти. Делаю пару шагов, прежде чем Мэдди кричит мне:

— Подожди, пап! — она подскакивает на ноги и бежит ко мне, хватая за руку, чтобы я наклонился. Снова сажусь перед ней на корточки, когда она прижимается в поцелуе к моей все еще колючей щеке.

— Ты почти забыл свой поцелуй!

Душевные муки в Голливуде

Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд

Клиффорд Кэлдвелл оказывается невнимательным к другим, эгоистичным придурком.

Ты приходишь на свою встречу. Рано, но не слишком. У тебя есть все, что им нужно: фотографии, резюме, демо с ролями. Ты потратил деньги, которые не следовало тратить, на новый костюм, и выглядишь хорошо

Когда приходит время, секретарь зовет тебя в кабинет Клиффорда. Он аккуратный, стильный, со стеклянными стенами, вид из которых открывается на Голливуд. Клиффорд сидит за гладким металлическим столом, печатая в своем телефоне. Секретарь протягивает ему твое портфолио, пока ты усаживаешься напротив.

Клиффорд не приветствует тебя, просто открывает папку и заглядывает внутрь. Ему требуется всего тридцать секунд, прежде чем сунуть тебе папку ее назад.

— Нет.

Вот и все. Он сказал «нет». Он даже не посмотрел твои демо. Ты берешь свои вещи и встаешь уходить.

— Могу спросить почему?

Клиффорд поднимает взгляд.

— Ты уверен, что хочешь услышать ответ?

Он отвечает, что в тебе нет ничего особенного. Твои фото обычные, резюме как у тысяч других. Конечно, вероятно, ты можешь играть, но он ищет кого-то с изюминкой, кого можно сделать звездой, но ты? В лучшем случае просто любитель.

Эти слова разрывают твою душу на кусочки.

Ты слышал их прежде.

Когда возвращаешься домой, квартирка кажется еще меньше, чем есть на самом деле. Бросаешь портфолио в мусорку на кухне и открываешь бутылку виски, на которую потратил последние несколько долларов.

Ты пьешь. Напиваешься.

Включаешь телевизор и понимаешь, что кабельное отключено, никто из вас не заплатил за прошлый месяц.

Пьешь еще больше. Напиваешься сильнее.

Уже десять часов, когда твоя девушка возвращается после долгой смены в закусочной. Последние два часа ты сидишь в темноте, думая о том, как она будет разочарована, обнаружив тебя.

Несмотря на то, что весь день работала, она счастлива и улыбается, но все прекращается, когда включает кухонный свет. Она видит портфолио в мусорке и шепчет:

— Нет.

Ты почти опустошил бутылку виски. Допиваешь остатки, когда она смотрит на тебя. Поднявшись на ноги, идешь, пошатываясь, и бросаешь пустую бутылку в мусорку на папку. Твое дыхание рваное. Глаза красные. Девушка смотрит на тебя с отвращением. Потому что ты пьян, потому что едва можешь стоять на ногах, но ты считаешь, что это из-за твоего провала. Пустой траты жизни.

— Извини, — говоришь, когда гладишь ее щеку, но девушка отбивает твою руку. Она не хочет, чтобы ты к ней прикасался. Развернувшись, плетешься в комнату. — Завтра я найду работу.

Она не ложится в кровать. На следующее утро, когда просыпаешься, твоя девушка уже ушла. Она вытащила твое портфолио из мусорки и положила на стол.

Ты не прикасаешься к нему.

Ищешь работу. Обращаешься куда угодно. Приходят недели. Ничего. Так как твоя гордость еще не оправилась от большого удара, девушка находит себе вторую работу, раз у тебя не получается.

Она даже не сообщает тебе. Ты обнаруживаешь это, когда она не приходит домой ночью. Ты думаешь, что она валяется мертвая в канаве или что-то подобное. Девушка говорит, что ты слишком остро реагируешь. Это просто временная работа в магазине у дома. Ты говоришь, что это опасно, но она отмахивается, так как за ночные смены платят больше.

Три недели спустя ее грабят.

Парень наставляет на нее пистолет. Он хочет все деньги, что есть в кассе. Так как их не достаточно, забирает и ее сумку. Он мог забрать и ее жизнь, но когда все кончено, твоя девушка больше переживает из-за денег, а не из-за себя.

Что-то происходит с тобой в этот момент.

Ты достигаешь своего предела.

Сидишь на диване, опустив голову. Она в спальне, говорит по телефону. Ей пришлось одолжить твой, так как ее был в сумочке. Ее голос приглушен — она не хочет, чтобы ты слышал разговор.

Возвращается минуты спустя, протягивая телефон назад. Глаза опухшие, лицо красное — она плакала.

— Он отправит деньги, — говорит. — На твое имя.

Она звонила своему отцу, попросила его о помощи. Нужно оплатить арендную плату, а

также счет за электричество. Все деньги были в ее сумочке, ей выплатили зарплату в тот день. Она не просила отца ни о чем в течение целого года. Он едва разговаривал с ней, кроме предупреждения, что она всегда может положиться на них с мамой, когда поймет, что любовь к тебе — ошибка.

Ты думаешь, что вот он тот момент, когда твоя гордость испарилась. Твоя мечта исчезает, и ты думаешь, что также потерял и девушку.

Сложно сказать, когда ты принял решение. Тяжело определить момент, когда ты пал еще ниже.

Ты помнишь свою первую ложь? Первый раз, когда улыбался ей в лицо, обманывая?

Ты говоришь ей, что нашел работу. Хотя это не так. Но ты незаурядный актер, поэтому убеждаешь ее. Ты говоришь, что обслуживаешь постояльцев гостиницы, заботясь об их машинах, и деньги сыпятся на тебя как из рога изобилия. Хорошие чаевые. Некоторыми ночами люди очень щедрые.

На самом деле ты воруешь. Крадешь деньги. Ценные вещи. Это весит тяжелым бременем на твоей совести, поэтому ты начинаешь еще больше пить.

Пьяная удадь.

Хотя однажды ночью тебя ловят — ловят, пока ты роешься в машине самого Клиффорда Кэлдвелла. Случайное стечение обстоятельств. Хотя ты не бежишь. Нет, ты начинаешь говорить. Ты рассказываешь ему, что он оставил фары включенными, а ты просто выключил их, пока не села батарея. Ты настолько убедителен, что он тебя благодарит. Вытаскивает бумажник и дает тебе чаевые. Ты разворачиваешься уходить, когда он окликает:

— Мы встречались прежде? — спрашивает. — Лицо кажется знакомым.

Медлишь, прежде чем ему ответить.

— Встречались однажды.

— Освежи мою память.

— Моя девушка была вашей официанткой. Она выбила встречу для меня. Вы назвали меня любителем через тридцать секунд.

— Ах, та девушка из закуской? — спрашивает он. — Помню ее. Она с восторгом о тебе отзывалась, как будто верила каждому своему слову. Мне захотелось встретиться с актером, которого она описывала, цитирую: «Слишком хорош даже для вас, мистер Кэлдвелл».

Ты смеешься.

— Она так сказала?

— Да, — отвечает. — И могу сказать, ты достойный актер. Естественный, очень убедительный. настолько убедителен, что почти заставил меня забыть о том, что мои фары автоматические.

На этих словах ты понимаешь, что тебя разоблачили.

Вытаскиваешь деньги из кармана — двадцатка, которую он дал на чаевые, а также толстую стопку наличных, которую нашел в конверте в вещевом ящике. Протягиваешь все Клиффорду, он выглядит удивленным, но отмахивается.

— Оставь, тебе нужнее.

Снова суешь деньги в карман.

— Понедельник. Восемь тридцать утра. Мой офис.

— Извините?

— Мы даем тебе еще одну попытку, — говорит он. — Будь на месте.

Ты идешь домой поделиться новостями, но квартира пуста — сегодня твоя девушка работает в закусочной. Поэтому ждешь, когда она приходит домой среди ночи и рассказываешь, что получил второй шанс. Говоришь, что столкнулся с Клиффордом во время работы. Поднимаешь свою девушку и радостно кружишь. Ты счастлив. Ты трезвый. Прошло много времени с тех пор, как это совпадало.

Ты не знаешь этого, и вряд ли она когда-нибудь признается, но эта женщина... Она уже знает эти новости. Она знает, что Клиффорд Кэлдвелл дал тебе второй шанс, потому что он пришел выпить кофе в закусочную после этого. Он рассказал ей все, включая то, как поймал тебя за кражей. И затем добавил, что если она хотела помочь твоему успеху, поспособствовать твоему шансу, он знает способ, как этому произойти: ей нужно просто раздеться. И эта женщина? Она не медлила... нет, совсем нет... не медлила, прежде чем вылила кофе на его промежность. Seriously, что за придурок?!

21 глава

Кеннеди

— Я... эм... черт.

Останавливаю машину у бордюра и ставлю на режим «парковка», затем смотрю на дом. Очевидно, когда мой отец сказал: «всего несколько человек, ничего грандиозного», он имел в виду: «я пригласил всех и сказал им принести, что хотят». Болтающие люди окружают дом.

Выключаю двигатель и вытаскиваю ключ из зажигания, в то время как Мэдди уже отстегивает ремень и выпрыгивает из машины, прежде чем я могу что-то сказать.

Смотрю на Джонатана, который сидит на пассажирском месте. Сегодня он тихий, подавленный. Не уверена, спал ли он вообще. Он остался у меня в квартире прошлой ночью, но так и не лег ко мне в кровать. Когда я проснулась утром, он все еще сидел на диване, полностью сосредоточенный на своем телефоне.

Первые сказанные им слова.

«Они знают».

К утру это было по всему Интернету... Джонни Каннинг обнаружен! Началось все с местоположения — «Хроники Голливуда» сообщили, что он прячется в маленьком безликом городке в пригороде Нью-Йорка, но в течение дня появлялось все больше гипотез. Был вопрос времени, когда кто-нибудь да поймет.

На нем солнцезащитные очки, а кепка низко надвинута на глаза. Несмотря на то, что на улице тепло, Джонатан одет в джинсы и худи, рукава которой закатаны до локтей. Он защищает себя, скрываясь, насколько может, хотя это особо ничего не меняет.

Выхожу из машины, прежде чем Мэдди может убежать, и Джонатан следует за нами к дому моего отца. Как только достигаем крыльца, Мэдди сразу же вбегает внутрь, пока я медлю на дорожке.

— Ты не обязан делать это, — говорю, смотря на Джонатана. — Мэдди поймет.

Он вздыхает.

— Все в порядке. Я заварил эту кашу, мне и расхлебывать.

— Да, но...

— Но?..

— Я не знаю, — говорю. — Просто, кажется, что должно быть какое-то но.

Джонатан смеется, когда мой отец выходит на крыльцо, вытирая руки о фартук для гриля.

— Привет, пап, — говорю. — Неплохая вечеринка.

— Это не вечеринка, — отвечает. — Просто небольшой сбор.

Скорее, больше похоже на испытание. Мероприятие «добро пожаловать», но не такое дружелюбное, как должно быть.

— Мистер Гарфилд, сэр, — Джонатан прочищает горло. — Ценю ваше приглашение.

— Этого хотела моя внучка, — отвечает отец. — Все что угодно, лишь бы сделать ее счастливой. Надеюсь, ты понимаешь.

— Конечно, — говорит Джонатан.

— Итак, мне нужно вернуться к моему грилю, — мой отец смотрит на меня с подозрением, когда говорит. — Следуй за мной, Каннингем, сможем пообщаться.

Джонатан робко улыбается мне, пытаюсь успокоить, но я без сомнения знаю, что мир перевернется с ног на голову.

Гравитация, не подведи меня сейчас.

Я смешиваюсь с толпой, избегая определенных разговоров, уклоняясь от вопросов, придерживаясь простых любезностей с соседями. Мэдди бежит вокруг, рассказывая всем, кто готов слушать, о своем папочке. Пытаюсь уговорить ее, но она всего лишь ребенок, и не понимает, насколько все серьезно. Ей просто хочется поделиться своим счастьем, пока я не могу избавиться от чувства тревоги.

Оно нарастает, углубляется, как бездонная яма.

Оно вот-вот поразит нас как буря.

Каждый раз, когда смотрю на Джонатана, то вижу, что он рядом с моим отцом; оба мужчины напряжены в процессе разговоров, и все время кажется, что они на пике. Но как только отец объявляет, что время приступать к еде, Джонатан исчезает.

Я делаю Мэдди хот-дог, усаживаю на кресло в патио и прошу оставаться на месте, пока иду искать ее отца. Джонатана нет на улице, поэтому иду в дом, по пути услышав его голос — тихий, очень тихий, даже подавленный.

Он говорит по телефону.

— Просто делай, что можешь, — просит. — Попытайся все устаканить, пока не вышло из-под контроля.

Джонатан просто стоит у входной двери, один, что-то выглядывая.

— Знаю, я слышал тебя, просто... я не могу, — говорит через мгновение. — Я понимаю, и ты прав, но я не могу сделать это, поэтому делай все, что можешь, чтобы это остановить.

Вздыхнув, сбрасывает вызов и кладет телефон в карман. Я обдумываю его слова, тон его голоса, когда подхожу ближе. Поскрипывание половиц выдает мое присутствие, и Джонатан смотрит через плечо, на его лице отражается вспышка паники.

— Все хорошо?

— Все нормально, — отвечает. — Нужно было переговорить с Клиффом.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Пиар-менеджеры должны сделать заявление, попросив о моей приватности, — отвечает. — Не уверен, что от этого что-то изменится. Клифф считает, что единственный способ остановить этот процесс — уехать, спрятаться в другом месте и отвлечь внимание отсюда, так, чтобы вся шумиха выглядела сфабрикованной.

— Ты собираешься?

— Нет, — отвечает, затем медлит. — Если, конечно, ты этого не хочешь.

Прежде чем могу ответить, чего хочу, Джонатан тянет меня и ставит перед собой, обнимая и прижимаясь грудью к моей спине.

Наклонившись, шепчет:

— Посмотри на другую сторону улицы.

Делаю, как он сказал. Все кажется таким тихим.

Не уверена, чего он от меня хочет.

Напротив нас старый кирпичный дом, вокруг которого слишком много растений в горшках. Пара, живущая в нем, давно на пенсии. В настоящее время они на заднем дворе моего отца, поедают хот-доги с моей дочерью.

— Что ты видишь? — спрашивает.

— Кучу уродливых растений.

— Это все?

— Эм, дом, деревья... почтовый ящик и флаг, и... — замолкаю, когда мое внимание привлекает движение. Кто-то прячется. — Кто это?

— Он называет себя репортером.

Я смотрю на Джонатана в удивлении.

— Ты говорил с ним?

— Нет, но твой отец да. Репортер постучался к нему сегодня утром, желая поговорить с тобой.

— Со мной?

— Сказал, что здесь должна быть девушка, которая знает обо мне, — поясняет Джонатан. — Твой отец приказал парню убираться с его собственности, но затем заметил, что тот рыскает у соседей, поэтому и пригласил их всех сюда.

— Ничего себе, — не уверена, что сказать. — Почему в дом моего отца? Почему не прийти в квартиру, где я живу?

— Не знаю, — отвечает Джонатан тихо. — Но уверен, что, в конце концов, они придут и туда.

Репортер пропадает из виду, стараясь оставаться незамеченным.

— Еда готова, — говорю, все еще пытаясь все обдумать. — Ты должен поесть.

— Я не голоден.

— Но, тем не менее, ты должен есть, — отвечаю, поворачиваясь лицом к Джонатану и игриво хлопая его по животу, при этом не акцентирую внимание на том факте, что наши жизни могут измениться. — Тебе нужны силы, так как я уверена, что развлекательная часть этой вечеринки будет состоять из твоего допроса.

Мы направляемся на задний двор и наполняем свои тарелки. Джонатан едва ест, но уже кажется более непринужденным, даже когда начинаются вопросы.

Они не личные. Нет, люди не задают вопросы о нашей ситуации. Вместо этого они выпрашивают о гламурной жизни Голливуда. Знает ли он их любимых звезд?

Джонатан с честью выдерживает это.

Он остроумный и очаровательный.

Он ведет себя без притворства, как тот самый паренек, в которого я влюбилась в академии «Фултон Эйдж».

Он наслаждается компанией Мэдди, смешивает ее, когда та сидит у него на коленях и рисует картинки для соседей, чтобы скоротать время. Она выпитывает любовь как солнечный

свет, и я без сомнения знаю, что никто из этих людей не скажет ничего плохого репортеру.

— Это было умно, — говорю, приближаясь к отцу, когда он сидит один с краю патио, отгородившись от всех.

— Не уверен, что ты имеешь в виду, — отвечает.

Присаживаюсь с края его кресла и смотрю на него.

— Да, ты знаешь. Вся эта тактика «перетащить соседей на его сторону». Как ты до этого догадался?

— Я работал в политике, — поясняет. — У меня много козырей в рукаве.

— Вторая поправка существует по какой-то причине, — говорит мой отец. — Право людей держать и носить оружие не должно нарушаться. Вот что говорится в законе. Нет никаких но, оговорок или ограничений.

— При всем уважении, это ерунда, — парирует Джонатан. — Никто не хочет, чтобы какой-нибудь сумасшедший бегал с АК 47. Отцы-основатели хотели не этого.

— Ох, и это значит, что ты общался с ними? Просвети меня, что сказал Томас Джефферсон, когда ты спросил? Потому что, извини меня, сынок, за то, что огорчу тебя, но просмотр «Гамильтона» на Бродвее, не делает тебя знатоком их намерений.

— Это здравый смысл, — спорит Джонатан. — Береженого Бог бережет.

— Теперь вот это ерунда, — утверждает отец. — Ты не можешь посягнуть на конституционное право, потому что думаешь, что кто-то может так сделать.

Джонатан собирается ответить, но я громко прочищаю горло, привлекая их внимание. Не знаю, как так вышло, но они сидят в гостиной и спорят о политике — любимое времяпровождение моего отца — пока Мэдди спит на диване.

— Несмотря на серьезность вашего разговора, — начинаю. — Уже поздно, поэтому вы можете просто остаться при своих мнениях?

Они смотрят друг на друга.

Никто не хочет быть тем, кто первым уступит.

Должна сказать, что очень мило видеть, как эти двое разговаривают о чем-то, что не связано со мной.

— Бла-бла-бла, мы никогда не придем к согласию, но я уважаю твою точку зрения, хотя и считаю тебя идиотом, — говорю, махнув между ними. — Я закрыла эту тему для вас обоих. Теперь время ехать.

Мой отец бормочет что-то о том, как я испортила его веселье, когда наклоняюсь его обнять. Уже ночь, снаружи темно. Мы провели здесь весь день, и я устала.

Поднимаю Мэдди, она что-то бормочет во сне, ее тело тяжелое, когда я пытаюсь устроить ее поудобнее, голова покоится у меня на плече. Джонатан встает и протягивает руку моему отцу.

— Мистер Гарфилд, сэр.

Мой отец пялится на его вытянутую руку, прежде чем пожимает.

— Каннингем.

Это самое близкое к перемирию, что когда-нибудь будет между этими двумя. Джонатан уходит отсюда, не будучи кастрированным, и это прогресс. Он убирает руку, посмеиваясь.

Мы выходим, и я быстрыми шагами направляюсь к машине. Располагаю Мэдди на ее

детском кресле и пристегиваю, когда слышу голос близко к нам.

— Чей это ребенок, Джонни?

— Проваливай, — говорит Джонатан, когда я поднимаю голову и вижу рядом с нами парня, отчего мое сердце бьется быстрее. Репортер.

Он держит свой телефон, который все записывает, в вытянутой руке.

— Да ладно тебе, не будь таким, — говорит парень, подходя ближе. — Я выполняю свою работу.

— Отстань, — предупреждает Джонатан.

Я закрываю дверцу машины. Парень не отстает, вместо этого начинает стрелять быстрыми вопросами, каждый последующий хуже предыдущего: «Итак, что это за женщина? Это ее ребенок? Ты проводишь время с ней? Как долго вы встречаетесь? Сколько времени ты изменяешь Серене? Подожди... Это твой ребенок? Ты обрюхатил ее, Джонни? Она залетела, и ты заплатил ей, чтобы она держала рот на замке? Сколько это стоило тебе? Почему ты это делаешь? Не хочешь, чтобы кто-то знал об этом выродке?»

Вот оно.

Вот когда все происходит.

В секунду, когда эти слова повисают в воздухе, Джонатан вспыхивает. Вижу, как его выражение лица суровеет, злость накрывает. Он разворачивается и ударяет парня по лицу рукой с гипсом. Ошеломленный, парень бросает свой телефон, и Джонатан топчется на нем.

— Я сказал тебе отвалить, — произносит Джонатан у лица репортера. — Я не буду повторять снова.

— Джонатан, перестань! — кричу, когда он бьет парня, и хватаю его за руку, чтобы оттащить, но тот сопротивляется. — Пожалуйста, садись в машину.

Он делает несколько шагов назад, пока парень кричит, что с ним не так, но Джонатан не обеспокоен этим.

— Держись от меня подальше, черт побери, — приказывает. — И от моей семьи.

— Ты пожалеешь об этом! — кричит парень. — Я снял все на видео!

Джонатан отходит от меня и хватается за телефон, у которого разбит экран, с тротуара. Нажимает на кнопки, чтобы остановить запись, и когда мне кажется, что он собирается удалить видео, Джонатан швыряет телефон в парня.

Репортер пытается поймать устройство, но тот выскользывает из его хватки и падает на тротуар к ногам.

— На хрен тебя и твое видео, — говорит Джонатан. — Только попробуй появиться здесь снова.

Он садится в машину, я спешу сесть за руль, когда репортер поднимает телефон и говорит:

— Все тот же прежний Джонни Каннинг.

Еду домой и всю поездку смотрю в зеркало заднего вида. Мэдди по-прежнему спит. Она пропустила весь скандал. Джонатан ничего не говорит, сгибая и разгибая пальцы, все время морщась.

Останавливаюсь на парковке возле здания, выключаю двигатель, сканируя все пространство вокруг нас, ожидая засады.

Что-то прикасается к моей ноге, и я подпрыгиваю, крича. Рука Джонатана покоится на моем бедре.

— Ты в порядке? — спрашивает.

— Думаю, что это я должна у тебя спросить.

— Я в порядке.

— Твоя рука повреждена.

— Она и раньше была повреждена.

— Но, тем не менее, этот парень... Он вел себя как придурок.

— Я привык к этому, — говорит, медля, прежде чем добавляет: — Насколько человек может привыкнуть к подобному. Но он сказал много дерьма, а я знаю, что для тебя это в новинку.

— Со мной все хорошо.

Он кивает, но знаю, что не верит мне.

Я сама не знаю, верю ли себе.

Дрожу. Вся трясусь.

Его рука в уверенном жесте лежит на моем бедре.

— Нам нужно зайти внутрь, — говорит он, кивая в сторону здания. — На случай, если кто-то здесь покажется.

На это раз он несет Мэдди, заходит в квартиру и направляется прямо к ней в спальню, пока я закрываю дверь. Измотанная, иду на кухню и роюсь в шкафчиках, прежде чем хватаю стакан и наполняю его водой, делая глоток, и бормочу:

— Я бы убила за алкоголь прямо сейчас.

Почему я вылила весь этот идеальный виски?

Смешок раздаётся позади меня.

— Я понимаю это чувство.

Джонатан стоит в дверном проеме.

Я робко улыбаюсь.

— Мне не стоило этого говорить.

— Тебе не нужно следить за своей речью. Я взрослый парень и могу с этим справиться, — он делает паузу, качая головой, когда медленно ко мне приближается. — Обычно. Очень много работал над этим на реабилитации. Плохие слова не должны приводить к плохим поступкам. Думаю, я все еще работаю над прогрессом.

— Мы все.

— Не уверен насчет этого, — говорит, изучая меня. — Кажется, ты очень хорошо собрана.

— Кто я? Помощница менеджера в супермаркете «Пигли Кью»?

— Ты — это не твоя работа.

— Приятно слышать, потому что не уверена, что проработаю там еще. Если они нашли моего отца, то, вероятно, найдут, где я работаю.

— Извини.

— Не твоя вина. В конце концов, я бы уволилась. Просто планировала поупрямиться подольше.

Он смеется над этим, прислоняясь к столешнице рядом со мной.

— Ты всегда была самым упрямым человеком в моей жизни.

— Да, но ты составлял мне серьезную конкуренцию в этом. Я нашла в тебе свою половинку.

— Союз, заключенный на небесах.

— Или в аду. В зависимости от того, кого спросить.

— Тебя, — говорит Джонатан. — Я спрашиваю тебя.

— Я бы сказала, немного и того, и того. Мы были как огонь и керосин. Горячо горели долгое время.

— Прошедшее время.

— Что?

— Ты сказала это в прошедшем времени.

— Полагаю, я привыкла так говорить.

Повисает тишина.

Мои руки все еще дрожат.

Вожусь со стаканом, потягивая воду, пытаюсь обдумать произошедшее.

— Я могу уйти, — предлагает Джонатан тихо. — Пойму, если ты не хочешь, чтобы я здесь находился.

— Почему я не должна хотеть этого?

— Не знаю, — отвечает. — Я на самом деле не знаю, что происходит у тебя в голове, Кеннеди. Иногда мне кажется, что знаю, но в остальное время...

Поставив стакан, хватаю его за руку.

— Как насчет того, что я покажу тебе?

— Покажешь мне?

Киваю.

Тяну его к кровати.

Толкаю на нее.

Одежда исчезает, сваленная в кучу на полу, когда наши тела переплетаются вместе. Я сверху, и Джонатан во мне, мои ладони прижаты к его голой груди, ощущая жар его тела.

Огонь? Он все еще горит.

Что-то подсказывает мне, что так будет всегда, независимо от того, кто попытается его погасить.

Когда я просыпаюсь, по квартире разносятся шаги. Еще рано. Пытаюсь выскользнуть из кровати, но Джонатан бормочет во сне и прижимает меня к себе.

Смеясь, вырываюсь из его хватки и набрасываю кое-что из одежды. Иду по коридору, когда слышу звон в кухне, и детский голосок произносит:

— Ой.

— Что такое? — спрашиваю, видя, как Мэдди сидит на столешнице, держа коробку хлопьев «Лаки Чармс», в то время как миска валяется на полу. — Что ты делаешь?

— Завтрак, — объявляет она.

Снимаю ее со столешницы и забираю коробку с хлопьями.

— Почему бы тебе не найти мультик по телевизору? Я сейчас принесу что-нибудь поесть.

— Хорошо, мамочка, — отвечает Мэдди и исчезает в гостиной. Я смешиваю хлопья с молоком и разворачиваюсь, чтобы покинуть кухню, когда раздается стук во входную дверь. Черт.

Мое сердце ухает вниз.

Делаю шаг, напрягаясь, когда слышу, как Мэдди открывает дверь.

— Золотко, подожди!

Она дергает ее, распахивая.

— Ой.

— Мэдисон Жаклин, — шиплю, направляясь к ней. — Как много раз мне говорить тебе, не открывать...

Дверь.

Не успеваю произнести это слово.

Замираю на месте. На моем пороге стоит полицейский.

— Эм, здравствуйте, — говорю. — Могу я вам помочь, офицер?

— Я кое-кого ищу, — отвечает, смотря за мое плечо на квартиру.

— Кого?

Хриплый голос раздается позади меня.

— Должно быть, это за мной.

Я разворачиваюсь и вижу заспанного Джонатана, одетого только в пижамные штаны.

— За тобой?

Он кивает.

Я поворачиваюсь к офицеру.

Он тоже кивает, подтверждая.

Требуется пару мгновений, чтобы все обрело смысл. Когда меня осеняет, протягиваю Мэдди миску хлопьев.

— Поешь в своей спальне.

— Но ты говорила, что мы не можем есть в своих спальнях, потому что спальни не для этого.

— Я делаю исключение. Или поиграй.

Я рада, что она не спорит.

Не хочу, чтобы она увидела то, что, по моему мнению, здесь произойдет. Я и сама не хочу этого видеть, хотя это и не впервой мне.

— Не возражаете, если я оденусь? — спрашивает Джонатан обыденным тоном. — Уверен, за нами наблюдают.

— Идите, — позволяет офицер. — Только не задерживайтесь.

Проходит минута, может, две, прежде чем Джонатан возвращается, полностью одетый в джинсы и футболку, кожаную куртку и ботинки. Я пялюсь в шоке, когда он приближается к офицеру.

— На что ордер? — спрашивает. — Нападение?

Офицер кивает.

— И причинение вреда.

Джонатан поворачивается, заводя руки за спину. Офицер надевает наручники, но, кажется, его это не беспокоит, он даже не выглядит удивленным.

Целует меня, просто легкое прикосновение к губам, прежде чем говорит:

— Вернусь, как только смогу.

22 глава

Джонатан

Клифф печатает в своем «БлэкБерри».

Я всегда ненавидел этот долбаный телефон.

Клифф никогда не был женат, что не удивительно, так как большая часть его жизни тратится на этот экран. Легкие интрижки — это все, на что у него есть время. Он всегда говорил, что работа — это его жена.

После того, как я позвонил из полицейского участка, не прошло много времени, прежде чем Клифф приехал сюда из Нью-Йорка, где был занят работой.

Работал над тем, чтобы устранять хаос, созданный мной, в то время как я создавал его еще больше.

Мы сидим вдвоем в комнате для допросов. Меня освободили еще полчаса назад, но Клифф хотел поговорить наедине, поэтому офицер предложил данное пространство в обмен на парочку автографов.

Проблема в том, что Клифффорд не сказал ни слова с момента, как мы сели, слишком занятый что-то печатая.

— Итак... Отличный разговор, — говорю после долгой тишины. — Самый увлекательный разговор из всех, что у нас был.

— Ох, тебе скучно со мной? — спрашивает, все еще не поднимая головы. — Извини, я слишком занят переговорами с пиар-менеджерами о пресс-релизе твоего ареста. Попытаюсь быть повеселее в следующий раз.

— Не уверен, что есть, что объяснять, — говорю. — Видео довольно очевидно.

Клифф качает головой.

— О чем ты думал, Джонни?

— Он назвал мою дочь выродком.

— И? Это просто слово. Не бей репортеров, пока они записывают что-то. Ты просто дал ему основание для иска, что означает урегулирование, а это в свою очередь означает еще больше денег из твоего кармана, — он кладет свой «БлэкБерри» на стол и начинает копаться в портфеле, вытаскивая стопку бумаг и протягивая мне. — Твой адвокат отправил их тебе на рассмотрение.

Смотрю на верхний лист.

Соглашение о неразглашении конфиденциальной информации.

— Для чего это?

— Чтобы обеспечить дальнейшее благоразумие мисс Гарфилд.

Моргаю мгновение, прежде чем смотрю на него.

— Ты шутишь?

— Я выгляжу на человека, который шутит? — отвечает он и поднимает свой телефон.

Нет, он не шутит.

— Я не собираюсь просить Кеннеди что-то подписывать, — говорю, передавая ему соглашения, даже не прочитав.

— Предпочитаешь, чтобы я спросил?

— В этом нет необходимости. Ей не нужно его подписывать.

— Я не согласен. Лучше подстраховаться, чем потом сожалеть.

— Это оскорбительно. Она ни за что не подпишет эту херню.

— Почему же? Она подписала предыдущее соглашение.

Я пялюсь на Клиффа, пока до меня доходит смысл его слов.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что она уже подписывала такое соглашение. Это просто обновленная версия.

— Ты заставил ее подписать? Seriously?

— Конечно, — отвечает. — Я составил его в тот момент, как заключил с тобой контракт.

Даже не знаю, что сказать.

Он никогда этого не упоминал.

Черт, как и она.

Я давал этому мужчине много свободы, когда дело касалось моих интрижек. Он координирует почти каждую часть моей жизни уже много лет. Я не знаю всего, что он делал от моего имени. Уверен, что и не захочу узнать часть этого. Поэтому не скажу, что удивлен его поступку.

Но я удивлен, что Кеннеди не рассказала мне.

— Тебе также нужно установить отцовство... Не то чтобы в этом есть какие-то сомнения, — Клифф смотрит на меня в упор. — Ведь нет?

— Абсолютно никаких сомнений.

— Независимо от этого, ты должен сделать все по закону. Также тебе необходимо соглашение об опеке, согласованное с графиком посещений.

— С этим и так нет никаких проблем.

— Сейчас, — давит Клифф. — Но ты не захочешь оказаться в положении, в котором не сможешь увидеть дочь, когда мисс Гарфилд снова вышвырнет тебя из ее жизни.

Когда. Не если.

— Этого не произойдет.

— Прошлое говорит совсем другую историю.

— Знаешь, уверен, я плачу тебе, чтобы заботиться о моей карьере, а не судить мою личную жизнь.

— Это то же самое, Джонни. Нравится тебе или нет, твоя личная жизнь влияет на твою карьеру.

— Мне это не нравится.

Он пристально смотрит на меня, затем хватает стопку бумаг и засовывает ее обратно в свой портфель.

— У меня есть другие клиенты сегодня, которым я пренебрег из-за тебя. Подбросить до гостиницы?

— Я не живу там.

— Где ты живешь?

— С ней.

— Адрес в Эльме?

Я медлю. Район Эльм. Там, где живет ее отец. Дом, в котором она выросла.

— Она не живет там.

— Уверен? Потому что именно туда каждый месяц отправляются чеки.

— Уверен, — говорю. — Ты не знаешь о ее квартире?

— Откуда? Ты ничего мне не говорил.

Он звучит искренне раздраженным этим фактом.

— Откуда узнала Серена? Она приехала туда.

— Кто знает, как люди получают информацию? — ворчит Клифф, отодвигая стул,

чтобы встать. — Давай, я подвезу тебя, куда надо. Я все еще считаю, что тебе лучше покинуть город, по крайней мере, пока все не уляжется. Но именно тебе с этим жить, поэтому будь собой, Джонни, а я сделаю все, что в моих силах.

Стою возле двери квартиры Кеннеди, решая, постучаться или войти. Это не моя квартира, но я чувствую себя там как дома. Хожу туда-сюда пару секунд, прежде чем тянусь к ручке, мой желудок ухает вниз, когда она не поворачивается.

Ну, это решает мою проблему.

Заперто.

Сомневаясь, я стучусь.

Слышатся шаги, затем затихают, пока раздается звук отпирания замков, и дверь распахивается. БАМ. Кеннеди бросается на меня с такой силой, что почти сбивает с ног. Она обнимает и шепчет:

— Ты вернулся.

Смеюсь.

— Прошло шесть часов.

— Ощущалось, как шесть лет, — говорит, затягивая меня внутрь, чтобы закрыть дверь. — Я забыла дать тебе ключ.

— Ключ.

— Да, чтобы в следующий раз ты не стучался, — поясняет. — Если, ты хочешь. Просто подумала...

— Пожалуйста, — говорю. — Буду очень рад.

Она нежно улыбается, направляясь на кухню и вытаскивая ключ из ящика. Протягивает его мне на ладонь, но я перехватываю ее руку и притягиваю Кеннеди к себе.

— Спасибо, — благодарю. — Что позволила мне остаться, несмотря на... ну, знаешь.

— Несмотря на то, что ты побил репортера? — Она клюет меня в губы. — Несмотря на то, что тебя арестовали? — Еще один чмок. — Несмотря на то, что твоя «жена» с таблоидов оказалась у меня на пороге и разрушила твой шанс на приватность?

Еще один поцелуй, и я смеюсь в ее губы.

— Можно сказать.

Когда кладу ключ в карман, я слышу, как Мэдисон разговаривает с кем-то в своей комнате.

— Ох, кстати, — начинает Кеннеди. — Твоя сестра здесь.

Замираю в гостиной.

Это последнее, в чем я нуждаюсь.

— Она слышала о видео, — объясняет Кеннеди. — Поэтому пришла увидеться с тобой.

— Зачем? Чтобы накричать на меня и сказать, что мне пора вырасти? Прочитать лекцию об ответственности?

Слышу, как кто-то рядом прочищает горло, и понимаю, что это Меган, когда она говорит:

— Больше чтобы «дать тебе пять», но и для того, что ты перечислил. Ты должен сделать все это.

— Вырасти и стань ответственным?

— Та-да-да-дам.

Качаю головой.

— Я пытаюсь.

Она смотрит на меня так, будто хочет что-то сказать, но прикусывает язык, когда вбегает Мэдисон. Дочка ахает и бежит, врезаясь в меня так же, как и ее мать.

— Папочка, ты здесь!

— Да, — отвечаю, взлохматив ее волосы. — Боже, не припомню, чтобы люди так радовались меня увидеть с моей последней красной дорожки.

— Могу я пойти на красную дорожку? — спрашивает Мэдди.

— Однажды, — отвечаю ей. — Если твоя мама не будет против.

— Мамочка? Могу я?

— Посмотрим, — говорит Кеннеди.

Мэдисон смотрит на меня, улыбаясь.

— Она согласилась!

Улыбаюсь.

— Уверен, она сказала не это, но хорошая попытка.

Мэдисон снова убегает играть, а я сажусь на диван, проводя рукой по волосам.

— Я дам вам время поговорить, — объявляет Кеннеди, прежде чем исчезает в спальне, оставляя меня с сестрой наедине.

— О, точно, — начинаю. — Веселья тюрьмы недостаточно, поэтому вот мне вдобавок семейного времяпровождения.

Меган смеется, пиная меня по голени, чтобы я подвинулся, а затем присаживается на диван.

— Говоря о семье, — объявляет она, вытаскивая свой телефон.

Опускаю голову со вздохом.

— Может, не стоит?

— Отец рассказал мне об этой ситуации, — говорит Меган. — Отправил сообщение этим утром.

— Охренительно.

Меган прочищает горло, понижая голос, когда насмешливо пародирует отца, читая его сообщение.

— Моя дорогая Меган, мне довели до сведения, что твой брат был вовлечен в еще одно препирательство со СМИ. Так как я верный сторонник свободной прессы, защитник первой поправки, кто-то обязательно свяжется со мной для комментария. Думаю, будет справедливо предупредить тебя заранее. Грант Б. Каннингем.

— Уверен, что Джеймс Мэдисон не собирался защищать чье-то право на вербальное оскорбление детей. (прим.перев. Американский государственный деятель, четвертый президент США, один из ключевых авторов Конституции США и Билля о правах).

— На самом деле, Джеймс Мэдисон даже не верил в первую поправку, — говорит Меган. — Для него было главным привлечь к ответственности политиков.

— Дело говоришь, — отвечаю. — Отправь ему сообщение в ответ, что Джеймс Мэдисон сказал ему засунуть свое мнение в задницу.

— Да, жаль, поздно для этого, — Меган протягивает мне свой телефон, показывая статью, прежде чем читает ее часть. — Бывший спикер палаты Грант Каннингем выступил с заявлением, в котором он глубоко обеспокоен поведением своего сына. В его заявлении

говорится, что свободная пресса важна для свободного общества. Не следует допускать насилия против работников СМИ. В то время как у Джона есть история сильных вспышек агрессии, надеюсь, что этот случай послужит ему вызовом взять себя в руки.

— Такие напыщенные речи. Ему, наверное, плевать, как это влияет на моего ребенка.

Меган продолжает читать:

— Когда его спросили о внучке, которая у него есть по слухам, бывший спикер заявил, что не дает комментариев о своей личной семейной жизни.

— Только если не нужно втоптать меня в грязь.

— Скажу в его защиту, ты очень легкая мишень, — заявляет Меган. Не удивленный, я закатываю глаза, когда она поднимает руки в защитном жесте. — Я шучу.

— Они звонили тебе, чтобы ты высказалась? — спрашиваю.

— Конечно, нет, — она закатывает глаза. — Сомневаюсь, что они и ему звонили. Вероятно, он сам связался с ними, отчаянно желая поучаствовать в шумихе.

— Какая жалость, ты бы могла рассказать им, какой я безответственный мудака.

— Я бы сказала не это, — она сует телефон в задний карман джинсов, когда встает. — Я бы сказала им отстать от тебя, потому что ты стараешься.

Пропавшие голоса и украденное время

Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд

Когда ты во второй раз оказываешься в офисе Клиффорда Кэлдвелла, он снова дает твоему портфолио тридцать секунд своего внимания, прежде чем закрыть папку.

Он смотрит на тебя. По-настоящему смотрит на тебя.

— Расскажи мне о себе, — просит.

Ты колеблешься.

— Что вы хотите услышать?

— Я не хочу ничего услышать, но мне нужно все знать.

— Все есть в моем портфолио.

Намек на улыбку трогает его губы.

— Не твоя работа. Я не агент. Я менеджер. Моя работа — это ты. Так как насчет того, что ты расскажешь, кто ты, а я расскажу тебе, кем ты станешь?

Ты рассказываешь ему о фундаменте Джонатана Каннингема. Этого не так много за пределом твоей проблемной семьи. Рассказываешь ему о женщине, которая ждет тебя дома, хоть он уже и знает все о ней.

Ты говоришь пару минут, и когда замолкаешь, Клиффорд начинает:

— Итак, теперь давай поговорим о Джонни.

Джонни Каннинг.

Вот кем ты становишься.

Джонни звучит легче, чем Джонатан. Фамилия Каннингем будет вызывать у людей ассоциацию с твоим отцом, поэтому ты опускаешь окончание. Смена имени превращает тебя из богатого парня из семьи политиков в загадочного парня, который кажется знакомым. Ты позволишь им выдвигать предположения, не будешь отвечать на вопросы, но встанешь на путь, который позволит тебе не выходить у них из головы.

Таков план.

Клиффорд обещает, что прославит твое имя в Голливуде. Тебе просто нужно слушать

его и делать то, что он скажет.

Контракт составлен еще до того, как ты покидаешь офис. Читаешь его. Тебе стоит иметь адвоката, который может это изучить, но когда шанс сам просится в руки, ты не привык его упускать.

Подписываешь моментально.

Вместо того чтобы пойти к вам в квартиру после этого, направляешься в закусочную, где работает твоя девушка. Она порхает в своей розовой униформе, смеется, шутит и флиртует. Ты стоишь снаружи на тротуаре, наблюдая за ней. Девушка замечает тебя и улыбается.

Выходя на улицу, она спрашивает.

— Как все прошло?

— Ты смотришь на мужчину, у которого есть менеджер.

Ее глаза расширяются.

— Ты шутишь.

— Нет.

Она визжит, прыгая тебе на руки, обвивая талию ногами и цепляясь за тебя. Ты обнимаешь любимую в ответ, когда она яростно покрывает поцелуями твое лицо.

— Я так горжусь тобой, Джонатан, — говорит. — И так сильно рада за тебя.

— За нас, — поправляешь. — Это и для тебя тоже.

Девушка ослабляет свою хватку, снова вставая на тротуар.

— Лучше бы тебе не забыть это, когда бешеные фанатки попытаются залезть тебе в штаны.

— Не переживай, ты всегда будешь моей единственной бешеной фанаткой.

Она ухмыляется, пихая тебя локтем.

— Ну, мистер Большая шишка, мне нужно вернуться к работе... Знаешь, пока ты не прославишься, и я смогу уволиться.

Она возвращается в закусочную, а ты идешь домой.

Ты не знаешь, но через несколько минут после твоего ухода, Клиффорд Кэлдвелл заходит в закусочную. Садится в ее часть кафе, нагло заказывая кофе, и дает ей листок.

— Подпиши.

Соглашение о неразглашении конфиденциальной информации.

Она медлит.

— Нет.

— Подпиши, или же его карьера сразу же закончится.

Она не понимает этого.

Говорит, что это ерунда, и Клиффорд уходит.

Она ничего не подписывает.

Вы возвращаетесь к своей рутине. Проходят недели, ты начинаешь переживать и не понимаешь, почему твой новоиспеченный менеджер не отвечает на твои звонки.

Хотя твоя девушка знает.

Поэтому она заявляется в офис Клиффорда Кэлдвелла и подписывает тупую бумажку, поклявшись, что никогда не будет раскрывать никакую информацию о тебе. Не то чтобы она вообще собиралась, но ее беспокоило, почему человек был так зациклен на ее молчании.

На следующий день твой телефон звонит посреди ночи, и все закручивается. Встречи. Очень много встреч. Подписываешь контракт с новым агентом. Тебе нужно пообщаться с

агентом по рекламе, нужны новые хедшоты. Нужно посетить несколько занятий, в том числе и по вокалу, не говоря о подготовке к прослушиваниям и записи более привлекательного видео-пробника.

Ты ни за что из этого не платишь, нет, тебе просто выставляют счет. Клиффорд оплачивает все авансом, но позже ты все возместишь. Твое расписание сумасшедшее, не можешь удержать в голове все.

Хотя твоя девушка может. В гостиной висит календарь, в котором все расписано. Она держит тебя в курсе, даже когда работает сверхурочно, потому что ей нужно оплачивать ваши счета, покупать еду. Она готовит, убирается и ждет тебя по ночам, когда ты задерживаешься, несмотря на то, что полностью истощена, даже когда хочет просто поспать.

Она улыбается и говорит, что все в порядке, когда твое первое большое прослушивание выпадает на ее девятнадцатилетие.

Проходят месяцы — месяцы хаоса. Дни сливаются в один. Время ускользает с бешеной скоростью. Ты пропускаешь праздники, как и она. Вы празднуете Рождество в январе.

Тебя берут в твой первый фильм — одна из подростковых романтических комедий. Ты играешь лучшего друга. Больше никакого парня под номером 3 или дилера наркотиков. У твоего персонажа есть имя — Грег Барлоу. Съемки местные. Девушка навещает тебя пару раз, но вы оба так заняты, что она не может остаться больше, чем на пару минут.

Фильм выходит на вашу вторую Мечтовщину. Ты ведешь свою девушку праздновать, но каждый пени, заработанный за съемку, ушел на возмещение долга, поэтому празднование включает в себя прогулку в парке вместе.

— Ты все еще любишь меня? — спрашивает она, сидя напротив тебя за столом для пикника. Ты держишь ее руки в своих, нежно поглаживая кожу своими большими пальцами.

— Конечно.

— Больше, чем все остальное?

— Больше, чем что угодно, — говоришь. — Почему ты спрашиваешь?

— Просто соскучилась по этим словам, — поясняет.

Ты пялишься на нее. Действительно, прошло много времени с тех пор, как ты говорил это. Это было не специально. Ты живешь в безумном ритме, но она понимает. У нее даже не хватает времени, чтобы писать историю. Как только у нее появляется шанс, ее мысли в полном беспорядке, слова размыты. Поэтичность исчезла. Метафоры. Символизм. Все исчезло. Просто стало туманной массой упрощенных слогов на бумаге.

— Я люблю тебя, — признаешься. — Больше, чем что-либо, что есть в этом парке. Больше, чем каждую строчку диалогов, произносимых мной. Больше, чем люблю Голливуд. Этого все еще достаточно, Кей? Моей любви?

Она улыбается.

— Конечно.

Ты не знаешь, но эта женщина... Даже когда улыбается, она в ужасе. Твоей любви более чем достаточно для нее, но она чувствует, как кусочки ускользают. Что-то внутри нее распадается. Ее мечта. Она теряет ее. Она приехала сюда с тобой, не совсем понимая, что ты переживаешь. Ты чувствовал себя невидимым, умирал от отчаяния, как хотел попасть на прослушивания. Но куда это привело вашу любовь? Потому что, кажется, чем больше ты видишься с другими людьми, тем меньше видишься с ней. И сейчас она даже не может рассказать свою историю, во всяком случае, не так, как она хочет, потому что ее голос был украден, и никто никогда не сможет прочитать ее слова.

23 глава

Кеннеди

Маркус пялится на меня.

Он смотрит. И смотрит. И смотрит.

Удушливая и неловкая тишина наполняет кабинет. Только недавно рассвело, в магазине никого еще нет. Я хотела сделать это до того, как кто-то появится, рассчитывая, что так будет проще, но нет... Все равно неловко.

Продолжает пялиться.

— Итак, да, — бормочу. — Такие дела.

Я написала заявление на увольнение, но нужно отработать еще две недели.

Не знаю, как собираюсь так долго продержаться. Утро понедельника и слухи о событиях, произошедших на выходных, уже распространились. Видео попало в сеть в первые двадцать четыре часа. Оказывается, этот репортер работает в «Хрониках Голливуда».

Маркус прочищает горло и говорит:

— Я был бы рад, если бы ты передумала.

— Знаю, — отвечаю. — Но по-другому никак.

По его выражению лица понимаю, что не рад, но это к лучшему, и глубоко внутри он тоже понимает. На парковке уже стоит полицейская машина, а на двери магазина табличка «только для покупателей».

— Ты же понимаешь, что все это изменится, — говорит, махнув в сторону открытой двери кабинета. — Им это наскучит, и они уйдут.

— Понимаю, но, тем не менее, пришло время.

Настало время для меня разобраться, что я хочу делать оставшуюся часть своей жизни, потому что уже точно не это. Когда мои родители хотели для меня «чего-то особенного», они не предполагали работу в супермаркете, и также это не моя мечта.

— Вопрос снят, — говорит Маркус. — Я разочарован, но не собираюсь притворяться удивленным. Я знал, что когда-нибудь мы тебя потеряем. Просто надеялся, что уйду на пенсию к тому времени, как ты обретишь здравый смысл.

— Облом.

— Это так, — отвечает Маркус, махнув рукой, давая добро на мое увольнение. Я выхожу из кабинета и по дороге на склад, где нужно выполнить много работы, вытаскиваю телефон. Так много уведомлений. Пропущенных звонков. Удаляю все и отправляю Джонатану сообщение:

Ты сможешь отвести Мэдди на занятия?

Его ответ приходит моментально.

Конечно.

Смотрю на его ответ, прежде чем пишу:

БЕЗ нападения на других репортеров?

Видишь ли, теперь нам нужно поговорить об этих нереалистичных ожиданиях.

Ты абсолютно прав. О чем я думала, ожидая от тебя цивилизованности?

Я, правда, не знаю. Но не переживай. Я доведу ее в сад... любыми способами.

Он дополняет сообщение улыбающейся дьявольской рожой и водным пистолетом, поэтому в ответ я отправляю ему смайл с закатившимися глазами.

Время идет.

Я работаю над инвентаризацией.

Слышу, как люди ходят по магазину после открытия, но никто не тревожит меня. Хотя знаю, что так будет не всегда. Только вопрос времени.

В девять утра пишу Джонатану.

Ты без происшествий отвел ее в сад?

Определенно, без происшествий.

Никто не плакал и никто не побит.

Считается ли младший воспитатель?

Какого хрена?

Ты ударил младшего воспитателя?

Нет, она плакала, просила автограф. Моя большая фанатка.

Снова отправляю смайл, закативший глаза, прежде чем засунуть телефон в карман. Пытаюсь сосредоточиться на работе, но слишком отвлечена.

В десять часов снова пишу Джонатану.

Она позавтракала?

Младший воспитатель?

Мэдди. Она позавтракала?

А да, съела миску «Лаки Чармс».

Довольная, возвращаюсь к инвентаризации, но это не длится долго.

В одиннадцать часов отправляю другое сообщение.

Она же почистила зубы, да? Иногда забывает.

Нет ответа.

Вместо этого телефон звонит.

Джонатан звонит мне.

Отвечаю.

— Алло?

— Разве у тебя нет других занятий, вместо того, чтобы играть со мной в «двадцать вопросов»?

Вздыхнув, приседаю на один из ящиков.

— В отличие от тебя, я могу выполнять несколько дел одновременно.

— Мэдди почистила зубы, — говорит. — Также расчесалась, и на ней была какая-то цельная штука. Комбинезон? Боди? Может, синяя? Или все-таки черная?

— А она вспомнила про рюкзак?

— Конечно, — отвечает со смешком. — Даже обулась, перед тем, как мы вышли из квартиры.

— Извини, понимаю, что задаю много вопросов, но arrr... я всегда рядом с ней по утрам. Впервые меня не было, чтобы приготовить ей завтрак или завязать шнурки.

— С ней все хорошо, — уверяет Джонатан. — Когда разбудил ее утром, то сказал, что ты на работе, поэтому сегодня она с папочкой. И я уверен, что когда довел ее до сада, все пальцы на ногах и руках были целы.

— Спасибо, — отвечаю. — Теперь мне нужно закончить кое-какую работу. Скоро увидимся.

Кладу трубку и возвращаюсь к работе, когда раздается стук в дверь. Она медленно отрывается, и вижу Бетани, которая останавливается в проходе. Поначалу она ничего не говорит. Пялится на меня, как и до этого Маркус. Пялится, и пялится, и пялится...

— Тебе что-то нужно? — спрашиваю я.

Она качает головой, когда удушающая тишина из кабинета повисает и здесь.

— Я просто...

— Просто что?

— Просто... это правда? Он серьезно живет в твоей квартире?

— Да.

В ее выражении лица мелькает проблеск боли.

— Ты знаешь Джонни Каннинга? И не рассказала мне?

— Я рассказывала тебе, — парирую. — Даже передавала от него привет на днях.

— Мы шутили. Я думала, ты не серьезно. Это правда?

Пожимаю плечом, когда накатывает вина, так как, возможно, я была несправедлива.

— Он, правда, передал привет. Он вспомнил тебя.

Ее глаза расширяются, лицо бледнеет.

— О, боже мой, правда?

— Правда, — говорю. — И мне жаль, что я заставила тебя подумать, будто это шутка, но честно скажи, ты поверила, что я на самом деле с ним знакома? Я так не думаю.

— Но ты могла, не знаю, привести его? О, боже мой, Кеннеди, тогда я бы поверила!

— Я не могла.

— Почему нет?

— Послушай, это сложно. Я давно знаю его, мы познакомились, когда я была моложе, чем ты сейчас. Знала его до того, как он стал Джонни Каннингом. То, что между нами было... Сложно.

— Вы? О, боже мой, вы с Джонни, ну, понимаешь... Вместе?

— Что мы?

— Ты знаешь... Вы делали это?

Недоверчиво смотрю на нее.

— Ты ведь знаешь, откуда берутся дети, верно?

— Знаю, но... о, боже мой. Это правда? Мэдисон его дочь?

— Да.

— О, боже мой.

— Бетани, только попробуй еще хоть раз сказать «о, боже мой».

— Извини! Просто никак не могу осознать тот факт, что у тебя лялька с Джонни чертовым Каннингом! Какой он в реальной жизни?

— Она уже давно не лялька. И как я сказала, это было давно.

— То есть вы не... Ну, ты понимаешь, с тех пор как он снова объявился? Вы двое не... вместе?

Я ничего не говорю, потому что в действительности не хочу отвечать на этот вопрос, но мое молчание дает Бетани то, что она хочет.

Она громко ахает, ее глаза расширяются еще больше, когда она визжит и кричит:

— Да!

Я морщусь.

Она снова визжит, заходя в кладовую.

— Да, ладно! Ты должна мне все рассказать! Мне нужны детали!

Чувствую, что мое лицо горит.

— Не люблю рассказывать о своей личной жизни.

— Что? Нет! Ты обязана! Ты не можешь сказать, что спала с Джонни Каннингом, и не дать никаких подробностей! Какой он? У него большой? Опиши мне!

Я смеюсь.

— Я не собираюсь ничего описывать. И он... Я не знаю. Он не обделен, если ты об этом спрашиваешь.

— О, боже мой!

Пропускаю мимо ушей.

— Просто... Вау, — говорит она. — Ты взорвала мой мозг. Это же не розыгрыш? Все правда?

— Правда.

Вытащив телефон, я сомневаюсь, прежде чем открыть приложение FaceTime и набрать номер Джонатана. Я никогда не разговаривала по видео-звонку с ним, поэтому не уверена, ответит ли он, но через мгновение парень берет трубку, и его лицо появляется на экране.

Он без футболки, волосы растрепаны, он не бритый. Через пару мгновений, я понимаю, что он в моей кровати.

— Ты, блин, шутишь? — резко говорю. — Ты все еще спишь?

— Пытаюсь, — отвечает. — Но кто-то продолжает мне мешать.

— Невероятно, — я качаю головой, встаю с ящика и направляюсь к шокированной Бетани. Знаю, что она слышала его голос и узнала Джонатана. Сую ей телефон в руку и говорю:

— Повеселись. Может, он опишет его для тебя.

Выхожу из кладовой, слыша ее крик.

— О, боже мой!

Магазин слишком забит для второй половины дня понедельника. Мне нужно пройти по проходам, чтобы проверить запасы товаров на полках, но повсюду закупающиеся люди.

Или притворяются, что покупают.

Ощущаю, как за мной следят.

Голос Маркуса раздается в динамике:

— Помощник менеджера пройдите к сервисной службе.

Я стону. Я единственный помощник менеджера. Когда достигаю передней части магазина, резко останавливаюсь при виде мужчины у стола сервисной службы.

Клиффорд Кэлдвелл.

Я давненько не видела его лицо, и не расстроилась, если бы больше вообще не увидела. На пятом десятке, привлекательный мужчина, напоминающий героев сериала «Безумцы». Его образ всегда был для меня винтажным. Он источает уверенность и, вероятно, это заслуженно. Он хорош в своем деле, в своей индустрии имеет статус Бога, но я давно поняла, что в нем скрывается дьявол.

Клиффорд опирается на прилавок, в ожидании чего-то.

Меня.

— Мистер Кэлдвелл, — говорю, приближаясь. — Могу я с чем-то помочь?

Он улыбаться, осматривая меня с ног до головы, отчего по моей коже ползут мурашки.

— Я надеялся, что мы сможем поболтать.

— Поболтать, — повторяю. — Не уверена, что это подходящее место.

— Можете использовать мой кабинет, — предлагает Маркус.

Я никогда не хотела задушить кого-то так сильно, как сейчас моего скоро бывшего босса. Болтовня с Клиффордом не будет разговором о погоде. Я переживала, что он объявится, хотя и понимала неизбежность. Быть частью жизни Джонатана означает, что этот человек будет соперничать за контроль, а я избегала подобных мыслей, так как не уверена, что готова принять подобное. Больше нет. Я смирилась несколько лет назад, видя, что в Голливуде это неизбежно, но сейчас нет.

— После тебя, — говорит Клиффорд, указывая на пустой кабинет.

Я вздыхаю так громко, что, вероятно, все в магазине слышат, и скрещиваю руки на груди, когда захожу в кабинет, усаживаясь на стул перед столом.

Клиффорд закрывает дверь.

Он не садится.

Вместо этого подходит ко мне, изучая, как будто оценивает, прежде чем кладет передо мной лист бумаги.

— Подпиши.

Соглашение о неразглашении.

— Я уже подписывала подобное.

— Это обновленная версия. Он был «ником» в прошлый раз. Когда речь заходит о знаменитостях, то ожидания могут быть разными.

— Означает ли это, что прежнее уже не действительно?

Он мимолетно улыбается.

Принимаю это за недовольное «да».

— Мне стоило обновить его годы назад, но, честно сказать, не видел надобности. Не думал, что ты снова станешь проблемой.

— Проблема... вот кто я?

— Может, препятствие будет более подходящим выбором слова, потому что да, ты все усложняешь. Так было в прошлом, а сейчас еще больше. Поэтому распишитесь, мисс Гарфилд. И покончим с этим.

Читаю соглашение, чтобы узнать, что изменилось. Оно больше не о том, чтобы защитить его конфиденциальность или охранить репутацию. Сейчас оно направлено на

защиту его права пускать в обращение информацию.

Его имя обладает ценностью, история стоит денег. Таблоиды заплатили бы за нее. Теперь он не человек, а бренд, обменивающий свою личную жизнь на известность, в то время как продал душу дьяволу.

И согласно данному соглашению, я не имею права рассказывать миру то, что знаю, в таком случае, я присваиваю себе его имущество.

— Джонатан знает об этом? — спрашиваю с любопытством, так как не могу поверить, что он согласен с тем, что его существование приравнивается к вещи, будто он марионетка, а не человек.

— Он в курсе, — сообщает Клиффорд. — Адвокат действовал от его имени.

В соглашении указано, что в случае нарушения я без разбора буду направлена в арбитражный суд.

— Ладно, но он вообще его читал?

Клиффорд не отвечает, вместо этого говорит:

— Надеюсь, ты понимаешь, что это не личное.

— Конечно, личное, — отвечаю. — Всегда было таковым. Иначе вы бы заставили подписать это Серену Марксон.

— Я заставляю всех его подписать.

— И к чему хорошему это привело? Вы подадите на нее в суд за то, что привела газетчиков к порогу дома моего отца?

Он пялится на меня.

Я могу чувствовать его взгляд своей кожей.

Как я устала от всего этого.

— Почему ты так уверена, что это Серена? — спрашивает. — Ты научена обвинять другую женщину?

— Нет никакой другой женщины, — противостою ему, так как он начинает выводить меня из себя целенаправленно, и у него получается. — Он сказал мне, что они просто друзья.

— А кто вы с ним?

Открываю рот для ответа, но не имею ни малейшего понятия, что сказать. Джонатан — отец моей дочери. Мужчина, который спит со мной, занимается со мной любовью, клянется, что все еще любит меня, но я не уверена, как это конкретизировать.

— Джонни талантлив, — говорит Клифф, мое молчание вынуждает его продолжить свою маленькую лекцию. — Но наш бизнес безжалостен, и нужно больше, чем просто талант, чтобы удержаться наплаву. Я упорно работал, чтобы он попал на вершину. Он не уйдет в безвестность под моим наблюдением. Поэтому повторяюсь, в этом нет ничего личного. Я делаю все необходимое, чтобы он снова не стал «ником».

Мне хочется так много всего сказать. В то время как Клиффорд вытаскивает ручку, протягивая ее мне, но я игнорирую. Вместо этого беру листок, встаю и задвигаю стул, при этом говоря:

— Дело в том, мистер Кэлдвелл, что Джонатан никогда не был «ником». Настаиваю на том, что сказала вам годы назад. Он слишком хорош для вас.

Выхожу из кабинета, делаю несколько шагов по магазину, как вдруг слышу громкие голоса. Посмотрев в сторону касс, вижу Бетани.

Рядом с ней стоит Серена Марксон.

— Потрясающе, — бормочу.

Как раз то, что мне нужно.

Они делают селфи, будто давние подружки, и Бетани щебечет рядом с Сереной, прося автограф. Клиффорд выходит из кабинета вслед за мной, прочищая горло, чтобы привлечь внимание Серены.

— Клифф, где ты был? — спрашивает Серена, приближаясь к столу сервисного центра.

— Улаживал проблему, — говорит. — Теперь можем ехать.

Пытаюсь проскользнуть мимо них, обойти, желая убраться подальше, пока все не стало хуже, но Серена замечает мое присутствие.

— Кеннеди, — произносит она, читая с моего бейджа. — Та самая Кеннеди? Выглядишь иначе.

— Иначе, — повторяю, задаваясь вопросом, что она имела в виду, потому что это не прозвучало как комплимент.

— По сравнению с прошлым вечером, — поясняет она. — С Джонни ты была нарядная, одетая в платье. Я почти не признала тебя, в своей униформе ты всегда выглядишь по-другому.

Да, определенно, не комплимент.

Даже находясь в продуктовом супермаркете, она выглядит так, будто собралась на фотосет, даже не торчит ни единого волосочка.

— Да, ну, знаешь как это, — бормочу. — Реальный мир и все такое.

Она прищуривается.

— Как всегда было приятно повидаться, мисс Гарфилд, — говорит Клиффорд, прежде чем кладет руку на поясницу Серены и подталкивает ее. — Уверен, что скоро увидимся.

— С нетерпением жду.

Боже, мне придется перевести через дорогу много старушек, чтобы очистить карму из-за этой огромной, противной лжи.

Серена бросает на меня взгляд через плечо, когда они с Клиффордом покидают магазин. В секунду, как они оказываются на улице, она начинает яростно жестикулировать и разглагольствовать. Через витрину я наблюдаю, как Клиффорд силой усаживает ее в ожидающую машину, прежде чем она устроит сцену.

Вздохнув, приближаюсь к Бетани, которая подпрыгивает от радости. Как только нахожусь в зоне досягаемости, девушка обнимает меня.

— О, боже мой! Ты лучшая!

— Как понимаю, вы мило поболтали?

— Офигенно! — Она возвращает мне мой телефон. — Благодаря тебе я пообщалась со своими кумирами.

— Ох, не думаю, что появление Серены здесь — моя заслуга.

— Но когда она приходила в прошлый раз, то спрашивала о тебе, поэтому это точно твоя заслуга.

— В прошлый раз? — меня осеняет. Вечером, когда она объявилась возле моего дома. — Подожди, она спрашивала тебя обо мне?

— Да, она спрашивала, знает ли кто-нибудь девушку по имени Кеннеди. Это забавно, так как она даже не знала, что ты работаешь здесь! Знала только то, что ты из Беннетт-Ландинг, и только супермаркет был открыт. Она интересовалась, где может найти тебя, поэтому я отправила ее к тебе в квартиру, — глаза Бетани расширяются. — Подожди, мне не стоило этого делать? Я не знала... Я не была уверена... Просто я была так рада, а она даже не

упоминала Джонни, поэтому я не догадывалась... О, боже мой, у тебя роман с ее мужем?

Я качаю головой, сжав кулаки вокруг сложного соглашения о неразглашении. Не знаю, что сказать на все это, поэтому просто ухожу.

Прежде чем сую телефон в карман, он вибрирует входящим сообщением.

Смотрю на экран.

Оно от Джонатана.

Эта девушка сумасшедшая. Она попросила меня описать мой член.

Смеюсь над этим, несмотря на то, что происходит.

Что ты ей рассказал?

Серьезно? Как ты ДУМАЕШЬ, что я ей сказал?

Начинаю печатать, что «она выжила из ума», когда приходит еще одно сообщение.

Я сказал, что это самые прекрасные двадцать три сантиметра во всем гребаном мире, детка :)

— Папочка! Папочка! Угадай что?!

Мэдисон бежит напрямик к Джонатану, как только мы оказываемся в безопасности квартиры, слишком радостная, чтобы заметить офицера полиции снаружи и патрульную машину, припаркованную недалеко от моей двери, чтобы держать всех на расстоянии.

Джонатан на кухне, снова занят готовкой — или пытается. Чувствую запах чего-то горелого. Не знаю, кто из нас лучше в приготовлении пищи. Он выключает газ на плите, убирая сковороду в сторону, прежде чем смотрит на нас.

— Что?

— Сегодня в саду миссис Эплтон сказала, что мы будем ставить спектакль!

Он приподнимает бровь.

— Спектакль?

Мэдди кивает с энтузиазмом.

— Он о погоде на улице, воде и всяком таком! Нам нужно было выбрать роли, и мы сделали это с помощью шляпы и листочков, потому что все хотели быть солнышком, кроме меня! Я буду снежинкой!

— Вау, круто, — отвечает Джонатан, улыбаясь. — Думаю, я тоже хотел бы быть снежинкой.

— Это будет в конце сада, — говорит Мэдди. — Ты придешь?

— Конечно, — заверяет он. — Я приду.

Она убегает, бормоча что-то о том, что ей нужно практиковаться, хотя «конец сада» только через месяц. Я прислоняюсь к кухонному гарнитуру, смотря на еду.

— Хот-доги.

— Да, я их испортил, — отвечает со смешком. — Отошел на секунду, и все полетело к

чертям.

— Нам нравятся такие хот-доги, — говорю. — Чем больше сгоревшие, тем лучше.

— Хорошо, — отвечает. — Потому что они настолько сгорели, что почти черные.

Джонатан копается в шкафчиках и вытаскивает макароны с сыром быстрого приготовления. Не считая плиты, квартира безупречно чистая. Могу сказать, что он убирался, хотя и не было сильного беспорядка. Несмотря на то, что ценю его хозяйственность, она вызывает тревогу.

Он становится беспокойным.

— Ты в порядке? — спрашиваю.

— Почему я должен быть не в порядке?

— По многим причинам.

Начинает варить макароны и игнорирует мой вопрос так долго, что мне кажется, я не дождусь ответа. В конце концов, признается:

— Один из тех дней.

— Ты хочешь выпить.

Он стреляет в меня взглядом.

— Не пойми меня неправильно. Не то чтобы я не в порядке. Просто...

— Ты хочешь выпить.

— Да, — он снова переводит взгляд на плитку, как будто не хочет на меня смотреть. — Разочарована?

— Зависит от того, — говорю, — пил ли ты, пока я была на работе.

— Конечно, нет, — отвечает.

— Значит, у меня нет причин для разочарования.

— Тебя не беспокоит, что я слабый? — спрашивает. — Есть, что терять, но все же, я бы отдал левое яичко за один глоток.

— Это не слабость, Джонатан. Я видела твою слабость. Я видела тебя настолько пьяным, что ты не мог стоять на ногах, таким обдолбанным, что сомневалась, что ты перестанешь принимать наркотики, но ты здесь.

Он снова пристально смотрит на меня.

— Ты разочаруешь меня только, если придешь пьяным, — продолжаю. — Или, знаешь, вообще не покажешься.

— Тебе не нужно переживать об этом, — говорит Джонатан, меняя тему. — Итак, как прошел твой день?

Мой день?

— Честно сказать, я бы отдала оба твои яичка за алкоголь.

Джонатан морщится.

— Так плохо?

Засунув руку в задний карман, вытаскиваю лист, который носила с собой весь день. Сейчас он сложен в маленький квадрат, надорванный и измятый. Я разворачивала и разглаживала его множество раз, перечитывая слова снова и снова, до такой степени, что выучила наизусть. Мучила себя мыслью, поступаю ли правильно, и все еще не уверена.

— Что это? — спрашивает.

Протягиваю листок ему.

Нахмурившись, он разворачивает, изучая неподписанное соглашение о неразглашении.

— Я подпишу, — обещаю. — Если это то, что тебе нужно.

— Не беспокойся.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я бы никогда не продала твою историю, — уверяю. — Даже бы просто никогда не рассказала. Я не имею на это право.

Он смотрит на меня недоверчиво, подобный взгляд жалит, прежде чем сказать:

— Это также и твоя история, Кеннеди. Ты имеешь полное право ее рассказать.

— Но я бы так не поступила с тобой.

Недоверчивый взгляд сменяется чем-то другим. Подозрением.

— Поэтому ты перестала писать? Знаю, что Клифф заставил тебя подписать подобное соглашение много лет назад, — он трясет смятым листом. — Из-за этого ты перестала рассказывать свою историю на бумаге?

Я медлю. Хочу сказать нет, потому что это не так, во всяком случае, не так, как он думал. Но, тем не менее, есть доля правды. Это соглашение — одна из причин, которая повернула нашу историю в определенном направлении, из-за которой она закончилась так, как закончилась. Но я не знаю, как это объяснить.

Выражение лица Джонатана снова меняется, мое молчание его расстраивает. В его глазах плескается гнев, челюсти сжаты, как будто кто-то ударил — кто-то, кому он доверял, кто должен был о нем заботиться и не должен был никогда наносить ему вред. В моей груди разрастается боль, глаза жжет, зрение затуманивается. Стараюсь не плакать, но выражение его лица разрушает меня.

Джонатан разрывает листок на мелкие кусочки, прежде чем бросает его в корзину.

— Мне не нужна твоя подпись.

Я тяну руку к нему, обеспокоенная, потому что видела его таким прежде. Множество раз, когда был моложе, он уходил. Касаюсь его руки, но Джонатан вырывает свою, проложив между нами дистанцию.

— Джонатан...

Прежде чем могу сказать что-то, прежде чем могу отреагировать, Мэдди врывается на кухню, объявляя, что голодна. Выражение лица Джонатана меняется настолько резко, что у меня перехватывает дыхание. Он улыбается, не показывая дочке, что расстроен — в нем просыпается актер. Дает ей хот-дог, заканчивая приготовление макарон с сыром, ставит тарелку перед Мэдди и целует ее в макушку, прежде чем поворачивается ко мне, снова меняя выражение. Злость.

Он проходит мимо из кухни, говоря:

— Мне нужно прогуляться, — и направляется к входной двери.

Следую за ним.

— Подожди, — говорю тихо, не желая, чтобы Мэдди услышала. — Пожалуйста, не уходи в таком состоянии.

— Я в порядке, — заверяет. — Мне просто нужно подышать свежим воздухом.

Затем он уходит, а я остаюсь стоять, пялясь на входную дверь, в то время как Мэдди доедает свой хот-дог и уходит из кухни, спрашивая:

— Куда папа пошел?

— Ему нужно уладить кое-какие взрослые дела. Скоро вернется.

Позже. Намного позже.

Укладываю Мэдди спать, читаю ей перед сном, но она выглядит обеспокоенной, что ее папа еще не пришел, как вдруг входная дверь открывается. Мэдди резко садится, прерывая меня на середине книги, чтобы побежать к нему. Слышу ее смех, и вижу улыбку Джонатана,

когда он несет ее обратно в кровать. Наблюдаю, как он поправляет ей одеяло, не сказав мне ни слова.

Внезапно чувствую себя невидимкой.

Прежде чем покинуть комнату, протягиваю Джонатану книгу со словами:

— Ты можешь закончить.

Переодеваюсь из своей униформы, когда Джонатан заходит в спальню, и, вздыхая, садится на кровать. Ощущаю на себе взгляд его глаз, пока натягиваю пижаму. Я не невидимая. Больше нет. Теперь я чувствую себя голой, несмотря на одежду.

— Мне не стоило все это начинать, — говорю, чувствуя потребность сказать что-то, потому что молчание меня напрягает. — У тебя был тяжелый день. Я сделала все только хуже.

— Ты ничего не сделала, — отвечает. — Я уже сказал, что не надо осторожничать рядом со мной.

— Ты расстроен.

— Но не из-за тебя, — отвечает. — Я просто... Взбешен из-за всей ситуации. Зол из-за того, что мои херовые поступки сделали с тобой. Как только стараюсь все исправить, ты страдаешь.

— Я не страдаю.

Джонатан игнорирует меня и продолжает говорить:

— На реабилитации мне говорили, что нужно все компенсировать — это единственный способ стать лучше, жить лучше, но когда ты меняешься, то делаешь больно другим. Нужно что-то компенсировать, пока это не нанесет вред. Последний год я говорил себе не приезжать сюда, потому что мне надоело разрушать то, что ты строишь, но подумал, может, все-таки получится что-то путное. Подумал, что все сработает, но вот как вышло: ты не можешь выйти на улицу, не подвергнувшись преследованию, и мой менеджер привозит тебе соглашение о неразглашении, потому что запрещает тебе свободно существовать в своей же собственной гребаной истории.

— Я не страдаю, — снова заявляю. — Твое нахождение здесь не причиняет мне боль. Ты не причиняешь нам боль, будучи отцом. Единственное, что ты портишь, свой имидж.

— Мне плевать на мой имидж.

Но это не так. У него уже давно есть определенный образ.

— У Джонни Каннинга нет семьи, так же как нет девушки, — говорю. — У Джонни Каннинга есть известные актрисы и модели, которые могут или не могут стать его женой. Джонни Каннинг не проводит время в маленьких городках и не ходит на детсадовский спектакли, где какая-то маленькая девочка будет притворяться снежинкой. Для Джонни Каннинга имеет значение только кокаин.

Он ничего не говорит, уставившись в пол.

— Может, ты этого не замечаешь, потому что привык. Может, потому что слишком близок ко всей этой жизни, но с моего места это очевидно. Вы двое разных людей. У тебя две разные жизни. Я поделюсь своей историей с одним из них. И пока ты не решишь, кто ты на самом деле, и кем хочешь быть, ничего не изменится.

— Я не хочу продолжать причинять тебе боль, — шепчет. — Я никогда не хотел делать тебе больно.

— Знаю, — толкаю парня на кровать, чтобы забраться на его колени. Обхватываю руками лицо, когда говорю:

— Я знаю, Джонатан. Ты всегда хотел доставить мне удовольствие.

— Потому что я люблю тебя, — говорит он.

— Больше, чем виски? — спрашиваю.

— Больше, чем виски, — соглашается. — Больше, чем кокаин.

— Больше, чем моделей и актрис?

— Большую часть времени они мне даже не нравятся. Но тебя я люблю. Клянусь, черт побери, я люблю тебя со своего восемнадцатого дня рождения, когда мы сидели на диване твоих родителей и смотрели по телевизору, как я играю мертвого ребенка.

— Моя любимая твоя роль, — шепчу, целуя его. — Ты все еще должен мне автограф, мертвый ребенок из «Закон и порядок».

24 глава

Джонатан

— Поторопись, милая! — кричит Кеннеди от входной двери, глядя на часы. — Время выходить! Мне нужно на работу.

— Я отведу ее, — предлагаю. — Если хочешь.

— Ты не должен.

Подходит Мэдди, волоча за собой рюкзак.

— Я хочу, чтобы папочка отвел меня в сад снова. Пожалуйста!

Кеннеди моргает пару раз, прежде чем бормочет:

— Или, может, должен.

— Никаких проблем, — отвечаю.

Кеннеди вздыхает смиренно, прежде чем Мэдисон берет меня за руку.

— Ты все взяла?

Дочка кивает.

— Угу.

— Сегодня вторник, — говорит Кеннеди. — Ты взяла что-нибудь на «Покажи и расскажи»?

Еще один кивок.

— Угу.

— Бризо, — предполагает Кеннеди.

Улыбка на это раз.

— Угу.

— Конечно, — бормочет ее мама, наклонившись, чтобы поцеловать Мэдди в лобик.

— Хорошего дня. Люблю тебя.

— Люблю, мамочка, — отвечает Мэдисон. — Больше, чем «Покажи и расскажи».

— Больше, чем сожженные хот-доги твоего отца, — говорит Кеннеди игриво, выпрямляясь. Затем целует меня, задерживаясь у моих губ и с улыбкой шепча: — Увидимся после работы.

Затем уходит за дверь, и Мэдди тянет меня за руку.

— Пойдем, папочка. Время выходить в сад.

Нужно обладать ловкостью, чтобы отвести ребенка в детский сад утром. Напротив здания припаркована машина копов, также они будут перед детским садом. Но между ними

надо пройти хоть и небольшое, но расстояние, а в нашей ситуации, это как гребаная игра в Джуманджи.

Бросайте кубик и надейтесь, что откуда ни возьмись не выскочат дикие животные.

Вчера нам повезло, но сегодня не очень. В квартале от школы кто-то зовет меня по имени и бежит к нам, пытаясь заставить остановиться.

Игнорирую его и продолжаю идти.

— Папа, этот мужчина говорит с тобой, — произносит Мэдди.

— Знаю, — отвечаю. — Притворись, что он не здесь.

— Как будто он невидимка? — спрашивает. — Как Бризо?

— Именно так, — отвечаю. — Неважно, что он говорит или делает, веди себя так, будто ничего нет.

— Я могу, — кивает Мэдди. — И раз я теперь снежинка, у меня даже нет ушек. Я ничего не слышу.

— Умница!

Парень пытается. Почти выпрыгивает из штанов.

Больше чем один раз я хочу вспылить и ударить его за то, что он произносит своим грязным ртом прямо перед моей дочерью. *Ты снова пьешь? Все еще нюхаешь? Почему напал на репортера? Ты зол, что мир узнал твой маленький грязный секрет? Милый ребенок, почему ты пытаешься ее спрятать? Ты стыдишься ее матери или что-то подобное?*

Останавливаюсь перед садом и говорю Мэддисон:

— Иди внутрь.

Пытаюсь выпустить ее руку, но она не дает, крепче сжимая, и тянет меня за собой:

— Нет, ты тоже должен зайти.

— Я должен зайти внутрь?

— Да.

— Зачем?

— Потому что, — отвечает Мэдди, потянув изо всех сил, чтобы я сдвинулся с места.

Соглашаюсь следовать за ней, позволяя вести меня в класс.

— Разве я не должен расписаться о присутствии или что-то подобное? — спрашиваю.

— Показать документы? Они же не разрешают взрослым просто так разгуливать по коридору?

— Не знаю, — отвечает, пожав плечом.

— Ну, это все проясняет...

Мэдди заводит меня в классную комнату, останавливаясь в проходе.

— Та-да!

Смотрю на нее в замешательстве, когда все присутствующие смотрят на нас.

— Это урок профориентации?

— Нет, глупыш, — поясняет. — «Покажи и расскажи».

— Что?

— Мы можем приносить любимые вещи, чтобы показать друг другу, — объясняет мне Мэдди принцип «Покажи и расскажи», как будто думает, что я не понимаю. — Но ничего дорогого, потому что могут украсть, но я за тебя ничего не платила.

— Ты привела меня на «Покажи и расскажи»? — спрашиваю недоверчиво. — Я думал, ты понесешь Бризо.

Как только произношу эти слова, меня осеняет.

Она привела меня в качестве Бризо.

— Ага, — подтверждает Мэдди. — Миссис Эплтон, можно мне начать наше занятие «Покажи и расскажи» сейчас? Потому что я не могу держать его в рюкзаке до обеда.

Кажется, учительница понятия не имеет, что сказать, поэтому просто машет рукой, давая разрешение. Звенит звонок, и Мэдисон толкает меня в центр комнаты.

— Это мой папочка, но он не просто мой папа. Также он Бризо. Настоящий Бризо! Раздаются ахи и охи, но мальчонка за последней партой хмурится.

— Он не похож на Бризо.

— Это он, — говорит Мэдди, прежде чем смотрит на меня. — Правда, папочка? Поговорим о неловком.

— Правда.

Учительница прочищает горло.

— Вопросы можно будет задать после, ребята. В процессе презентации — нет.

Смотрю на женщину недоверчиво.

— Вопросы?

Она кивает, слегка удивленная.

— Во-первых, у меня появился мой папочка... Я не знаю когда, — начинает Мэдди, хмурясь, пока думает об этом. Полагаю, я не вписываюсь в формат. — Когда я была младенцем, думаю, но не знала о нем до того, как мне исполнилось пять. И, эм, думаю, моя мама подарила мне его.

Учительница очень сильно старается не рассмеяться.

— Во-вторых, он был создан его мамой и папой, но я их не знаю, — продолжает Мэдисон. — И, в-третьих, он мой любимый, потому что он мой папочка. И потому что он Бризо. Поэтому спасибо за внимание и можете поднять руки, если есть вопросы.

Поднимается слишком много рук, в том числе и помощницы воспитателя в углу комнаты. Мэдисон сияет, излучая радость от того, что находится в центре внимания.

— Можно мне стул? У меня такое чувство, что я задержусь у вас.

После того как усаживаю свою задницу, сыпятся вопросы. Бризо, правда, реальный? Он может стать невидимым? Когда он стал Бризо? Почему он не похож на него? Мэдисон изо всех сил отвечает на них, но иногда я встречаю, чтобы уточнить, что на самом деле я не супергерой.

— Но ты настоящий супергерой? — спрашивает мальчонка.

Мэдисон смотрит на меня выжидающе, уступая мне право ответить, но я не знаю, что сказать. Не собираюсь разбивать фантазии в полной комнате детсадовцев. За мной и так следят папарацци, не хватает еще разгневанных мамаш.

— На самом деле герои реальны, — говорит помощник воспитателя. — Недавно мистер Каннинг спас молодую девушку от попадания под колеса автомобиля.

Снова раздаются ахи и охи, наряду с ого.

— Не такое уж большое дело, — говорю, смотря на свое запястье. — Просто так вышло, что я оказался рядом.

Миссис Эплтон встречается:

— Мне не нравится мысль вас прерывать, но нужно начать занятия.

Похоже, я единственный, кто этим не разочарован. Учительница благодарит меня, я обнимаю Мэдди, затем выхожу в коридор и назад из здания, прежде чем помощник воспитателя снова сможет заплакать.

Выйдя на улицу, снова замечаю гребаного парня, который следовал за нами по пути сюда. Опустив голову, прохожу мимо него, когда он спрашивает:

— Джонни, что твоя жена думает обо всем этом?

— У меня нет жены.

— Нет?

— Нет.

Я ухожу, но он не следует за мной.

Полагаю, без зрителей его работа тоже не такая веселая.

Когда добираюсь до квартиры Кеннеди, напротив здания уже нет полицейской машины, зато есть черный седан. Клифф стоит, прислонившись к машине, увлеченный своим «БлэкБерри».

Он даже не смотрит, когда я приближаюсь.

— Ты забыл о своем сегодняшнем приеме у врача? — спрашивает. — Или тебе плевать?

— Прием?

— Из-за твоего запястья, — поясняет. — Ты, по крайней мере, помнишь, что оно сломано?

— Конечно.

— Хорошо, — говорит Клифф. — Просто подумал, раз ты разгуливаешь по городу, ударяя людей, то мог забыть, что оно должно исцелиться, чтобы ты вернулся к работе.

Он в плохом настроении. Агрессивно печатает и с такой силой нажимает на экран, что я не удивлюсь, если тот треснет.

— Я позвонил доктору и сказал, что ты опоздаешь. Именно это должен делать твой помощник.

— Я в нем не нуждаюсь.

— Знаю, — говорит. — Вот почему я должен тратить на это время.

— Никто не заставляет тебя это делать, — указываю. — Моя личная жизнь — мои проблемы.

— И я говорил тебе множество раз, Джонни, что они не делятся. Твое возвращение к работе зависит от медицинского разрешения, и если тебя не волнует мысль запомнить дату гребаного приема у доктора, весь фильм полетит, бл*дь, к чертям.

Я таращусь на него. За все годы, что знаю этого мужчину, никогда не слышал, чтобы он говорил «гребаного» до этого момента, не говоря уже о «бл*дь».

— Послушай, у меня вылетело из головы, — говорю. — Я отводил дочь в детский сад, и не пытался тебя специально разозлить.

— Хорошо, — отвечает, махнув головой. — Ничего слишком серьезного, я был раздражен еще до этого.

— Что тебя так расстроило?

— Твоя девушка.

— Что?

— Или твоя бывшая девушка, — Клифф убирает «БлэкБерри», прежде чем посмотреть на меня. — Серена. Не мисс Гарфилд. Если она бывшая — я все еще не в курсе, что происходит.

— Мы... эм, я не знаю. Что натворила Серена?

— У нее передоз.

На этих словах мой желудок ухает вниз. Передоз.

— Она в порядке?

— Будет в порядке, — отвечает. — Помощница обнаружила Серену, позвонила мне... Я справился с ситуацией.

Понимаю, что есть что-то еще, но Клифф мне не скажет.

— Нам нужно ехать, — говорит. — Прежде чем снова придется переносить твой прием.

Сажусь на пассажирское место.

Клифф ведет машину в тишине.

— Удивлен, что ты мне не позвонил, — говорю. — Чтобы напомнить.

— Я пытался, — заявляет. — Твой телефон выключен.

Хмурясь, тянусь рукой в карман и вытаскиваю телефон, нажимая на кнопку. Ничего. Когда пытаюсь включить его, значок батареи появляется на экране. Разряжен. Со всей этой неразберихой прошлого вечера: между соглашением о неразглашении и моей вечерней прогулкой, звонком Джеку и собранием АА, перед тем как пойти домой и поговорить с Кеннеди, я даже не задумался о зарядке телефона.

— У тебя нет зарядки для «Айфон»?

Он смотрит на меня пронзительно.

«БлэкБерри», помните?

— Надо было зарядить прошлым вечером, — говорит.

— Надо было, — отвечаю. — Забыл.

— Слишком много забываешь в последнее время.

— Должно быть, из-за всех наркотиков, что принимал.

Клифф не видит в этом ничего забавного.

Смотрит на меня с раздражением.

Когда подъезжаем к медицинскому центру, Клифф паркуется, и мы направляемся в здание, так же как и в прошлый раз, минуя комнаты ожидания, пока идем к ортопеду.

Доктор ждет меня в своем кабинете.

— Джонни Каннинг, — произносит с улыбкой и вытягивает руку для пожатия, снова, как и в последний раз. — Рад вас видеть.

Люди, как он, знают мое настоящее имя. Оно написано во всех документах. Джонатан Эллиот Каннингом. Я не меняю его юридически. Но для них я всегда Джонни Каннинг.

На это раз пожимаю ему руку, и мы переходим к делам.

Рентген. Осмотр.

Немного тоскую, когда мне снимают гипс, видя, как разрез идет прямо по месту, где писала Кеннеди, уничтожая ее слова.

— Как ваше запястье? — спрашивает.

— Дерьмово, — признаю, сгибая его. И выглядит тоже дерьмово. — Такое чувство, что оно может развалиться надвое.

— Уверю вас, этого не произойдет. Оно будет болеть какое-то время, но я могу прописать...

— Нет.

— Ладно, — доктор неловко смеется. — В любом случае, все заживет. Никаких новых повреждений. Должно быть, удар тому парню был не очень сильный.

Клифф, который сидит в углу кабинета, трясет головой.

— Достаточно сильный, чтобы превратить мою жизнь в кошмар.

Доктор находит это забавным.

— Так, что дальше? — спрашиваю, сгибая пальцы.

— Я дам вам специальный фиксатор. Поносите его пару недель, пока запястье полностью не придет в норму. Но по мере необходимости его можно снимать, поэтому вы можете спокойно вернуться к обычной деятельности. Только никаких трюков.

— Также никаких ударов, — встречает Клифф.

— Никаких ударов, — соглашается доктор. — Не усердствуйте, пока силы не вернуться.

Доктор надевает мне на запястье черный фиксатор, затягивая, чтобы плотно прилегало, и мы уходим.

— В студии будут счастливы, — объявляет Клифф, когда мы отъезжаем от медицинского центра. — Мне нужно сделать несколько звонков, все уладить, чтобы ты мог вернуться к съемкам.

— Что насчет Серены?

— Дадим ей пару дней, — говорит. — Позволим восстановиться, прежде чем она вернется на съемочную площадку.

— Ей нужно больше, чем пару дней, — спорю. — Она в полном раздразне.

— Мне это хорошо известно, — говорит Клифф. — Я только что отправил ее на реабилитацию. И отправлю снова, как только съемки закончатся.

Он говорит это безразлично.

Как будто так и есть.

— Тебя вообще это заботит? — спрашиваю.

Он смотрит на меня сердито.

Я задел его самолюбие.

— Ты последний человек, который должен об этом говорить, — начинает. — Ты жил со своей девушкой, сбегавшей от родных, и воровал у людей, когда я подписал с тобой контракт, и посмотри, кто ты сейчас. Итак, заботит ли меня? Конечно. Но ваша карьера идет в гору не просто так. Я делаю много работы.

Не знаю, что ответить на это, желая опровергнуть, но не могу. Поэтому сижу в тишине, пока Клифф ведет машину, понимая, что что-то не так через пару минут.

— Ты не так поехал, — отмечаю. — Направляешься в Мидтаун.

— Подброшу тебя до отеля. Мне нужно заняться делами.

— Мне нужно вернуться домой.

Он останавливает машину возле «Сент Реджис», прежде чем смотрит на меня.

— Домой? Где это? Лос-Анджелес? Разве не там твой дом?

— Ты понял, что я имел в виду.

— Та квартирка останется на месте, когда бы ты не вернулся, — говорит. — Так же, как и живущие там люди. Но съемки фильма задержаны на несколько недель из-за тебя, поэтому мне надо пару часов, ладно? Просто пару часов твоего времени, чтобы твоя карьера снова шла в гору. Я прошу о многом?

— Ладно, хорошо, — говорю, выходя из машины. — Занимайся своими делами.

Он уезжает, прежде чем я даже успеваю зайти в здание.

Уже ранний вечер. Регистрируюсь, не удосуживаясь использовать псевдоним. Я не поднимаюсь наверх, так как у меня нет багажа, поэтому просто сую ключ-карту в карман и

ухожу на улицу.

Это Нью-Йорк. Ты можешь получить все, что хочешь. Но, тем не менее, я никогда не нахожу то, что ищу, из-за хаоса здесь. Занимает около часа найти зарядку для телефона. Также беру еды на вынос и возвращаюсь в номер двадцать пять минут шестого.

Ставлю телефон на зарядку и съедаю половину сэндвича, когда экран загорается. Сразу приходит уйма уведомлений, издавая сигнал за сигналом.

И я вижу множество сообщение от Кеннеди.

Я на работе всего десять минут, а день уже кажется отвратительным.

Насколько человек будет плохим, если уволится, отработав два дня, а не две недели?

Ты можешь забрать Мэдди из сада? У меня двойная смена.

Брр, ты спишь?

Не бери в голову.

На хрен все.

Последнее приходит через два с половиной часа. «На хрен» от Кеннеди не приводит ни к чему хорошему.

Выбросив вторую половину сэндвича, так как пропал аппетит, печатаю ответ, потому что, вероятно, она думает, что я ее игнорирую.

Извини, кое-что произошло. Телефон разрядился, поэтому только сейчас получил твои сообщения. Все хорошо?

Сразу появляются точки, означающие, что она печатает ответ, но снова исчезают, снова и снова, гребные пять минут, прежде чем приходит сообщение.

Определенно «хорошо».

Она использует мои слова. Они говорят все, что мне нужно знать, но я все равно отвечаю, ее же фразой.

Никто не плакал и никто не побит?

Все хорошо.

Очевидно, что нет, поэтому я открываю FaceTime и набираю Кеннеди. Текстовые сообщения ничего не дают. Мне нужно смотреть на нее.

Она не отвечает сразу, проходит какое-то время, прежде чем ее лицо возникает на экране — она окружена подушками и одеялом.

— Ты в кровати? — спрашиваю, находясь в замешательстве. — Думал, у тебя двойная смена.

— Я уволилась.

— Оу, ничего себе.

— Да, — бормочет, уставившись на меня через экран. Даже в телефоне ее взгляд пронзительный. — Выглядит так, что я не одна в спальне.

— В номере отеля фактически.

— Выглядит роскошно. Что за повод?

— Был на приеме у врача, — поднимаю руку, чтобы она увидела запястье. — Больше никакого гипса.

— Рада за тебя, — отвечает, затихая, прежде чем добавить: — Знаю, что это звучит саркастично, но я не это имела в виду. Рада за тебя.

— Спасибо, — опускаю руку. — Так все в порядке?

— Все хорошо.

— Так не кажется.

Сейчас все кажется неловким, будто что-то вклинивается между нами и отталкивает Кеннеди от меня, в то время как я отчаянно пытаюсь найти способ приблизиться к ней.

— Просто один из этих дней, — говорит Кеннеди.

— Когда хочется выпить?

— Больше, как когда я ставлю все под вопрос.

— Дай догадаться. Ты уволилась с работы, пришла домой и обнаружила, что меня нет, что взбесило, потому что тебе не нравится идея зависеть от кого-то, и тем более от кого-то такого ненадежного?

— Довольно хорошее предположение.

— Я тоже так подумал.

— Думаю, нам стоит начать с малого. Сначала купить тебе кактус, и ты бы попробовал о нем позаботиться.

Смеюсь.

— Джек бы оценил. Он предлагал мне купить растение.

— Джек — твой наставник, верно?

— Верно.

— Вы познакомились на собраниях АА?

— Нет, я познакомился с ним в лечебнице. У нас были групповые занятия, и он всегда провоцировал меня и осуждал за осквернение окружающей среды. Мне было тяжело, после того, как вышел с реабилитации, и я отыскивал его. Джек напоминает мне тебя.

Она выглядит удивленной.

— Меня?

— Да, он не церемонился со мной, как другие. Иногда мне все еще кажется, что я застрял в «Фултон Эйдж», окруженный фальшивыми улыбками, идеальными людьми с их идеальными гребаными жизнями. Но Джек не притворяется, как и ты.

— Мне нравится услышанное об этом парне. Он симпатичный?

— Он не твой тип.

— Откуда ты знаешь?

— Он совсем не похож на меня.

Кеннеди гримасничает.

— Кто сказал, что ты мне нравишься?

— Я сказал, — отвечаю. — А также твоя вагина, похоже, очень любит меня в последнее время.

Она закатывает глаза, отчего мне хочется рассмеяться.

— Кстати говоря, у нас когда-нибудь был секс по телефону?

Кеннеди пытается не улыбаться, но я вижу изумление в ее глазах.

— Я сейчас отключусь.

— Да ладно тебе. Потрогай себя для меня.

Экран становится черным.

Бросаю телефон на кровать. Не проходит и минуты, как он начинает звонить, и я улыбаюсь.

Может, она изменила мнение.

Может, просто не хочет, чтобы я видел.

Беру телефон, чтобы ответить, но замираю при виде имени. Серена.

Я почти ответил, не глядя.

Медля, отклоняю вызов.

Провожу пальцами по краю телефона, какое-то беспокойство пробуждается во мне, но я отталкиваю его. Я все еще ничего не слышал от Клиффа. Будет долгий вечерок.

Открываю текстовые сообщения и пишу Кеннеди.

Скажи Мэдисон, что я люблю ее, и что желаю ей сладких снов. Вряд ли вернусь до того, как она ляжет спать.

Ответ приходит через минуту-две.

Она говорит, что тоже тебя любит.

Улыбаюсь, когда ниже загораются еще точки, извещающие, что она печатает снова.

Виновата. Она сказала, что любит тебя больше, чем пугающую картонную версию тебя в ее спальне. (Она заставила меня ее установить)

И еще одно.

Мэдди говорит, что этот Бризо НЕ пугающий, и это я его назвала так, а не она. Она любит фигуру.

И еще.

Но не так сильно, как любит тебя.

Смеюсь, отвечаю.

Рад слышать.

Так, ты вернешься сегодня вечером?

Буду поздно, но приеду.

Кеннеди отвечает простым смайликом.

:)

Я сомневаюсь, прежде чем напечатать:

Я люблю тебя, Кей. Надеюсь, ты веришь в это.

Ничего не приходит в течение пары минут. Пялюсь на экран в тишине. Как только собираюсь сдать, приходит ответ.

Верю.

БАХ. БАХ. БАХ.

Вздрагнув, сажусь в постели, когда стук в дверь звенит в моих ушах. Затуманенными глазами осматриваю номер отеля, погруженный в лунный свет. Требуется какое-то время вспомнить, где я нахожусь, и осознать, что кто-то тарабанит в дверь.

Пошатываясь, встаю, практически сваливая проклятую прикроватную лампу, когда пытаюсь включить свет. В результате сдаюсь и перемещаюсь в темноте. Стук не прекращается, пока я не достигаю двери.

Смотрю в глазок.

Клифф.

Распахиваю дверь, но хмурюсь, разглядывая его.

— Как ты узнал, в каком я номере?

— Спросил на ресепшен.

— И они тебе сказали?

— Да.

— Невероятно, — бормочу, когда он входит.

— Невероятно то, что ты использовал свое настоящее имя при регистрации, — парирует он, включая лампу, с которой я не мог разобраться. — Мне пришлось использовать полдюжины твоих псевдонимов, но в итоге это оказался Джонатан Каннингем.

— Я не думал, что застряну здесь надолго, чтобы это имело значение.

— Верно, — протяжно произносит Клифф, когда прислоняется к комоду. — Ты собирался домой сегодня.

— Да.

— Я бы приехал пораньше, но был занят с Сереной, — говорит Клифф, вытаскивает свой «БлэкБерри» и что-то там ищет. Мгновение спустя мой телефон оповещает о входящем сообщении. — Я отправил тебе предварительный график съемок. Начало со следующей недели.

Следующая неделя.

— То есть, через пару дней?

— Со следующей недели, — подтверждает. — Над полным графиком все еще работают, но выглядит так, что это будет месяц долгих съемок и нехватки сна, поэтому отдохни, пока можешь. Тебе это понадобится.

Таращусь на него, когда до меня доходит смысл слов.

— Месяц.

— Ты справишься, — говорит он. — У тебя было расписание и похуже.

— Да, но у меня не было ребенка, о котором стоило переживать.

Когда произношу фразу, когда слова покидают мои чертовы губы, меня тошнит от самого себя. Потому что у меня действительно есть ребенок. Уже несколько лет. Во время моих приглашений в качестве гостя на телепередачи, во время нелепых подростковых комедий, всех моих рекламных компаний, во время фильмов о Бризо — она уже была. Жила. Дышала. Существовала.

У меня был ребенок, о котором стоило волноваться, но я был слишком занят, беспокоясь о себе.

Качнув головой, со всей силы провожу рукой по лицу, будто пытаюсь смыть стыд. От этого запястье ноет, а сердце болит, но боль практически приносит комфорт.

— Это всего лишь месяц, — говорит Клифф, как будто это сущие пустяки. — А не конец мира.

— Знаю, что нет, — отвечаю. — Но моя маленькая девочка может думать именно так.

Клифф отталкивается от комода, не отвечая на мои слова, вместо этого направляется к двери и говорит деловым тоном:

— Найми личного помощника. И, может, позвони своему психотерапевту. Разберись со всем. Встречаемся в шесть утра в понедельник перед этим зданием. На данный момент мне нужно разобраться, куда делась Серена, потому что пока я пытался найти твой номер, она исчезла из своего. Если встретишь ее, дай мне знать.

Он уходит, явно не собираясь отвозить меня, куда мне надо. Поднимаю телефон с кровати и смотрю на время — полночь.

Бл*дь.

Бросаю ключи на стол, оставляя их там, и выхожу, направляясь в лобби.

Я дал ему несколько часов. Время уезжать.

Спускаясь в лобби, заказываю такси. Нужно ждать десять минут. Оглядываясь, замираю, когда смотрю в сторону прилегающего к лобби бара.

— Ты, должно быть, шутишь.

Серена.

Она сидит у барной стойки в одиночестве, взгляд сфокусирован на бокале с чем-то перед ней. Чертовски похоже на одну из фруктовых смесей, которые обычно полны ликера.

Чувствую себя придурком, но пишу Клиффу.

Серена в баре возле лобби.

Он отвечает.

Отвлеки ее. Я в пути.

Бурчу себе под нос, когда направляюсь к барной стойке. Последнее место, где мне хочется находиться. Серена потягивает свой напиток, как вдруг поднимает голову и замечает меня.

— Джонни.

— Ты выжила из ума, Сер? Сидишь здесь и напиваешься?

Ее губы растягиваются в улыбке, когда она протягивает мне бокал, направляя

соломинку в мою сторону.

— Если ты хотел сделать глоток, можно было просто попросить.

— Ты, черт побери, отлично знаешь, что я этого не хочу.

— Ох, расслабься, — отвечает со смешком, махнув рукой на меня, когда снова делает глоток. — Это не алкоголизм.

— Серьезно?

Снова протягивает мне бокал.

— Попробуй и поймешь.

— Спасибо, но воздержусь, — говорю. — Не буду рисковать своей трезвостью из-за какого-то дерьма с коктейльным зонтиком.

— Тебе же хуже, — пожимает плечом Серена. — Но уверяю тебя, коктейль такой же девственный, как твой дружок-трезвенник, как там зовут этого зануду? Джош?

— Джек, — отвечаю. — И уверен, что он не девственник.

— Кто-то спит с этим парнем?

— Уверен.

— Ну, тогда... мой напиток более девственный, отчего мне, правда, хочется, чтобы в нем был алкоголь.

Прислоняюсь к барной стойке, пока смотрю на нее.

Кажется, она в хорошем настроении.

— Ты ширялась сегодня? — спрашиваю. — Что ты принимала?

Ее улыбка меркнет, хорошего настроения как не бывало, и Серена говорит с горечью:

— Почему ты вообще здесь? Разве тебе не нужно находиться в другом месте?

Смотрю в сторону окна бара на улицу, и вижу подъехавший черный седан, в это время мне на телефон приходит сообщение.

— Забавно, что ты спросила, потому что за мной как раз приехала машина.

Оставляю ее у барной стойки и прохожу мимо Клиффа в лобби, когда направляюсь на улицу и сажусь в машину. Даю водителю свой адрес в Лонг-Айленд и по дороге делаю несколько звонков, чтобы быть уверенным, что меня встретят. Когда прибываем, за массивным забором, окружающим собственность, стоит мужчина. Он приветствует меня, открывает ворота, прежде чем протягивает связку ключей.

— Первый гараж.

Гараж на климат-контроле, оснащенный современной системой безопасности, как будто охраняет гребаный алмаз Хоупа, в действительности — дорогие машины. Двери открываются, и автоматически включается свет, когда я захожу внутрь. Сразу иду к «Порше» и провожу рукой по глянцево-синей краске.

Я купил его после реабилитации по настоянию Джека.

Ну, на самом деле, Джек сказал мне сделать себе подарок, чтобы отметить определенный этап моей жизни. Поэтому я купил себе новый кабриолет «Порше 911», похожий я продал, когда переехал в Голливуд.

Когда рассказал Джеку, он назвал меня отвратительным гребаным мудаком. Очевидно, для него сделать себе подарок — отправить цветы.

Подписываю кое-какие бумаги, чтобы забрать машину, и сажусь за руль. Согласно одометру — на ней меньше тысячи миль, и я собираюсь добавить еще двести.

Поездка долгая. А сегодня кажется еще дольше. Доезжаю до квартиры Кеннеди к четырем утра. Дверь закрыта, но я использую свой ключ и вхожу внутрь.

Молча иду по небольшому коридору, смотря в сторону комнаты Мэдисон и видя, что она умиротворенно спит. Иду дальше, не желая ее тревожить. Дверь в спальню Кеннеди приоткрыта, свечение от небольшой лампы проливает свет на часть комнаты. В моей груди все сжимается, когда я открываю дверь и вижу, что она крепко спит, сжимая в руках старый блокнот — тот, что содержит ее версию нашей истории.

Частично я читал ее. Начало. Мне было слишком страшно увидеть, какой она превратилась в Калифорнии. Кеннеди писала историю, будто она предназначалась для меня, но я помню все по-другому. Для меня она была центром Вселенной, солнечным светом, который сиял очень ярко, но Кеннеди писала о себе в тени, выставляя себя второстепенным персонажем своей же истории. Вместо этого сделала меня героем, центром альтернативной Вселенной, которую придумала вокруг себя.

Я всегда догадывался, но никогда по-настоящему не осознавал, что был ее Бризо.

И затем я медленно исчезал.

Осторожно забираю блокнот из ее хватки и откладываю в сторону, прежде чем выключить лампу и лечь рядом. Кровать подо мной прогибается, и Кеннеди шевелится, медленно открывая глаза. Моргает в замешательстве, прежде чем ленивая улыбка расплывается на ее лице, и сонным голосом шепчет:

— Ты здесь.

— Я же сказал, что вернусь.

— Да, но ты много обещал и говорил, — бормочет она, прижимаясь ко мне.

Обнимаю ее, прижимая ближе к себе, когда снимаю фиксатор с запястья и бросаю куда-то в темноту. Рукой скольжу под футболку Кеннеди, ощущая ее теплую кожу под своей ладонью, когда поглаживаю спину, кончиками пальцев очерчивая позвоночник, и нежный стон срывается с ее губ.

Бл*дь, это звук что-то делает со мной. Изогнув спину, Кеннеди шевелит бедрами, и инстинктивно двигаясь, я перемещаю нас так, что нависаю над ней.

Она смотрит на меня и с дрожью выдыхает, прежде чем наклоняюсь для поцелуя.

— Я имел это в виду, — шепчу у ее губ, пока руками брожу по ее телу, избавляясь от надоедливой одежды.

— Ты сказал много ужасных слов, — она напоминает мне.

— Это были разговоры под кокаином, — говорю, целуя ее, когда Кеннеди наклоняет голову. — И также под виски.

— Расскажи кому-то, кого, бл*дь, это волнует.

Голос Кеннеди тихий, спокойный, но есть слово «бл*дь». Отстраняясь, смотрю на нее.

— Твои последние слова, сказанные мне.

— В день, когда ты ушла?

Она кивает.

— Ты был трезв, произнося их.

Расскажи кому-то, кого, бл*дь, это волнует.

Если вот так наша история закончилась для нее, я умирал, как хотел узнать, что написано на последних страницах ее блокнота.

Пытаюсь сесть, но Кеннеди обнимает меня.

— О, нет, я так не думаю. Ты закончишь то, что начал, мистер Большая шишка.

Она страстно целует меня, и я моментально сдаюсь, толкаясь меж ее бедер. Одним толчком скольжу в нее, и черт побери, если не чувствую себя как будто дома, поэтому я

снова и снова показываю Кеннеди, что не имел в виду то сказанное дерьмо.

Фатальная ошибка драматического героя Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд

Мечты не всегда остаются просто мечтами. Иногда они превращаются в кошмары, те, в которых ты громко кричишь, но тебя никто не слышит. Не хотят слышать. Отстраняются от тебя.

Впервые ты пробуешь кокс в клубе в Лос-Анджелесе. Подарок от модели Марксон, Серены Марксон, на твой двадцать первый день рождения. Клиффорд устраивает вечеринку в твою честь и приглашает людей из Голливуда, но твоя любимая женщина остается дома. Клиффорд говорит, что она еще не достаточно взрослая, чтобы пойти. В это место пускают только с двадцати одного. Поэтому ты говоришь ей, что не будет ничего особенного, просто неформальное общение. Часть твоей деятельности связана с общением. Это просто «работа».

Но на фото в таблоидах не кажется, что ты «работаешь», не тогда, когда большинство из вас вдыхают порошок со стола. Здесь все окружение Клиффорда. Девушки крутятся вокруг вас. Но некоторым из них нет двадцати одного. Некоторые едва достигли восемнадцати.

Ты извиняешься, убеждаешь, что это была ошибка. Просишь второй шанс. Но ты делаешь это только после того, как все становится очевидным. И когда начинаешь сниматься в своем втором фильме — еще одна подростковая комедия, где у тебя ведущая роль на это раз — мир немного меняет свое отношение к тебе. Твой первый фильм еще не вышел, но уже ходят слухи. Поговаривают, что новый протеже Кэлдвелла может быть кем-то особенным. Ты так сильно стараешься. Скоро начнется промо-компания, и тебе нужно набраться сил.

Вот, что ты говоришь себе. Никакого вреда от небольшого кайфа. И ты веришь в это, чувствуешь себя хорошо. Чувствуешь себя так, будто мир принадлежит тебе. Приходишь домой этим вечером, и голубые искорки исчезли из глаз. Девушка смотрит на тот беспорядок, которым ты стал, и медленно начинает чувствовать пустоту, но ты улыбаешься и говоришь ей, что все в порядке. Она задается вопросом, откуда все это, и как она могла в такое вляпаться, потому что ты не с ней. Ты исчез.

Когда она говорит тебе о переживаниях, ты признаешься ей в любви. Уверяешь, что прекратишь, но, боже, если бы она только могла это почувствовать.

Поэтому ты соблазняешь ее. Доставляешь удовольствие. Когда скользишь в нее, когда занимаешься с ней любовью, она действительно верит, что может взять на себя этот безумный мир вокруг тебя.

Но любовь настолько же сильная, как люди, ее подпитывающие. А ты? Ты Супермен, думающий, что криптонит делает тебя невидимым.

А женщина, которую ты любишь... Она не может продолжать притворяться, что все это норма. Она не может продолжать писать, будто где-то по пути сюжетная линия изменила саму себя. Она не может продолжать вести себя так, будто это не ее история.

Ты держишь опасный курс, Джонатан. Мчишься к чему-то, что никто из вас не может увидеть в темноте, но что бы это ни было, оно причинит боль. Думаешь, что у тебя все под контролем, но ты в свободном падении, и не слышишь, когда я кричу тебе остановиться.

Когда я пишу это, нас разделяет две с половиной тысячи миль. Ты в Нью-Йорке, так близко к дому... или где дом должен быть. Работаешь над еще одним фильмом. В ЛА еще темно, но солнце взойдет там, где ты сейчас, ознаменовывая начало еще одного дня. Вчера

была наша третья Мечтовщина. Я провела ее здесь без тебя.

Это был плохой год. Невозможно приукрасить, нет приятных слов, которыми я могла бы превратить его во что-то милое, не сейчас, когда мне так горько. Ты гусеница, которая вошла в кокон и появилась прекрасная бабочка, а я напоминаю, что бабочки не летают рядом долго, всего лишь несколько недель, прежде чем исчезают.

Я не собираюсь тратить время на подробное описание. Я бы хотела так много изменить, чтобы это соответствовало моей версии тебя, будучи которой ты вошел на урок Американской политики четыре года назад и украл мое сердце, но этого парня здесь больше нет. Куда он пропал? Он забрал мое сердце с собой, но мне нужно вернуть его. Мне нужно вернуть его из-за того, что грядет, так я могу попытаться защитить свое сердце, и так оно не разобьется, когда новая версия тебя достигнет дна.

Потому что это происходит, Джонатан. Твоя мечта становится моим кошмаром, и я умоляю тебя позволить мне проснуться.

Ты не знаешь, но женщина, которую ты любишь... Та, из-за которой ты оставался в штате Нью-Йорк, когда она еще была просто девчонкой, хотя ты страдал, хотел уехать, но остался из-за любви... Прямо сейчас эта женщина делает то же самое ради тебя.

25 глава

Кеннеди

— Сделай глубокий вдох. Говори громко и четко. Если что-то забудешь, импровизируй. Поняла?

— Поняла! — объявляет Мэдди, перепрыгивая с ноги на ногу и улыбаясь своему отцу, который сидит перед ней на полу гостиной. Они решили «пробежаться по репликам», как называет это Джонатан. Мэдди одета как Бризо, по ее словам, если она актриса, то должна быть в костюме.

— Хорошо, — говорит Джонатан, глядя на небольшую стопку бумаг в своих руках и прочищая горло, когда читает:

— Погода...

— Подожди! — кричит Мэдди, прикрыв бумаги руками. — Я еще не готова.

— Я думал, что ты сказала, что готова.

— Была, но... — она замолкает, хмурясь. — Что такой «импровизируй»?

Джонатан смеется.

— Это означает — придумай что-то. Скажи что-нибудь. Тебе не понравится неловкая тишина.

— Ох, хорошо, — Мэдди убирает руки. — Поняла!

— Эм, ты уверен, что именно это ты хочешь предложить? — спрашиваю, сидя на диване и переключая каналы. Телевизор включен, но громкость убавлена. — Не думаю, что это лучший совет.

Джонатан смотрит на меня.

— Эй, кто здесь актер — я или ты?

— Я, — восклицает Мэдди, тыкая в себя пальцем.

— Просто хочу сказать, что импровизация может быть слишком продвинутой для этой ситуации.

— Все хорошо, мамочка, — убеждает Мэдди, обхватывая лицо Джонатана и сжимая его щеки, когда вынуждает его посмотреть на нее. — Сейчас я готова, но не читай эту часть. Давай мою.

Джонатан листает страницы вперед.

— Будучи красивым, пушистым облаком я начинаю чувствовать себя таким тяжелым и холодным. Брр. О, нет! Думаю, что из меня пойдет снег!

Пытаюсь не засмеяться, когда он говорит эту строчку.

— Привет, ребята! — произносит громко Мэдди. — У чего есть шесть рук, и оно не похоже ни на что в мире?

— Снежинка, — отвечает Джонатан.

— Это я! — Мэдисон разводит руки в стороны и кружится. Это не по сценарию. Импровизация. — Я падаю, и падаю, и падаю. Куда я собираюсь?

— Вниз, — говорит Джонатан. — На землю.

Мэдисон запинается о свои собственные ноги, пока кружится, и падает, хихикая, но Джонатан ловит ее, усаживая к себе на колени.

Все. Это единственные ее слова до самого конца, где она говорит: «Не только снежинки особенные. Вы все — особенные!»

Весь день в саду она запоминала их.

— Снова! — говорит Мэдди, поднимаясь на ноги.

— Позже, — говорит Джонатан. — Прямо сейчас мы должны что-нибудь приготовить на ужин.

— Я могу что-нибудь сделать, — предлагаю, поднимаясь, но Джонатан останавливает меня.

— Я позабочусь об этом, — убеждает. — Просто отдыхай.

Отдыхай. Первый раз я не работаю в будни за долгое время. Весь день ничего не делала, рассиживаясь без дела. Даже вздремнула, пока Мэдди была в саду. Я не привыкла бездельничать. Для меня это странно.

Джонатан выходит из кухни.

Мэдди идет к себе в спальню.

Я щелкаю каналы.

Практически пролистываю до начала, когда кое-что приковывает мое внимание. Одно из вечерних развлекательных шоу — эквивалент желтым газетенкам. На экране Джонатан — снимок одной из старых фотосессий.

«Бризо» возвращается! После того как съемки были прекращены, когда звезда фильма, Джонни Каннинг, получил травму в результате несчастного случая, на следующей неделе возобновится процесс съемок долгожданного третьего фильма. Источник сообщает, что Каннинг вернется на площадку в понедельник, в то время как его нерегулярная подруга, Серена Марксон, присоединится, когда съемочная группа отправится в Европу.

— Я, эм... — голос Джонатана разносится по гостиной, он смотрит на экран. — Заказал пиццу.

Переключаю канал, ощущая, как мой желудок завязывается в узел.

— Хорошо.

Он сует телефон в карман, прежде чем проводит рукой по лицу. Знаю, что он видел и слышал репортаж. Не то чтобы это имеет значение, потому что он уже в курсе.

Его уже предупредили.

Останавливаюсь на другом канале, где идет бессмысленный комедийный ситком, когда Джонатан протяжно выдыхает.

— Я собирался поговорить с тобой об этом.

— Когда? Когда бы вышел за дверь?

— Сделал бы это до выходных, — говорит. — Я не знал до вчерашнего вечера. Доктор дал одобрение, а студия хочет как можно быстрее продолжить процесс съемок.

Киваю, чтобы он понимал, что я услышала, и поджимаю ноги под себя, когда облокачиваюсь рукой о подлокотник дивана, пялясь в телевизор.

— Ты злишься, — говорит.

— Не злюсь.

— Раздражена.

— Нет.

— Тогда что? Безразлична? Потому что я уверен, что ты не счастлива.

Джонатан наблюдает за мной, хмурясь, как будто ожидал от меня определенной реакции, которой не получил.

— Я не злюсь, — снова повторяю. — Думаю, я просто... опечалена. Понимала, что рано или поздно это произойдет, знала, что все не продлится долго, что тебе придется уехать, но думала, что у нас будет больше времени.

Он хмурится сильнее, подходя ближе.

— Всего лишь месяц. После этого съемки фильма окончатся и ...

— И что? — спрашиваю, когда он умолкает. — Что тогда случится?

— Затем я вернусь.

— Затем ты вернешься, — бурчу. — На сколько? На пару дней? Может, еще на шесть недель? Но затем ты снова уедешь — фотосессии, промо-компания, интервью, встречи, прослушивания, уроки актерского мастерства, не говоря уже о красных дорожках, вечеринках, организованных студией.

Джонатан морщится, когда я произношу последнее, реагируя, будто это обвинение. И, может, так и есть, я не знаю. Кроме печали, не понимаю, что чувствую. Я сломленный, когда-то питающий надежды романтик, который держит свое сердце в кулаке и умоляет Джонатана взять его, тем не менее, боясь отпустить его и дать такой контроль надо мной.

Когда я в последний раз подарила ему свое сердце, он разбил его.

— Я буду здесь, пока буду желанным, — говорит. — Поэтому все зависит от тебя.

Качаю головой из-за его уклончивого ответа.

— Ты не имеешь это в виду. Можешь так думать, но на самом деле это не так. Мы не живем в коробке, Джонатан. За пределами этих стен все еще есть мир. И этот мир никуда не денется.

— Я знаю это.

— Разве? — спрашиваю, искренне сомневаясь, что он понимает, во что ввязывается. — Когда в последний раз ты оставался в одном месте больше, чем на неделю? Когда в последний раз ты спал в одной и той же кровати ночь за ночью? Потому что я не уверена, что ты помнишь, каково это.

— Разве это не то, что я делаю? Нахожусь здесь.

— Это не считается.

— Почему?

— Потому что.

Джонатан трясет головой, проведя рукой по волосам, и говорит:

— Это нелепо.

А по моему мнению нелепо то, как сжимается сердце в моей груди, когда смотрю на Джонатана. Как бабочки просыпаются в моем животе при звуке его смеха. То, как его улыбка трогает меня до глубины души. Нелепо то, что я чувствую себя такой потерянной, думая о будущем.

Джонатан всегда был мечтателем с горящими глазами. Самым ужасным чувством в мире было видеть, как наркотики гасят этот свет. Я не могла ничего сделать, чтобы это прекратить, пыталась, но каждый раз терпела поражение.

Но если я и вынесла из этого какой-то урок, то это то, что мы должны быть нашими собственными героями. Нас не спасет никакой парень в костюме. Мы сами должны помочь себе.

— Я простила тебя, — говорю Джонатану, не уверенная, знает ли он это, но думаю, ему стоит услышать. — И знаю, что ты приехал сюда, чтобы все исправить, но ты не должен мне ничего. Твой долг только перед одним человеком — маленькой девочкой в соседней спальне. Она заслуживает отца, и твой отъезд испугает ее, потому что она привыкла видеть тебя рядом.

— Тогда поехали со мной, — предлагает. — Вы обе.

— Мы не можем.

— Почему? Мы сможем быть вместе.

— Однажды я уже отказалась от всего, чтобы последовать за тобой. Я не смогу снова это сделать.

Застонав, проводит рукой по лицу.

— Я не знаю, чего ты хочешь от меня, Кеннеди.

— Хочу, чтобы ты был мужчиной, в котором она нуждается, — говорю. — Потому что, когда ты скажешь ей, что вернешься, она тебе поверит.

Джонатан пристально смотрит на меня какое-то время, прежде чем спросить:

— Что насчет тебя? Ты мне веришь?

— Да.

Он выглядит удивленным.

— Хотя вопрос не в этом, — говорю. — Я не сомневаюсь, что ты вернешься. Вопрос в том, захочешь ли ты все еще быть здесь.

— Почему я не должен?

— Потому что реальный мир не может конкурировать с тем, что тебя ожидает. И, может, ты и любишь меня...

— Люблю.

— Но любовь не дает тебе права возвращаться и уходить, когда тебе вздумается. Я не смогу так жить.

Джонатан садится на диван, понутив плечи, когда закрывает лицо руками.

— Ты хочешь, чтобы я бросил актерство? Это твое желание?

— Конечно, нет, — говорю. — Я не прошу тебя отказываться от своей мечты. Я прошу тебя поделиться ею. Твоя работа важна, я понимаю, но Мэдди тоже важна. Ты не можешь вернуться, а потом забыть, что она ждет тебя дома. Потому что ты живешь в огромном мире сейчас, а ее — очень маленький. День без тебя — равносильно дню без солнца для нее. Не дай ей погрузиться в темноту.

Я поднимаюсь, потому что не готова к этому разговору сейчас.

— Вот как ты себя чувствовала из-за меня? — спрашивает.

— Да.

— Извини.

— Не надо, — говорю. — Я выучила кое-что важное.

— Что?

— Никогда не делай другого человека главным героем своей истории.

— Я собираюсь пойти на работу.

На моих словах Джонатан останавливается в дверях спальни и смотрит с подозрением, пока надевает куртку.

— На работу.

— Ну, я имею в виду, на мою бывшую работу, — бормочу, пока складываю выстиранную униформу. Я проснулась сегодня утром, а мне доставили новую стиральную машину и сушилку, любезно предоставленные мужчиной, который смотрел сейчас на меня так, будто я потеряла рассудок. Я сказала ему, что он не должен был тратиться, но техника была такой модной, с разными кнопочками, настройками, что, естественно, я провела весь день с новой игрушкой. Брр, я старею. — Мне нужно вернуть униформу.

— Я могу завезти ее, — предлагает Джонатан, глядя на часы. — У меня есть время, прежде чем нужно будет забрать Мэдди из сада.

Подходит ко мне и пытается забрать вещи, но я одергиваю руку, в защитном жесте сжимая форму.

— Нет.

Джонатан смеется и говорит:

— Хорошо, не буду.

— Я просто... Уф, я не видела мир снаружи уже какое-то время. Начинаю забывать, как ощущается солнечный свет.

— Ты драматизируешь.

— Нет.

— Прошло два дня.

Он прав. Прошло всего сорок восемь часов, но мне тоскливо бездельничать.

— Тем не менее, я могу отвезти форму сама.

Джонатан пытается не рассмеяться.

— Кеннеди, детка, думаю, что ты трудоголик.

— Нет.

— Знаешь, есть специальные анонимные собрания по этому поводу, — продолжает Джонатан, игнорируя мое отрицание. — Это поможет направить твою энергию во что-то другое: чтение, может, писательство.

Закатываю глаза.

— Буду иметь в виду.

— Иди сюда, — говорит Джонатан, вытягивая руку и притягивая меня к двери. — Пошли со мной на улицу.

Я не отказываюсь, потому что именно это и собиралась сделать. Пойти на улицу. Несу

униформу с собой, следуя за Джонатаном из квартиры. Как только собираюсь спросить, куда мы, он вытаскивает ключи из кармана куртки и нажимает на кнопку, отчего что-то издает сигнал, и фары освещают парковку.

Смотрю в сторону от него и почти спотыкаюсь об свои ноги, когда вижу припаркованный рядом с моей «Тойотой» голубой «Порше».

— Святое дерьмо.

Джонатан ухмыляется, когда приобнимает меня и ведет к машине.

— Должно быть, для тебя это очень большой сюрприз, раз ты ругаешься.

— Она точно как твоя старая машина.

— Немного новее, но да, — он передает мне ключи, кладя поверх униформы. — Ты же знаешь, как водить механику?

— Я... Эм, что? — хватаю ключи, когда они начинают падать. — Я хочу сказать, что могу, но не могу водить твою машину.

— Почему нет?

— Это гребаный «Порше»! Что если я поцарапаю его? Разобью? Я не смогу это исправить!

Джонатан смеется. Снова. Сегодня он очень много смеется.

— Я редко вожу ее, поэтому ты тоже можешь пользоваться. Иначе машина просто будет простаивать в гараже. Кроме того, без обид, но я не уверен, сколько продержится твоя старая рухлядь.

Смотрю на свою машину, нахмурившись, прежде чем перевожу взгляд на Джонатана. Его намерения благие, знаю и благодарна. Но он беспокоит меня этим.

— Это чересчур, Джонатан. Утром ты уже подарил мне стиральную машинку и сушилку. Теперь даешь мне ключи от своей машины. И что последует дальше?

— Посудомоечная машина, — заявляет. — Ее должны доставить завтра утром.

Я хлопаю глазами.

— Ты же знаешь, что я не нуждаюсь в этом?

— Знаю, — говорит, прежде чем толкает меня к машине. — Теперь поезжай, отдай свою униформу. И убедись, что убрала верх машины, чтобы ощутить на себе солнечные лучи.

Он заходит внутрь, оставляя меня на улице.

Долго пялюсь на машину, прежде чем сдать. Она не моя, но это новая игрушка, и довольно сложно отказать, когда на меня напала ностальгия. Это напоминает мне о времени, когда наши мечты все еще ощущались такими прекрасными.

Поэтому сажусь за руль и еду в супермаркет. Или, точнее сказать, проезжаю мимо магазина, несколько раз нарезая круги вокруг близлежащих зданий, прежде чем собираю нервы в кулак и захожу внутрь, направляясь в кабинет Маркуса.

— Кеннеди, — его тон деловой, когда он сидит за столом и приветствует меня, как только я вхожу. — Чем могу помочь?

— Заехала вернуть униформу, — показываю кучу одежды.

— Можешь положить ее здесь, — говорит, махнув рукой. — Спасибо.

— Конечно, — отвечаю, кладя ее сверху коробок у двери. Задерживаюсь на месте, наблюдая, как Маркус перелистывает бумаги, чувствуя вину, потому что знаю, что он выполняет мою работу.

— Тебе нужно что-то еще? — спрашивает мой бывший босс, вздернув бровь.

— Нет, — отвечаю, сомневаясь. — Ну, я хотела сказать, что сожалею.

— Настолько сожалеешь, что хочешь вернуться на работу?

— Не совсем.

Он смеется, вернувшись к бумагам.

— Стоило попытаться.

— В любом случае, — говорю. — Спасибо, что когда-то дал мне шанс.

Выхожу из кабинета, не желая, чтобы ситуация становилась слишком сентиментальной.

В магазине полно народу — ничего необычного для пятницы.

Направляюсь к двери, когда парень из доставки раскладывает журналы у кассы. Инстинктивно мой взгляд прикован к ним — к изданию «Хроник Голливуда». Я замираю на месте, резко вдыхая, чувствуя, будто получила удар в живот.

Затем хватаю верхнюю копию, пока мир вокруг меня пытается накрениться. В моей голове стучит, паника заполняет, а руки дрожат.

Развернувшись, выхожу из магазина, прихватив журнал с собой, и направляюсь домой. В квартире пусто, так как Джонатан пошел забирать Мэдди из школы, а значит, я одна.

Иду в свою спальню.

Усевшись на кровать, плююсь на обложку журнала.

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ ДЖОННИ КАННИНГА.

Сверху фото: я, Джонатан и наша дочь. Наши лица на обложке «Хроник Голливуда». Невероятно, знаю. Жизнь Джонатана проходит под вечным светом прожектора, и мы неизбежно втянуты в это с Мэдди.

И это странно, но он выглядит счастливым.

Один из редких случаев, когда они напечатали его улыбающимся.

Хотя под фото другая история.

Фото того, как Джонатан в баре, а подпись утверждает, что это было пару дней назад. Он стоит рядом с Сереной, и она предлагает ему напиток.

Пролистываю дальше, найдя еще больше фото. Больше нас. Больше их. Ближе к полуночи понедельника — его прием у врача. Говорится, что они встретились в отеле, хотя за несколько часов до этого он, наконец, прервал свое молчание об их отношениях, когда отводил нашу дочь в школу.

Закрыв журнал, отбрасываю его в сторону.

Проходит пара минут, прежде чем слышу, как открывается входная дверь, и на всю квартиру разносится смех Мэдди. Она вбегает в коридор, крича:

— Привет, мама! Пока, мама! — прежде чем исчезнуть в своей спальне.

Джонатан заходит в спальню, спрашивая:

— Ну и как сходила в магазин?

Какое-то время смотрю на него в тишине, прежде чем сказать:

— Все прошло, как я и думала.

— Хорошо? Плохо?

Пожимаю плечами.

Он хмурится, делая шаг ближе, замечая журнал на кровати. Схватив его, стонет и садится рядом со мной.

— Ты купила это дерьмо?

— Нет, я просто одолжила.

— Ты одолжила.

— Да.

Джонатан изучает обложку, прежде чем листает издание, сразу переходя к статье. Затем сжимает журнал, нахмурившись, и отбрасывает его в сторону.

— С каких пор ты воруюшь из магазинов?

— Я не ворую. Это просто ошибка.

— Ошибка, — говорит Джонатан. — Я совершил долю своих.

— И в последнее время?

— Может, несколько.

— Например?

— Одна из них — чтение этой статьи.

— И в чем же ошибка?

— Та часть, где я потратил клетки своего мозга, читая ее, — говорит он. — К слову, я не пил той ночью. Знаю, выглядит не очень, но я ждал машину, и Серена оказалась в баре отеля. Между нами ничего нет — именно это я и сказал придурку, когда он утверждал, что нарушил мое молчание.

— Принято к сведению.

Потянувшись, Джонатан кладет свои руки поверх моих. И я понимаю, что беспокойно дергаюсь.

— Не надо, — почти умоляет. — Пожалуйста, не сомневайся во мне из-за того, что они напечатали.

— Просто, знаешь... фотографии.

— Это мгновенные снимки, — утверждает. — То, что выглядит плохо, вырванным из контекста. И они любят это, используя каждый шанс.

— Я понимаю.

— Но вернемся к теме разговора. Еще одна ошибка, потратить хотя бы унцию энергии, обсуждая эту ерунду, когда есть вещи получше.

Закрываю глаза, когда Джонатан толкает меня на кровать. Его губы встречаются с моими, языки переплетаются. Он рыщет руками по моему телу, поглаживая, скользя одной рукой мне под футболку. Сжимает грудь рукой, запуская пальцы под бюстгальтер. Я стону, когда кончиками пальцев гладит мой сосок, посылая искры по моему телу, но затем прикосновения перемещаются ниже.

Подушечками пальцев Джонатан проводит по моему животу, прежде чем запустить руку под пояс штанов. Я резко вдыхаю, когда он начинает круговыми движениями гладить хлопковую ткань моих трусиков. Тепло растекается по моему телу, мурашки покрывают кожу, одно прикосновение этого мужчины зажигает меня.

— О боже, — шепчу, изогнув спину, когда его пальцы творят магию с моим телом. Я уже близко, чувствую, как оргазм зарождается во мне. Закусываю нижнюю губу, чтобы не издавать слишком много шума.

Так близко...

Так близко...

О, боже мой, так...

— Папочка!

Из коридора слышится голос Мэдди, и шаги в нашем направлении. Джонатан моментально убирает руку, вставая.

— Что?

Мэдисон врывается в спальню, в то время как я резко сажусь, все еще тяжело дыша. Мое

лицо горит, я дрожу, изнываю, сжимая бедра вместе, чтобы остановить ощущения.

— Я готова пронестись по репликам! — говорит она, улыбаясь, снова одетая в костюм Бризо.

Джонатан смеется.

— Ты имела в виду, пробежаться по репликам.

Она хмурится.

— Я это и сказала.

— Нет, ты сказала... — Джонатан замолкает. — Не бери в голову.

— Вы снова будете репетировать? — смотрю между ними, когда Джонатан подходит к сумке со своими вещами и копается в ней. — Это займет, сколько... пять минут? Десять?

Я пытаюсь оценить, насколько он оставит меня в таком состоянии.

Джонатан вытаскивает толстую кипу бумаг, помахав ею передо мной.

— Вероятно, немного дольше этого.

Сценарий «Бризо»: Призрачный.

— Оу, — говорю, вытянув руку, но он отводит свою руку дальше.

— Никаких прикосновений, — говорит, прежде чем протягивает его Мэдди. — Совершенно секретные материалы.

— Что? — сердито смотрю на него. — Тогда почему она будет читать его?

— Ну, так, потому что я Бризо, — отвечает Мэдди, прежде чем убегает со сценарием, не давая мне приблизиться к нему.

— Да, — подтверждает Джонатан, наклоняясь для поцелуя — просто чмок в губы.

Он пытается уйти, но я не позволяю, дергая его на себя.

Смеясь, снова целует меня, на это раз по-взрослому, и прижимается своим пахом ко мне. Он твердый.

— Ты этого хочешь, детка?

Детка. Когда он говорит это, я дрожу в его объятиях.

— О, боже, да...

— Папочка! — кричит Мэдди из гостиной. — Поторопись!

— Жаль, — говорит Джонатан, прикусив мою нижнюю губу, прежде чем отстраниться. — Полагаю, у нас смена планов.

Смотрю с открытым ртом на него, когда он направляется к двери.

— Ты сукин...

— Сын?

Джонатан смеется.

— Это жестоко, — говорю. — Жестокое и ужасное наказание.

— Не злись, мамочка! — кричит Мэдди на всю квартиру. — Может, папочка даст тебе его позже.

Она говорит о сценарии, я знаю, но, черт побери, краснею, когда Джонатан смотрит на меня из коридора, игриво вздернув бровь.

— Может, папочка даст.

Показываю ему средний палец.

Он снова смеется.

Без сомнения я возбуждена, и часть меня все еще изнывает от желания, но когда слышу радостный голосок Мэдди в процессе их чтения, чувство покоя накрывает меня.

Не могу сдержать улыбку.

Именно этого я хотела все эти годы.

Встав с кровати, иду на кухню и готовлю ужин. Когда заканчиваю, Джонатан и Мэдди делают перерыв, и мы втроем едим за столом. После этого они снова возвращаются к сценарию, а я иду в спальню.

Подбирая отброшенную копию «Хроник Голливуда», вырываю фото обложки, где Джонатан улыбается, а остальную часть журнала выбрасываю в мусорку. Вытащив свою старую коробку с воспоминаниями, кладу туда фотографию. Каким бы странным не казалось сохранить ее — это наше первое фото вместе, как семьи.

— Хочешь пробежаться по репликам со мной?

Уже темно, когда Джонатан появляется на пороге спальни, облокотившись на дверной проем со сценарием в руках. Я сижу на кровати, прислонившись к изголовью, сомкнув ноги в коленях и держа на них блокнот.

— Разве у тебя нет дочери для этого?

— Она уснула, — говорит он. — Должно быть, просто потеряла сознание от переизбытка впечатлений.

— Должно быть, — соглашаюсь. — Так, ты подумал, что можешь просто забраться ко мне в кровать? Что я приму тебя с распростертыми объятиями? Дам тебе еще один шанс?

— Чертовски надеялся. Держу пари, что части тебя я на самом деле нравлюсь.

— Ты нравишься почти всем частям меня.

— Какой не нравлюсь?

— Обычно моему мозгу.

Джонатан смеется, придвигаясь ближе и хмурясь, когда видит, что я держу.

— Ты пишешь?

— Просто думаю, — отвечаю, закрыв блокнот, когда он присаживается рядом со мной на кровать. Беру у него сценарий, и он не отказывает на это раз, позволяя мне его листать.

— *Я часто задаюсь вопросом, что может быть хуже, чем быть невидимым,* — произносит Джонатан, и знаю, что это реплика из сценария, потому что слова точь-в-точь, как из комикса. — *Разве нет одиночества больше, чем быть самому по себе?*

— *Думаю, теперь я понимаю,* — шепчу, пролистывая пару страниц, пока не нахожу сцену.

— *Хуже любить кого-то, кто исчезает, и не знать, вернется ли это человек. Потому что, как можно идти дальше по жизни, когда не уверен, исчез ли человек? Ответ — ты не можешь двигаться дальше. Когда проводишь всю жизнь, преследуя призраков, в конце концов, становишься одним из них.*

Улыбаюсь.

— Всегда любила эту часть.

— Помню, — отвечает Джонатан, когда придвигается ближе и хватается меня за ноги. Я визжу, когда он перемещает нас так, что я лежу на спине, а он нависает надо мной.

— Эту часть мы снимаем в понедельник.

Хочу расспросить его об этом, но Джонатан начинает стягивать с меня штаны, и теперь я могу думать только о его руках. Они на моем теле, за ними следуют его губы и поцелуи, и прикосновения, и любовь, все ниже и ниже...

— О, боже, — ахая, забывая обо всем, когда сжимаю его волосы в своих руках, пока его язык творит магию с местечком у меня между ног. Джонатан не дразнится, не играет. Он почти агрессивно берет то, что хочет.

Я стону его имя, хнычу, ахаю, ощущая, как во мне нарастает возбуждение, отчего сильнее хватаю его за волосы и прижимаю ближе к себе. Язык Джонатана ударяет по тому местечку, где он так отчаянно нужен, и на меня накатывает внезапная волна удовольствия.

Перехватывает дыхание, я изгибаю спину, и оргазм проносится по моему телу с невероятной силой. Джонатан не останавливает свою сладкую пытку, пока я не расслаблюсь на кровати, а остатки оргазма медленно исчезают.

Сев, он срывает с себя футболку, и я успеваю несколько раз моргнуть, прежде чем Джонатан располагается у меня между ног, врываясь одним быстрым толчком в мое тело, одновременно с этим обрушиваясь на мои губы своими. Я кричу в его рот, когда толкается глубже, жестче, снова и снова.

Мои руки дрожат, такое чувство, что Земля начинает крутиться еще быстрее, когда каждый сантиметр его мужества врывается в меня. Наши тела переплетены, мое сердце находится на распутье, не уверенное, в каком ритме биться правильнее, но большая часть меня понимает, потому что все в этом действии кажется идеальным. Я и он, здесь, вот так, и я не хочу признавать, но...

Брр...

Брр...

Я люблю его.

Джонатан продолжает вбиваться в меня, слегка отстраняясь, чтобы посмотреть мне в глаза, и как будто обладает телепатическими способностями, он понимает, что я думаю о словах, которые он хочет услышать. Но я не могу произнести их вслух, еще нет, пока не буду уверена, что это все не случайность.

Я влюблена в этого безрассудного, мечтательного дурака, который выйдет из дверей моей квартиры через два дня, и я могу только довериться ему, что он вернется с тем же самым взглядом, полным любви, потому что в противном случае, это разобьет больше сердце, чем только мое.

А если он разобьет и ее сердце, я его больше не прощу.

Вечер воскресенья.

Снаружи садится солнце.

С каждой проходящей секундой мое сердце в груди сжимается сильнее, на плечах появляется все больше веса, как будто весь мир взвален всей своей тяжестью на них. Джонатан скоро уедет.

Он не рассказал ей.

Мэдди понятия не имеет.

Она сидит за кухонным столом, окруженная карандашами, рисуя открытку для тети Меган — завтра ее день рождения. Болтая ногами, она напевает, не замечая того, что должно произойти.

— Мамочка, сколько лет исполнится тете Меган? — спрашивает, когда я стою у раковины и мою посуду, вытирая один и тот же стакан уже десять минут.

— Тридцать, — говорю.

— Ого, — бормочет Мэдди. — Это много.

Поворачиваюсь, сердито глядя на нее, ведь я сама не далека от тридцати. Но ничего не говорю, потому что краем глаза улавливаю Джонатана, когда он заходит в кухню, неся свою сумку.

Мэдди поднимает голову, услышав его шаги, и перестает болтать ногами, пока смотрит на него в замешательстве.

— Мы куда-то едем?

Джонатан не отвечает сразу. Он замирает, поэтому Мэдди смотрит на меня, как будто доверяет, что я скажу ей, раз он не может.

— Нет, милая, мы никуда не едем, — говорю, желая, чтобы Джонатан пришел в себя, так как тишина здесь точно не поможет. — Но твой папа — да.

— Папочка что? — спрашивает, и я понимаю, что она уже знает ответ, потому что сжимает карандаш так крепко, что тот хрустит.

— Мне нужно на работу, — наконец, вступает Джонатан. — Мне нужно закончить съемки фильма, поэтому я уеду на некоторое время.

— Какое-то время — это сколько? — спрашивает. — До завтра?

— Дольше, — отвечает.

— Послезавтра? — продолжает. — Ты вернешься в тот день?

— Эм, нет, — отвечает. — Это займет месяц.

— Месяц? — ахает Мэдди, смотря на меня, когда спрашивает. — Сколько это дней?

— Около тридцати, — говорю ей.

Вижу, как паника охватывает ее. Для такой маленькой девочки это очень много. Она с остервенением качает головой, бросая карандаш.

— Нет, это слишком много дней! Не хочу, чтобы ты уезжал!

— Извини, — говорит Джонатан, но она не это хочет услышать, его слова только больше ее расстраивают.

Отодвинув стул, чтобы встать, она снова качает головой и бежит к Джонатану, хватаясь за его сумку, и тянет ее так сильно, пытаясь вырвать из его хватки.

— Нет, не уезжай! Я хочу, чтобы ты остался!

— Знаю, — отвечает он. — Я тоже хочу остаться, но должен быть Бризо, помнишь?

— Мне все равно! — кричит Мэдди и упирается пятками в пол, потянув сумку так сильно, что Джонатан теряет хватку. В этот момент Мэдди почти падает, но он ловит ее, и сумка валится на пол, пока наша дочь пинает ее со всей силы. Та не двигается, поэтому она толкает Джонатана, чтобы установить дистанцию между ним и ненавистой ей вещью. — Ты не должен быть Бризо! Ты можешь просто быть моим папочкой, и все будет хорошо! Завтра день рождения тети Меган, и ты сможешь отвести меня в сад, затем мы сможем пробежаться по репликам, чтобы я репетировала, потому что буду снежинкой! И как я смогу быть снежинкой, если ты не останешься?

Ее голос дрожит, а в глазах собираются слезы. Мэдди все еще толкает Джонатана, пытаясь заставить двигаться, но он не поддается.

Она злится.

Вздыхнув, Джонатан наклоняется и осторожно хватается за руки Мэдди, когда она со злостью пытается отпихнуть его лицо от своего.

Мне так сильно хочется вмешаться: схватить Мэдди, обнять, защищая от всего этого, но

я не могу. Поэтому просто стою возле стола, пытаюсь взять себя в руки, потому что если я развалюсь на части — это делу не поможет.

— Ты все еще сможешь быть снежинкой, — уверяет Джонатан. — Ты станешь самой лучшей снежинкой.

— Но как ты узнаешь? — спрашивает Мэдди, в то время как первая слезинка катится по ее щеке. — Ты все равно придешь?

— Конечно, — уверяет. — Ни за что не пропущу.

— Обещаешь?

Я резко вдыхаю, но Джонатан не медлит ни секунды.

— Обещаю, — шепчет, вытирая ее щечку. — Я вернусь ради твоего спектакля. Но сейчас мне нужно быть Бризо для фильма.

— Но мне нужно, чтобы ты был моим папочкой, — говорит.

— Я все еще буду твоим папой, даже в роли Бризо.

— Нет, не будешь! — кричит Мэдди. — Ты уедешь, и больше тебя здесь не будет, и все станет как раньше!

— Будет не так, как раньше, — уверяет Джонатан.

— Будет! Тогда ты не хотел быть моим папой, и теперь опять не хочешь! Ты хочешь уехать и больше не будешь здесь жить, потому что у тебя есть свои дела, а здесь ты быть не хочешь, а значит, не сможешь сказать маме, что она красивая, и поэтому она не сможет тебя полюбить!

Ого. Мэдди выпаливает все это на одном дыхании, прежде чем отталкивает своего отца и убегает в спальню, хлопнув дверью.

Удушающая тишина воцаряется в комнате в ее отсутствие, прежде чем Джонатан медленно поднимается и говорит:

— Вероятно, я заслужил.

Нахмурившись, отхожу от стола, встаю перед Джонатаном, прежде чем последовать за Мэдди.

— Позволь мне с ней поговорить.

Иду в ее спальню, останавливаясь у двери, чтобы постучать.

— Кто это? — она кричит.

Теперь она хочет знать, кто стучится.

— Мама.

— Какая мама? — бормочет.

Тихо посмеиваюсь, пытаюсь скрыть веселье, прежде чем открываю дверь и говорю:

— Единственная мама, которая у тебя есть.

— Одна-единственная мама, — бормочет. — И больше нет папы.

Проходя по комнате, сажусь рядом с Мэдди на край кровати.

— Так ты думаешь?

Мэдди пожимает плечами.

— Послушай, знаю, что ты не хочешь его отъезда, потому что будешь скучать, но ты ведь понимаешь, какой особенный Бризо. И я знаю, что это несправедливо по отношению к тебе, и по-настоящему отстойно, потому что ты, наконец, получила его как своего папочку, а теперь он должен уехать, но ты можешь писать ему, звонить и рисовать любые картинки, какие хочешь.

Она свешивает ноги, глядя на свои ступни.

— Это не то же самое.

— Знаю, но он пообещал, что вернется, — добавляю, вставая. — Хочешь попрощаться с папой? Может быть, пожелать ему удачи?

Мэдди мотает головой.

Оставляю ее в комнате, не закрывая дверь, когда иду в гостиную, где Джонатан стоит со своей сумкой. Он хмурится при виде меня, но я не принимаю это на свой счет.

— Она в порядке? — спрашивает.

— С ней все будет хорошо, — говорю. — Не переживай.

Он смотрит на часы, вздыхая.

— Я должен идти. Уже приехала машина за мной.

— Хорошо, — шепчу, когда Джонатан наклоняется для поцелуя. — Береги себя. Не дури. Не пей. Не принимай наркотиков. Больше не прыгай под машины.

— А ты знаешь, как испортить веселье, — шутит. — Увидимся, как только смогу.

Джонатан открывает дверь и успевает сделать только один шаг за порог, когда по квартире разносится громкий и взволнованный голосок Мэдди:

— Подожди, папочка! Подожди! Еще не уезжай!

Он останавливается, и Мэдди пробегает мимо меня, почти сбивая с ног, когда оказывается перед Джонатаном с блокнотом, прижатым к груди.

Сует его ему, ударяя в грудь.

— Ты забыл.

Он принимает.

— Что это?

— Я написала для тебя фанфик, — говорит. — Помнишь? Я исправила концовку. Если теперь ты будешь Бризо, то он тебе нужен, потому что эта концовка лучше.

Джонатан улыбается.

— Спасибо.

Мэдди кивает и медлит; они оба с неловкостью смотрят друг на друга, прежде чем она бросается на отца, обнимая.

— Я люблю тебя, папуля. Больше, чем все фильмы про Бризо.

— Я тоже люблю тебя, — отвечает Джонатан, обнимая ее в ответ. — Больше, чем все во всем мире.

26 глава

Джонатан

Странно, насколько вид на будущее может измениться за такой короткий срок.

Сколько себя помню, хотел быть актером, но где-то по пути потерял искру. Между кокаиновым кутежом и неустойчивыми отношениями, нахождением на реабилитациях и стычками с папарацци, между борьбой за трезвость и обретением известности, я забыл, что любил в актерстве.

И забавно, что почти шестилетка смогла напомнить мне об этом всего лишь за два месяца.

Я смеялся, сидя на ступеньках трейлера для причесок и макияжа. Едва рассвело, все остальные собрались в палатке за завтраком, пока я сидел здесь, читая написанное в

блокноте Мэдисон. Было забавно видеть, к чему приводил сюжет истории. По большей части это были картинки и пара слов, и читалось, как кроссовер Скуби-Ду — мистическая загадка про призраков, решаемая Бризо. Поскольку он невидимый, Мэдди считает, что он может общаться с призраками. Это имеет смысл.

И в конце Марианна взрывается на складе.

БУМ.

Это счастливый финал в каком-то испорченном смысле, потому что теперь она тоже призрак, и они счастливые — вместе невидимые.

Логика ребенка.

— Так, так, так. Это ли не Джонни Каннинг? — раздается голос Жас, когда она подходит к трейлеру. — Говоря о приятном зрелище.

Смотрю на нее, улыбаясь, и закрываю блокнот.

— Жас.

— Это?.. — она хватается за грудь, симулируя шок. — Улыбка у тебя на лице?

— Может быть, — отвечаю. — Что, не можешь вспомнить последний раз, когда ее видела?

— О, нет, я помню, — говорит. — Пять лет назад, твой первый день на съемочной площадке «Бризо». Когда ты впервые надел его костюм, я единственный раз видела твою искреннюю улыбку.

Смотрю на нее, не мигая.

— Иисус, ты отметила эту дату в календаре как что-то аномальное?

— Джонни Каннинг не всегда ведет себя как мудака. Мы привыкли праздновать это бутылкой крепкого ликера, но сейчас просто спим весь день и пытаемся не находиться рядом с придурками.

— Звучит мило.

Она улыбается.

— Так что вызвало у тебя улыбку в шесть утра?

Показываю блокнот.

— Кое-кто написал мне историю.

— Кое-кто? — Жас прогоняет меня со ступенек трейлера, чтобы зайти внутрь, указывая мне, присоединиться к ней. — И кто этот кое-кто?

— Моя дочь.

— Твоя дочь, — повторяет она, не звуча удивленной. Ставит стул напротив большого зеркала, без слов говоря мне сесть. Сначала волосы, поэтом Жас опирается о раковину, чтобы наблюдать, как работает один из парикмахеров. — Так это правда? То, что печатают «Хроники Голливуда»?

— Сомневаюсь, — рассказываю ей. — Большая часть того, что они печатают — херня.

Они приступают к работе, потому что сегодняшним утром ее у них завались. Мне нужна стрижка и бритье, и это только вершина айсберга из-за того, как я запустил себя после аварии.

Не был ни на одном занятии актерского мастерства, а также ни на одном прослушивании.

Не помню последний раз, когда видел тренажерный зал изнутри, и чертовски уверен, что не придерживался диеты. Черт, я даже не общался со своим психотерапевтом.

— Там говорится, что ты познакомился с девушкой в школе, — говорит Жас. — Вы

вдвоем сбежали вместе, и ты был проницательным воришкой, пока Клифф не нашел тебя.

Я хмурюсь.

— Там сказано, что я был преступником?

— Ну, другими словами, — смеется. — Там сказано, что ты крал, чтобы выжить, что невероятно, раз твоя семья богата. Также они пишут, что у тебя случился большой прорыв, и девушка забеременела, но она негодовала из-за твоей славы и уехала, не сказав тебе ни слова о ребенке, поэтому ты узнал о своей дочери только сейчас.

Там много всего неправильного в ее словах, и я понятия не имею, с чего начать. Мой разум сосредоточен на истории с воровством — по иронии, именно это правда. Но всего пару людей знают об этом. Я тщательно оберегал этот секрет из-за страха, что это может доказать то, что я был неудачником, как и говорил мой отец. Так кто, на хрен, рассказал это?

Жас не ждет объяснений, обычно я никогда не давал ей их. Поэтому она выглядит чертовски удивленной из-за моих следующих слов:

— Я знал о своей дочери.

Она приподнимает бровь.

— Да?

— Да, — подтверждаю. — И девушка не негодовала из-за моей славы, она негодовала из-за того, во что известность меня превратила.

Жас изумленно смотрит на меня.

— Так, подожди, ты знал, что у тебя есть дочь?

— Да.

— Все время, что я с тобой знакома, ты был отцом?

— Да.

Удар.

Я вздрагиваю, когда она берет расческу и бьет меня ею.

— Иисус, Жас, какого хера?

— Какого хрена ты тратил свою жизнь со всеми этими дешевками, когда у тебя была семья?

Я просто хлопаю глазами.

У меня нет хорошего ответа.

— Невероятно, — бормочет Жас. — Так, расскажи о своей дочери. Какая она?

— Она умная. Талантливая. Забавная. Красивая. На самом деле, очень похожа на свою мать.

— Ее мать? — усмехается женщина. — Не хочу огорчать тебя, но звучит так, будто ты втрескался по уши.

— Нечему огорчать, — отвечаю. — Я люблю ее.

Жас ахает. Бах. Она снова меня шлепает.

— Заткнись!

У меня нет и шанса ответить, так как кто-то прочищает горло, заходя в трейлер. Смотрю через плечо и вижу Клиффа. Жас сразу же становится самой серьезностью, выглядя настоящим профессионалом своего дела.

— Джонни, — говорит Клифф. — Рад видеть. Сегодня утром тебя не было в отеле.

— Не мог уснуть. Подумал, что приду на площадку раньше.

— Это хорошо, — говорит мой менеджер, хотя тон его голоса подсказывает, что он так не думает. Любое изменение в привычкахстораживает. — Просто предупреди меня в

следующий раз.

Клифф остается, усевшись на стул, копясь в своем «БлэкБерри», поэтому Жас больше ничего не спрашивает, и все продолжают заниматься своей работой.

— Ну, посмотрите на него, — говорит Жас через полчаса. — Ты выглядишь как Джонни Каннинг.

Смотрю на свое отражение.

— Не был уверен, что это произойдет, — заявляет Клифф. — Он стал неузнаваем.

Люди заходят и выходят из трейлера, приветствуя меня и поздравляя с возвращением, все очень дружелюбны. Я не обращаю на это внимание. В какой-то степени здорово вернуться, особенно когда надеваю костюм. Материал сидит туго, чем обычно, и костюмеру приходится приложить усилия, чтобы костюм сидел как надо. Я стою окруженный зеркалами и улыбаюсь.

— Боже, если ты не перестанешь делать такое выражение, то оно может навсегда запечатлеться у тебя на лице, — говорит Жас, крутясь в офисном кресле, наблюдая за мной.

— У тебя нет работы? — спрашиваю ее. — Привести в порядок кого-то еще?

— Нет, только ты, суперзвезда.

В восемь тридцать меня зовут на площадку. Сегодня мы снимаем внутри здания, поэтому мне не нужно переживать о собравшейся толпе. Меня наполняет радостное возбуждение, оптимизм, я на вершине своей актерской игры. Готов бросить вызов миру и победить его... пока камера не начинает катиться.

Все происходит в смутных очертаниях, нам нужно много всего наверстать. Я перехожу от сцены к сцене, момента к моменту, пытаюсь передать все эмоции. Я не в духе, задыхаюсь и полностью измучен к концу дня.

— Сходи сегодня в зал, — говорит Клифф, идя со мной в костюмерную. — Запасайся силами, тебе нужна выносливость, иначе это будет самый долгий месяц в твоей жизни, просто так легче не станет.

— Знаю, — бормочу, направляясь в свой трейлер.

Проходит еще час, прежде чем я снова в своей одежде, готовый уходить, но не могу, потому что режиссер просит о встрече, а продюсер перекинуться парой слов, а мой сценарий нуждается в изменениях, после того как расписание обновлено. Радость от съемок изнашивается под давлением. Хватаю маффин со стола, прежде чем остатки еды упаковывают, и выдерживаю несколько грозных взглядов, потому что я должен оставаться в форме и не употреблять углеводы.

Клифф тем временем разговаривает с пиар-службой, я тоже хочу пообщаться с ними, но они уходят до того, как у меня появляется возможность.

— Ты когда-нибудь рассказывал кому-нибудь, как нашел меня? — спрашиваю Клиффа, когда мы направляемся к машине. — Вообще говорил об этом?

— Нет, — отвечает. — А почему я должен?

— Не знаю, может, просто так вышло.

— О чем ты? — спрашивает.

— В «Хрониках» упоминается кое-что о том, что я был вором.

Он громко вздыхает.

— Сколько раз мне говорить тебе, не читать их? Ты даже не должен смотреть в сторону желтой прессы. Перестань беспокоиться об этом.

— Я не беспокоюсь, — утверждаю. — Просто кажется странным, что они знают.

— В нашей индустрии больше утечек, чем у Титаника. Люди любят болтать. Поэтому я настаиваю на соглашении о неразглашении, чтобы мы максимально могли контролировать изложение фактов.

— Но не так много людей в курсе этой истории, — продолжаю. — Я, ты, мой психотерапевт.

— Твоя девушка, — говорит, не отрываясь от своего «БлэкБерри».

— Я никогда ей не рассказывал.

— Да, ладно тебе. Думаешь, она не поняла?

— Даже если и поняла бы, то никогда не рассказала бы никому, — говорю. — И мой психотерапевт не мог.

— Ладно, значит, им просто повезло с догадкой, — говорит Клифф, в его тоне снова возникает резкость. — Они во многом тебя обвиняли, забросили несколько стрел, и что-то из них попало в цель. Но я не понимаю, почему ты переживаешь? У тебя есть специальные люди, позволь взрослым позаботиться об этом.

Немного раздражает, когда ты сам взрослый, а тебе заявляют, что с твоими проблемами справятся взрослые люди.

— Ты херово справился? — в голосе Джека звучит невероятная надежда. — Бьюсь об заклад, все прошло через задницу?

— Извини, что разочаровываю, — говорю ему. — Но я буду хорош даже с пером в заднице.

Он усмехается, не удосужившись сдержаться. Осознаю, как эти слова звучат, когда произношу их, а Джек остается собой, когда не спускает мне это с рук.

— Вот как ты получаешь свои роли? Пользуешься своей задницей?

— Пошел ты.

— Знаешь, теперь, когда я думаю об этом, то вспоминаю, что ты много говоришь о том, что люди ездят на твоей заднице.

Я смеюсь над этим, одетый в простую белую футболку и треники, будто только вылез из кровати. Отчаянно хочу, чтобы так и было. Я пытался позвонить Кеннеди, но она не ответила, поэтому позвонил Джеку, и вы понимаете, как это.

— Давай, смейся-смейся, — говорю ему. — По крайней мере, я хоть чем-то занимаюсь.

— Должен сказать, я тоже кое-чем занимаюсь, пока мы разговариваем.

— Дрочишь на порно про кальмаров?

— Боже, ты шпионишь за мной, мужик? Как, черт побери, ты узнал?

— Я подумал, либо это, либо ты дурачишь сайты знакомств, используя мою фотографию.

— Ха-ха, ты последний человек, чье фото я бы использовал, чтобы подцепить цыпочек, — заявляет. — Вообще не понимаю, как они ведутся на тебя в таком виде.

— В каком?

— В трениках, — продолжает. — Уверен, на этой футболке есть дырки. А Найки грязные.

Хмурюсь и оглядываю себя.

— Ты шпионишь за мной?

— Я способен на это?

— Да, — осматриваю лобби, затем перевожу взгляд на улицу, замечая, что Джек стоит у обочины и машет. — Это чертовски ненормально, Джек.

— Ненормальность мое второе имя.

Отключив вызов, сую телефон в карман штанов, прежде чем выхожу из отеля, встречая его на тротуаре.

Я не видел его долгое время. И мы встречались лично всего пару раз. Наши жизни настолько разные, что такие возможности выпадают не часто.

— Мне нужно будет получить судебный запрет?

— Вероятно, — соглашается Джек. — Я был по соседству и знал, что ты здесь, поэтому подумал, может, ты захочешь позависать.

— Я шел в тренажерный зал, но любое оправдание, чтобы этого не делать, подойдет, — говорю. — Что у тебя на уме? Видео игры? Фаст-фуд? Я не собираюсь пересекать черту с проститутками.

Он усмехается.

— Кое-что более волнующее.

— Что может быть более волнующим?

Оказывается, это собрание АА. Он, должно быть, на хрен, шутит. Тридцать минут спустя я сижу в плохо освещенном цокольном этаже, слушаю очередную историю алкоголика. Люди делятся друг с другом, до того как помещение погружается в тишину. Неловкую тишину. Это кошмар для актера.

Нахер все.

Я встаю.

— Меня зовут Джонатан, и я алкоголик.

Они приветствуют меня. Половина из них, должно быть, узнали меня, но мне плевать. Как бы много встреч я не посетил, впервые рассказываю, так как до этого всегда слишком беспокоился о своем имидже.

Поэтому рассказываю свою историю, не утаивая ничего. Говорю, как сильно облажался. Моя дочь провела первые годы своей жизни без отца, потому что я выбрал все это вместо нее. Наркотики. Алкоголь. Фильмы. Красные дорожки и вечеринки, и людей, которые мне даже не нравились, но я потакал им, потому что они знамениты.

Собрание заканчивается через пару минут после моего рассказа.

Когда мы уходим, Джек поворачивается ко мне и говорит:

— Как насчет того, чтобы выпить?

Смеюсь, пихая его локтем.

— Не думаю, что мог выбрать наставника еще хуже.

— Да, ты отстойно принимаешь решения.

— Хотя у меня уже лучше выходит.

— Да?

Мой телефон звонит, смотрю на экран и вижу имя Кеннеди.

— Я докажу это прямо сейчас, — говорю, махнув телефоном в его сторону, — Выбрав семью вместо выпивки с тобой, засранец.

Мы расходимся разными дорогами, когда я отвечаю:

— Алло.

— Привет, — тихо произносит Кеннеди. — Как прошел твой день?

— Долго, — жалуясь. — Твой?

— Все нормально, — отвечает. — Извини, что не ответила, когда ты звонил ранее. Я хотела, но Мэдди настояла, чтобы я не брала трубку.

Мой желудок сжимается.

— Она все еще злится?

— Нет, — Кеннеди вздыхает. — Она услышала от Меган, что нужно строить из себя недотрогу, потому что это заставит парня хотеть тебя больше, ведь он будет ждать. Поэтому заставила не отвечать тебе, ведь тогда ты полюбишь нас больше.

— Ну, кто поспорит с этим.

— Правда? Это значит, что я не могу долго разговаривать. Просто хотела узнать, как у тебя дела.

— Ценю это, — признаю. — Сейчас иду в отель, чтобы поспать, только что ушел со встречи.

— Встреча, как встреча или собрание?

— Та, что для алкоголиков.

— Ах, ну, звучит здорово, — Кеннеди замолкает. — Мне нужно идти, прежде чем Мэдди поймает меня. Доброй ночи.

— Спокойной ночи, детка.

Когда достигаю отеля, поднимаю голову, и замедляюсь, засовывая телефон в карман, так как вижу небольшую группу людей. Они замечают меня, поэтому я останавливаюсь, раздаю несколько автографов и пару раз фотографируюсь, прежде чем зайти в здание.

Инстинктивно оглядываюсь, всегда настороже. И второй раз за неделю вижу знакомое лицо в баре лобби.

Хотя на это раз это Клифф.

Он сидит один за столом со стаканом, в котором что-то похожее на виски. Никогда не думал, что Клифф пьет. Делаю пару шагов в его направлении, любопытничая, когда какой-то парень садится напротив него и поднимает стакан.

В нем есть что-то знакомое, но я вижу столько лиц в своей жизни, что не всегда легко узнаю. Наблюдаю какое-то время, пока они обыденно болтают, прежде чем парень допивает остатки напитка и встает, чтобы уйти.

Он достигает середину лобби, прежде чем его взгляд перемещается в моем направлении. Парень выглядит удивленным, что странно, потому что в это момент я вспоминаю, где его видел.

Он следовал за мной тем утром, когда я отводил Мэдди в школу. Он работает на «Хроники Голливуда».

Парень отворачивается и продолжает идти, что становится более странным, так как любой репортер всегда пользуется возможностью спровоцировать меня.

— Привет, папочка!

Улыбающееся лицо Мэдди появляется на экране моего телефона. Полагаю, что их добровольная стратегия «заставить его ждать» отклонена, поскольку она выходит со мной на связь по FaceTime в семь тридцать утра.

— Доброе утро, красавица, — отвечаю. — Ты готова к занятиям?

Мэдди кивает, отчего телефон трясется, пока она это делает.

— Я уже оделась, и мамочка сказала, что у нас есть пару минут, так как я собрала рюкзак раньше.

— Поэтому ты решила мне позвонить?

— Эм, чтобы ты не забыл.

— Что не забыл?

— Ну, так меня.

— Тебе не надо об этом переживать, но я рад, что ты позвонила. Скучаю по тебе.

— Тоже скучаю, — отвечает. — Знаешь что? Вчера был день рождения тети Меган, и мама пекла свои кексы, но тетя Меган их не ела, потому что кексы не любят ее бедра, но я не знаю почему. Поэтому мы забрали их все, и я оставила один для тебя, но мама сказала, что он испортится за тридцать дней, поэтому я его съела.

— Ты съела его.

Она кивает.

— На завтрак.

Смеюсь, потому что понятия не имею, что на это ответить. Мэдди прищуривается, как будто не понимает, что забавного.

На заднем фоне я слышу, как Кеннеди кричит что-то о том, что сегодня вторник.

— Ох-ох, — говорит Мэдисон, на ее лице отражается паника, прежде чем она бросается телефон на пол и убегает.

Смотрю на вид потолка.

— Мэдисон! Мэдисон! Подними телефон!

Позади меня раздается стук в дверь моего трейлера. Затем она открывается без приглашения, и входит Клифф, смотря на меня недоверчиво. Я сижу, вытянув ноги, пытаюсь расслабиться.

— Тебя ждут в гардеробной, — говорит. — Ты должен быть в костюме.

— Скажи им, что я приду через минуту.

— Знаешь, если бы ты нанял персонального ассистента...

Он заканчивает предложение, говоря что-то, но я не обращаю внимания, потому что Мэдисон возвращается.

— Извини, пап. Я забыла, что сегодня вторник, и что должна взять с собой что-то на «Покажи и расскажи».

— Все хорошо, — заверяю ее. — Что ты взяла?

— Догадайся!

— Бризо?

— Нет! — Она поднимает куклу Марианны, чтобы показать мне. — Та-да!

— Ничего себе, что-то новенькое?

— Да, — отвечает.

— Почему решила поменять?

— Не хотела, чтобы мамочка грустила из-за твоего отъезда, поэтому сейчас мой Бризо у нее. Он спит в ее кровати!

— Ничего себе, — отвечаю, пытаюсь не рассмеяться, что Кеннеди спит с кукольной версией меня в мое отсутствие. — Это мило с твоей стороны.

Кеннеди снова кричит на заднем фоне, спрашивая у Мэдди, не видела ли она ее телефон.

— Ой-ой. Надо идти!

Мэдди кладет трубку.

Качаю головой, понимая, что Кеннеди, вероятно, даже не знала о том, что Мэдди звонила мне.

Поднимаясь на ноги, чтобы отправиться в гардеробную, вижу, что Клифф все еще стоит здесь.

Он смотрит на часы.

— Съемка через пятнадцать минут.

Дерьмо. Я опаздываю.

Нарушенные обещания

Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд

— Они снимают фильм про Бризо.

Ты шепчешь это, когда залазишь в кровать к любимой женщине впервые за недели. Полночь. Ты только что вернулся домой из Нью-Йорка. Ездил туда-сюда все лето, а затем и до середины осени. Ты бы вернулся еще пару дней назад, первого октября, но продолжал откладывать свой приезд.

Обнимаешь девушку со спины и притягиваешь ближе к своей груди. От тебя пахнет одеколоном. Очень часто ты возвращаешься домой, источая запах выпивки или парфюма. Девушка заставляет мыться тебя каждый раз, когда подобное происходит, прежде чем ты прикоснешься к ней.

— Ты серьезно? — спрашивает она. — Фильм про Бризо?

Мычишь в ответ, стягивая с нее одежду, убирая достаточно ткани в сторону, чтобы доставить ей удовольствие. На девушке только трусики и твоя футболка. Она стонет, когда ты скользишь в нее сзади, твои губы у нее на шее, и требуется мало времени, прежде чем она кричит от оргазма.

Затем ты перемещаешься, ложишься на спину, притягивая ее сверху. Вздыхая, обхватываешь ее бедра и насаживаешь девушку на себя, закрыв глаза.

— Так круто, детка. Я просто хочу лежать и ощущать тебя. Я так чертовски истощен.

— А ты думаешь, что я нет?

На ее слова снова открываешь глаза. В них явно чувствуется язвительность. Девушка не двигается, пристально смотря на тебя. В комнате темно, но не настолько, что она не может видеть твои кристальные голубые глаза. Ты пришел домой трезвым.

— Я так не сказал.

— И также не подумал об этом, да?

Это снова немного задевает.

— Да, ладно тебе, мы можем не ругаться сейчас? — спрашиваешь и даже звучишь измотанным. В твоем голосе нет ни намек на гнев. — Я вернулся домой десять минут назад. Не видел тебя целый месяц. Я... бл*дь, просто хочу находиться в тебе прямо сейчас. Можем поругаться завтра, если захочешь.

Девушка морщится, но начинает медленно двигаться. Ты снова закрываешь глаза, расслабляясь. Не проходит много времени, прежде чем ты тянешь девушку на себя, удерживая ее задницу руками, пока вколачиваешься со всей силы в ее лоно. Шепчешь в ее ухо, как сильно скучал, что едва мог спать без нее рядом.

После того, как вы оба достигли удовольствия, находитесь в той же самой позе. Твои руки под футболкой девушки, гладят спину. Вы молчите, но тишина между вами ощущается комфортной, но сейчас есть какой-то невидимый барьер, который сложно обойти.

— Я был на паре встреч по этому поводу, — рассказываешь ей. — По поводу Бризо. Об этом еще не объявляли, я вообще не должен заикаться на эту тему. Еще слишком рано.

— Подожди, что ты делал? — Она перекачивается, чтобы посмотреть на тебя. — Ты?

— Не знаю. Завтра я должен провести день, обсуждая это с Клиффом. Вот почему я сразу не приехал домой.

— Это... Вау. Ты должен получить роль! Или хотя бы попытаться. Ты будешь гениальным Бризо.

— Теперь ты давишь. Если я пойду на кастинг, ни за что не получу ведущую роль. Я не вынесу франшизу.

— Что? Конечно, ты сможешь! Ты будешь идеальным, Джонатан. Я серьезно! Я хочу сказать, да ладно тебе, никто не знает Бризо так, как я, и на миллион процентов уверена, что им должен быть ты. Поэтому ты попытаешься, ладно? Ради меня! Пожалуйста!

— Ты просто хочешь увидеть меня в костюме, ведь так?

— Ну, я имею в виду, я не хочу...

Ты смеешься, целуя ее.

— Я подумаю, смогу ли сделать это для тебя.

— Обещаешь?

Ты никогда ничего не обещаешь. Она ждет, что ты рассмеешься, но вместо этого говоришь на полном серьезе:

— Обещаю, что попытаюсь.

Впервые за долгое время она засыпает с улыбкой... и в последний.

Брр, это так драматично. И также неправда. На самом деле я имею в виду, что она в последний раз засыпает с тобой рядом.

Слушайте, все опять неправильно. Я не должна продолжать дистанцировать себя от реальности... но опять же, то, что произошло после последней улыбки, не кажется реальным.

Когда просыпаюсь в нашей кровати несколько часов спустя, я одна. Мгновение лежу и думаю, что все нафантазировала, но ощущается запах твоего одеколona. Когда вдыхаю его, задаюсь вопросом, где ты? Еще даже не рассвело, а ты уже ушел.

Я узнаю во второй половине дня. Ты был замечен в городе в ранние часы утра, сидя в одиночестве в театре и наблюдая за репетицией дебюта Серены Марксон.

Первое, что делаешь, когда возвращаешься домой уже ночью, целуешь меня. Но ты на вкус, как виски, и пахнешь, как шлюха, мое сердце с болью сжимается в груди, и я тебя отталкиваю. Толкаю тебя так сильно, прижимая руки к твоей груди, что ты врезаешься в стену. Смотришь на меня, и я не могу сказать, ты шокирован или тебе больно, или ты в замешательстве, потому что выглядишь оцепеневшим; твои глаза пусты.

— Ты преувеличиваешь, — заявляешь, когда я вступаю в перепалку. — Это ничего не значит.

Но это не так. Я знаю, потому что однажды была на твоём месте. Разве ты не помнишь? Я знаю, каково это быть чьим-то одиноким плененным зрителем. И, может, все было бы хорошо, как ты и сказал мне, если бы ты не вернулся домой пьяным, источая ароматы парфюма, в то время как я работала весь день, чтобы обеспечить нам кров над головой. Кажется, что за три года твоя мечта смогла оплатить только твой кокаин.

Я кричу и начинаю плакать, ты продолжаешь шептать снова, и снова, и снова:

— Извини.

И я говорю, что извинения не исправят это, а ты заявляешь:

— Я люблю тебя больше, чем все на свете, детка.

И я верю тебе, потому что ты хорош, Джонатан.

Что-то ядовитое нарастает между нами. Я думала, что наркотики были твоим криптонитом, Супермен, но начинаю думать, что это я. Я разрушаю твою мечту? Ты в свободном падении, потому что я отягощаю тебя? Если бы меня не было, ты бы парил?

Мы кричим, и я плачу, а ты снова и снова приходишь под кайфом в течение недели — вечный цикл, вызванный стрессом. Разные мелочи начинают задевать меня, и из-за этого мне плохо, меня тошнит, что я еле могу вылезти из кровати по утрам. Я просто хочу поговорить с тобой, по-настоящему поговорить, не ругаясь. Я скучаю по тебе. По нам. Поэтому спрашиваю о фильме про Бризо, пытаюсь вернуть нас к чему-то общему, когда ты говоришь:

— Теперь этого не произойдет.

— Его не собираются его снимать?

— Ох, собираются, — отвечаешь. — Просто я не прослушиваюсь.

Клифф сказал тебе не пытаться. Я плачу, когда ты рассказываешь мне это, и ты теряешь контроль и говоришь мне вырасти, потому что это всего лишь дурацкий комикс, не осознавая, что я расстроена из-за твоего обещания, хотя ты раньше никогда ничего не обещал. Теперь не знаю, как могу доверять твоим словам.

Думаю, именно этот момент обрек нас на расставание. Все настолько плохо, что мы не разговариваем днями. Ты спишь на диване. Барьер из молчания становится непроходимой горой.

Все, что я делаю, — это плачу... плачу... плачу...

Я на работе, когда понимаю, что произошло. Убеждаюсь в этом ночью, но ты уже отключился на диване. Дам тебе поспать. Расскажу все утром, когда ты будешь трезвым. У нас все будет в порядке. Всю ночь не сплю, не знаю, что чувствовать. Когда слышу утром, как ты перемещаешься по квартире, медлю. Мне страшно.

Я не должна бояться разговора с тобой. Что с нами случилось?

Ты сидишь на диване, обуваясь. Я стою в дверном проеме спальни и спрашиваю:

— Мы можем поговорить минутку?

— У меня есть дела, — отвечаешь без эмоций. Звучишь, как свой отец в этот момент, но я никогда не скажу об этом тебе.

— Это важно. Мне нужно кое-что тебе рассказать.

Ты выпрямляешься, полностью трезвый, взгляд голубых глаз настолько ясный, что у меня зарождается мысль, может, все будет хорошо, но затем ты смотришь мне в глаза и говоришь:

— Расскажи кому-то, кого, бл*дь, это волнует.

И затем ты уходишь.

Ты уходишь от меня.

И я падаю.

Ноги не держат меня.

Ты этого не знаешь, но женщина, на которую тебе теперь плевать... Та, чей мир ты только что разбил на миллионы осколков... Она беременна. Вынашивает твоего ребенка,

Джонатан. А ты даже не знаешь, тебе все равно.

27 глава

Кеннеди

Льет дождь.

У нас не часто такая погода, но, кажется, он идет всегда в самые худшие моменты. Как будто бы небо отражает мои эмоции. Когда внутри меня что-то сжимается, мир начинает трескаться, и небо разделяется на части.

Штормило, когда я проснулась утром, а сейчас с неба падают тонкие струйки. Дождь утих настолько, что Мэдди смогла побежать прыгать по лужам на переднем дворе дома моего отца, в то время как я сижу в кресле на крыльце. Папа рядом со мной, медленно раскачивается.

— Ты снова выглядишь потерянной, — заявляет. — Как будто не знаешь, куда идти или что делать.

Смотрю на него.

— У меня дежавю, пап.

— И у меня тоже, ребенок, — подтверждает. — Такое чувство, что мы проходим через это каждые несколько месяцев. Джонатан появляется и затем уезжает, а ты остаешься горевать.

— На это раз все по-другому.

— Разве?

— Он вернется.

— Разве он не возвращался до этого?

— Да, но...

— Но все по-другому, — говорит. — Тем не менее, его нет.

Я вздыхаю, раздраженная, из-за чего он смеется.

— Он хотел, чтобы мы поехали с ним.

Отец выглядит удивленным.

— Так почему ты сидишь здесь?

Я хлопаю глазами.

— Разве ты не тот же мужчина, который психовал, когда я последний раз поехала с ним?

— А разве ты не та же самая девушка, которую не заботило чужое мнение, когда она ехала?

— Мне было всего семнадцать. Я не соображала, что творю.

— Вот почему я психовал.

Отворачиваюсь и смотрю на Мэдди. Она вся в грязи, но улыбается. Совсем не выглядит потерянной. Как будто точно знает, где ее дом.

Мне бы хотелось иметь ее способность адаптироваться к новым условиям.

Жаль, что слов Джонатана было недостаточно, чтобы успокоить мои страхи.

Он уехал две недели назад.

Уже прошло полмесяца. Еще две недели и он должен вернуться. Сейчас он в Европе, и разница во времени все меняет. Нерегулярные звонки, тридцатисекундные голосовые

сообщения для Мэдди, в которых он желает ей спокойной ночи или говорит, что любит. Я просыпаюсь, и в телефоне уже есть сообщение от него, но к тому времени, как отвечаю, он слишком занят, чтобы читать.

— Я не могу прожить свою жизнь на его условиях, — заявляю.

— А он не может прожить свою на твоих, — говорит отец. — Вот почему есть такая вещь, как компромисс. Мы с твоей матерью редко в чем-то соглашались. Это вопрос взаимных уступок. Иногда ты выигрываешь, иногда проигрываешь и продолжаешь играть.

Мэдди подбегает к нам, убирая волосы с лица. Запрыгивает на крыльцо, оставляя за собой след грязи, и мгновенно, очень резко, бросается на меня. Я ахаю. Она вся мокрая и пачкает меня.

Хихикая, снова убегает со словами:

— Попалась!

— Ты маленькая... — подпрыгиваю, и она визжит, когда я преследую ее, спрыгивая с крыльца. Мэдди думает, что я остановлюсь, но я бегу во двор и поскользываюсь на мокрой земле.

— Ах!

Ноги меня не держат, и я начинаю падать, но прежде успеваю схватить Мэдди, увлекая за собой. Мы обе падаем на траву, ошеломленные, и оказываемся покрыты грязью.

Мой отец смеется на крыльце.

— Попалась, — говорю, садясь и обнимая Мэдди, когда она пытается подняться. Она прыгает на меня, пытаюсь щекотать, когда в моем кармане вибрирует. Я в замешательстве, пока не слышу приглушенную мелодию.

— Ох, подожди, перемирие!

Протягиваю руку, чтобы остановить Мэдди и взять трубку. Она дает мне около пяти секунд, чтобы взглянуть на экран, прежде чем пытается повалить, но я успеваю заметить имя Джонатана, который звонит нам по FaceTime.

— Подожди, это твой папа! — говорю, но уже слишком поздно, потому что девчонка толкает меня так сильно, что телефон отлетает на мокрую траву.

Мэдди хватается за него, когда звук стихает. Широко распахнув глаза, пихает его мне со словами:

— Исправь это, мама!

— Он сломан? — спрашиваю, нажимая на кнопки, и радуюсь, что все еще работает. Открываю приложение FaceTime и перезваниваю Джонатану. Идут гудки, и гудки, и гудки, и мое сердце парит, когда он берет трубку.

Он лежит в кровати в тускло освещенной комнате, выглядя полусонным, и хмурится.

— Что ты делаешь? Битва в грязи?

— Я, эм... да.

Он сонно смеется.

От этого звука что-то происходит с моими внутренностями.

— Привет, папочка! — кричит Мэдди, запрыгивая мне на спину, и почти душит, так обнимает за шею. — Ты спишь?

— Что-то подобное, — отвечает. — Немного грустно, что пропускаю веселье.

— На съемках «Бризо» не весело? — спрашивает Мэдди, вырывая телефон из моей руки.

— Много работы, — поясняет Джонатан. — И не так много веселья, как кажется, у вас.

— Не переживай, мы можем повеселиться, когда ты вернешься домой, — заявляет Мэдди. — Можем поиграть под дождем, и вы с мамой можете побороться в грязи!

— Обещаешь?

— Ага.

— Хорошо, — говорит. — Можешь дать трубочку твоей маме назад? Я не смогу долго разговаривать.

— Хорошо, — отвечает Мэдди, протягивая мне телефон и крича: — Пока!

Она убегает на крыльцо, когда я смотрю на Джонатана.

— Я бы спросил, как у тебя дела, — начинает. — Но, вероятно, твой внешний вид сейчас говорит за себя.

— Что? Я плохо выгляжу?

Он смеется.

— Без комментариев.

— Да, ну, ты выглядишь...

— Как дерьмо? Так себя и чувствую. Дни тянутся невыносимо долго, и мы все еще не укладывается в сроки. Придется потрудиться, чтобы закончить вовремя.

Вовремя.

Перевожу взгляд на Мэдди, прежде чем снова смотрю на Джонатана, который выглядит невероятно нервным.

— Насколько все плохо?

— Зависит от того, когда спектакль?

— В три часа дня второго июня.

Он медлит.

— Мы завершаем съемки этим утром в Нью-Джерси.

Мое сердце ухает вниз и, кажется, разбивается у моих ног.

— Я приеду, — уверяет Джонатан. — Не беспокойся.

— Сложно не беспокоиться.

— У меня получится, я пообещал Мэдди. Просто хочу, чтобы ты знала, на случай...

— На случай, если у тебя не получится?

— На случай, если я нарушу парочку законов.

Смеюсь.

— Я прощу тебя.

Джонатан смотрит на меня, как будто хочет сказать что-то еще, но не уверен в выборе слов.

— Ты в порядке? — спрашиваю. — Кажешься отстраненным.

— Просто устал, — признается. — Без вас дни кажутся месяцами.

Эти слова задевают какую-то часть меня глубоко внутри, часть, которая чувствует себя намного старше и более морально усталой, чем должна быть.

— Знаю это чувство.

— Сейчас я в Париже, — рассказывает. — Три дня назад был в Амстердаме. Езжу по всему миру, но единственное место, где хочу быть — Беннетт-Ландинг.

— Ты ненавидишь Беннетт-Ландинг.

— Там ты. И Мэдисон.

— Мы и останемся здесь, — заверяю. — И увидимся в три часа дня второго июня.

— Да, — Джонатан улыбается. — Мне нужно немного поспать, через пару часов

съемка.

— Хорошо, — отвечаю. — Сладких снов.

— Я люблю тебя, — говорит Джонатан, нажимая на кнопку «завершить вызов», экран становится темным, когда ответ вертится у меня на языке. Я люблю тебя.

Сегодня десять лет с той ночи, как мы сбежали. Наша десятая Мечтовщина. Он не упомянул ее, и не уверена, помнит ли вообще, но я никогда не забуду. Выбрав его, я изменила весь свой мир, и глядя на свою измазанную грязью дочку, знаю, что не пожалею ни о секунде.

В моем старом потертном блокноте осталась парочка чистых страниц. После появления Мэдди повествование изменилось. Это больше не история о парне со звездами в глазах и безумно влюбленной девушки, больше нет «ты» и «она». Сюжетная линия изменена. Парень и девушка все еще существуют в мире, и иногда их истории пересекались, но теперь их миры абсолютно разные.

Теперь это история о запутавшемся мужчине, чья мечта его убивает.

Теперь это история о женщине с разбитым сердцем, той, что нашла свою цель.

Обе истории продолжали фиксироваться, только не как прежде. Одна разыгрывалась на обложке таблоида, в то время как другая была нацарапана в детских книжках.

Я всегда думала, что первая история была закончена, оригинальная история, и, возможно, так и есть. Может, это просто эпилог, или даже сиквел.

Провожу пальцами по обложке старого блокнота, в то время как Мэдди спит рядом со мной на диване. «Бризо» на тихой громкости идет по телевизору, все еще в бесконечном повторе.

Раздается стук в дверь, и я откладываю блокнот в сторону. Уже поздно — одиннадцатый час. Посмотрев в дверной глазок, вижу парня моего возраста с лохматыми светлыми волосами, в джинсах и футболке с надписью Call of Duty. Он держит что-то в руках и выглядит нервным, пока бормочет себе под нос.

Он снова стучится, поэтому я открываю дверь на небольшую щель, чего хватает, чтобы просто его поприветствовать:

— Могу я вам помочь?

— Да, я ищу Кеннеди.

— Это я.

Он хмурится и оглядывает меня с ног до головы.

— Серьезно?

— Да, серьезно, — подтверждаю. — А ты?

Уже готова захлопнуть дверь перед его лицом, потому что он смотрит на меня так, будто не верит, что я та, кого он ищет. Я в пижаме, волосы в беспорядочном пучке, все еще мокрые после долгого душа, когда пыталась отмыть грязь.

Парень качает головой.

— Я знаю твоего парня, или, кем бы он там тебе ни приходился. Меня зовут Джек.

— Джек, — повторяю, и знаю, что мое выражение лица полностью отражает его. — Серьезно?

— Полагаю, ты обо мне слышала.

— Джонатан упоминал о тебе, — признаю. — Но по тому, как он говорил, полагаю, не ожидала, что ты выглядишь так... нормально.

— Он называет меня троллем, ведь так? Этот недостойный мудака...

Смеюсь, открывая дверь шире.

— Так, чем могу помочь тебе, Джек?

Он протягивает мне подарочную коробку.

— Делаю одолжение придурку.

Беру ее у него, удивленная.

— Это от Джонатана?

— Джонатан, — говорит он со смехом. — Никогда не слышал, чтоб его так называли.

Но да, Джонатан попросил меня привезти это тебе, сказал, что важно именно сегодня. Он бы отправил, но занят съемкой еще одного дерьмового фильма — мои слова, не его — и он не доверяет больше никому, поэтому я здесь.

— Ничего себе, ты ради него проехал весь путь? Он, по крайней мере, заплатил за бензин?

— Лучше этого — он меня нанял.

— Правда?

— Сказал, что ему нужен человек, который облегчит его ношу и будет держать людей подальше от его задницы. Я сказал ему, что не буду бить людей из-за него, но если он будет достаточно мне платить, я не против быть его мальчиком на побегушках и кричать на него, что он должен быть в каком-то месте, — объясняет Джек. — И кого я хочу обмануть? За ту баснословную сумму, что он мне предложил, я готов кого-нибудь ударить.

Личный помощник. Вау, не знаю, как эти двое сработаются вместе, но уже могу сказать, что будет интересно.

— Спасибо. Я ценю это.

Джек насмешливо мне салютует.

— Не вопрос. Спокойно ночи.

— И тебе, — отвечаю и закрываю дверь, когда мужчина уходит. Открываю коробку и нахожу в ней блокнот на спирали. Он простой, с голубой обложкой, блестящая гелевая синяя ручка прицеплена сверху. Стоит не больше доллара. Когда вытаскиваю его из коробки, оттуда вылетает записка, падая у моих ног. Поднимаю и читаю ее.

Десять лет назад ты сбежала со мной, чтобы я мог последовать за своей мечтой. Настал твой черед следовать за своей. Куда бы она не привела тебя, я буду рядом.

Счастливой Мечтовщины.

Джонатан.

Мои глаза жжет, черт, я плачу. Зрение расплывается, и я смаргиваю слезы, когда сажусь на диван. Открываю чистый блокнот, пялясь на строчки мгновение, прежде чем начинаю писать, и блестящие голубые чернила покрывают страницу:

«Дождь время от времени лил с пасмурного неба, за быстрыми сумасшедшими ливнями следовали моменты тишины. В прогнозе погоды на Шестом канале обещали спокойный день, но женщина знала лучше. Начиналась сильная буря, которой нельзя было избежать».

Джонатан

— Любовь повсюду.

Убираю ладонь от своих усталых глаз, чтобы посмотреть на дверной проем, в котором стоит Жас и держит, в чем я уверен, последнюю копию «Хроник Голливуда» и читает с обложки.

— Не хочу слушать об этом, — бормочу, снова закрывая глаза и пытаюсь отгородиться от внешнего мира, чтобы обрести хоть немного покоя, но, видимо, желаю невозможного. У меня есть два часа перерыва в процессе съемок в течение нашего первого дня после возвращения в Америку, а у меня худший пример акклиматизации после смены часовых поясов. Такое чувство, будто похмелье, тот ужасный день после смещения кокса и выпивки, когда я ненавижу гребаный мир и себя в том числе.

— Нет ничего лучше, кроме Города любви, чтобы разжечь огонь между двумя бывшими любовниками, — говорит Жас, игнорируя меня и продолжая читать. — Источники говорят, что на съемках Бризо в Париже отношения между Джонни Каннингом и Сереной Марксон накопились.

Если под «напились» имеется в виду, что она чертовски меня разозлила, что я почти выдыхал огонь, они абсолютно правы. Находиться рядом с Сереной невыносимо.

— Несколько раз парочка была замечена вместе, — продолжает Жас. — Ходят слухи, что Серена простила Джонни за его неблагоразумный поступок, после того как он умолял о втором шансе.

Сухо рассмеявшись, сажусь. Не собираюсь комментировать эту херню.

— Жас, без обид, но ты можешь просто... пойти на хрен?

— Как скажешь, мистер Ворчун, — она просматривает статью, когда говорит: — Мне интересно, кто может быть их источником?

— Ты ведь знаешь, что они сочиняют это дерьмо? — Поднимаюсь на ноги и, шатаюсь, иду к небольшому холодильнику, чтобы найти что-то с кофеином. — Или кто-то придумывает это дерьмо и скармливает им.

— Да, но кто-то делает эти снимки, — продолжает Жас. — Они не выдумка.

Бутилированная вода. Вода с витаминами. Какой-то дорогой сок. Никакого кофеина. Вздохнув, беру гранатовый сок, прежде чем повернуться к Жас.

— Фото?

— Конечно, — говорит она, протягивая журнал, чтобы показать мне. — Слишком много для закрытой съемочной площадки. Не надо быть Шерлоком, чтобы определить, что снято изнутри.

Она смеется над своей собственной шуткой, но я не нахожу это забавным. Вероятно, потому что они пытаются разрушить мою жизнь, а не ее. Источником могут быть множество людей, но те, кто работает над производством фильма, слишком ценят свою работу, чтобы ею рисковать.

Кроме того, есть много легальной грязи, которую они могли продать обо мне, а не эту сфабрикованную чушь.

Открыв сок, делаю глоток и выплевываю его.

— Отвратительно. Где гребаный кофеин?

— Мистер Кэлдвелл его убрал, — говорит Жас, закрывая журнал. — Сказал, его отсутствие пойдет тебе на пользу.

Вздыхаю и выбрасываю сок в мусорку, прежде чем провести рукой по лицу.

— Мне нужен новый менеджер.

Жас смеется, но резко замолкает, когда открывается дверь трейлера, и входит Клифф. Женщина извиняется и быстро уходит.

Клифф наблюдает ее побег за дверь и спрашивает:

— Что-то происходит между вами двумя?

Сажусь на диван.

— У меня есть девушка.

— Да? Ты официально об этом объявил?

— Еще не говорил об этом, да это и не имеет значение. Любовь не нуждается в титулах.

Он хлопает глазами.

— Ты только что процитировал Бризо?

Пожимаю плечом.

— Неважно, — говорит Клифф, доставая лист бумаги. — Раз у тебя есть время, нам нужно кое-что обсудить. Съемки закончатся через два дня, и мы хотим продолжить работу.

Просматриваю листок — ориентировочное расписание, которое он скоординировал с моим агентом. Встречи. Прослушивания. Промо-компания. Не говоря уже о целых неделях продвижения фильма. Возвращаюсь к верхней части листа и качаю головой, когда вижу дату.

— Я не могу.

2 июня, 16:00

— Извини меня? — спрашивает Клифф.

— Я не могу пойти на первую встречу.

— Почему?

— У моей дочери спектакль.

— Спектакль.

— Да, — отвечаю. — Я обещал ей приехать, поэтому уеду, как только мы закончим съемку.

Клифф пристально меня изучает.

— Есть еще какие-то противоречия, с которыми мы столкнемся? Может быть, встречи родительского комитета? Выездные экскурсии? Дисней на льду?

Клифф говорит настолько снисходительно, что мне хочется выкинуть его из своего трейлера, но так как у меня есть свой собственный трейлер благодаря его упорному труду, это не лучшая идея.

— Буду держать тебя в курсе, — заявляю, отложив листок.

— Я ценю это, — говорит Клифф, прежде чем уходит, закрывая дверь резче, чем обычно.

Вздыхнув, закрываю глаза и опускаю голову, чувствуя себя полностью истощенным, раздраженным. У меня едва есть минута покоя, прежде чем Жас просовывает голову в трейлер.

— Все чисто?

— Да, — бормочу. — Он ушел.

Она заходит и протягивает мне банку «Ред Булл».

— Принесла тебе подарок.

— Я мог бы расцеловать тебя за него, — отвечаю, хватая банку, срываю крышку и делаю глоток.

— Я бы предпочла, чтоб ты воздержался, — говорит. — Я читала о всех частях тела, где побывали твои губы.

Несмотря на съемки на границе Джерси-Сити, мы остановились в отеле Мидтауна. Встречаюсь с Джеком, как только добираюсь до города. Такси высаживает меня возле здания, где мой наставник живет на цокольном этаже.

— Милое местечко, — говорю, заходя внутрь и оглядываясь вокруг. Квартирка небольшая и тускло освещенная и напоминает мне пещеру. По всем стенам висят постеры, и мой взгляд сразу падает на тот, что с «Бризо». Это не я. И не из фильма. Это постер с обложки «Призрачного» — такой же висел у Кеннеди, когда она была подростком. — Думал, ты не был фанатом Бризо.

— Никогда этого не говорил, — заявляет Джек. — Я сказал, что фильмы дерьмо, и ты не заслуживаешь в них сниматься. Это другое.

Покачав головой, протягиваю ему бумагу от Клиффа.

— Вот расписание.

Он хватается его, когда плюхается на компьютерное кресло.

— Они оставляют тебе время для сна?

— Иногда, — отвечаю. — Мой менеджер немного жесткий человек.

— Почему ты миришься с этим?

— Потому что он хорош в своем деле, — признаю. — И потому, что я подписал контракт, в котором указано, что я согласен с тем, что он мне предлагает.

— На сколько рассчитан твой контракт?

— Он продлевается каждый год.

— Как анти-продлить его?

— Нет такого слова.

— Ох, просто ответь на вопрос, придурок.

— Я должен отправить заверенное письмо, что не хочу его продлевать.

Джек кивает, откладывая листок в сторону.

— Вспомню об этом, когда ты начнешь скулить, что не спал полгода.

— Ага, — отвечаю. — Спасибо, Джек.

Я ухожу, направляясь в отель в паре кварталов отсюда, стараясь избегать больших толп. Зайдя в лобби, громкие звуки, исходящие из бара, привлекают мое внимание. Там сидит Серена, окруженная людьми, с которыми общается. В ее руке стакан с алкоголем, пустая рюмка перед ней, поэтому не возникает вопросов, алкогольный напиток или нет.

Завтра на съемках она будет в ужасном состоянии.

Я разворачиваюсь, зная, что в разговоре с ней нет смысла, когда вспышка привлекает мое внимание. Мужчина делает фото, я его узнаю — репортер из «Хроник Голливуда».

— Эй! — направляюсь к нему, когда он пересекает лобби, чтобы уйти. — Эй, ты! Стой!

Парень не останавливается, продолжая идти на улицу.

Догоняю его на тротуаре и встаю перед ним, пытаюсь привлечь внимание, но все без толку. Серьезно? Стервятники кружат вокруг меня каждый день, пытаюсь разговорить, но

как только мне есть, что сказать, придурок сбегает?

Хватаю его за футболку и дергаю, вынуждая остановиться, прежде чем толкаю к стене здания, прижимая к ней. Он выглядит ошарашенным, вздернув бровь.

— Это нападение.

— А то, что делаешь ты — преследование.

— Я просто выполняю свою работу, — заявляет мужчина. — Не моя проблема — твоя неприязнь к тому, что моя работа включает в себя снимки того, как ты зло смотришь, пока твоя жена пьет в окружении мужчин.

— Я сказал тебе, что у меня нет жены.

— Но твои люди говорят совсем другое.

Хочу сказать, что мне плевать, что говорят люди, прежде чем до меня доходит смысл слов.

— Мои люди? Откуда ты берешь информацию?

— Извини, чувак, но эта тайна уйдет со мной в могилу, — говорит. — Я поставил свою подпись в контракте о секретности, и не собираюсь ее нарушать. Мои источники конфиденциальны.

Он и не подозревает, что свои словами подтверждает мои подозрения. Отсутствие пиара — плохой пиар. Девиз Клиффа. Он придумал Джонни Каннинга, персонажа, которого я должен был играть, и я разыгрывал перед ним представление о жизни, даже не осознавая, что каждый момент моего существования был частью сценария.

— Как дела у моей маленькой снежинки?

— Лучше всех! — радостно отвечает Мэдди в динамик. Я хотел связаться с ней по FaceTime, но она отказалась, сказав, что я не должен видеть ее костюм до спектакля. — Ты на пути домой?

— Еще нет, но скоро буду, — отвечаю, сидя в кресле в трейлере для укладки и грима, готовясь к последнему дню съемок. — Сначала нужно закончить работу.

— Но ты приедешь?

— Я же обещал.

— Пообещай еще раз.

— Обещаю, что приеду.

— Хорошо, папочка! — говорит Мэдди. — Пока!

— Подожди, Мэдисон, не вешай трубку! Я хочу... — пип-пип... — Поговорить с твоей мамой.

Жас смеется, когда я протяжно выдыхаю.

Она снова повесила трубку.

Открыв раздел текстовых сообщений, отправляю эсэмэс Кеннеди.

Мэдисон бросила трубку, прежде чем я смог сказать, что люблю тебя, поэтому... я люблю тебя.

Считается ли, когда ты говоришь это сообщением?

Отправляю ей смайлик, как маленький желтый человечек пожимает плечом.

Раз так, я тоже тебя люблю.

Пялюсь на экран телефона.

Снова и снова перечитываю сообщение.

Мое гребаное сердце готово вырваться из груди, когда пишу ответ:

Ты, правда, имела это в виду?

Ее ответ приходит моментально.

Эмодзи желтой девушки, пожимающей плечами.

Хочу продолжить разговор, но настроение портится, когда открывается дверь трейлера, и влетает Серена, а за ней по пятам ее ассистентка. Клифф идет за ними, и никто не выглядит счастливым этим утром. Утром, когда нас всех забирали из отеля, Серена не вышла и не отвечала, когда стучались в дверь ее номера. Поэтому Клифф остался там, чтобы найти ее.

Она опускается на кресло рядом, чтобы ей наложили макияж, но солнцезащитные очки остаются на ней. От нее исходит запах алкоголя, из-за чего я дергаю носом.

— Я не в настроении для этого, — говорит Серена. — Не понимаю, почему мы не можем отменить. Это всего один день.

— У них нет одного дня, — безапелляционно заявляет Клифф. — Уже и так много чего отменяли из-за Джонни.

— Джонни, Джонни, Джонни, — ворчит Серена, поворачиваясь в кресле ко мне. — Всегда все сводится к Джонни.

— Ну, он звезда, — говорит Жас.

Серена сердито фыркает, глядя на меня.

— Почему бы тебе не попросить отложить до завтра? Уверена, они сделают это для тебя.

— Этого не случится.

— Так и думала, — бормочет Серена, когда снимает очки и поворачивается к зеркалу, наклоняясь ближе, чтобы получше разглядеть лицо. В ее глазах полопались капилляры, кожа потная и болезненно-бледная. — Всем плевать, как я себя чувствую.

Знаю, что она пытается задеть меня, но спускаю это с рук.

Жас заканчивает со мной, и я встаю уходить, когда смотрю на телефон и вижу, что экран горит двумя сообщениями от Кеннеди.

Я это и имела в виду.

Я люблю тебя.

Хочу стоять на месте вечно, впитывая ее слова. Хочу раствориться в них, греться в них, но у меня нет времени. После того как иду в костюмерную и надеваю костюм, вероятно, в последний раз, отправляюсь в свой личный трейлер, чтобы провести несколько минут в одиночестве, когда слышу крики из гримерной. Серена злится из-за чего-то, а Клифф пытается ее успокоить.

Ее ассистентка наворачивает круги на улице, настолько расстроенная, что плачет.

Как только оказываюсь в своем трейлере, звоню Джеку. Гудки идут, и идут, и идут, и я уже хочу повесить трубку, когда он отвечает:

— Святое дерьмо, мужик, еще нет и восьми! Что тебе нужно в это время? Бекон?

— Мне нужно, чтобы ты приехал на съемочную площадку.

— Где вы сейчас?

— В Джерси.

— Нью-Джерси?

— Именно.

— Но мне не нравится Нью-Джерси.

Он хнычет.

Даю ему адрес и прошу приехать к полудню, прежде чем отключаюсь и кладу телефон на стол. Прихожу на площадку вовремя, а Серена опять опаздывает.

Мы ждем ее тридцать минут.

Долгое утро — эпизод за эпизодом, испорченный дубль за испорченным дублем. Начинаю злиться, в то время как Серена близка к срыву. Пока наблюдаю за ней и беспорядком, который она создает, понимаю, что вот каким я был все эти годы.

— Снято! — кричит помощник режиссера, и часть людей стонет, когда он продолжает: — Давайте возьмем десятиминутный перерыв, чтобы привести мысли в порядок.

Сразу после этого Серена бежит к Клиффу, они горячо спорят, прежде чем он уводит ее в трейлер. Жас подходит ко мне, прижимая палец к ноздре, и затем делает вид, что что-то нюхает.

Жас недалеко от истины, потому что к нам возвращается более бодрая версия Серены.

— Ты под кайфом, — говорю ей. Не вопрос, я уверен в своих словах.

Вместо того чтобы злиться, Серена ухмыляется и прижимает руку к моей груди:

— Ты тоже хочешь?

— Ты сумасшедшая? — Хватаю ее за запястье и отдергиваю руку. — В прошлом месяце у тебя был передоз.

— Заткнись, — шипит она, выдергивая руку из моей хватки. — Никто не знает об этом. Клифф обещал...

— Что сохранит это в секрете? Может, так и есть, но смысл не в этом. Тебе нужна помощь, Сер. Тебе нужно вернуться на реабилитацию.

Она сердито смотрит на меня.

— Я же сказала тебе, что в порядке. Я могу справиться этим.

— Мне нужно снова тебе напомнить, что у тебя был передоз?

— Это никак не связано с гребаным коксом, — рычит она. — Я просто проглотила пригоршню снотворного и уснула. Отвали от меня.

Стоп.

Какого хрена?

— Ты сделала это нарочно?

— Я устала, — отвечает. — Я уже преодолела это. Подобного больше не повторится.

Прежде чем могу ответить, нас зовут для съемки. Нам нужно всего пару дублей, но мне сложно сосредоточиться из-за слов Серены, в то время как она излучает энергию. Мы снова и снова проигрываем сцену, прежде чем, наконец, можем закончить.

Конец съемок.

Выдыхаю с облегчением, в то время как все подходят ко мне с поздравлениями.

Пытаюсь последовать за Сереной, чтобы поговорить, но Клифф преграждает мне путь со словами:

— Поздравляю.

Смотрю на него с подозрением, когда Серена направляется в свой трейлер.

— Спасибо.

— Ты не выглядишь счастливым, — заявляет Клифф. — Будешь скучать по костюму?

Пожимаю плечами, думая, что на самом деле буду. Я не буду скучать по стрессу, как остаться трезвым среди искушения ночь за ночью, но буду скучать по костюму, по персонажу, который изменил мою жизнь.

— Просто немного горько заканчивать, — признаюсь.

— Держу пари так и есть, — говорит Клифф, хлопнув меня по спине. — Но в твоём будущем еще много возможностей, Джонни. Раз ты не можешь прийти сегодня в четыре, продюсер хочет видеть тебя через полчаса, поэтому иди в костюмерную, а потом в свой трейлер, — мужчина начинает уходить, но затем медлит. — О, кстати, ранее охранник сказал мне, что пришел какой-то парень, заявив, что он твой ассистент.

— Уже? Сколько время?

— Почти час дня, — отвечает. — Ты, правда, кого-то нанял?

Мое сердце ухает вниз.

Прихожу мимо Клиффа, игнорируя его оклик, когда он пытается добиться ответа на вопрос. Миную охрану, замечая Джека, который выглядит между встревоженным и удивленным.

— Самое странное дерьмо, которое я когда-либо наблюдал в Джерси, — говорит он, оглядывая меня с ног до головы. — И это о чем-то говорит, потому что однажды я видел шимпанзе на роликах, и это было чертовски странно.

— Приму за комплимент, хотя знаю, что таковым это не является, — говорю, хватая Джека за руку, и заставляю следовать за мной. До Беннетт-Ландинг ехать примерно два с половиной часа, но у меня нет и двух часов. — Пожалуйста, скажи, что ты на машине.

Прежде чем Джек может ответить, слышу окрик Клиффа:

— Джонни! Куда ты?

— Ох, мужик, — Джек оглядывается на Клиффа. — Я твой водитель для побега?

— Что-то подобное, — подтверждаю. — Ты когда-нибудь играл в Grand Theft Auto?

— Каждый гребаный день, мужик.

— Хорошо, — отвечаю, продолжая идти, несмотря на то, что Клифф пытается нас догнать. — Если ты доставишь меня в место назначения, для тебя будет отличное вознаграждение.

Глаза Джека загораются, когда он вытаскивает ключи из кармана:

— Миссия принята.

Вокруг съемочной площадки собралась толпа, они пронюхали наше место нахождения и день съемок. Осматриваю территорию, ища путь обойти людей.

— Где ты припарковался? — спрашиваю, надеясь, что где угодно, но не на другой стороне улицы.

— На другой стороне улицы, — говорит.

Бл*дь.

Мне нужно пройти через толпу.

— Уверен, что, эм... не хочешь переодеться? — спрашивает Джек, смотря на меня

сконфужено.

— Нет времени.

Толпа замечает меня и начинает сходить с ума, из-за чего Клифф кричит громче, чтобы привлечь мое внимание, но я не останавливаюсь. Миную съемочную площадку, металлический турникет и перехожу дорогу, пока охранники пытаются сдержать толпу, но у них плохо получается. Поэтому мы с Джеком бежим, и я следую за ним к старому универсалу с облупившейся краской.

— Ты это водишь?

— Не все растут с трастовым фондом, — отвечает, хлопая рукой по ржавому капоту. — Это мое наследство.

— Я тебя не осуждаю, — говорю, останавливаясь перед машиной. — Просто эта машина больше подойдет домохозяйке из пригорода семидесятых годов.

— Звучит как осуждение, придурок.

Открываю пассажирскую дверь, чтоб забраться внутрь, когда рядом возникает Клифф, слегка задыхаясь, из-за пробежки.

— Куда ты собрался, Джонни? Ты уезжаешь?

— Я говорил, что мне нужно быть в другом месте.

— Это смехотворно, — говорит он со злостью в голосе. — Тебе нужно расставить приоритеты.

— Чертовски хорошая идея, — соглашаюсь. — Учитывая, что это мое заявление.

— Заявление?

— Я беру перерыв, — заявляю. — От тебя. От съемок. От всего этого.

— Ты совершаешь огромную ошибку.

— Ты так считаешь? — говорю, смотря ему прямо в лицо. — Потому что думаю, что я совершил ошибку, доверившись тебе.

Сажусь в машину и хлопаю дверь, оставляя злого Клиффа на тротуаре.

Джек заводит двигатель, смотря на меня.

— Так куда? На биржу труда?

— Домой, — отвечаю. — И мне нужно добраться туда как можно быстрее, потому что кое-кто меня ждет, и я не хочу ее разочаровать.

Время прощаться

Этот блокнот собственность Кеннеди Гарфилд

Единственные часы в небольшой квартирке отсвечивают голубым на старой микроволновке. Числа нечеткие и часто отстают, как будто иногда забывают продолжать отсчет.

Когда я уйду, на них 6:07. (Да, я. Эта часть истории вся моя. Нет смысла отрицать). Не уверена, сколько на самом деле время, но прошло около двенадцати часов с тех пор, как ты сказал эти грубые слова. Мне потребовалось полдня, чтобы собрать волю в кулак и уйти, зная, что пути назад не будет. Большую часть этого времени я пялилась на дверь, ожидая, что она откроется, ты войдешь и скажешь, что не имел это в виду.

Отрываю кусок бумаги с последнего листа моего блокнота и смотрю на чистые линии, которые должны были содержать еще больше нашей истории.

Прощай.

Единственное, что я пишу. Есть много чего, что хочу написать, но оставляю эти слова глубоко в себе. Кладу записку на кухонный стол рядом с микроволновкой. Беру несколько вещей, засовываю одежду и кое-что из воспоминаний в свой рюкзак, прежде чем иду на железнодорожный вокзал. Мне нужно время подумать.

Через три дня прибываю в Нью-Йорк. Я больше не та влюбленная семнадцатилетняя девушка, которая сбежала со своим парнем годы назад. Я двадцатиднолетняя женщина с разбитым сердцем, та, которая не знает, что является ее домом.

Таксист высаживает меня у тротуара перед двухэтажным белым домом в Беннетт-Ландинг. Отдаю ему последние пенни из своего кармана. Меня тошнит, и я измучена, очень сильно хочется плакать, но слезы не льются.

Идет снег, и мир снаружи кажется ледяным. Мой пиджак тонкий, я дрожу, ведь в Калифорнии все еще светит солнце.

Как только такси уезжает, открывается входная дверь дома и на крыльцо выходит мой отец, молча стоит и смотрит на меня. Он не удивлен. Знал, что я приеду.

— Кеннеди, это ты? — Моя мать выбегает из дома, чтобы обнять меня. — Не могу поверить, что ты здесь!

Из-за ее радости я испытываю головокружение. Ее пальто закрывает мне вид.

Она тянет меня в дом, мимо отца, который все еще ничего не делает и не говорит, но все в его взгляде. Мама хочет поболтать. Я просто хочу перестать испытывать ощущение, будто сейчас потеряю сознание.

— Можно мне где-нибудь полежать?

— Конечно, милая, — отвечает мама. — Ты знаешь, где твоя комната.

Моя комната осталась в таком же состоянии с момента моего отъезда. Ничего не изменилось, за исключением того, что на кровати свежее постельное белье. Они ждали меня, и не из-за предчувствия, что я когда-нибудь объявляюсь. Кто-то их предупредил.

Забираюсь под одеяло и, накрываясь им с головой, снова пытаюсь найти хоть какое-то тепло. Не хочу думать о том, кем может быть этот «кто-то».

Проходит три дня. Я не совершаю лишних движений. Меня тошнит, чувствую слабость, а мама продолжает проверять меня, принося воду и заставляя есть крекеры, или просто гладит меня по волосам и говорит, что все будет хорошо — делает все, что должна делать мать для своего ребенка. И я люблю ее, и знаю, что все это она делает из-за любви ко мне, но я хочу закричать на нее, потому что как можно любить кого-то настолько безоговорочно? Как она может смотреть на меня и улыбаться, и быть такой счастливой, что я вернулась, что я существую, когда у нее есть множество причин злиться из-за тех проблем, что я создала? Все ее бессонные ночи, стресс и беспокойство...

— Какой у тебя срок? — спрашивает мама на третью ночь, когда находит меня, свернувшуюся на полу ванной. Ее голос нежный, когда она садится рядом.

Я просто плююсь на нее.

Она нежно улыбается.

— Мама всегда понимает.

— Я не уверена.

— Хочешь об этом поговорить?

Открываю рот, чтобы сказать нет, потому что разговоры — это последнее, чего мне хочется. Но отрицание умирает на моих губах и выходит всхлипом, а дальше не могу остановить истерику. Мама притягивает меня и кладет голову к себе на колени. Слова

просачиваются из меня вместе со слезами, все страхи и ссоры, ложь и нарушенные обещания, негодование, которое росло, когда Джонатан был подхвачен ураганом и оставил меня позади, сражаться со штормом.

— Он звонил сюда, — рассказывает мама. — Пьяный. Твой отец ответил на первый звонок. Джонатан хотел узнать, слышали ли мы что-то от тебя. Сказал, что пришел домой, а ты ушла, поэтому решил, что ты можешь быть здесь. И он продолжал звонить, но твой отец не отвечал до сегодняшнего дня, когда сказал Джонатану, знает ли он, как для него будет лучше. Тот перестал звонить.

— Извини, — шепчу.

— Тебе не за что извиняться, — уверяет. — Я знаю, каково это. Твой отец самый лучший мужчина из всех, кого я знаю, но он ужасно пил. Алкоголь меняет людей, и нет никакого оправдания, но все же есть надежда. Они могут исправиться, но ты не можешь их изменить. Человек должен сам этого захотеть.

— Он не хочет.

— Может, нет, — продолжает мама. — Или, может, еще нет, твоему отцу понадобилось какое-то время. Но что бы он ни делал, я знала, что должна заботиться о себе... и о своем ребенке. И у меня нет никаких сомнений, что ты будешь делать то же самое, потому что ты моя дочь.

Услышав это, чувствую себя лучше. Не полностью, конечно, потому что будущее пугает, а мое сердце все еще разбито, и парень, которого я полюбила, исчез, но этого достаточно, чтобы собраться с силами и продолжать жить.

Проходит дни. Неделя. Месяц.

Наступает Новый год.

Собираюсь с духом посетить доктора. Я все еще на первом триместре. Мы с отцом особо не разговариваем, но он знает, что я беременна. Он называет это «любственное страдание».

Еще больше дней.

Я нахожу работу в продуктовом супермаркете, и ненавижу ее, но там мне дали много рабочих часов, а мне нужны деньги.

Еще больше недель.

Я становлюсь больше. Смотрю в зеркало, глажу живот, чувствуя выпуклость. Так странно. Сейчас внутри меня растет жизнь.

Доктор говорит, что это девочка.

У тебя будет дочь, Джонатан, а ты даже не знаешь. Ощущаю бабочек в животе, когда она шевелится, и мое сердце парит. Я все еще напугана, но когда чувствую ее, сквозь меня проносится ощущение безграничной любви, и я улыбаюсь.

Снова улыбаюсь.

Как будто, наконец-то, разобралась в смысле всего этого, в цели нашей истории — это она.

Еще больше месяцев.

Жизнь идет своим чередом. Наступает весна.

Я на седьмом месяце беременности, сижу на крыльце в одном из кресел-качалок, вся укутанная, чтобы не замерзнуть, когда появляешься ты. Черный таун-кар останавливается перед домом, и ты выходишь. Моя мать пытается остановить отца, чтобы он не выбежал из дома.

Издали ты выглядишь похожим на себя, но по мере приближения вижу, что глаза ошибаются. Раннее утро, солнце едва встало, а ты все еще не спал. Ты где-то посередине между пьяным и похмельем, можешь стоять на ногах, но ты не трезвый.

Хотя все еще такой же красивый. На тебе надет костюм, галстук ослаблен — проблеск твоего подросткового мятежа.

— Мы можем поговорить минутку? — спрашиваешь, останавливаясь рядом с крыльцом, и я почти смеюсь из-за выбора слов, потому что именно об этом я и просила.

Ничего не говорю, пялясь на тебя.

— Извини, — говоришь, твой голос дрожит от эмоций. — Извини, детка.

Ты никогда не узнаешь, но в этот момент я прощаю тебя. Не знаю на самом деле, за что ты извиняешься, но прощаю за все. Не говорю тебе этого, хотя бы потому, что делаю это не ради тебя.

Я делаю это ради нее.

Продолжаю молча смотреть на тебя.

Ты говоришь еще что-то, снова и снова о том, как ошибался, и как скучаешь по мне, и что не можешь спать, как тяжело приходиться домой, где нет меня, и все, о чем я могу думать, в процессе твоей речи, — это как сильно тебе нужно вырасти, Джонатан. Потому что каждое твое предложение наполнено «я», «мне», но ты больше не центр Вселенной.

Не в этой Вселенной.

— Так это правда? — спрашиваешь. — Ты беременна?

Отвожу взгляд и киваю, потому что ты заслуживаешь знать, но я не могу найти слов, чтобы сказать тебе об этом.

— Я вижу, — говоришь. — Ты вся светишься. Такая красивая.

Смотрю на тебя после этих слов.

— Вернись ко мне, — просишь. — Мне нужен еще один шанс, всего один. Мы не можем так закончить наши отношения. У нас ребенок, и я даже не знаю... Это мальчик? Девочка? Когда тебе рожать? Я ничего не знаю, но хочу. Поэтому поехали со мной. Пожалуйста. Теперь у меня есть деньги, и я позабочусь о вас.

Если кто-то читает это или будет читать, это тот момент, когда я растеряю своих читателей, и они скажут, что глупый персонаж испортил всю историю. И я понимаю, потому что огромная часть меня жаждет, чтобы ты был моим «долго и счастливо», но я не буду извиняться за свое правильное решение.

Встаю с кресла и спускаюсь с крыльца. Твой взгляд опускается прямо на мой живот, когда твои руки тянутся к нему. Я не останавливаю тебя, хотя сердце в моей груди обливается кровью. Твои глаза светятся, и я понимаю — боже, я понимаю — ты станешь отличным отцом, одним из самых лучших, и будешь любить эту девочку каждой фиброй своей души.

Но этого не случится, пока ты не будешь готов.

— Я люблю тебя, — шепчу три несказанных тобой слова, когда кладу руку поверх твоей на свой живот. — Больше, чем все на свете... кроме нее.

Смотришь мне в глаза.

— Это девочка?

Я киваю и медлю, прежде чем целую тебя, задерживая свои губы на твоих, позволяя тебе этот момент, и если быть честной, он и для меня.

Мне нужно собраться с духом в этот момент.

И когда у меня получается, я отстраняюсь и говорю:

— Ты должен уйти.

Смотришь на меня ошарашено.

— Мне нужно, чтобы ты ушел и не возвращался, пока тебе не станет лучше, — говорю я.

— Не прошу тебя... нет, умоляю... больше не возвращайся в таком состоянии. Ей нужен будет отец, настоящий, который будет любить ее больше, чем все остальное. В наших жизнях нет места зависимостям. Поэтому, пожалуйста... уезжай, Джонатан.

Захожу в дом, протискиваясь мимо отца, потому что не могу продолжать смотреть на Джонатана. Сажу на диване. Сажу и сажу, и сажу, и сажу. Мой отец все еще на пороге, наблюдает. И час спустя говорит:

— Он, наконец-то, ушел.

Это заняло у тебя час.

После твоего ухода, мама говорит:

— Я так тобой горжусь. Понимаю, это было сложно.

— Удивлен, что этот сукин сын учел ее желания, — говорит отец. — Он никогда не уважал мои, когда я просил его держаться подальше от моей дочери.

— Майкл, — говорит мама. — Не в это раз.

Он поднимает руки в жесте капитуляции.

— Я не удивлена, что он послушался, — продолжает она. — Он хороший парень.

Папа выпускает громкий смешок.

— Да, — настаивает мама. — Он просто зависим, и наша дочь была его первым кайфом.

Этот мальчик прыгнул бы под машину, если бы она его об этом попросила.

Папа переводит взгляд на меня.

— Я заплачу тебе пятьдесят баксов, если ты это сделаешь.

— Майкл!

— Боже, ладно, не кидайся на меня, женщина, — говорит папа, сжимая мое плечо, когда продолжает: — Я добавлю их на няньку.

Мама смеется.

— Ты будешь сидеть в роли бесплатной няньки, дедуля.

Он морщится, бормоча:

— Нужно прозвище получше.

Прежде чем папа уйдет, спрашиваю:

— Что заставило тебя исправиться?

Он вздыхает.

— Ты, ребенок.

— Я?

— Я испортил твой день рождения, — признается. — Забыл про него. Пришел домой пьяный, съел твой торт до тебя, отключился на диване и обмочился. Твоя мать вышла из себя и пыталась убить меня за это.

— Я не пыталась, — встревает мама. — Я вышвырнула его тем утром, но он не учел моего желания о его уходе.

— Скажу в свою защиту, я был пьян и забыл, что не должен был там находиться.

— Как это может быть в твою защиту?

— Полагаю, что нет.

— Как бы то ни было, я пригрозила ему, чтобы он больше не забывал.

— Я проснулся, а ты вылиwała на меня ликер, — объясняет отец. — Затем достала спички и пригрозила, что подожжешь мою задницу!

— Именно, — подтверждает мама. — Я пригрозила.

Смутно помню про торт, но про это вообще ничего.

— Так мама напугала тебя, и с тех пор ты трезвый?

— О, нет, какой бы она ни была устрашающей, это не тот случай, — говорит. — После того, как она убрала спички, я извинился перед тобой. Сказал, что сожалею, а ты сказала...

Он замолкает, поэтому мама продолжает:

— Ты сказала ему, что тебе все равно на его извинения, потому что он больше не твой отец. Ты решила, что тебе больше не нужен отец, потому что он всегда делает что-то плохое, за что потом извиняется, поэтому он может уходить.

— Тебе было всего пять, — говорит папа. — Ты не злилась. Ты просто отказалась от меня.

— Это стало последней каплей? А не то, что тебя пытались поджечь?

— Твоя мать пыталась меня убить, потому что любила и хотела вернуть своего мужа, — говорит отец, игнорируя попытку мамы сказать, что она не пыталась. — Ты решила, что больше меня не хочешь. Я был как сломанная игрушка, которая тебе не нравилась, поэтому ты согласилась со своей матерью, что ее надо выбросить. Я любил тебя, но не давал тебе причин любить меня. Мне нужно было измениться.

— Что должен сделать и Джонатан, — говорит мама.

— Посмотрим, — продолжает отец. — Но, эй, если мы больше не увидим его, разве это не взаимная выгода?

— Клянусь, Майкл, я сейчас возьму спички.

Родители шутят. Приятно видеть, что они счастливы, знать, что преодолели все трудности. Не могу представить жизнь, где мы не семья.

Глажу живот, ощущая легкие толчки, когда малышка перемещается.

Шесть месяцев превращаются в семь, и затем в восемь. Я работаю, ем и сплю. И так по кругу. Не успеваю опомниться, наступает лето. У меня девятый месяц беременности и нежные шевеления превращаются в полноценные удары ногой.

Воды отходят в назначенный срок, но мне все равно кажется, что еще рано. Я еще не готова. У меня есть кровать, подгузники и все, в чем нуждается малышка, но я еще не разобралась, как быть мамой.

Я в ужасе. Никогда не была так напугана. Мама рядом со мной, а мой отец в комнате ожидания, также пришла твоя сестра, так как она рада стать тетей, но тебя нет, и я знаю, что не будет. Говорила себе это каждый день. Но когда боль разрывает на части, а люди кричат, что я должна тужиться, тужиться, тужиться, я нуждаюсь только в тебе.

Я не могу сделать этого без тебя.

Не могу.

Не могу.

Не могу.

Но затем она с криком появляется на свет, и я плачу; в секунду, когда мне кладут ее на грудь, мир становится на свои места. Вот оно. На сто процентов уверена, что буду любить эту красивую малышку всю жизнь. До последнего вздоха буду делать ее счастливой, защищать от всех невзгод, потому что она самое лучшее в мире создание, и она плод нашей любви.

Наша дочь родилась в 18:07 четвертого июля. Мне рассказали, что на следующее утро, на рассвете, ты приезжал в больницу. Наша малышка была в детской, а я спала, пока была такая возможность. Ты направился прямо к ней, любуясь через стекло, как она спит.

Спросил у сотрудников о том, как тебе официально стать ее отцом, быть записанным в свидетельстве о рождении, но тебе сказали обсудить это со мной. Поэтому ты отправился в мою палату — или так мне сказали, потому что я тебя не видела. Дверь была открыта, и ты стоял в дверном проеме долгое время, наблюдая, как я сплю, прежде чем ушел.

Ты ушел, не взяв на руки нашу дочь.

Ушел до того, как узнал ее имя.

Ты этого не знаешь, но эту девочку.. Эту красивую малышку в розовой пеленке зовут Мэдисон Жаклин Гарфилд, и когда-нибудь ты познакомишься с ней. Когда-нибудь она назовет тебя своим отцом. И когда это случится, она украдет твое сердце, и ты получишь шанс, о котором просил. Но тебе нужно подготовиться, Джонатан, потому что она ждет. Не заставляй ее ждать долго, прежде чем найдешь свой путь домой.

29 глава

Кеннеди

Смотрю на часы в десятый раз за последние пять минут, протяжно выдыхаю и ерзаю на месте. Через три короткие минуты будет три часа дня.

— Он не придет, — заявляет Меган.

Она сидит справа от меня, а между нами пустое сиденье, оставленное для отсутствующего Джонатана. Я звонила ему дюжину раз за последние полчаса, но все, что слышала: вызываемый абонент недоступен.

Оправила ему несколько сообщений, попросила поторопиться, но ничего не получила в ответ.

— Он придет, — говорю. — Джонатан обещал.

— Лучше бы ему прийти, — заявляет папа с места слева от меня. — Если соображает, что хорошо для него.

Позади меня раздается покашливание, и знакомый голос заявляет:

— Если мы посчитаем, сколько раз Каннингем использовал свой мозг, то, вероятно, разочаруемся.

Я разворачиваюсь и вижу миссис Маклески, которая сидит и вяжет... да, вяжет. Я даже не уверена, почему она здесь. Это спектакль детсадовцев. Сканирую взглядом небольшую аудиторию и удивляюсь тому, как много людей пришло посмотреть на представление о погоде маленьких детей.

Снова посмотрев на миссис Маклески, спрашиваю:

— Что вы здесь делаете?

— Твой отец пригласил меня, — отвечает она.

Смотрю на папу, он пожимает плечами.

— Это важный день для моей внучки. Я хотел, чтобы люди знали о нем.

— Сколько людей ты позвал?

— Полгорода, — отвечает за него миссис Маклески.

Покачав головой, смотрю на часы.

14:59.

Снова звоню Джонатану, меня переправляют на голосовую почту.

Учительница выходит на край сцены, перед большим занавесом ровно в три часа.

Вздыхнув, я сдаюсь и убираю телефон. Больше ничего не могу сделать. Слышу, как дети перемещаются за занавесом, вставая на свои места, и все о чем думаю, как Мэдди расстроится, осознав, что ее папа не пришел.

Занавес открывается, спектакль начинается.

Мэдди стоит вдоль сцены в своем костюме — весь белый, состоящий из пушистой пачки и вырезанных из картона снежинок, привязанных к спине как крылья.

Она радостно улыбается и машет нам, но очень скоро замечает пустое место. Мой отец снимает на видео, и мне хочется его остановить, потому что не уверена, что ее разбитое сердце — это то, что мы захотим пережить снова, но не могу вымолвить ни слова. Не могу заставить себя сказать это.

Не могу заставить себя в это поверить.

Несмотря ни на что, я все еще верю в Джонатана.

Мэдди стоит на своем месте, больше не улыбаясь, всматривается в каждое лицо в зале. Она переживает и каждый раз, когда смотрит в моем направлении, становится печальнее. Один за другим дети выходят вперед, чтобы рассказать свои реплики. Когда очередь доходит до Мэдди, она не двигается.

Повисает неловкая тишина.

Учительница подталкивает Мэдди, что-то ей шепча. Мэдди делает несколько шагов вперед. Еще одна долгая пауза.

Она смотрит на меня.

Мне хочется забрать ее со сцены и обнять, чтобы она забыла обо всем этом, но вместо этого я улыбаюсь, надеясь, что ей это поможет.

Мэдди улыбается в ответ.

Как только она открывает рот, раздается громкий шум в задней части зала, когда резко распахивается дверь. Мэдди смотрит в том направлении, ее глаза расширяются и она верещит:

— Папочка!

По залу разносится шепот, люди начинают ерзать и оборачиваться на своих местах, в то время как Мэдди сбегает со сцены и бежит по центральному проходу так быстро, как может.

Я оборачиваюсь, обеспокоенная тем, что она убегает, и замираю, когда вижу его. О, боже мой.

Там Джонатан в костюме Бризо. Он делает несколько шагов вперед, сгребая Мэдди в объятия. Она обнимает его в ответ, пока он несет ее по проходу, игнорируя все взгляды. Замешательство. Шок. Неверие. Раздается пару смешков, пару вскриков и даже раздражение из-за того, что пришлось прерваться. А я? Пытаюсь не расплакаться в этот момент.

Джонатан ставит Мэдди на сцену и направляется сесть рядом со мной, шепча:

— Извини, что опоздал.

— Привет, ребята! — объявляет Мэдди, выпрыгивая в переднюю линию. — У чего шесть рук, и оно не похоже ни на что на свете?

Хор детей позади нее кричит:

— Снежинка!

— Это я! — говорит Мэдди. — Я падаю, и падаю, и падаю. Куда я направляюсь?

— На землю, — кричат дети.

Мэдди отступает назад, занимая свое место, и спектакль продолжается, будто ничего не произошло. Мэдди больше не обращает внимания на представление, смотря на своего отца, улыбаясь, как будто просто ждет, когда это закончится.

Учительница подталкивает ее, так как Мэдди пропустила последнюю строчку. Мэдди делает шаг вперед, и вижу, как она хлопает глазами. Она забыла реплику. Проходят секунды, затем еще, прежде чем Мэдди пожимает плечами.

— У меня есть строчка, но я ее забыла, — заявляет Мэдди. — Поэтому я буду импровизировать, как сказал папочка.

Люди смеются.

Джонатан качает головой.

Дети встают в линии и на поклон, но без Мэдди, потому что она снова сбегает со сцены. Джонатан встает, и подхватывает ее, когда она соскакивает сбоку, даже не удосужившись использовать ступеньки.

Мой отец останавливает запись, качая головой.

— С этим ребенком не бывает скучно.

— Я знала, что ты приедешь, папочка! — говорит Мэдди, когда Джонатан ставит ее на ноги. — Я хорошо сыграла?

— Лучше всех, — уверяет. — Извини, что пропустил начало.

— Все нормально, — она пожимает плечами. — Тебе все равно не нужно было видеть остальных.

Спектакль официально закончен, и все дети сходят со сцены, встречаясь со своими семьями. В зале хаос, что не удивительно, поскольку люди видят Джонатана.

Мой отец берет Мэдди за руку, чтобы отодвинуть от места большого скопления людей.

— Ты была великолепна, ребенок. Я горжусь тобой.

— Ты записал? — спрашивает она.

— Конечно!

— Могу я посмотреть? — спрашивает она, подпрыгивая. — Хочу увидеть!

Папа протягивает ей телефон, а сам идет к выходу, в то время как мы с Меган следуем за ним. Джонатан немного задерживается, раздавая парочку автографов по пути, прежде чем ему удастся присоединиться к нам снаружи.

— Каннингем, — говорит мой отец. — Рад видеть тебя.

— Я тоже, сэр, — отвечает. — Рад быть здесь.

Так радушно и не похоже на них.

Но я еще больше удивляюсь, когда они пожимают друг другу руки, и отец прощается с нами. Может, теперь он любящий дедушка и отец, который пытается стать лучше, а больше не соперник в политике, воспринимающий все лично.

Их истории тоже изменились.

Мы идем на парковку, и перед синим «Порше», даже не на нужном месте, стоит старый ржавый универсал, на капоте которого сидит уже знакомый парень. Джек.

— Ты успел? — спрашивает Джек, жуя чипсы из небольшой упаковки.

— Как раз вовремя, — отвечает Джонатан, погладив Мэдди по голове. — Ворвался прямо на ее реплике.

— Хорошо сработано, — одобряет Джек, глядя на Мэдди. — Так ты и есть его дочка? Много о тебе слышал.

— Кто ты? — спрашивает Мэдди, с любопытством глядя на него.

— Меня зовут Джек, — отвечает и протягивает ей пачку чипсов, предлагая угоститься.

— Чипсы?

Мэдди смотрит на пачку, затем переводит взгляд на Джонатана и громко шепчет:

— Он незнакомец? Потому что тогда ты должен съесть, на случай, если там яд.

— Они безопасны, — уверяет Джонатан. — Джек — друг.

Мэдди берет чипсы, улыбаясь.

— Вы лучшие друзья?

Джек морщится, отрицая.

— Я бы не стал заходить так далеко.

— Извините, мне очень жаль, — встречается Меган, указывая на своего брата. — Не хочу прерывать ваше общение, но какого черта на тебе это надето? Это сбивает меня с толку. Так... странно.

Джек смотрит на нее в изумлении, будто только сейчас заметил присутствие Меган, затем протягивает ей упаковку.

— Чипсы?

Меган смотрит на него, нахмурившись, и мне начинает казаться, что она ранит его чувства, но вместо этого она вытягивает руку, берет чипсинку и сует себе в рот.

— Мы поздно закончили съемки, — объясняет Джонатан. — Не было времени зайти в костюмерную. Черт, даже не было времени взять телефон из трейлера.

— Так вот почему ты не ответил на мои звонки, — говорю. — Я подумала, ты меня избегаешь.

Джонатан обнимает меня, притягивая к себе, и целует в макушку, шепча:

— Никогда.

— Он в буквальном смысле сбежал со съемочной площадки, — говорит Джек со смешком. — Самое странное, что я видел: чувака, одетого в спандекс, преследует мужик в строгом костюме. Это было так нелепо, как одна из сцен из глупого фильма про Бризо.

— Эй! — восклицает Мэдди, прищурившись. — Не говори так! Бризо не глупый!

— Да-да, — подталкивает ее Джонатан.

— Моя ошибка, — говорит Джек, снова протягивая пачку, как предложение примирения. — Еще чипсов?

Мэдди не медлит, выхватывая целую кучу, из-за чего многие из них падают на землю. Джек шокировано смотрит на них, перед тем как заглядывает в пачку и переворачивает вверх дном — внутри пусто.

— Ты не заслужил ни одну, — говорит она ему. — Только если ты любишь Бризо, я могу тебя угостить.

— Ах, это грязная игра, — отвечает Джек. — Считается, если я люблю комикс?

Мэдди обдумывает это вариант, прежде чем протягивает ему одну сломанную чипсинку. Он съедает ее, пока Меган пялится на него.

— Итак, Джек, откуда ты знаешь моего брата? Ты же не был его... дилером кокса?

Глаза Джека расширяются, когда он смотрит на нее.

— Твой брат?

— Это моя тетя Меган, — говорит Мэдди, доедая остатки чипсов.

— Меган Каннингем, — представляется Меган, протягивая руку, представляясь. — Мой брат не жалуется нашу семью, поэтому не удивлена, что он не упомянул меня.

Джек пожимает ее руку.

— О, он упоминал о тебе. Он просто забыл сказать, что ты такая красивая.

Меган хлопает глазами, захваченная врасплох, ее щеки розовеют, в то время как Джек целует тыльную сторону ее ладони. О, боже мой, она покраснела.

— Эм, спасибо, — отвечает она, убирая руку.

— И я не был его дилером, — говорит Джек. — Хотя, вероятно, при таком раскладе уже был бы богат, поэтому, наверное, хотел бы, чтобы было так. Но нет, я помогал этому засранцу трезветь, а это неблагодарный труд.

— Я всегда тебя благодарю, — спорит Джонатан.

Джек машет рукой.

— Как угодно, чувак.

— Так, ты тренер по трезвости, — говорит Меган.

— Скорее, стажер, — говорит он. — Мне не платили за это. Но думаю, должны были. Я имею в виду, ты когда-нибудь имела дело с этим парнем?

Джонатан смеется.

— Ты же в курсе, что я здесь?

— Невозможно тебя не заметить, — говорит Джек. — Учитывая, что ты одет как на Коми-кон.

Меган смеется, как будто находит это забавным.

— Было здорово, но я должна идти. Мэдди, мой банановый хлебушек с корицей, ты была великолепна. Спасибо, что пригласила. Увидимся позже, ребята, — она разворачивается и оглядывается на Джека. — Была рада познакомиться, Джек. Надеюсь, увидимся.

— Можешь на это рассчитывать, — заявляет Джек, когда Меган уходит. Он наблюдает за ней какое-то время, прежде чем поворачивается к Джонатану, вздергивает бровь и кивает в сторону Меган.

— Это может быть моим вознаграждением?

— Даже не думай об этом, — грозит Джонатан.

— И не собираюсь думать, — говорит Джек, спрыгивая с капота машины. — Я собираюсь действовать.

— Удачи, — говорю я, пока Джонатан бурчит себе под нос, сердито наблюдая, как Джек догоняет Меган.

— Что он делает? — спрашивает Мэдди, глядя на меня.

— Думаю, он хочет пригласить тетю Меган погулять.

Ее глаза расширяются.

— На свидание?

— Ага, — подтверждаю.

— О, скажи ей, что она красивая! — кричит Мэдди, подпрыгивая. — И возьми цветы! Верно, папочка?

— Верно, — говорит Джонатан, хотя не выглядит таким же радостным насчет этой идеи, как Мэдди.

— Почему бы нам не оставить их в покое и отправиться домой? — предлагаю.

— Домой, — говорит Джонатан. — Звучит здорово.

Новенький голубой блокнот лежит на журнальном столике, сверху него гелевая ручка, чернила почти закончены, потому что я много ею пользовалась.

Джонатан замирает в передней части гостиной.

— Вижу, ты получила мой подарок.

— Конечно, — отвечаю, обнимая его сзади и прижимая голову к его спине. — Спасибо.

— Всегда пожалуйста, — отвечает он, поворачиваясь ко мне лицом и обнимая.

Он держит меня в своих объятиях, и такое ощущение, что я растворяюсь в его руках, его тепло поглощает меня. Могу привыкнуть к этому.

Привыкнуть, что он рядом.

— Как долго ты будешь здесь? — спрашиваю, боясь возможного ответа, что он приехал только на время. Он ничего не привез: ни одежду, ни даже телефон.

— Я сказал тебе перед отъездом, — отвечает. — Я здесь, пока буду желанным.

— Это не конкретный ответ, Джонатан.

— Почему нет?

— Потому что я хочу тебя с тех пор, как мне исполнилось семнадцать. Говоря это, ты обещаешь вечность. Мне нужен реальный ответ.

Джонатан затихает на мгновение, затем кладет свою голову поверх моей и спрашивает:

— Что не так с вечностью?

— Ничего, — отвечаю. — Так долго, как именно это ты имеешь в виду.

— Ты согласишься, если я пообещаю?

— Да, — шепчу. — Вот что мне нужно.

Джонатан вздыхает и ослабляет свою хватку, чтобы посмотреть на меня. Он изучает мое лицо, когда легкая улыбка трогает его губы.

— Возможно, я разрушил свою карьеру сегодня.

Я хлопаю ресницами.

— Что?

— Долгая история, — говорит. — Но просто не могу продолжать.

— Но это твоя мечта.

— Мечты меняются, — заявляет. — То, как я жил, приносило мне страдания. Хочу вернуть свою прежнюю жизнь и вернуть ее, потому что потратил впустую слишком много времени. Никогда не откажусь от актерства. Вот, кто я есть. Но не только это. Еще я отец, и также хочу быть мужчиной твоей мечты. Если для этого нужно будет играть в местном театре, то буду. Так долго, как буду возвращаться домой к тебе, чем буду Джонни Каннингом без тебя. Поэтому, если ты хочешь вечности, черт побери, она будет у нас.

Мое сердце барабанит в груди, как будто собирается выскочить. Мне хочется так много всего сказать, но не знаю, с чего начать. Вина. Страх. Радость. Целый рой бабочек трепещет у меня в животе.

— Вечность.

Он кивает и шепчет:

— Я обещаю.

— Та-да! — кричит радостно Мэдди, разрушая момент, ворвавшись в комнату, одетая в костюм Бризо. Мы дома десять минут, а она уже отказалась от снежинки. — Посмотри, папочка! Мы одинаковые!

Джонатан смеется.

— Да.

— Пойдем, — говорит она, хватая его за руку и потянув за собой. — Мы можем поиграть, потому что теперь мы дома!

Джонатан смотрит на меня в замешательстве.

— Идите, — машу им. — Веселитесь без меня.

У него выходит быстро поцеловать меня, прежде чем Мэдди уводит его в свою спальню. Они играют часами, прервавшись только на сэндвичи на ужин.

Уже темно к тому времени, как Джонатан появляется на кухне. Он обнимает меня сзади и целует в шею. Я хихикаю, когда мурашки расползаются по моей спине.

— Вы закончили с игрой в Бризо?

— Я только начал, — говорит он, развернув меня к себе лицом. — Мэдди спит, поэтому, думаю, твой черед немного повеселиться. Помню, что однажды пообещал сделать что угодно, чтобы ты увидела меня в этом костюме.

Мое лицо горит.

— Ты помнишь это?

— Конечно, — уверяет. — Только по этой причине я прослушивался.

— Ты рассказывал, что менеджер сказал тебе не идти.

— Сказал, но я послал все к черту. Он заявил, что у меня нет шансов, но ты верила в меня, поэтому я рискнул, и посмотри на меня сейчас.

Я едва могу заставить себя посмотреть на него. Для меня все это кажется нереальным. Как будто моя самая дикая фантазия смешалась с реальностью, а разум не можем привыкнуть к этой мысли. Как это может быть по-настоящему? Провожу рукой по широкой груди Джонатана, ощущая гладкий материал под ладонью.

— Ты оставишь его?

— Не должен, — признается Джонатан. — Они могут даже позвонить в полицию, потому что я забрал костюм.

— Хм-м, тогда нам нужно использовать его по возможности, пока мы можем.

— Вероятно, — соглашается.

Я визжу, когда Джонатан сгребает меня в объятия и поднимает. Обхватив ногами его талию, цепляюсь руками за него, пока он несет меня в спальню. Дважды он чуть не роняет меня, материал костюма настолько гладкий, что я почти соскальзываю. Хохочу, когда мы добираемся до кровати, и Джонатан нависает надо мной.

Он целует, нетерпеливо срывая с меня одежду, лаская руками каждый сантиметр моего тела. Я вся извиваюсь от нахлынувших ощущений.

— Тебе придется расстегнуть костюм, — просит Джонатан. — Я не могу сделать это сам.

— Хм-м, что скажешь, если я откажусь, тогда у тебя не будет выбора, и ты будешь носить его всегда?

— Именно об этом я и прошу.

— Так зачем мне тебе помогать?

— Потому что я не могу трахнуть тебя в этом костюме, — говорит он. — И у меня есть странное предчувствие, что ты хочешь быть оттраханной сейчас.

Из-за этих слов мое тело будто охватывает огнем, который покрывает каждый сантиметр кожи. Я вытягиваю руку и расстегиваю молнию на костюме Джонатана, стягивая его настолько низко, насколько могу.

Он снимает костюм до конца, пытаясь не рассмеяться. Ему нужно почти десять минут, чтобы полностью избавиться от него и снова забраться на кровать.

— Вроде как, испортил настрой, да? — спрашивает со смешком. — Испортил почти десять лет фантазий за несколько минут.

— Это требует некоего мастерства, — говорю. — Но если ты будешь хорош, я тебя прощу.

— Я могу сделать это, — бормочет Джонатан мне в губы, нависая надо мной, толкаясь в меня в медленном ритме. Он занимается со мной любовью, отдавая всего себя, не спеша.

Всю ночь напролет, снова и снова, он доводит меня до края, превращая в дрожащий, потный беспорядок. Утренний свет уже начинает пробиваться сквозь шторы, небо снаружи освещается. Я лежу, пялясь в потолок, в то время как мои мышцы не способны функционировать.

Джонатан покрывает поцелуями мой живот, опускаясь ниже и ниже, поглаживая рукой внутреннюю часть моего бедра, и от этого легкого прикосновения мое тело покрывается мурашками. Я только подумала, что больше не могу вытерпеть, как...

— О, боже.

Когда я снова расслабляюсь, тяжело дыша, Джонатан целует внутреннюю часть моего бедра, нежно прикусывая. Смеясь, я отталкиваю его и сжимаю свои бедра. У меня нет энергии для настоящей борьбы.

— Ты определенно прощен, — шепчу. — Это было... вау.

Смеясь, Джонатан падает на кровать.

— Слава богу, потому что я истощен.

— Как и я, — отвечаю. — Даже не думаю, что доберусь до душа.

— Я тоже. Черт, у меня даже нет одежды, которую могу надеть. И не могу позвонить Джеку, чтобы он привез одежду.

— Хм-м, думаю, что знаю один способ, как его найти, — говорю, хватая телефон с тумбочки. — Могу позвонить твоей сестре.

Прежде чем могу набрать номер, Джонатан выхватывает телефон из моей руки и бросает его на пол.

— Я не хочу и думать о том, что в такое время он может быть где-то с моей сестрой. Лучше останусь голым.

Смеюсь, прижавшись к нему, и оставляя легкий поцелуй на его груди.

— Я люблю тебя, Джонатан.

— Я тоже тебя люблю, — он обнимает меня и шепчет: — Ты королева, детка.

Эпилог

Год спустя

Клик. Клик. Клик.

Непрерывные вспышки камер были яркими и ослепляющими, когда десятки фотографов пытались увековечить момент. Сотни, а может, и тысячи фанатов выстроились в линии у металлических ограждений на улице у знаменитого голливудского театра. Люди дежурили здесь днями, отчаянно желая оказаться частью этого — красной ковровой дорожки «Бриз».

Бум. Бум. Бум.

Сердце Джонатана колотилось с бешеной скоростью, эхом отдаваясь в ушах. На протяжении многих лет он посетил огромное количество мероприятий и мог сохранять спокойствие, но сегодня был нервным. Не из-за себя, а из-за нее. Маленькая девочка, одетая в красивое розовое платье, выбранное ее мамой, цеплялась за его руку. Это был ее первый раз в Голливуде, впервые она была включена в эту часть жизни своего отца.

Он не хотел, чтобы ей вскружило голову впечатлениями.

— Джонни! Джонни! Сюда! — люди кричали, пытаясь привлечь его внимание. — Сюда! Налево! Направо! Джонни, подожди! Остановись здесь! Подними голову!

Проходя пару шагов, они снова остановились для позирования, затем Джонатан наклонился до одного уровня с дочерью и улыбнулся ей, пока камеры продолжали снимать.

— Ты в порядке? — прошептал.

Она кивнула, улыбаясь, ее глаза сверкали под светом прожекторов.

— Я снова снежинка, поэтому не могу никого слышать.

— Хорошая девочка, — ответил. — Просто продолжай улыбаться.

Джонатан опустил голову и поцеловал ее в щеку, и сразу же охи и ахи окружили их. Девочка со звездочками, сияющими в глазах, украдала все внимание, как только они вышли из лимузина.

Клик. Клик. Клик.

Они продолжали идти по дорожке, позируя, до того как кураторы отправили их на медиа площадку. Интервью. Их он ненавидел больше всего, так как приходилось отвечать на вопросы, часть которых доставляли неудобства.

— Дамы и господа, мужчина, которого вы ждали, звезда ночи — Джонни Каннинг! — миниатюрная блондинка-репортер ослепляюще улыбнулась, когда Джонатан скользнул на круговую платформу, присоединившись к ней для прямой трансляции. — Как твои дела сегодня, Джонни?

— Прекрасно, — ответил. — Рад быть здесь.

— Должна сказать, ты выглядишь действительно изумительно, — объявила репортер. — От тебя будто исходит сияние, возможно, это как-то связано с маленькой девочкой рядом с тобой?

— Без сомнения, — ответил он. — Я самый счастливый в мире человек.

Вопросы. Очень много вопросов.

Он отвечал на все, что мог.

— До того как ты уйдешь, мы должны спросить, — сказала репортер. — Утром было объявлено, что комикс про Бризо будет продолжен. Есть шанс, что мы увидим тебя в этом костюме снова для нового фильма?

Он улыбнулся.

— Сейчас я просто наслаждаюсь своей семьей, но, конечно, не собираюсь исключать такой возможности.

Снова и снова сыпались вопросы — некоторые личные, но в основном нет. Он переходил от репортера к репортеру.

Тап. Тап. Тап.

Джонатан опустил голову, так как Мэдди потянула его за штанину, чтобы привлечь внимание, когда они покинули медиа площадку. Далее ему нужно было раздать автографы фанатам и затем пройти в кинотеатр, посмотреть «Бризо».

— Папочка, посмотри, это Марианна.

Он повернулся, посмотрев в направлении того, куда показывала его дочь, и увидел, что Серена Марксон позирует со своим спутником — новое голливудское открытие Жерард Джексон. Клиффорд Кэлдвелл стоит рядом с ними, наблюдая. Пару недель назад Джонатан официально разорвал контракт с женщиной, как только его действие закончилось, и подписал с другим менеджером, который понимал, что приоритет для него — семья.

Джонатан развернулся, раздал автографы, поболтал и сделал несколько снимков, прежде чем повел Мэдисон по дорожке к входу в кинотеатр.

Клац. Клац. Клац.

Туфли Мэдисон клацали по мраморному полу, когда они подошли к небольшой группке в лобби, объявляя об их прибытии. Его команда, все новые — новый менеджер, новый пиарщик, даже новый адвокат. Он оставил своего агента, и с ним также был Джек, но все остальные требовали замены. Все они были слишком испорчены Клиффордом Кэлдвеллом.

Мужчина, который однажды также пытался соблазнить его любимую женщину. Джонатан узнал об этом, прочитав длинную историю в старом блокноте. Он прочел каждое слово, не важно, насколько было больно. Все, что не знал, узнал и понял сейчас.

Кеннеди стояла среди толпы, одетая в простое черное платье. Бриллиант на ее левой руке сверкал под прожекторами кинотеатра, пока она рассеянно крутила кольцо.

Она нервничала... Слишком нервничала, чтобы ступить на красную дорожку.

Когда думала об этом, у нее сводило желудок.

Джонатан продал свой особняк в Лос-Анджелесе и купил дом в Беннетт-Ландинг, ниже по дороге от «Ландинг Инн», отчего они стали соседями с миссис Маклески. Он сделал предложение спонтанно, и, к его удивлению, Кеннеди согласилась, даже не обдумывая. На мгновение он забеспокоился, что, возможно, они торопятся, но затем понял, что это не имеет значения.

Он и так потерял слишком много времени.

И не собирался тратить больше ни секунды.

Тик-так. Тик-так.

— Мы можем поговорить минутку? — спросила Кеннеди, когда он оказался в толпе возле нее. Люди непрерывным потоком заходили в кинотеатр.

— Конечно, — ответил Джонатан, обнимая ее за талию и притягивая к себе, вытянув свободную руку, чтобы показать новому менеджеру, что нужно подождать, когда мужчина почти прервал их. — Что случилось?

— Ничего не случилось, — ответила она, улыбаясь, ее разрумянившиеся щеки сияли. И до того как она успела открыть рот снова, прежде чем смогла произнести хоть слово, он уже понял, но от этого не был менее шокированным, когда его жена прошептала: — Я беременна.

Больше книг на сайте - Knigolub.net